

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАЛТО-
СЛАВЯНСКИЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
КОНТАКТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛТО- СЛАВЯНСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1980

Сборник посвящен этноязыковым связям балтов и славян в прошлом и настоящем и содержит статьи по этимологии, фонетике, акцентологии, исторической ономастике, интерференции диалектов в условиях двуязычия, фольклористике. Особое внимание уделяется лингвистической ситуации на территории нынешнего литовско-славянского этноязыкового пограничья (д. Поляса Вороновского р-на Гродненской обл. БССР).

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Т.М. СУДНИК

В. Н. ТОПОРОВ

VILNIUS, WILNO, ВИЛЬНА: ГОРОД И МИФ

К 400-летию университета
в Вильнюсе

Можно предполагать, что основная и наиболее общая идея того периода, который сейчас принято называть неолитической революцией, заключалась не в смене общественно-экономических форм существования (переход от присваивающего хозяйства к промысловому, т.е. от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию), а в попытке выхода из рамок космологического природного бытия, определяемого некими вне человека и человеческого общества находящимися сущностями, в новый способ существования, в котором инициативу и ответственность за свое будущее брал на себя сам человек: "Man makes himself", по слову Чайлда¹. Этот шаг требовал исключительной отваги и был связан с величайшим риском, поскольку, оставляя космологическое бытие, человек еще не вступал в бытие историческое, которое обеспечило бы его новыми гарантиями, перспективами и стимулами. Диалогу между Я и Ты² грозил обрыв. Человек, выходя из состояния прежней укрытости, защищенности и надежности, лишался партнера в диалоге, с которым привык соотносить себя, и вступал в terra incognita, в состояние неопределенности, неуверенности, незащищенности, обреченности и падшести, с точки зрения космологической эпохи. В этом новом состоянии все строилось на вызове, бросаемом судьбе, на некоем зыбком и динамическом равновесии между силами добра и зла, между Небом и Преисподней, на идее связи между ними. Это средоточение имело свой образ, возникший именно в эту эпоху, — мировое дерево. Много позже поэт точно опишет суть и смысл сделанного человечеством выбора:

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

Основным результатом этого неолитического переворота было, по всей вероятности, создание г о р о д а ("предгорода")³ и осознание самой идеи городского поселения,

¹ Таково название книги Г. Чайлда, в которой впервые появилось и само выражение "neolithic revolution" (London, 1939, p. 74 ff.).

² См.: Buber M. Ich und Du. Leipzig, 1923.

³ Раскопки последнего времени в Чатал-Гююке, Хаджиларе, Мерсине и т.п. (Анатолия), Иерихоне, Гассуле и т.п. (Палестина) позволяют, по-видимому, говорить о появлении городов уже в VII-VI тысячелетии до н.э. Тем более бесспорно это для следующих тысячелетий (ср. Месопотамию, Иран, Египет и т.д.). Ср.: Mellaart J. Earliest Civilizations of the Near East. London, 1965; Idem. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967;

феномена города. Именно в этом типе человеческой организации конфликт с прежними условиями и принципами существования принял наиболее острые и трагические формы. Впервые человек избирает тот парадоксальный, как бы против самого себя направленный способ бытия, когда он не пашет и не пасет, но, оторвавшись от природы (естественно-природного), может создавать богатство и новые условия своей жизни из н и ч е г о, даром (по крайней мере, с космологической точки зрения), т.е. из самого себя, по своей воле (своеволие как нарушение космологического закона), по своим желаниям и потребностям (отсюда мотив эгоистичности города) с помощью ремесла, обмена, торговли⁴ - впервые без санкции природы и космических сил, на смену которым, их оттесняя, строится, уплотняется и усложняется духовный покров жизни - н о о с ф е р а и такие ее проявления, как "персонализация", становление личности, дискурсивно-логическое мышление, быстрое увеличение различных знаковых систем, соотносимых друг с другом, новые формы одухотворенности ("психизм"), нравственность, исходящая из духовных начал, и т.п. (ср. идеи В.И. Вернадского и П. Тейяр де Шардена). Человек как "острие стрелы эволюции" находит в феномене города наиболее адекватную форму своего существования в развивающемся и меняющемся мире⁵; он надолго связывает с городом (и только с ним) идею прогресса, процветания, благополучия, шанса как такового, хотя проклятость и трагичность города, специально его падшесть и развращенность⁶, бездны, в нем раскрывающиеся, и небесные кары, его ожидающие в эс-

хатологических концепциях, почти всегда укоренены в самой внутренней сути города, в его структуре. И чем больше, богаче и многославнее город, тем страшнее его судьба в урбанистических откровениях с древних времен и до наших дней (ср. тему Вавилона, Рима, Константинополя, Петербурга и даже противопоставляемой всем им Москвы как исключения из правила). Достаточно лишь обозначить некоторые вехи этого взгляда. Ср., с о д н о й стороны, апокалиптическую тему грешного города и свершающегося над ним возмездия: "подойди, я покажу тебе суд над великою блудницей, сидящей на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле...; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульных, с с е м ь ю г о л о в а м и с десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотами блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, В а в и л о н великий, мать блудницам и мерзостям земным... Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель...⁷ С е м ь г о л о в с у т ь с е м ь г о р ⁸, на которых сидит жена, и с е м ь ц а р е й... Жена же, которую ты видел, есть в е л и к и й г о р о д, царствующий над земными царями... И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделалась жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу... И восплачут и возрыдают о ней цари земные, блу-

⁴ Kenyon K.M. Archaeology in the Holy Land. N.Y., 1960; ср. также: Брейтес В. От Шанидара до Аккада. М., 1976 и др. Следует, однако, здесь и далее помнить, что сказанное о смысле неолитической революции (и, в частности, о городе) должно пониматься не столько в плане определения количественно (и даже реально) преобладающих элементов новой организации, сколько в плане открытия еще одного (по сравнению с предшествующим периодом) варианта решения основной стратегической задачи, стоящей перед человечеством, и, следовательно, оформления некоей а л ь т е р н а т и в ы. Значение неолитической революции, как можно думать, и состоит прежде всего в осознании принципиальной важности альтернативного решения. Возможно, это определение допускает и более сильную формулировку, но в данном случае оно может рассматриваться как вполне достаточное. И еще одно ограничение: имея в виду проблему ранних городов, позволено принимать в расчет не всю неолитическую эпоху, а хотя бы ее заключительный период.

⁵ Связь этих институций с определением первых городов правильно подчеркивается В.М. Массоном (Пути неолитической революции. - В кн.: Поселение Джейтун. Л., 1971, с. 147 и др.).

⁶ Разумеется, известны и такие формы городского существования, которые ориентированы на застойность, но такая установка едва ли совместима с идеей великих городов.

⁷ Этот аспект был подчеркнут в докладе Вяч.Вс. Иванова (июнь 1976 г., сектор структурной типологии Института

славяноведения АН СССР). Здесь же затрагивался вопрос и о неолитической городской цивилизации Малой Азии. К образу города-блудницы ср. историю Содомы и Гоморры, а также принадлежность к женскому роду таких названий города, как др.-греч. πόλις, лат. urbs, др.-инд. pur и т.д.

⁸ Город не только стоит над бездной и представляет собой место, где связи с ней, с и н ы м царством осуществляются легче и полнее всего. Вместе с тем город толкуется и как место встречи с богом (Вавилон как 'Врата бога' - Bab-ili), центр земли, где проходит axis mundi. Именно здесь рукой подать и до неба (На Красной площади земля всего круглей...). Таким образом, город оказывается отмеченным дважды - благословением неба свыше и благословением бездны долу, будущего и прошлого. Город ориентирован и на то и на другое. Он живет переработкой одного в другое (из энтропии он создает новый космос), и в этом смысле он осуществляет медиацию противоположностей, определявших модель мира еще в космологическую эпоху. Этот "синтетический" способ существования города не может не привести к космополитизму великих городов.

⁹ Ср. семь холмов Рима (Septimontium, Septemgemma Roma, 'Επτὰ λόφῃ 'Εῳμη), Константинополя, Москвы; в некоторых мифологизированных описаниях Вильнюса также говорится о семи холмах. Ср. в связи с цитируемым местом также с е м ь ц а р е й в Риме, семь сыновей Гедимины, легендарного основателя Вильнюса, и тяготение к включению самого Гедимины в семичленную цепь первоначальных литовских князей.

додействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара ее, стоя издали от страха мучений ее и говоря: горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! ибо в один час пришел суд твой ... ибо в один час погибло такое богатство ... И, видя дым от пожара ее, возопили, говоря: какой город подобен городу великому! И один сильный Ангел взял камень ... и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его. И голоса играющих на гуслях, и поющих и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе; и голоса жених и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы. И в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле" (17-18). - И с другой стороны, уже в начале нашего века:

Denn, Herr, die großen Städte sind
verlorene und aufgelöste;
wie Flucht vor Flammen ist die größte,
und ist kein Trost, daß er sie tröste,
und ihre kleine Zeit verrinnt ...

(R.M. Rilke.

Das Buch von der Armut und vom Tode, 1903..

Эти кары, обрушивающиеся на город, суть зримые образы возмездия за разрыв с природой, за своего рода фаустовскую сделку с иным царством, за кровь и убийство, легшие в основание города⁹, за беспредельное отклонение от друтого града, уже не земного¹⁰. Но этим отрицательным аспектом не ограничивается смысл города. Наряду с процессом отчуждения от природного и духовного, их овеществлением и омертвлением, "падением", возрастанием непрямы модусов отношения к миру (ирония, скепсис, "остроумие", категория "интересного" и т.п.), происходит обратный ему процесс развеществления, освобождения от материального наличествования, процесс одухотворения и антропоморфизации элементов вещного мира. Применительно к теме города этот положительный аспект находит свое отражение в появлении интереса к тому, что раньше было лишь негременным условием городской жизни, ее не имеющей знаковой функции рамкой. Помещения внутри дома (комната, лестница, дверь, порог), сам дом и то, что вне дома (двор, улица, переулок, площадь), не только начинают привлекать внимание создателей большой литературы (Бальзак, Диккенс, Досто-

евский и др.)¹¹; согретые теплом человеческого отношения, они (элементы города) начинают соотноситься и соразмеряться с самим человеком¹², возвращая ему полученное ими тепло. Впервые появляется не только интерес к городу, но и индивидуальное отношение к нему и дифференцированный и индивидуализированный подход к разным частям города¹³, приводящий к семантизации этих различающихся частей, к усиленному "вживанию" новых смыслов и созданию более высокого уровня одухотворенности, к появлению мифологии города. В этих условиях античный *Genius loci* принимает облик *Genius urbis* или *Spiritus urbis*. Этим и предопределяется "власть места" (в городе), его магическая сила, порождающая со второй половины XIX в. тот "топографический энтузиазм", о котором писали Вернон Ли и ее соотечественники. Именно это чувство гонит человека в хаос городских вавилонов, где он ищет и часто находит возмещение духовных недостатков и - более того - иногда переживает моменты высшего духовного просветления¹⁴. Откровения

¹¹ В этой связи нельзя забывать о вкладе в эту тему "готического романа" и его продолжателей (Уолпол, Анна Радклиф, Мэтьюрин и др.), немецких романтиков (особенно Гофмана) и, наконец, французской "неистовой" школы (Гюго, Жанен, Сю и др.) и Сент-Бева как теоретика топографического метода. Урбанистическая литература и искусство второй половины XIX в. и далее вплоть до наших дней составляют уже следующий этап того же процесса семиотизации города и его элементов.

¹² Ср. образы "спиритуализованных" домов, комнат у Диккенса (напр., дом Нелли в "Лавке древностей") или у Достоевского. Ср. в более широком контексте:

Saget, Steine, mir an, o sprecht, ihr hohen Paläste!
Straßen, redet ein Wort! Genius, regst du dich nicht?
Ja, es ist alles beseelt in deinen heiligen Mauern,
Ewige Roma ...

(Römische Elerien, I)

Интерьеры нидерландской и голландской живописи XIV-XVII вв., как и итальянские опыты - и этого же рода и относящиеся к образу идеального города (ср. "Prospettiva di citta ideale" Пиетро делла Франческа, Урбино), - один из самых существенных этапов на пути, приведшем к соотносению города и жилища со сферой духовного.

¹³ В высшей степени поучительно, что внимание обращается прежде всего (а иногда и исключительно) на те места города, где убожество, нищета, страдание, горе концентрируются особенно густо, можно сказать, максимально.

¹⁴ Речь идет об особом состоянии воспринимающего сознания, когда ему вдруг все становится видно и ведомо (откровение). В эти моменты пространственно-временной коалиннуум приобретает свойство всепроницаемости, "космизированности". Все угнетающее человека бесследно исчезает, и он приходит в состояние эйфории, высшего освобождения, когда кажется, что весь этот мир ... в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон... ("Слабое сердце" Достоевского). Ср. многочисленные примеры такого прорыва человеческого сознания в связи с Петербургом в "петербургском тексте" русской литературы (особенно у Достоевского).

⁹ Уже Ромул четко сформулировал свой взгляд на природу города: "u r b e s ... e x i n f i m o n a s c i ; dein, quas sua virtus ac dii iuvent, magnas sibi opes magnamque nomen facere ..." "города ... рождаются из самого низменного, а потом уже те из них, кому помощью собственная доблесть и боги, достигают великой силы и великой славы (имени)" (Tit. Liv. I, 9).

¹⁰ "Создали две любви, два града: град земной - любовь к себе до презрения к богу; град же небесный - любовь к богу до презрения к себе" (S. Augustin. De Civitate Dei XIV, 28).

являются уже не при раскатах грома и не при свете Фаворском. И сама идея бессмертия, оторвавшаяся от своих природно-вегетативных источников и форм воплощения, начинает находить свое выражение в городе. Острое сознание трагического аспекта города уже само по себе определяет его высокую устремленность и внутреннюю направленность на благо. Город ведет человека и обучает его самому себе. Поэтому исследователь города, как и социолог и архитектор, не может пройти мимо психотерапевтической функции города¹⁵.

Эти общие рассуждения в известной мере определяют тот контекст, в который укладывается тема этой статьи и некоторых других, соотношенных с данной и посвященных мифам об основании великих городов¹⁶. Предполагается, что в совокупности эти статьи образуют цикл, объединенный не только общей темой, но и одной исходной идеей, истоки которой определяются особенностями мифопоэтического сознания в преддверии его кризиса.

* * *

С Вильнюсом в целом, как и с отдельными его урочищами, святынями и иными зданиями, устойчиво связываются многочисленные мифы и легенды¹⁷. Их появлению и сохране-

¹⁵ Но сама эта функция для своей естественной реализации нуждается в сохранении должной степени сложности, гетерогенности, неопределенности (даже частичной непредсказуемости) городских структур и их эффектов. Жесткое и механическое соотношение человека с основными параметрами обитаемого им пространства, установка на максимальную прагматичность в решении задачи "человек в городе", иначе говоря, легкость и автоматичность экспликаций в системе "человек-город" (Ле Корбюзье и его последователи), подрывает самое идею духовной регенерации человека г о р о д о м (а не помимо его, вопреки ему). Попытка отсечь, исключить аспект связи города с бездной (хотя бы в бодлеровском варианте), с противоестественным, т.е. "антиприродным" (и, следовательно, греховным) характером и самого города и акта его основания, лишает город важнейшего средства духовного воспитания человека, а человека - тех вдохновений и откровений, которые исходят из города, взятого именно во всей полноте его противоположностей.

¹⁶ Ср.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. - В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 109-120 (о Киеве, Кракове, отчасти Вильнюсе; настоящая статья предлагает вариант дальнейшего развития и уточнения выводов этой совместной работы), далее - Миф. назв. 1976; Топоров В.Н. Фрак. Восточков в индоевропейской перспективе. - В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 136-150 (О Византии-Константинополе); предполагаются также статьи о Москве и Петербурге. Обильны попытки аналогичного подхода к теме Рима, о чем отчасти см. ниже.

¹⁷ Ср. также такие места в Вильнюсе, как Кальвария, Вифлеем и т.д. и связанные с ними обряды.

нию во времени благоприятствуют и способствуют не только некоторые выдающиеся особенности топографии города и структура того механизма, который закрепляет и перерабатывает эти особенности на семиотическом уровне, но и густота и сложность того духовного слоя, связывающего город с человеком, о котором говорилось выше. В этой ситуации сам город открывается навстречу любой мифопоэтизирующей интенции, и создается впечатление, что сам город генерирует свои мифы и легенды¹⁸, которые даже при попытках их опровержения (как, напр., в случае виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия или четырнадцати францисканских монахов, принявших мученическую смерть при Ольгерде) не теряют своего семиотического значения. При скудости собственно исторических свидетельств о ранней истории Вильнюса (во всяком случае, при постоянной, можно сказать, принципиальной недостаточности верифицируемых исторических фактов), при многочисленных в истории города случаях пространственных переносов наименований и/или стоящих за ними реалий, при временных поворотах (своего рода ситуационные рифмы в историческом пространстве¹⁹) и т.д. - мифы и легенды о Вильнюсе приобретают некий особый, промежуточный статус, при котором мифологизированная история почти не отличима от историфицированной мифологии. В этих условиях все мифологическое апеллирует к опыту исторических осмыслений, а все историческое охотно ложится в рамки мифологических структур. Так складывается некое целое, которое едино, несмотря на то, что оно отдано во власть двум разнонаправленным силам, по крайней мере в том, что касается мотивировок исторических событий. Сказанное относится не только к "первоначальной" эпохе, времени основания Вильнюса, первых государственных объединений на территории Литвы, первых князей. Разнонаправленность историко-политических тенденций ранней польской историографии, русского и литовского (или литовско-русского) летописания в том, что касается указанных тем, несомненна; более того, история литовско-русского летописания позволяет, иногда от текста к тексту, вскрыть конкретные причины и стимулы соответствующих переработок летописных текстов (или отдельных диалектистических их частей), восходящих в принципе к общему (или даже единому) источнику²⁰. Не менее интересно, что тот же дух витает над темой Вильнюса уже в другой, науч-

¹⁸ См. о них: Zahorski W. Podania i legendy wileńskie. Wilno, 1925; Vingis P. Vilniaus padavimai. Kaunas, 1931; Chodyncki K. Legenda o męczeństwie czterech franciszkanów w Wilnie. - Atheneum Wileńskie, 1927, r. 4, z. 12; Idem. Geneza i rozwój legendy o trzech męczennikach wileńskich. - Ibid., 1927, r. 4, z. 13; Dobaszewska W. Legenda wileńska o Kasperze Bekieszu. - Gonić Poranny, 1939, № 44; Jurginis J., Merkys V., Tautavičius A. Vilniaus miesto istorija. Vilnius, 1968, с. 30-31, 33-36 (далее VMI) и т.п.

¹⁹ Примеры и осмысление их см. в библейской тетралогии Томаса Манна "Иосиф и его братья".

²⁰ Ср., напр.: Ючас М.А. Литовское великое княжество во второй половине XIV - начале XV в. и борьба литовского народа за независимость. Автореф. канд. дис. М.,

но-исторической традиции (ср. труды Т. Чацкого, М. Балинского, Т. Нарбута, Ю.И. Крашевского и др.)²¹, порождающей свои мифы и легенды с тем, чтобы позже и они стали предметом разоблачения или критики²². Наконец, здесь же уместно сказать еще об одном обстоятельстве, ставящем историю Вильнюса (а отчасти и Литвы) в особые условия. Наличие в самом Вильнюсе уже с первой половины XIV в., когда его имя впервые надежно свидетельствуется источниками, разных культурно-языковых элементов (литовского и славянского, позже - еврейского)²³, как и исторические перипетии, выпавшие на долю Литвы, то чрезвычайно расширявшей свои государственные границы, то, напротив, поглощавшейся другими государственными образованиями, - определили известную независимость и даже некоторую обособленность "разных точек зрения в связи с одной и той же исторической реальностью. Если русские летописи помещают в "Список городов русских"²⁴ Вильно, Ковно, Троки, Кернов, Крево, Вилькомирье, Моишиогалу, Мединики и т.п., то для Гедимины или Витовта литовскими городами были и Полоцк, и Минск, и Смоленск, и Туров, и Чернигов, и Киев²⁵. Эта двоякая включенность многих городов этого

ареала, в частности и Вильнюса, подтверждаемая время от времени совершенно реальными историческими событиями, создавала дополнительные условия для "удвоения" исторических фактов и их интерпретации, актуализируя их условность, некоторую неопределенность, мифологичность²⁶.

В этой статье предстоит коснуться некоторых вопросов, связанных с ранними версиями возникновения Вильнюса, все время помня ту специфику источников, о которой говорилось выше.

I

Памятники, в которых содержатся ранние версии легенд об основании Вильнюса, относятся в основном к XVI и даже к XVII вв., и лишь очень немногое может быть почерпнуто из текстов конца XV в.²⁷ Само же название города появля-

Христиану, 1254 г.), то Гедимин уже король литовцев и (многих) русских. Ср.: Gedeminne, letwinorum et multorum ruthenorum rex - 1322 г.; Gedeminne, dei gratia letphnorum ruthenorumque rex, princeps et dux Semigallie - 25 января 1323 г., 26 мая 1323 г. (трижды), 22 сентября 1324 г. Сходным образом называют Гедимины в посланиях к нему (Illustri principi domino Gedemyn de dei gratia lethwinorum ruthenorumque regi ... в "Послании Гедимины Совету города Риги", до 2 октября 1323 г.; Excellenti et magnifico viro Gedeminne, letwinorum et multorum ruthenorum regi... в "Послании Гедимины папы Иоанна XXII" от 1 июня 1324 г.) или в посланиях о нем (...magnifici principis domini Gedemini, lethwinorum et multorum ruthenorum regis... в заявлении Лессе, посла Гедимины, от 2 марта 1326 г.). Характерно, однако, что в договорных документах Гедимин называет себя королем Литвы: ср.: Gedeminne, de koning van Lethowen... (Договор с Орденом и др. от 2 октября 1323 г.); Det is de vrede, den de mester van Lifland unde de koningh van Lettowen hebbet ghemaket ... (Торговый договор с Орденом от 1 ноября 1338 г.). Ср. также русские княжеские роды, восходящие к Гедимины, - гедиминовичи.

²⁶ Следует учесть и роль фактора поликонфессиональности. Ср. сообщение посланцев папских легатов (1324 г.): ...et christianos facere deum suum colere secundum morem suum, ruthenos secundum ritum suum, polonos secundum morem suum et nos colimus deum secundum ritum nostrum...

²⁷ Ср. первую версию римского происхождения литовцев, принадлежащую Длугошу. Согласно ей, имя литовской столицы, как и названия двух рек, на которых она стоит (Вильня и Вилия), обязаны своим происхождением основателю города, выходящу из Италии, посетившему многие страны, князю Виллосу. См.: Długosz J. Dzieła wszystkie, t. 4. Kraków. 1868, с. 446. Ср. также: Item Wilia, cuius fons circa villam Kamyen... Item Wylna, cuius fons circa villam Lawarzynsky, ostia in Wiliam [Bap. in villa] circa civitatem Wylna;

1956; Он же. Русские летописи XIV-XV вв. как источник по истории Литвы. - Lietuvos TSR Mokslų Akad. darbai, 1958, ser. A, 2(5), с. 69-82; Hellmann M. Zu den Anfängen des litauischen Reiches. - Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1956, Bd. 4, S. 159-165; Пащуто В.Т. Образование литовского государства. М., 1959, с. 9-77 (далее - ОЛГ) и прежде всего, конечно, Lowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. 1-2. Wilno, 1931-1932.

²¹ Менее всего хотелось бы здесь ставить под сомнение научную честность и объективность этих авторов. Речь идет лишь об особенностях самой темы, в той или иной степени определяющих ее описание.

²² Отсюда - немалое число фальсифицированных источников или таких, относительно которых трудно ответить, фальсифицированы они или нет. Яркий образец первого рода - рукопись Верчинского (или Антона Рыдлы) об оборонительных стенах Вильнюса, см.: Lowmiański H. Sfalzowany opis obwarowania m. Wilna. - Atheneum Wileńskie, 1925, r. 3, z. 9, с. 82-94; Merkys V. Vilniaus miesto gynybiniai įtvirtinimai 1503-1805 metais. - In: Iš lietuvių kultūros istorijos, 2. Vilnius, 1955, с. 191-213 (далее - LKI). Об оборонительной стене в Вильнюсе см. теперь: Juciėnė I., Levandauskas V. Vilniaus miesto gynybinė siena. Vilnius, 1979.

²³ С существенно различными топографическими схемами Вильнюса не только в том, что касается номенклатуры, но и в том, что касается отношения между главными и второстепенными элементами городского пространства.

²⁴ Находится в дополнительных статьях Археографического списка Новгородской Первой летописи и относится, видимо, к концу XIV в. См.: Тихомиров М.Н. "Список русских городов дальних и ближних". - Исторические записки, 1952, т. 40, с. 214-259.

²⁵ Если Миндовг называет себя королем Литвы (Mindowe, dei gratia rex Lettowiae... Жалованная грамота епископу

ется существенно раньше. Первое надежное упоминание Вильнюса содержится в послании Гедимины от 25 января 1323 г. гражданам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кельна (ср. характерное добавление в связи с римской темой: *Colloniensi, ceteris vero vsque Romanis*...): ... *vnam de ordine predicatorum sciatis nos infra duos annos erectam in ciuitate nostra Vilna de nouo. Quas vero de ordine minorum vnam in Vilna ciuitate nostra predicta, allam in Noggardis* ... *Datum in ciuitate nostra Vilna* ...²⁸. Упоминаемый пятнадцать раз в "Cronica Terrae Prussiae" Дюсбурга между 1305 и 1330 гг. *castrum Gedemini (Jedemine)*²⁹, несмотря на попытки Фойгта, Карамзина и других связать его с Вильнюсом, не может быть отождествлен с замком Гедимины в Вильнюсе, так как речь идет о "territorium Lethowie dictum Pograudam" в Жемайтии (SRP I, 170). Даже описания "De combustione suburbii de castro Gedemini" (22 мая 1324 г.) и "De exustione castri Jedemini et suburbii" (1330г) относятся не к вильнюсскому замку Гедимины. Что касается более ранних упоминаний названия города, то они в высшей степени ненадежны или даже являются плодом той мифологизирующей тенденции, о которой говорилось выше. В Воскресенской летописи (первая половина XVI в.) название города упоминается в записи под 1129 г. (6637 г.), в рассказе о происхождении Миндовга

Item W y l n a, honore episcopali et arce editori praedita, duobus fluminibus W y l n a et V i l i a illam a parte utraque ambientibus foecunda ... (см.: Joannis Dlugosii seu Longini Canonici Cracouiensis Historiae Polonicae libri XII, t. 1. Cracoviae, 1873, p. 23, 52).

²⁸ См.: Gedimino Laiškai, parengė V. Pašuta ir I. Štal. Vilnius, 1966, с. 31, 35. Формула *Datum in ciuitate nostra Vilna* повторяется не раз в сокращенном виде, ср. с. 45, 57 (*Datum Vilna*), 171 (*Datum Wilno*). В мирном договоре Гедимины с Орденом и т.д. (2 октября 1323 г.) эта же формула дана в старонемецком варианте: *Desse bref is utgegeven uppe unsemme hus to de V i l n e* ..., с. 75. Ср. также повторения уже цитированного отрывка в послании Гедимины от 26 мая 1323 г. монахам-миноритам: ... *quibus iam ereximus duas ecclesias, unam in civitate nostra regia, dicta V i l n a, allam in Novgardia* ... с. 53. В сообщении посланцев папских легатов (1324 г.) еще раз упоминается Вильнюс: ... *venimus in ciuitatem suam Vilnam* ..., с. 117.

²⁹ *Scriptores Rerum Prussicarum*, I. Leipzig, 1861, p. 170, 183, 189, 190, 217 (далее - SRP). Другие упоминания о Вильнюсе в орденских документах - SRP II, 1863, p. 642 (Wigand von Marburg; ср. там же хронику Борнбаха); SRP III, 1866, p. 165 (Johan von Posiige); *Monumenta Medii Aevi Historica*. Codex epistolaris Vitoldi, Cracoviae, 1882, p. 196, 1009. Описание города см.: SRP III, 443, 448 (Gilbert de Lannoy); *Przewodnik J. Opisy Wilna aż do połowy wieku XVII-go*. - *Athenaeum Wileńskie*, 1923, t. z. 3-4; 1924, II, z. 5-6, и др.

и его водворении в литовской земле: Миндовг был сыном мовколда, первого князя Вильнюса; сам Мовколд был сыном ростислава Рогволодовича, полоцкого князя, бежавшего после захвата Полоцка Мстиславом Владимировичем в Царьград; жители Вильнюса, не желая платить дань угорскому королю, пригласили детей Ростислава Рогволодовича в свой город (ПСРЛ XVII, 164-165, ср. 253). Это место из Воскресенской летописи соответствует "Началу государей Литовских" (ПСРЛ XVII, 593, по списку XVI в. Румянц. музея № 348), "Предословию о великих князех Литовских", откуда они пошли ... (ПСРЛ XVII, 601, по списку XVI в. Румянц. музея № 349), "Родословие великих князей Литовских" (ПСРЛ XVII, 613, по рукописи Археогр. ком. XVIII в. № 40)³⁰. Ср.: В лето 6637. Прииде на Полотцкие князи на Рогволодовичи князь великий Мстислав Володимирович Монамашь и Полотецкь възьлз, а Рогволодовичи забегали в Царьградъ. Литва в ту пору дань дааше княземъ Полотцкимъ, а владоша своими гедманы, а города Литовские тогда, же суть ныне за кралемъ, обладаны князми Киевскими, иные Черниговскими, иные Смоленскими, иные Полотцкими. I оттоле в ильн а³¹ приложися дань даяти королю Угорскому за страхование великого князя Мстислава Володимировича, и в ильн а не възьлз собѣ іс Царьграда князю Полотцкого Ростислава Рогволодовича детей: Давила князя да брата его Мовколда князя. I тои на В и л ь н е первый князь Давиль, братъ Мовколдовъ большой ... А у Мовколда князя сын Миндовг³² (ПСРЛ XVII, 593). Явная хронологическая путаница в этом месте Воскресенской летописи и в других сходных источниках (так, Миндовг отнесен к XII, а не к XIII в.) и многие другие противоречия, как и поздняя дата составления этих источников, не позволяют считать это упоминание Вильнюса надежным³³. Явно вторично-мифологическое по

³⁰ Здесь это известие ошибочно помещено под 6636 г.

³¹ Вильня по Виленскому списку, Вильна по Академическому.

³² В Лавр. лет. под 1129 г. в то же лето потоци Мстиславъ князь Полотцкыѣ Цѣрогороду с женами и с дѣтьми. В "Рифмованной Хронике" имя отца Миндовга не указывается, хотя и сообщается, что *den vater was ein kunie groz*. См.: *Livländische Reichchronik*, hrsg. von L. Mey-er. Paderborn, 1876, S. 146, v. 6383. В "Списке Выховца" отцом Миндовга назван Ринголт: у pomoze Boh velikomu kniazii Ryngoltu ... у żył mnoho let na Nowohorodcy u umre, а po sobi zostawił syna swoieho na kniazienij Nowhorodskom Mindowha (ПСРЛ XVII, 481); сам же Ринголт римского происхождения - от Палемона (он же Apolon, Pilemon), см. ниже.

³³ Впрочем, и в орденском документе от 1409 г. сообщается, что Миндовг жил в Вильнюсе; см.: *Codex Epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae* (1376-1430). Cracoviae, 1882, p. 996-997. Иногда выдвигается мнение, согласно которому *Voruta* (Вороута. Ипат. лет. 1253) и есть Вильнюс. Ср.: *Batūra R. XIIIa. Lietuvos sostinės klausimu*. - *Lietuvos TSR Mokslų Akad. darbai*, 1966, ser. A, 1(20). К этимологии *Voruta* см.: *Būda K. Rinktiniai raštai*, I. Vilnius, 1958, с. 131-136. Ср.: *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi Macieja Strykowskięgo. Wydanie nowe, będące dokład-*

своему характеру следует считать упоминание Вильнюса и Тракай в виде *Velni* и *Tryk* у Снорре Стурлусона ("Хеймскрингла"), о чем писал Т. Чацкий, а вслед за ним в течение многих десятилетий почти все историки Вильнюса³⁴. Однако ни *Velni*, ни *Tryk* нет в "Хеймскрингле". Точно так же не спасает положения и ссылка на имена двух братьев Одина в саге об Инглингах – *Ve* и *Vilt*³⁵. Более сложную ситуацию содержит стих 78 из так называемого "Каталога народов", входящего в состав одного из ранних памятников англосаксонской литературы "Widsith" ('многостранствующий', по первому слову текста). Среди стран, народов и народов, с которыми будто бы познакомился автор, упоминаются:

75. Med Sercingum ic was and mid Seringum.
Mid Creacum ic was and mid Finnum and mid Casere,
se þe winburga gewæld ahte,
76. W i o l e n a and v i l n a and Wala rices³⁶.

Иногда *violena* and *wilna* понимаются в литературе, посвященной Вильнюсу, как обозначение Велюны и Вильнюса (*Veluona* и *Vilnius*)³⁷. Действительно, оба этих замка, видимо, были старым наследием великих князей литовских: первый – в Жемайтии³⁸, второй – в Аукштайтии. Однако ука-

nem powtorzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, t. I. Warszawa, 1846, с. 368 (далее – Stryjk.): zabudował zamek, który przekopem i wałem obwarował (: *Voruta*).

- ³⁴ Czacki T. Dzieła, t. 1. Poznań, 1844, с. 17; *Idem*. O litewskich i polskich prawach. Kraków, 1861, с. 16. Последний раз о посещении Снорре Литвы и упоминании им Вильнюса писалось в 1941 г. (Исторический журнал, № 2, с. 43). Ср. резкую критику: Ридзевская Е.А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. – КСИИМК, 1945, 11, с. 53.

- ³⁵ Ср. в "Видении Гюльви" из "Младшей Эдды": "... и она родила ему троих сыновей: одного звали Один, другого – В и л и, а третьего – В е" (т.е. 'жрец'). См. также VMI, с. 30.

- ³⁶ Widsith. A study in Old English heroic legend. By R.W. Chambers, M.A. Cambridge, 1912, p. 212. В рукописи: *wiolane ? wilna*. Чтение *wiolena* принадлежит Ригеру, см.: Rieger M. Alt- und angelsächsisches Lesebuch nebst altfriesischen Stücken. Gießen, 1861, S. 57–61.

- ³⁷ Правда, Велюона была построена в 1291 г. (ср. у Дюсбурга под этим годом: Eodem anno in festo pasce Lethowini edificaverunt in eodem territorio Junigede castrum, vocantes ipsum eodem nomine. – SRP I, 154; позже Junigede обозначалось как *Welun*, *Wilona*), а основная рукопись "Widsith" восходит к X в.; впрочем, "Каталог народов" считают более поздней интерполяцией.

- ³⁸ Для Ягайлы и Витовта во время процесса с Орденом в 1412 г.: castrum V e l u n a...fuit et erat patrimonium verum et legitimum ac naturale dominium dictorum principum Lithwanie. – In: Lites ac res gestae inter Polonos Ordinemque cruciferorum, II. Poznań. 1892, p. 138; ср. ОЛГ, с. 264.

занная строка 78, как и весь окружающий ее текст, весьма далека от ясности. Достаточно напомнить, что *violena* and *wilna*, начиная с Я. Гримма, многие считают апеллятивами (Kemble, Ettmüller, Müllenhoff, Rieger, Wülcker, Grein, Kluge, Holthausen и др.). Правда, уже Лео предположил рассматривать эти слова как племенные обозначения и переводил строку 78 как "Der Walchen und Walchinnen und des Walchenreiches"³⁹, но уже сам этот перевод, как и ряд других, предлагавшихся позднее, утверждает в мнении, что трактовка *violena* and *wilna* как 'Велюна и Вильнюс' не более чем одна из возможностей среди многих других⁴⁰.

Если оставить в стороне сомнительные случаи употребления названия Вильнюса, то оказывается, что наиболее ранние из надежных примеров позволяют восстановить в качестве исходной формы названия города **Vilna*, за которой могут скрываться и [**Vilna*] и [**Viln'a*]. Следовательно, раннее название города совпадает с названием реки *Vilnia*, ср. такие названия реки (или озера) и города одновременно, как *Akmėnė*, *Alvitas*, *Dysnė*, *Galšidė*, *Lamėstas*, *Lydė*, *Nova*, *Pelesė*, *Širvintė*, *Šventupis*, *Upyna*, *Ventė*, *Višakis* и т.п.⁴¹. Факт совпадения названий реки и города в рассматриваемом случае не является новостью; то же можно сказать и о языковом осознании этого совпадения уже на заре истории этого города. Напротив, существенным и, видимо, нетривиальным нужно считать указание на то, что такое нулевое словообразование (река → город) является, во-первых, наиболее древним способом внутритопонимического (и – шире – внутриономастического) словопроизводства и, во-вторых, характерным именно для мифопоэтических моделей названия, отражающих известную нерасчлененность производного и производящего и – что в данном случае важнее – места (*locus*) и деятеля, связанного с этим местом, обычно создающего это место (*Genius loci*)⁴². Оба этих вывода имеют непосредствен-

- ³⁹ См.: Leo H. Altsächsische und Angelsächsische Sprachproben. Halle, 1838, S. 75–85, 251–255. – В понимании этих слов как собственных имен за Лео следовали также многие ученые более позднего времени.

- ⁴⁰ Вообще существенно иметь в виду повторение сходного звукового комплекса в стихе 78: *w-l(n)– ... w-ln– ... w-l ...*

- ⁴¹ См.: Балвичиконис Й. Названия литовских населенных пунктов, образованных от названий рек и озер. – LP VII, 1959, с. 240–241.

- ⁴² Многочисленные типологические параллели из архаичных традиций (напр., из австралийской) учат тому, что различие в единой форме местного (река, гора, селение и т.п.) объекта и соответствующего деятеля искажает истинную перспективу, то исконное соотношение, которое предносится архаичному сознанию. Впрочем, не только ему. "Genius Loci. Некое божество, великое ли, малое, смотря по обстоятельствам, и всегда требующее молчаливого поклонения. Но, ради бога, нисколько не олицетворение ... Думать о странах и городах в человеческом образе это, по опыту всех риториков, значит не думать о них вовсе. Нет, нет, Genius Loci, подобно всем достойным поклонения божествам, – это сущность нашего сердца и ума, существо духовное. Что же до его

ное отношение к дальнейшему. Нужно заметить, что и другие названия, встречающиеся в ранних версиях легенд о происхождении Вильнюса, указывают на тот же мифопоэтический контекст, который уже забрезжил в связи с названием города и реки, протекающей в нем.

* * *

Ниже будут частично рассмотрены два круга легенд, связанных с предьсторией Вильнюса (цикл Швинторога) и с его основанием (цикл Гедимины).

Характерные образцы версий "швинтороговского" цикла можно найти в западнорусских летописях и в "Хронике" М. Стрыйковского. В западнорусских летописях четырежды излагается полный вариант истории Швинторога/Свинторога⁴³. В качестве образца можно привести версию списка Археологического общества с указанием некоторых существенных отклонений в других списках.

О князати Литовском Швинторозе снѣ Оутенусовѣ¹

По смрти Ринкголтѣ жалючи гсдрѣ своего прироженного і оуздѣли собе гсдрем князѣ Литовскаго і Жомойтскаго снѣ Оутенусова. с Китаврасу Швинторога² кнѣзю Швинторогу на Новгородцы і на Руских городех.. і отец его кнѣзь великии Литовскии і Жомойтскии Оутенус оумре і снѣ ег Швинторог по смрти оца своего начнет кнѣжити на великом кнѣзстве Литовском і Жомойтском і Новгородском і Руском. и оуородил Швинторог снѣ Кирмонта³. і оберет великии кнѣз Швинторог мѣсто на пущи велми хорошо подле реки Вели где река Вилна оупадывает оу Велю. і просил снѣ своего Скирмонта, абы на том мѣстѣ было жглищѣ оуочинено⁴ где бы его мертвого сожгли. і приказал снѣ своему абы по смрти его на том мѣстѣ где бы ег зжог і всих кнѣзей Литовских: і знаменитых бодр сожено было, і што бы вжо нигде инде телеса мртвых не были со-

видимого воплощения, то - оно сам город, сама местность, как она есть в действительности; черты, речь его - это форма земли, наклон улиц, звуки колоколов или мельниц и больше всего, быть может, особенно выразительное сочетание города и реки, отмеченное Вергилием, "реки, омывающей стены старого города". *Fluminaque antiquos subterlabentia muros*. - См.: Вернон Ли. Италия. Избранные страницы. М., 1914, с. 17-18.

⁴³ См.: "Список графа Красинского" (Лѣтописецъ великого кнѣзства Литовского и Жомойтского), "Список Археологического общества" (Кроиники великаго княжства Литовского и Жомойтскаго), "Список графа Рачинского" (Лѣтописецъ великого княжства Литовского и Жомойтского), "Еврейновский список" (Книга великого княжства Литовского и Жомойтскаго) - ПСРЛ XVII, 227-238, 239-294, 295-356, 357-412. Соответственно - Крас., Арх., Рач. и Евр. Кроме того, Швинторог/Свинторог упоминается еще в пяти местах западнорусских летописей уже в связи с Гедимином и его охотой на месте будущего города, см. ниже.

жены толко там бо и перед тым жыгали тела мртвых на том мѣстѣ, хто где оумрет. і приказавши тыи слова снѣ своему Скирмонту, великии кнѣзь Швинтор и оумре.

О великом кнѣзе Скирмонте⁵.

Великии кнѣзь Скирмонтъ⁶ зостал по оцѣ своему на великом кнѣзстве Литовском і Жомойтском, і Руском. і подлуг оца своего приказаню, на том мѣстѣ на оустѣ реки Вилни, где оу Велю оупадывает. вчинил жглищѣ і там же тѣло оца своего сожг. і конѣ ег на котором еждивал, і шату его которую носивал и хорта его зжог⁷. і от тых часов прозвано Швинторогоро⁸, і на имѣ того великого кнѣзѣ. і коли которого великого кнѣзѣ Литовского албо пана сожжѣно тѣло, тогды при них кладывали когти⁹ рыси або медвежи длѣ того иж веру тую мѣли иж судный днѣ мел быти і так знаменали собе иж бы Бгѣ мел приити і седети на горѣ високой, і судити живым і мертвым, на которую будет гору трудно взыти без тых ногтей⁹ рысих. або медвежих, і длѣ того тѣи когти⁹ подле тых, кладывали, на которых мѣли на тую гору лезти. і на суд до Бга ити а так ачколвек погани были а вжиж потом собе знаменали і в Бга одного вѣрили иж судный днѣ мел быти, і вѣрили з мертвых встаню. і одного Бга который мает судити живым и мертвым.

Примечания. ¹ Крас.: заглавия нет. ² Так в ркп.; Крас., Евр.: Швинторога, Рач.: Швинторога.

³ Крас., Рум.: Скирмонта, Рач.: Скирмонта, Евр.: Кирмонта (!) (далее - Кирмонтъ, Кирмонтъ). ⁴ Крас.: и обрет собѣ великии кнѣзь Швинторог. мѣстѣ на пущи велми хорошо подле реки Вели где река Вилна оу Велю упадывает и просил снѣ своего (С)кирмонта абы на том мѣстѣ жглищѣ было учинено...; Рач.: и обрет собѣ великии кнѣзь Швинторог мѣстѣ на пущи велми хорошо подле реки Велѣ где река Вилна упадывает у Велю, и просил сына своего Скирмонта сѣи на том мѣстѣ было жглищѣ учинено...; Евр.: избрал себе великии кнѣзь Швинторог мѣстѣицѣ на лѣсу велми хорошо подлѣ рѣки Велѣи гдѣ рѣка Вилна в Велю упадывает и молил снѣ своего Кирмента дабы на том мѣстѣ было жилище учинено (жилище - так! вм. жглище в других списках; далее в Евр.: жилище!). ⁵ Крас.: заглавия нет.

⁶ Крас.: и снѣ его Кирмонтъ; Рач.: Скирмонт; Евр.: Кирмонтъ. ⁷ Крас.: и там тѣло оца своего и конѣ ег на котором еждивал и шату е. о которую носивалъ и милосни-ка его на которог он ласкав был. и сокола и хорта его сожог. Тот же состав в Рач. и Евр. ⁸ Крас., Рач.: Швинторога на имѣ, Евр.: Швинторога на имѣ; Арх. Швинторогоро (!) - так в ркп. ⁹ Крас.: ногѣти (ногтеи); Рач.: ногѣти (ногтеи); Евр.: ногѣти (ногтеи).

Germont Swintorogowicz, wielki xiądz litewski, ruski i żmudzki, roku 1271⁴⁴.

Ciermont jescze za żywota ojcowskiego, będąc na wielkie xięstwo Litewskie, Ruskie i Żmódzkie, spólnym wszech stanów zezwolenim wybrany, po śmierci zaś ojcowskiej, roku 1272, w Kiernowie był na stolicę w czapce xiążęcej podnoszony, według obyczaja zdawna zwykłego, i od przod-

⁴⁴ Stryjk. I, 308-311.

2. Зак. 693.

ków podanego. Potym czyniąc dosiść rozkazaniu, i wolej ojcowskiej, uczynił i założył wielkie zhlisce między górami, na tym miejscu gdzie Wilna rzeka do Wilieji wpada, lassy wszystkie okoliczne kazał wysiec, a uprzętnawszy plac szeroki, poświęcił ono miejsce, z worozbitami swoimi, obyczajem pogańskim, nabiwszy bydła rozmaitego bogom swoim na ofiarę; tamże naprzód ciało ojca swego Swintoroga Utenusowica, wedlug zwyczaju spalił i, ubrawszy go w zbroję i w szaty jego co nadroższe, i szablę, sajdak, włócznią, chartów z wyżłami po parze, jastręba, sokoła i konia żywo nego, na którym sam jezdzywał, i służę albo kochanka jego, najwierniejszego i najmilszego, żywego z nim pospołu spalili, złożywszy wielki stos drzew dębowych i sosnowych; rysie zaś i niedzwiedzie paznogcie, panowie i bojarowie około stojąc w ogniu miotali, dla tego, iż wierzyli o dniu sądnim, na który umarli wszyscy znowu do żywota przywróceniu mieli stanąć, a iż bóg jeden jakiś (ktorego nie znali, tylko o nim tak wierzyli) wszechmocny i nad wszystkie inne bogi najwiętszy, miał wszystkich ludzi dobre i złe sprawy sądzić, siedząc na górze, wysokiej i przykłej, na którą górę trudno wierzyli wleść bez paznogci rysich albo niedzwiedzych. Ale się o tym wyższej dosiść szeroko powiedziało, w opisanu rozmaitych bałwochwalstw Ruskich, Polskich i Litewskich. Tym tedy sposobem Swintoroha, ojca wielkiego księcia Litewskiego, Germont syn, na on świat odprawił przez ogień, a kości zebrawszy, w trunę włożono zaspuntowaną, a potym na tym miejscu wyniosłą mogiłę usypano.

A ten kształt i obyczaj palenia trupów miasto pogrzebu, znać iż Litwa miała podany od Palemona albo Libona i od innych w ty strony zaniesionych Rzymian, którzy także trupy umarłych zwykli byli palić. Rzymianie zaś i innzy Włoszy, ten obyczaj od Eneassa Trojańskiego wzięty, zachowywali. Bo i Trojanie i wszyscy Grekowie, trupy zawždy palili. (Aen. 6 & c: Itur in antiquam sylvam stabula alba ferarum...) ... Tak też i Litwa przykładem innych narodów pogańskich, xiążętom swoim pogrzeby przez ogień na tym miejscu, gdzie Wilna w Wilję wpada, i gdzie naprzód Swintoroha spalili, odprawowali; pany zaczniejsze tamże palili, aż do czassow Jagełowych, a zwali to miejsce Swintoroha imieniem xiążęcia swojego, na nim naprzód spalonego. A iżby ony zlika tym więtszej wagi i światobliwości były, ustawił na tym miejscu i fundował xiążę Giermont kapłany i worozbity, którzyby modły i ofiary bogom opracowali. Ogień też wieczny z dębowych drew na tych zgłiskach zawždy we dnie i w nocy gorzał, na chwałę Perkunowi bogowi, który gromami, łyskawicami i ogniem władał. A jeśli by za niedbalstwem kapłanów, albo służ na ten urząd wystawionych, ogień kiedy zgasił, tedy takowi bez żadnego miłosierdzia jako świetokrajcy, bywali ogniem paleni, jako się o tym wyższej posiedziało, w opisanu bogów Litewskich pogańskich ...

Iskлучительная роль предания о Швинтороге объясняется тем, что именно оно служит важнейшим с р я з у ю щ и м з в е н о м между мифологизированной историей Литвы и ее князей, потомков Палемона, и "предысторией", уже оторвавшейся от легендарных персонажей (собственно,

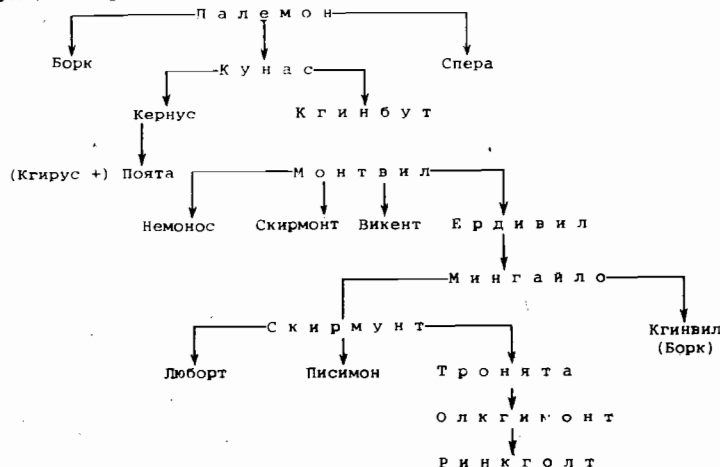
на этом этапе впервые выступают князья с бесспорно и историческими именами, хотя историчность этих князей еще отнюдь не бесспорна); между повествованием о землях к западу от Вильнюса и рассказом о "первом" прецеденте, имевшем место на мысе, образуемом впадением Вильны в Вилюю, где позже и в значительной степени именно в силу этого "первого" прецедента возник Вильнюс; между баснословной и, видимо, старой ("варварской", "чужой") традицией и новой "своей" культурной традицией, установленной именно на месте Вильнюса в связи со смертью Швинторога (трупосожжение) и создаваемой как характерный признак этнокультурного (и, возможно, даже предгосударственного) единства данной области.

В самом деле, после смерти последнего князя из рода Палемона⁴⁵ Ринголта (Ринкголт, Ринкголт, Ринкголт,

⁴⁵ Основные вехи этой истории переселения Палемона (ср. *Palemono kalnas*, Seredžius) из Рима в Литву излагаются в литовско-русских летописях довольно однообразно: Гдѣ ж одно княже Римское, именем Палемонъ который ж былъ цесарю Нерону кровный. забрался з женою и з дѣтми своими и подданными своими и скарбы своими. с которым же княжатею пять сотъ шляхты также з женами и з дѣтми и многими силами и вземши с собою одного остронома и пошли в кораблех морем по заходу слнца хотячи собѣ наити на земли мѣстцю, гдѣ бы ся имѣли поселить а мешкати с покоемъ. а с тыми шляхты были четыре рожаи наибѣйшими имены имѣли, с Китаврұсѣ Давенпрункъ а с Колумнувѣ Прешпор а з Русинъ Иульянус, а с Рож Ектор а такъ оныи не малыи часть по морю ходячи пришли Межи-земскаго моря и дошли до реки до Шумы тою рекою Шумою в море окиянъ и морем окияном дошли до устья гдѣ река Немонъ упадываетъ в море окиян. потом пошли рекою Немон в верхъ аже море зовомое Малое которое называецца море Немновое. а с тое причины етое морѣ Немновое называется. иж в то море Немон впадает дванадесятима устьи а каждое зовется особным именемъ межи которыми дванатцетма устьи одно зовется устье именемъ Скилия, и пошли тым устьем в верхъ и дошли цѣлаго Немна гдѣ ужо онъ сам весь в одном мѣстцы. то есть і верхъ Немна дошли до реки Дубисы гдѣ ж вшедши в тую реку Дубису и над нею нашли горы высокии ... там ся поселили, и почали размноживати и оное мешканье над тыми рѣками велми им сподобалоса и назвали тую землю Жомойтєю... Кнѣзь Палемонъ уродил трех сновъ старшии Боркъ в. Кунасъ, Г. Истра. старѣишии ж снѣ Боркъ учинил город на рецѣ Юре и зложено имя того княжати поспол с рекою иже имя рецѣ Юра а княжати Боркъ, и назвал тотъ замокъ Юрборкъ. а середнии снѣ Кунасъ пришед на усть реки Невяжи гдѣ она упадываетъ в Немонъ и тутъ учинилъ город и назвал его именемъ своим Куносовъ город. а трети снѣ Спера пошел далее в пушу ко всходу слнца и перешодши рѣку Невяжу, и реку Светую, и третью рѣку Ширвинту нашол озеро ...и над тым озером поселился ... Арх. (ПСРЛ XVII, 240-242, ср. 228-230, 296-297, 358-359, 422-423). Ср. Stryjk. I, 83-84. Ср. "римскую" тему у Симона Грунау, польских хронистов и в русской генеалогической и даже старой летописной традиции (ср. при описании пути из варяг в греки: и по тому морю ити до Рима а

Рингольта, Rinkolt, Ryngolt) князем Литовским и Жемайтским был избран Швинторог: И пановъ жалючи гсдра своего прироченог. и въздѣли собѣ гсдрем сѣна великог князѣ Литовског и Жомойтског Оутенусова с Китоврасу. Швинторога. Крас. (ПСРЛ XVII, 235).

Основная родословная схема от Палемона до Ринголта, по данным западных русских летописей, заполняется обычно следующим образом:

В тех же источниках сообщается, что после Викента стал княжить Живинбуд, затем его сын Куковойт, затем сын Куковойта Утенус и, наконец, сын Утенуса Швинторог (после него - сын его Кгирмонт, или Скирмонт). Обычно в качестве родоначальника этой ветви называют Китовраса, но иногда ее пытаются подключить к палемонидам. Так, в "Списке Быховца" сообщается: "Kier-nus kniaz żył mnoho lit na Litwe, y sam u welikoy starosty swoley umre. A po sobe zostawił syna swojeho na welikom Kniażenij Litowskom Żyw in bu d i a" (ПСРЛ XVII, 477), а в "Еврейновском списке" сыном Кгируса, "что вышел с Китаврусу", называется Куковойт (ПСРЛ XVII, 363), являющийся обычно сыном Живинбуда. Учитывая то обстоя-

от Рима прити по тому же морю ко Црюгороду. Лавр. лет.). Интересно, что римская тема явно или тайно всплывает и позже, во второй половине XIV в., когда Великое княжество Литовское (при Ольгерде) борется с Москвой за киевскую митрополию и возглавление Руси. Поддержкой Византии (исихасты, Кантакузин, Филофей) << Москва отчисти обязана тем, что она, а не Вильна, стала "Третьим Римом" >>. См.: Мейендорф И.Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV в. - ТОДРЛ, 1974, т. 29, с. 303-304; ср.: Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 16-17. Не случайно, что спустя век-полтора, в период формирования тезиса о Москве как "Третьем Риме", особенно актуализируется тема связи русских с Римом через легендарного Пруса ("Сказание о князьях Владимирских"), как бы в обход Вильны и Литвы.

тельство, что уже Живинбуд был великим князем Литовским, а Куковойт и Утенус - князьями Литовским и Жемайтским, существенным при избрании Швинторога в князья было именно то, что Ринголт "оумре без плоду. тот сѣ доконал род кнжати Римского Палемона" (ПСРЛ XVII, 250)⁴⁶ и, следовательно, новая династия уже не имела соперников из более знатного княжеского рода. Вместе с тем особое значение рода, к которому принадлежал Швинторог (в вариантах - род Кернуса или род Китовраса), объясняется тем, что именно ему пришлось осваивать, согласно летописной традиции, наиболее восточные земли Литвы, "Завельскую сторону" (т.е. пространство к востоку от Вельи-Вилии-Нериса), как раз ту территорию, которая получила название Литвы. Ср. после сообщения о Куносе, с которым связан замок Каунас: "и оно княжа Кунос имѣлъ двух сновъ, одного Кернуса и другого Кгинбутья и пануючи ему в земли Жомойтской почался множити и разширяти и выходити на реку Великую в землю Завельскую и прошедши рѣку Святую вышел, и нашел мѣсто велми хорошо, и сподобалось ему то мѣсто велми и он там поселил сѣна своего Кернуса и назвало то мѣсто по Кернусе Керново, а потом Куносъ умре и по нем почнетъ снѣ его Кернусъ пановати на всеи земли Завельской по границу Латыгоньскую и по Завельский Браславль аже по реку Двину. а братъ его Кгинбуть на Юрборку и на Куносове и на всеи земли Жомойтской. а в тот часъ гдѣ Кернусъ пановал на Завельской сторонѣ, людие тѣи его што за Велюю осѣли. игравали на трубах дубасныхъ. и прозвалъ тотъ Кернусъ берег своимъ языкомъ латынью по латыне литусъ гдѣ ся люди его множать. а трубы што на них играютъ туба и дал имя тѣмъ людямъ своимъ языкомъ по латыне сложивше берегъ с трубою литусба и простыи люди не велѣли звати по латыне и почали звать просто Литвою⁴⁷. и от того часу почалося звати панство Литовское. и множити от Жомойти. кнѣзь великий Кернусъ пановалъ на Литвѣ, а кнѣзь Кгинбуть на Жомойти ..." (ПСРЛ XVII, 242-243, ср. 298 и др.). В перспективе, намечаемой этим отрывком, особенно значимым является то обстоятельство, что именно Швинторог достиг устья Вильны и своим выбором этого места сделал его отмеченным. Это движение на восток, связанное с последовательным перенесением княжеских центров, продолжалось, естественно, и после Швинторога: "По смерти вели-

⁴⁶ Правда, тут же летописец сообщает и другую версию: "а кнѣзь поведаетъ рекуци и тот Ринкголт ... оуродил трех снов и оставит по собе на великом кнженю Новгородском Воишвилка и сам оумре" (ПСРЛ XVII, 250).

⁴⁷ Иной вариант у польских хронистов. Ср.: Mnie się zaś zda, czego i Długosz i Miechovius, dowodnie poświadczają, iż ten Palemon albo P. Libo, gdy już został książęciem tego narodu, tedy też tym krainom dał nowe imię od swej ojczyzny. Włoskiej ziemi, La Italia, bo Włochy w mowie swojej pospolicie artykułów używają: la città miasto, il cavallo koń ... mówili potym Litulia, Litualia, a za postępkiem czasów Litvania, i Litwa etc. ... (Stryjk. I, 81).

кого князя Романа⁴⁸. начнет княжити снъ его старшии Наримонт і оучинит город Кернов и знесет з Новгородка столец до Кернова, і начал княжити і назоветсѣ великийи князь Литовскіи і Новгородскіи і Жомойтскіи. А брата его Довмонт сѣдет на отчизне своей на Оутене і назоветсѣ князем Оутенским. а третии брат его Голша перешоу рѣку Велю и нашол гору красну между горами над рѣкою Вилнею оумили от оустѣ рѣки Велі, где оупадывает оу рѣку Велю против Раконтишок і оучинил город, и назовет его именем своим Голша... (ПСРЛ XVII, 253, ср. 236, 306, 368). В этом контексте последующее основание Вильнюса Гедимином и превращение его в великокняжеский центр – лишь завершающий акт этого продвижения к востоку и освоения новых земель. Этот процесс предопределил неизбежную ситуацию симбиоза литовского и западнорусского этнического и языкового элемента. Такого рода смещение особенно сильно выступает в княжеских родословных независимо от того, идет ли речь о "палемонидах" или потомках Китовраса. Особенно характерна, конечно, судьба полоцких мингайловичей, растворившихся в западнорусской княжеской династии⁴⁹. Однако и другая ветвь, к которой принадлежал Швинторог, не менее показательна (ср. Романа, сына Колигина и внука Скимонта, который княжил "на земли Литовской і Жомойтской і Руской" – ПСРЛ XVII, 253 и др.). Привлекает внимание уже сам родоначальный династии "римский муж" Китоврас (Китаурус)⁵⁰, чье имя и образ были популярны как раз на Руси⁵¹ (не исключено, что вторая часть имени в форме -рус ассоциировалась с руский)⁵², единст-

⁴⁸ Швинторог + Скимонт + Трабус + Роман.

⁴⁹ Ср.: И будучи ему (Мингайлу. – В.Т.) великимъ князем Новгородскимъ и Полоцкимъ и пановал много лѣтъ и умер и оставил по собѣ двух сновъ одного Скимонта а другаго Кгинвила, и Скимонтъ почне княжити на Новгородцы. а Кгинвилъ на Полотцку, и поиметь Кгинвил дочку у великаго князя Тверского у Бориса именем Марию для которе же окрестился в Рускую вѣру, и дали ему имя Борис, и тотъ Кгинвил рѣкомыи Борис учинил город на имя свое на рѣцѣ Березыни и называлъ его Борисов, и будучи ему Русиномъ былъ великии набожен. и учинил црковь каменную в Полоцку стую Софью... князь Борис с тою женою имѣл снѣ Ротволода (Рогволода. – В.Т.) названного Василем и по немъ начне княжити снѣ его Василей, в Полоцку а самъ умре, и князь Василей княжачи на Полоцку имѣл снѣ Глѣба, а дочку Парасковю... и т.д. (ПСРЛ XVII, 245–246).

⁵⁰ Ср. Stryk. I, 307: Swintoroh Utenussowicz z herbu Kitaurus.

⁵¹ Греческий текст апокрифа о Китоврасе, как известно, отсутствует; то же относится и к южнославянским версиям, хотя представления о Китоврасе, несомненно, существовали. Так, в погодинском болгарском "Номоканоне" (XIV в.) запрещаются "о Соломоне цари и о Китоврасе басни и кошуны".

⁵² Нельзя исключить, что в литовской (или даже в двуязычной) среде первая часть слова *Кита* – могла осмысляться

венное место, где сохранились не только сюжеты, связанные с Китоврасом (ср. "Толковую Палею" XV в.), но и само его имя⁵³, восходящее к др.-греч. κῆνταυρος. Так или иначе, в XIV–XV вв., т.е. в эпоху, непосредственно предшествовавшую составлению западнорусских летописей, имя Китоврас-Китаурус скорее всего ассоциировалось именно с русской традицией. Не менее интересно и другое обстоятельство. Китоврас, согласно данным русской повести, опубликованной в свое время в "Памятниках старинной русской литературы" (т. III, 59–61; позже – в названной книге А.Н. Веселовского), а также некоторым другим источникам, иногда не упоминаям имени Китовраса, был царем-чудовищем, зверем, изредка и великаном: "Бысть во Иерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Лукорѣ царствуа царь Китоврасъ; обѣчай же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, и въ нощи обращаешся звѣремъ Китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрми, а по родствѣ брать царю Соломону"⁵⁴. Китоврас похищает жену Соломона, Соломон преследует его, задает ему загадки, возвращает себе жену и казнит, наконец, Китовраса. Эта сюжетная схема может рассматриваться как трансформация основного мифа, сохраняющегося в наиболее полном виде именно в Литве и примыкающих к ней белорусских землях. В пользу этой точки зрения можно было бы привести целый ряд аргументов, но здесь придется ограничиться лишь двумя. Первый из них – этническая (иногда именно с мейна) природа Китовраса, что сопоставимо со Змеем, противником Громовержца в основном мифе. В апокрифе из "Толковой Палеи" Китоврас приходит к трем колодцам, из которых предвительно вычерпали воду (поэтому вместо воды ему приходится выпить налитые в колодцы вино и мед). В других источниках, в этой части более архаических, сообщается о том, как в Иерусалиме появился змей, выпивающий всю воду из колодцев, и как Соломон, напоив змея вином и медом, усыпил его и пленил. Наконец, в некоторых текстах Китоврас отождествляется с единорогом (инорогом), также иссушающим водные

в связи с лит. *kītas* 'другой' – тем более, что Китоврас представлял собой (в соответствии со своим древнегреческим мифологическим источником – кентавром) существо двойной природы.

⁵³ См.: Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. – Собр. соч., т. 8. Пг., 1921. Ср. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. М., 1958, с. 1210.

⁵⁴ Этот мотив ("враждебная родственность") из числа наиболее важных, хотя и требующих особенно осторожной интерпретации. Он характерен для отношений Соломона как носителя новой традиции к Морольфу-Китоврасу или замещающему их Сатурну (Соломон называет его в одном англосаксонском источнике *broðor* – братом) как носителя старой традиции, ставшей уже чуждой и даже враждебной. Правда, следует помнить, что обычно образ Морольфа в западноевропейских источниках развивается в сторону смягчения его черт и даже некоторой комизации образа, на что указывал еще А.Н. Веселовский.

источники (ср. *индрика-зверя* в "Голубиной Книге", который "походит ... по подземелью, прочищает ручьи и проточины"). Иссушение же источников Змеем — один из важнейших мотивов основного мифа. В т о р о й аргумент еще интереснее, во всяком случае в связи с темой этой статьи. Жена Соломона *Соломония* (она же *Соломонида*, *Саламанида*, *Саламидия*, *Соломониха* и т.д.), похищенная Китоврасом, является дочерью царя *Воло(н)томана*, *Волотомона*, *Волота*, *Владимира* (ср. *Володимѣрь* : *Волоть*)⁵⁵, ср. в тексте круга "Голубиной Книги":

— Как тебе, царю *В о л о н т о м а н у*,
Мало спалось, грозно во сне виделось,
В твоём ли было зеленом саду
Выросло деревцо сахарное:
У твоей царицы благоверныя
Народится дочь Саламидия;
Из далеча из чиста поля
Прилетела пташечка малешечка

Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли:
Как моя царица благоверная
Родит сына Саломона,
А этому сыну моему
На той дочери женату быть.

Имя же *Волот* совпадает с апеллятивом *вблот* (ср. *вёлет*), обозначающим великанов, бросающих камни (как *асилки*) и участвующих как раз в тех версиях основного мифа, которые известны на северо-западе Белоруссии, в непосредственной близости к литовским землям (ср. цикл легенд о белорусских волотах)⁵⁶. Здесь же следует упомянуть о так называемых *волотовках*, особых курганах (ср. также *капцы*, *сбпки*), распространенных более всего вокруг Полоцка (118 волотовок особенно к югу и западу от него), но встречающихся и в верховьях Вилии, в окрестностях Бра-слава, Вилейки и т.д.⁵⁷ Соотнесенность Китовраса с Волотом в сюжете и через связь их с камнем (Китоврас научил Соломона достать камень шамир, с помощью которого можно обтесывать камни для храма; ср. также магические действия Китовраса — положение камня на камень и снятие камня с камня)⁵⁸ позволяет реконструировать функциональное тождество этих двух персонажей, появляющихся, к тому же, в текстах приблизительно одного и того же круга. Между прочим, в связи с относящимися к этому кругу текстами о поединке Правды и Кривды уместно вспомнить о словесных прениях (отгадывании загадок) между Китоврасом и

⁵⁵ Уже указывалось, что *Волот*, *Волотоман* заменяют здесь какое-то другое, более старое имя (см.: *Веселовский А.Н.* Указ. соч., с. 211), но не обращалось внимания на ди-агностическую роль самой этой замены.

⁵⁶ Ср. также укр. *вблот*, *вблоть*, *вблоток* и *велет*, *веле-тець*, *велетенский* и т.д. См.: *Иванов В.В.*, *Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 62 и след. (далее — *Иссл.* 1974).

⁵⁷ См. подробнее: *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля (очерки истории Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966, с. 58—59; ср. также ниже.

⁵⁸ Он же на ходу сокрушает каменные палаты.

Соломоном и особенно о следующей яркой характеристике Китовраса: Нравъ же его бѣаше таковъ: не ходяшесть путемъ к р и в ы м ъ, н о п р а в ы м ъ, и въ Иерусалимъ при-шедше, требляхуть предъ нимъ путь и рушахуть полаты, не ходи бо к р и в о ... Он же ся огню около угла, не со-ступяся съ пути ... ("Повесть о Китоврасе"). Ниже это противопоставление к р и в о й-п р я м о й (и к р и в о й-п р а в ы й) возникнет еще раз, в частности в свя-зи с темой двух культурно-правовых традиций и их осно-вателей (ср. о Криве). Только тогда можно будет вполне оценить мастерство мотивировок в западнорусских летопи-сях, между прочим, в местах, связанных с историей Кито-врасова рода в Литве.

Впрочем, имя Китовраса — не единственное в его роде из тех, которые указывают на западнорусский слой. Так, не исключено, что имя дочери князя Кернуса и жены Кгиру-са, происходившего из рода Китовраса, *Поята* (*Паята*)⁵⁹ — славянского происхождения, ср. др.-русс. *поитисѣ* (*по-натисѣ*) 'сочетаться браком', *поити* 'взять в жены' (*поити женѣ*), 'сватать замуж' (по *Ярославъ ... за снѣ свои* за *Володимира Всеславу* дочь *Болеславу*. *Ипат. лет.* 6675 г.), 'взять в собственность' — из *праслав.* **po-jeti* (ср. также др.-русс. *поита* 'кровля, крыша', с.-хорв. *pojata* 'сарай', 'конюшня', 'гумно' и т.п.⁶⁰ Во всяком случае, имя *Поята* в отмеченной ситуации перемены княже-ского рода на престоле могло бы оказаться мотивирован-ным и потому вполне уместным. Имя *Живинбудъ*, принадле-жащее князю, пришедшему к власти после Викента, прадеду Швинторога, остается не вполне ясным (ср. другие вариан-ты: *Живинбудъ*, *Живинбут*, *Zivimbuth*, *Zyvinbud* и т.п.). Но скорее всего оно славянского происхождения, поскольку в славянском ономастиконе есть вполне реальные отражения *праслав.* **Bud-* & **živ-* (подобно **Budi* & **slavъ*, **Budi* & **mirъ*, **Budi* & **milъ* и т.п.), имени, состоящего из тех же элементов, но в обратном порядке⁶¹. Впрочем, теорети-чески можно думать о *Живинбудъ* как о результате славя-зации балтийской формы типа **žibin-* & **bud-* (или **but-*), ср. *Жибентяи*.

Особый интерес, хотя и совсем в другой связи, вызы-вает имя отца Швинторога *Утенусъ* (*Утѣнусъ*, *Втенусъ*, *Утѣ-нусъ*, *Utenus*, *Vtenus*), ср. ПСРЛ XVII, 234—235, 249—251, 303—304, 365—366, 429, 431, 486. Учитывая обычную для ранней историографии Литвы тенденцию объяснять местные названия из личных имен (ср. по мере продвижения к вос-

⁵⁹ И князь Кернус не имѣл сновъ только одну дочку именемъ П а я т у. и будучи он в старости своеи. i не хотячи панства своег от дочки своее отдалити и принялъ до нее и зятѣмъ своимъ собѣ учинил с К и т а в р у с а именемъ своим Кгируса сна Довспрункова з Давилтова и сам умре а по нем науче княжити на земли Литовскои тот зѣт его с Китаврус Кгирус (ПСРЛ XVII, 243).

⁶⁰ Если только верно сопоставление с лтш. *jūmt* 'крыть (крышу)', *jūmts* 'крыша', 'кровля' и т.п.

⁶¹ Лит. *Живинтяи*, имя князя в западнорусских летописях, восходит к лит. *žibinti* 'жечь', 'зажигать' и соответ-ствующим отглагольным именам; ср. обычные формы — *Жибентяи*, *Жибентяи*, *Жибдѣи*, *Zibintha*, *Zyventiaj* и даже *Ибинтяи*.

току: Юрборк из Борк, сын Палемона, и Юра, название реки; Куносовъ [Кунасовъ] город, т.е. Каунас, - из Куносъ, другой сын Палемона; Керново [Кернава] - из Кернусо, сын Куноса, и т.п.), целесообразно и имя Утенуса связать с названием Утена (Утеня, Устена, Устиня, Утиня, Втиня, Utena, Utiania, Utyn, Veiana, ср. ПСРЛ XVII, 236, 253-255, 306-308, 368-369, 433-434, 487-488, 533, 535), впервые появляющимся в исторических документах в 1261 г. Это местное название Utena (из других топонимов ср.: Utenos vk., Utėnėlės km., Utėnų km., Utėlių km., Utėlinos km., Utiškių km. и т.п.)⁶² подкреплено рядом гидронимов - Utenas, Utėnà, Utėnėlė, Utėnaitis, Utėnaitė, Utėlis, Utėlinà, Utėnykštis и др.⁶³, причем некоторые из них находятся в непосредственном соседстве с городом Утена. Характерно, что движение к востоку, в частности в направлении к Утене, отмечено в нескольких поколениях Швинторогова рода. Так, Куковойт похоронил свою мать Пояту "вышеи озера Жосли" (ПСРЛ XVII, 248, ср. лит. *Žaslių ėžeras*), недалеко от теперешнего Кайшядориса. Сам же Куковойт был похоронен своим сыном Утенусом, видимо, "на горь одной над рекою Светою. не далеко Дивилтово" (ПСРЛ XVII, 249, ср. лит. *Šventoji, Dėltuva*; Дивилтово, Дзевельтово, Дзевялтово, *Dziewiatow* старых источников) и далее. Во всяком случае, уже праправнук Швинторого "Давмонть сядет на отчизне своей на Оутене и зовется кнзем Оутенским" (ПСРЛ XVII, 253). Этимология названия Utėnà, при всех открывающихся соблазнах, остается неясной. Тем не менее, при учете форм с элементом -r- типа *Uternà, Uternòs ėžeras* (как раз около Жасляй, см. выше в связи с похоронами Пояты), *Вотра* (из **Вотра < *Uturià* или **Uturē*, ср. **Ut-ur- : *Ut-en-*)⁶⁴ в верховьях Днепра, и т.п., не должно показаться таким уж странным сопоставление этого корня Ut- с лит. *utė 'вошь', utėlė, utis, utėlinis, utėlius, utėti, utyti*, лтш. *ute, uts, utuots, utains, utit, utet, utidit, utenēt, utaitis* и т.п., с одной стороны, и с прусск. *autre 'кузница', wutris 'кузнец'*⁶⁵, ср.-болг., сербск.-цсл., русск.-цсл. *вотро 'кузнец'*, с другой стороны; при этом следует помнить, что два последних ряда уже были убедительно сопоставлены друг с другом Эндзелином⁶⁶, предположившим для всех этих слов общий семанти-

ческий элемент 'Stechendes'. Возможно, что осторожнее говорить о целом комплексе 'колоть' - 'жалить' - 'жечь'; в этом случае сюда же (при сохранении известных неясностей) можно было бы подключить слав. **voshь 'вошь' (*us- : балт. **ut-*), несомненно, сопоставляемое с лит. *usnis, isnis, isnė 'бодяк', 'чертополох'* и далее с др.-инд. *usna- 'горячий', śsati 'горит', 'жжет'*, лат. *ūrō, др.-греч *εὔω, алб. *ethe 'лихорадка'* и т.д. Во всяком случае, сама возможность актуализации смыслового поля 'жечь' (= 'колоть') в связи с Utėnà и под. должна привлечь к себе внимание - как в связи с другими названиями со сходным значением (ср. *Žibintai, Žibà* и т.д., *Жибентай*, имя литовского князя), так и в связи с некоторыми исключительно важными реалиями, о которых см. ниже.***

В этом контексте уместно, наконец, обратиться к тому "первому прецеденту", который имел место там, где Вильна впадает в Вилию, и связан с именем Швинторого. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что Швинторог единаственны в своем роду князь, с которым не связано никаких исторических событий, кроме того, что он, по его собственной просьбе, после смерти был сожжен в указанном им самим месте, ставшем традиционным местом трупосожжения. Таким образом, о Швинтороге говорится только как об основателе традиции и только в связи с местом, где Вильна впадает в Вилию. В этом отношении он резко противопоставлен и отцу своему Утенусу и сыну своему Скирмонту, с которыми связываются реальные исторические события (по крайней мере, для историографии XV-XVII вв.). Более того, само имя Швинторог не имеет, кажется, прецедентов в литовском ономастике в отличие от типичных княжеских имен, следующих после Швинторого. Зато постулируемый источниками князь Швинторог объединяется с предшествующими ему князьями в двух существенных отношениях. Во-первых, он, как и его отец и дед, установитель некоей ритуальной традиции, особого культа, связанного со смертью. Наряду с указанными уже текстами о Швинтороге ср.: В тех летех мати ... Куковоитѣва, Поѣта оумре оу великой старости своей. кнѣзь великий Куковоит милуючи матку свою, и оучинил болвана образом еѣ чинаѣчи еи памат и поставил того болвана, именем матки своей Поматы вышеи озера Жосли который ж образ фалили и за Бога мѣли тую Помату. и потом тот болван згинул и на том месцы выросли липы и тыи липы хвалили и за Бога их мели, как имѣ тое Поматы аж и до сего днѣ. а за тым кнѣзь великий... сам Куковоит оумре и zostавил по себе сна... Оутенуса, который ж сын милуючи оца своего великого кнѣзя Куковоитѣ и оучинил болвана на памат оца своего, и поставил его на горь одной над рекою Светою не далеко Дивилтово которого ж фалили и за Бога его мѣли. и потом тот болван згинул гаи вырос и люди тым фалили и прозвали его имѣнем пана своег Куковоитѣ (ПСРЛ XVII, 248-249, ср. также 233-234, 242, 302-303, 310, 364-365). То, что в "исторические" времена с культом связаны исключительно князья

с. 174-175. Иные точки зрения отмечены в кн.: *Pravenkel E. LEW*, 1173.

⁶² Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas (далее - LATS). Vilnius, 1959, с. 978; LATS, II dalis. Vilnius, 1976, с. 325.

⁶³ См.: Lietuvių upių ir ežerių vardynas. Vilnius, 1963, с. 181 (далее - LUEV); Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, с. 75, 77, 130, 132, 136, 152, 154, 266.

⁶⁴ См.: Būda K. RR I, 417; Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 181.

⁶⁵ Ср. также прусские топонимы и гидронимы: *Vutraynen*, ок. 1270 *Ureyn, Utren*, ок. 1400; *Wutterkaym*, 1419; *Wotrinen*, 1412; *Wtrowin*, 1336 (озеро), см.: *Gerullis G. APON* 209, 211.

⁶⁶ См.: *Endzelīns J.* - FBR 11, 1931, с. 180; ср. также: Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь (A-D). М., 1975,

той ветви, которая восходит к Китоврасу⁶⁷, также не может быть случайностью и, возможно, бросает луч света на характерные функции этого рода; так, например, не исключено, что представители этого рода обладали наследственной жреческой властью. В о - в т о р ы х, имя Швинторог, как и имена предыдущих князей, приводившиеся уже выше, относилось не только к князю, но и, почти несомненно, к т о м у м е с т у, где он был предан кремации ("месцо на пуши (вар.: на лѣсу)... подле реки Велю где река Вилна оупадывает оу Велю" или несколько иначе у Стрыйковского: "między gorami, na tym miejscu gdzie Wilna rzeka do Wiliej wrada"⁶⁸). Наконец, можно пойти еще дальше, высказав предположение, что именно м е с т о было первоначальным источником имени Швинторог, которое лишь позже и, скорее всего, лишь в историко-этимологических фантазиях XV-XVII вв. превратилось в обозначение князя⁶⁹.

⁶⁷ Единственное исключение, относимое к баснословным временам, имеет целью подтвердить истоки (римские) и высокий престиж этой традиции. После того, как сын Палемона Спера "умер без плоду" "... подданный его ... под лѣ Рымскаго обычаю учинили болвана и назвали Спера на память его. и потомъ оныи люди мешкаючи около его и почали ему о ф е р ы ч и н и т и и за Бога его имѣти потом коли тот болван сказился и они то озеро і мѣсто ховали и мѣли за Бога" (ПСРЛ XVII, 242). Уместно напомнить, что Стрыйковский и обычай трупосождения, установленный, казалось бы, Швинторогом, связывает с соответствующим древнеримским обрядом (Stryjk. I, 309, 373).

⁶⁸ Ср. далее: "l a s s y wszystki okoliczne kazał wysiес", что предполагает лесистое место в устье Вильны.

⁶⁹ Этот же процесс повторялся и в других местах. Так, название города *Kaunas*, древнейшее обозначение которого встречается, может быть, еще в XII в. у Идриси - *Kāniyū* (см.: *Ekblom R. Idrīsī und die Namen der Ostseeländer. - Namn och Bygd, 1931, XIX, S. 1-84; иначе (Nimiya) - Tallgren Tuulio O.Y., Tallgren A.M. Idrīsī. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux. - Studia orientalia, III. Helsingforsiae, 1930, p. 45*), происходит, конечно, не от имени князя *Кунос*, а от лит. **kaunas* 'низкий', 'низменный' (ср. готск. *hauns* 'низкий', *haunjan*, *hauneins* и т.д.) и, следовательно, *Kaunas* - "der in der Niederung gelegene Ort, Tiefe, Niederung" (см.: *Studerus G. Zum Stadtnamen Kaunas, - IF 47, 1929, S. 350-356; Fraenkel E. LEW, 231*), ср. лит. *kunė* 'непроходимое болото'; сюда же относят и лтш. *kauns* 'стыд', 'срам', *kaunīgs*, *kaunētis* и т.п. с иным кругом значений; ср. также карийск. *Kaunos*, название города. Впрочем, есть и другие объяснения для *Kaunas*, в частности, из фамильных обозначений, ср. прусск. *Cawnin* (*Thomas, Michael*) и др. (см.: *Jonikas P. - BNF 2, 1949, S. 20 ff.; Vanagas A. Didžiųjų Lietuvos miestų vardai. - Vardai ir žodžiai. Vilnius, 1971, c. 35-36*); ср. также: *Senn A. - In: Tauta ir žodis, III, 1925, c. 510* (: *kanti, kaunis*). Сходный принцип образования отражен и в лит. *Kernavė* (город и река), ср. *kernavė* 'топкое место на

Если предлагаемая точка зрения будет принята, то получит объяснение и отсутствие *res gestae*, связываемых с князем Швинторогом. Еще, видимо, важнее то обстоятельство, что объяснение этому имени и параллели к нему обнаруживаются как раз в топонимической сфере. Формы *Швинторогъ*, *Свинторогъ*, *Swintoroh*, несомненно, литовского происхождения и предполагают словосочетание типа **šveñtas & *rāgas*, трансформируемое в сложное слово **šventrāgis*⁷⁰; ср. лит. *šventrāgis*, деревня в Мариямпольском р-не, *šventragiai*, деревня в Кельском р-не⁷¹, не говоря уж о сходных образованиях с элементом *švent-* типа *šventākainis*, *šventėžeris*, *šventūbrastis*, *šventupė*, *šventvalkis* в топонимах⁷² и названия типа *Ragōs upėlis*, *Ragupis*, *Raguva*, *Ragūdis*, *Rāgana*, *Ragānė*, *Raganupė*, *Ragaišpis* (LUEV, 131); *Ragėliai*, *Ragėlišké Ragilė*, *Ragiškė*, *Ragūčiai*, *Raguva*, *Ragavā*, *Ragāniai*, *Raganiške*, *Ragaišiai* и т.п. (LATS 1976, II, 255-256). Такого рода образования обильны не только в литовском, но и в латышском, прусском и отчасти славянском ареале. Само значение элемента *rag-/rog-* в этих случаях возвращает нас именно к топонимическим объектам, ср. лит. *rāgas* 'мыс', 'нос' ('smailus žemės plotas, įsikišęs į jūrą, ežerą ar mišką'); лтш. *rags* 'вершина горы или скалы'; русск. *рог* 'угол', 'выступ', 'локоть', 'колено'; 'мыс', 'коса', 'лука', 'изгиб или колено реки'; 'отрог', 'ветвь', 'побочный кряж'; 'долгий овраг', 'отрог балки' и т.д. (Даль III⁴, 1696), блр. *рог*, польск. *róg* 'угол' и т.д.⁷³ Правда, нужно помнить и об использовании слов этого корня в обозначениях лиц (в период после введения христианства - с отрицательным отношением), ср. лит. *rājana* 'ведьма', 'колдунья', *rāgius* 'черт', *Ragutis* имя божества (чье капище в Вильнюсе находилось на месте теперешней Пятницкой церкви⁷⁴, основанной в 1345 г. княгиней Марией Яро-

лугах, в лесах'. См.: *Vanagas A. Miestelio ir upės vardas Kernavė. - In: Kernavė. Vilnius, 1972, c. 294-297.*

⁷⁰ Ему могли соответствовать русск. **Святорог*, польск. **Świętoróg*.

⁷¹ См. LATS 1959, с. 963; LATS 1976, II, с. 311.

⁷² Ср. гидронимы типа *šventėžeris*, *šveñtravis*, *šveñtupė*, *šventupis*, *šveñtvandenis*, *šventaduonis* и т.п. (LUEV, 169-170), а также *šventoji*, *šventė*, *šventėlė* и т.п.

⁷³ Такого рода значения предполагаются и для прусск. *rāgis* (помимо 'рог') на основании *Ragow*, 1419, *Ragas*, 1425 (ср. *Ragayne*, 1312; *Ragoysen*, 1334). Наконец, существенно учитывать и круг значений производных слов, ср. лит. *raguva* 'небольшое углубление', 'вымытая водой яма', 'глубокая яма в реке (на дороге)', 'овраг', 'глубокий овраг с крутыми склонами', 'ущелье', 'узкая глубокая долина', 'лощина между горами', 'узкий проход', 'дорога по откосу горы', 'ущелье', 'долина реки', 'крутая отвесная гора', 'склон горы', 'высокое место', (см.: *Невская Л.Г. Словарь балтийских географических апеллятивов. - В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 357.*

⁷⁴ Именно здесь (и, судя по всему, не случайно) Петр I крестил Ганнибала.

славной, женой Ольгерда), ср. русск. *Рог* в словоупотреблении русских старообрядцев в отношении своих гонителей (вторая половина XVII в.).

Естественно, возникает вопрос о том, где могло находиться место трупосожжения, называемое *Швинторог*, на территории будущего Вильнюса. То, что корень **rag-*/**rog-* мог обозначать по вертикали и возвышенное и низменное место, а по горизонтали и нечто вытянутое и нечто согнутое, изломанное, еще более затрудняет задачу локализации Швинторога. Пока в этой области возможны только гипотезы. Несмотря на то, что в XIII в. литовцы, как правило, предавали покойников сожжению на возвышенных местах, в разбираемом случае теоретически допустимое отнесение Швинторога к будущей Замковой горе (*Gedimino pilies kalnas*)⁷⁵ представляется, пожалуй, маловероятным. Дело в том, что, помимо того, что корень **rag-* в месте слияния двух рек (а именно этот мотив многократно подчеркивается во всех источниках о Швинтороге) обозначает обычно именно угол, образуемый слиянием этих рек (а не гору), ни один из источников не говорит о нахождении Швинторога на горе, хотя признак горы в данном случае, несомненно, был бы ведущим и наиболее точно локализирующим место трупосожжения. Наоборот, источники говорят о долине Швинторога, о том, что она "między gorami", там, где пуша или лес. Имея в виду уже гедиминовы времена, Стрыйковский сообщает, что "...pierwej od Swintoroha i Germon-ta... wleczny ogień... był fundowany na tym miejscu, gdzie dziś puszkarnia... Wszakże Gedimin nad to las ciemny bogom poświęcił (co zwano u lacińskich pogan i inszych narodów *Lucus*, a Litwa i dziś las zowie *Laukos*)... a ten las był nad Wilją podle puszkarniej, aż do Lukiszek" (Стрыйк. I, 373)⁷⁶. Если это сообщение предполагает некую традицию, еще продолжавшую существовать во второй половине XVI в., то Швинторог должен был находиться к западу от Вильны⁷⁷, протекавшей в то время (и вплоть до XVIII в.) западнее Замковой горы, вдоль современной улицы Врублевского (ср. план Ф. Гетканта

⁷⁵ Ср., правда, применительно к другой эпохе: "Итак, Виликушский пилкалис (Дусятский р-н. - В.Т.) является местом для совершения трупосожжений, обрядовым городищем, "холмом душ" (*vėlių kalnelis*), куда, по выражению литовских погребальных причитаний (*raudos*), "переселялись души умерших" (см.: Тарасенко П.Ф. Городища Литвы. - КСИИМК, 1952, 42, с. 89).

⁷⁶ Правда, говоря о крещении в 1387 г., Стрыйковский (II, 79-80) пишет, что святой огонь и святилище Перкунаса находились на месте кафедрального собора, т.е. к востоку от русла Вильны (Лукишки же тянулись к западу от нее).

⁷⁷ План Брауна, на котором пушкарня и конюшня изображены у подножья Замковой горы, ввел в заблуждение ряд ученых, искавших именно здесь долину Швинторога. Однако уже Сигизмунд-Август в 1540-1545 гг. перенес эти постройки (как и ряд других хозяйственных сооружений) за Вильну, в район современной ул. Тилто (см. VMI, 34). Впрочем, теоретическая возможность приурочения Швинторога к подножью Замковой горы остается.

1648 г.; план Брауна, составленный в середине XVI в. и напечатанный в 1576, 1581 и 1599 гг. в этом отношении менее показательны). Это низменное место на берегу Вилии, заливаемое при половодье водой⁷⁸, видимо, переходило к западу в лес, действительно, тянувшийся в сторону Лукишек. Место, вероятно, считалось дурным; во всяком случае, оно, несмотря на свою преимущественную близость к Верхнему и особенно к Нижнему замку, довольно долго не заселялось. Характерно, что, вернувшись в 1397 г. после удачного южного похода, Витовт поселяет в Лукишках татар, позволив им выстроить здесь мечеть (недалеко от будущей тюрьмы). Долгое время на месте костела св. Якова существовало кладбище для беднейших жителей города; убожество кладбища было столь вопиюще, что по необходимости вызывало пожертвования (собственно, одно из таких пожертвований, сделанное Юрием Литавром Хрептовичем, и привело к сооружению в 1642 г. деревянного костела). Видимо, не случайно, что еще в XIX в., когда Лукишки были далеко не полностью застроены, при костеле св. Якова учреждается больница (в частности, для венерических больных). Не исключено поэтому предположение, что Лукишки и примыкающий к ним район типологически представляли собой нечто сопоставимое с местами, выбиравшимися для божедомов. Между прочим, проведенное выше сопоставление Стрыйковского лат. *Lucus*: лит. *Laukos* (в применении к лесу, а не полю, ср. *laukas*) могло быть вызвано к жизни звуковой близостью лат. *Lucus* и лит. *Luikiškės*⁷⁹. Наконец, расположение места погребения за рекой в высшей степени характерно для городских поселений смежных территорий (ср. место *волотовок* в древнем Витебске по данным топографической реконструкции⁸⁰).

Нахождение места трупосожжения в низу, в долине (на *луцѣ*), а не на горе⁸¹, могло бы быть подкреплено и некоторыми другими соображениями. Так, во всех старых источниках, которые говорят о вечном огне и капище Перкунаса, помещаемом у подножья Замковой горы (нижняя часть колокольни у Кафедрального собора св. Станислава по традиции считается остатком башни, откуда Криве вещал людям волю богов), они не отделяются от долины Швинторога. Собственно, если подтвердится, что святилище Перкунаса было в низу, то все сомнения в том, где находился Швинторог, отпадут сами собой. В более поздних свидетельствах об основании Вильнюса прямо говорится о том, что Гедимин заложил на Швинтороге и ныне замок (см. далее). Но есть, видимо, и другие доказательства положения Швинторога в низу. И западно-

⁷⁸ Следует напомнить, что Каунас, Кернов и т.п. также обозначались по принципу 'низменный', 'топкий'.

⁷⁹ Ср. также: на *луцѣ* на Швинторозе (ПСРЛ XVII, 261, 314, 440: на *lūce* на Swintorozie; 493: на *lūce* на Swintorozie), ср. 374: которую зовут *луку* Швинтороги.

⁸⁰ См.: Алексеев Л.В. Указ. соч., с. 168; ср. место курганных некрополей в древнем Полоцке, с. 135 и др.

⁸¹ Впрочем, такие формы, обозначающие место, как *Швинторого*, могли так или иначе вступать в отношения со словом *гора* (ср. в таком случае *Святотор*).

русские летописи и Стрыйковский сообщают, что после сожжения покойника на Швинтороге при нем клали когти рыси и медведя "для того иж веру тую мели иж судный днь мел быти і так знаменали собе иж бы Бгъ мел прийти і седети на горѣ высокои, і судити живым і мертвым. на которую будет гору трудно взыти без тых ногтем рысих. або медвежих, і для того тьи ногти подле тых кладывали, на которых мели на тую гору лезти"⁸². Вера в "з мертвых восстане" и Страшный суд, вершимый богом на горе, предполагает путь снизу, от земной доли, вверх, на гору, и тем самым подтверждает место Швинторога внизу. Наконец, схема основного мифа, связанная с поражением Перкунасом своего противника, задает не только сам сценарий, но и его топографические привязки. Наиболее драматический эпизод мифа разворачивается именно внизу; с этим эпизодом связаны наибольшие страхи, опасения и одновременно наибольшие надежды. Именно поэтому он часто выступает как представитель мифа в целом, определяющий и выбор места жертвоприношения, и точку, в которой конечная жизнь через смерть соединяется с вечной жизнью, и, наконец, топонимические характеристики. В этой же связи еще раз стоит указать на особую роль рог а и соответствующего слова в основном мифе. Рог выступает как атрибут Громовержца (рогатый Перкунас, Перкунас с рогом), "заходящегося на горе, вверх, Змея или Дракона (ср. рогатый змей) и скота, из-за которого идет борьба (ср. рогатый скот)"⁸³. Поэтому неслучайно совпадение таких наименований, как

⁸² Ср.: ...siędząc na górze wysokiej i przykryj, na którą górę trudno wierzyli wleść bez paznogci... (Stryk. I, 309). Народное предание этого же типа из окрестностей Кретинги привел в свое время Нарбут. После смерти покойники стремятся влезть на высокую недоступную гору *Anafielas* (так! *Anas pilis*?). Тех, кому это не удается, "smok *Wizunas*, pód górá mieszkający, obędzie". См.: T. Narbutt. Dzieje starożytnie narodu litewskiego, t.1. Wilno, 1835, с. 384-385. Хотя сообщение Нарбута многократно ставилось под сомнение и действительно изобилует неточностями оно едва ли может быть отвергнуто в целом ввиду весьма точных параллелей в ряде близких традиций (в частности, русской, о чем писал А.Н. Афанасьев). Более того, свидетельство Нарбута дает пищу для размышлений. В связи с **Anas pilis* или **An(t)a-pilis* ср. *Antakalnis* в Вильнюсе, о котором в старых источниках сообщается как о главном святилище языческих богов. Имя дракона *Wizunas*, возможно, не случайно напоминает названия т.а. *Vyžuonā*, *Vyžuonēlē*, *Vyžuonaitis*, *Vyžupis*, *Vižė*, *Vyžabalė* (LUEV, 199-200); *Vyžuonā*, *Vyžuonos*, *Vyžuonēlės*, *Vyžuoniskės*, *Vyžuoliūnys*, *Vižūkalnis*, *Vyžpintai*, *Vyžiskės*, *Vyžiniai*, *Vyžiat*, *Vyžėliai*, *Vyžėdžiai* и т.п. (LATS 1976, II, 350). Интересно, что подавляющее число этих названий относится к восточной Литве (*Utena*, *Rokiškis*, *Vilnius*). К семантике *vyž-*, частично пересекающейся с кругом значений корня *vil-* (ср. *Vilnia*), см.: *Būga K. RR II*, 653-655 и др.

⁸³ См. Иссл. 1974, с. 137, 139 и др.

Šventrāgis и *Perkūnragis*⁸⁴, с одной стороны, и, с другой, обилие в археологических раскопках на территории Вильнюса каменных (или даже роговых) топоров, выступающих в мифе как постоянный атрибут Громовержца. Можно высказать предположение, что сокол, конь, собака⁸⁵, сожженные вместе с Швинторогом, также выступают как некие классификаторы разных зон в основном мифе. Уже эти детали создают предпосылки для правильной интерпретации основного противопоставления, описывающего долину Швинторога: огонь - вода (ср. вечный огонь, костры, на которых сжигают покойников и место в низине, у воды, за рекой и т.п.)⁸⁶. Собственно говоря, эти два признака и составляют суть Перкунаса в его, так сказать, "инструментальном" аспекте. Следовательно, и в этом отношении Перкунас может быть сопоставлен с Швинторогом как местом, где обнаруживается деятельность Громовержца, и Швинторогом как князем или, может быть, жрецом, уподобляемым Громовержцу. Наконец, эпитет *šventas* 'священный', 'святой' определяет не только Швинторога, но и Перкунаса; ср.: *Dievs duoks, kad tave Perkūns, šventas Perkūnųs, Dievaitis, šventas Dievaitis užmuštų, užtrenktų; - Trenk tave šventi Perkūnai!*⁸⁷. То, что **šventas Rāgas* и *šventas*

⁸⁴ См.: *Balys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose. - Tautosakos Darbai*, III. Kaunas, 1937, с. 165, № 281 (о быке).

⁸⁵ Этот перечень в западнорусских летописях и особенно у польских хронистов часто сильно увеличивается. Ср. у Длугоша: *Lithuani tamen, cum silvarum et nemorum abundarent multitudine, habebant speciales silvas in quibus singulae villae et quaelibet domus atque familia, speciales focos, decedentium cadavera soliti erant conflagrare. Adiungebantur autem cremando corpori quaeque potiora, equus, bos, vacca, sella, arma, vestis, cingulus, torques, annulus, et simul una cum cadavere, non habito respectu quod aurea vel argentea forent cremabantur* (Opera Omnia XII, p. 471 и др.).

⁸⁶ Противопоставление верх - низ также относится к весьма актуальным именно для этого места, ср. гора - низина, позже *Aukštutinis pilis - Žemutinis pilis* (Верхний замок - Нижний замок) и т.п. на фоне основного противопоставления частей страны *Aukštaitija - Žemaitija*, *aukštaitis - žemaitis* и т.п. Тем не менее эта пара признаков более экстенсивна, чем огонь - вода. Об исключительной роли воды в погребальном обряде, начиная с неолита, см.: *Maringer J. Grave and Water in Prehistoric Europe. - The Journal of Indo-European Studies*, 1975, v. 3, № 2, p. 121-146 (автор подчеркивает, что в эпоху сооружения мегалитов могилы размещались исключительно вблизи воды; эта топографическая особенность предполагает представление, согласно которому вода - жилище мертвых; ср. также надмогильные зигзаги, символизирующие воду, или гитрий в погребениях, захватывающих и железный век).

⁸⁷ См.: *Balys J. Op. cit.*, с. 166, 167, № 291, 310. Ср. еще: *Žmonės Perkūną vadina "Dievaiciu", "Šventuoju"* (Ibid., с. 160, № 177).

Perkūnas приурочены к одному месту и к одному событию (жизнь + смерть), позволяет говорить о единых истоках этих мифологических образов, образующих своего рода мифопоэтический субстрат, из которого выросло само название будущего города⁸⁸. Примеры такого рода не единичны и в других традициях и, естественно, должны учитываться при оценке достоверности данной конкретной гипотезы. Можно сослаться на то, что Византий возник на полуострове, имеющем форму р о г а и называемом Р о г (тδ κέραс, ср. *Vuianthinorim Cornu*)⁸⁹; с этим местом также связывается особая мифологема об Ио, носившей коровьи рога (κέρата) и родившей Кероэссу (Κερόεσσα), сыном которой от Посейдона и был Βύζας, легендарный основатель Византия.

Подводя итоги анализу швинторогова цикла и признавая многочисленные неясности и сложности, уместно сформулировать несколько положений и поставить ряд вопросов, которые, вытекая из предыдущих рассуждений, должны прояснить ситуацию в методологическом плане. Прежде всего нужно настаивать на реабилитации фрагментов о Швинтороге в памятниках XV–XVII вв. как и с т о р и ч е с к о г о (в широком смысле слова) источника. Сопоставление летописных сведений о Швинтороге с их пространственно-временной реализацией позволяет исследователю от недостоверных и неясных сообщений перейти к ситуации, которая характеризуется весьма значительной правдоподобностью (а в некоторых случаях и верифицируемостью), правда, не в собственно историческом, а в мифопоэтическом смысле. Иначе говоря, восстанавливается не столько то, что могло бы интересовать историка, находящегося вовне, сколько то, что относится к модели мира тех, для кого швинторогов цикл был подлинной действительностью. Швинторог в этом цикле или в том, что предшествовало ему, скорее всего представлял некий знаковый комплекс, который мог получать конкретную реализацию в сюжете мифа, в квази-исторической схеме, в ритуале, в рамках социального устройства, в топографии, в поэзии, в языке. Настаивание на первенстве какой-либо одной интерпретации, отказ от сложностей, связанных с рассмотрением всех возможных аспектов одновременно, грозит искажением общей картины. При рассмотрении конкретных условий упорядочения общей сюжетной схемы в связи с данным местом и временем необходимо, где это только возможно, отличить случаи довольно полной детерминированности данного варианта сюжета местными особенностями от обычных случаев "переноса" схемы с места на место, предполагающих лишь поверхностное соотнесение сюжета и его локально-временной реализации. Иногда соотношение этих двух категорий случаев

достаточно сложно. В частности, некоторые детали швинторогова цикла и их обозначения повторяются, иногда даже в виде более или менее устойчивых комплексов, к западу от Вильнюса, нередко вплоть до моря. Сам факт наличия названий типа *Svent-rag-* в других местах (Kelmė, Marijampolė) достаточно показателен. Исходя из него, допустимо думать и о других возможных случаях этого рода; так, например, не исключено, что острый угол, образуемый впадением Швентойи в Вилию, мог обозначаться как *Sventrāgis* (особенно если учесть продвижение на восток в каждом новом поколении князей швинторогова рода). Вместе с тем восточная Аукштайтия и особенно Вильнюс и его ближайшие окрестности особенностями своего рельефа "открыли" идеальную возможность для того, чтобы содержательная схема основного мифа была "переведена" на язык топографии, "привязана" к конкретным локальным объектам. Тем самым именно здесь миф получил свой второй язык: элементы рельефа обрели новую для себя знаковую функцию, а вся совокупность этих элементов стала своего рода мифологическим текстом. Весьма характерно, что именно в этих местах Литвы сосредоточивается большая часть существующих с основным мифа названий (ср. топонимы и гидронимы с элементами **Vil-*, **Vyā-*, **Švent-* и т.п.) и что к востоку от Вильнюса нет надежных примеров разыгрывания мифологического сценария на языке топографии. Рельеф Вильнюса исчерпывающим образом воплотил схему мифа, и отчасти именно в силу этого само место будущего города стало сакрально отмеченным и еще до начала своей истории особенно выделенным среди других мест. Во всяком случае, едва ли разумно, говоря о внезапном появлении Вильнюса при Гедимине и его очень быстром росте, игнорировать этот мифопоэтический субстрат. Можно думать, что уже во второй половине XIII в. (или на рубеже XIII–XIV вв.) место будущей столицы Литвы рассматривалось как то пространство, на котором разыгралось "первособытие", описанное в основном мифе. Через эту соприкосновенность к мифу, к прецеденту, к ситуации "в первый раз" Вильнюс и всё с ним связанное вошли в особое родство со сферой сакрального, получили свой особый престижный статус, много объясняющий и в дальнейшей истории города.

Похоже, что легенды и мифы швинторогова цикла отражают какое-то ключевое событие, обусловившее изменение ситуации, характерной для предыдущего периода. Недостаточность материала, конечно, не позволяет сформулировать суть тех, по-видимому мировоззренческих, отразившихся в ритуальной практике, изменений, которые могли быть связаны с условной личностью Швинторога, точнее, с той традицией, которая скрывается за этим именем-криптограммой. Тем не менее, эти изменения, как можно предполагать даже по довольно скудным сообщениям западнорусских летописей, были очень значительными и создавали некую новую ситуацию: i приказал сну своему абы по смерти его на том месте где бы ег зжог i всех кнзеи Литовских i знаменитых бояр сожено было, i что бы в ж о н и г д е и н д е телеса мртвых не были сожены, т о л к о т а м б о и перед тым жыгали тела мртвых на том месте, хто где оумрет. – Выполнение приказа Швинторога реально могло обозначать создание общелитовского святилища, присвоившего себе исключительные права в совершении погребального

⁸⁸ В связи с *Svent-* как определением к обозначению города уместно сослаться на *motto* Фюстель де Куланжа – каждый город можно назвать святым – и на сходную мысль Тита Ливия: "В этом городе (в Риме. – В.Т.) нет места, которое не было бы запечатлено религией и занято каким-либо божеством".

⁸⁹ Позже это название (Золотой Рог) стало обозначать морскую бухту, в верхнем конце (углу) которой находился Византий.

обрядов. В этих условиях погребальный обряд трупосожжения, как показывает отчасти сопровождающая его символика, не мог рассматриваться иначе как воспроизведение, повторение прецедента – первой смерти и первых похорон, что опять-таки возвращает нас к соответствующему звену основного мифа. Можно сомневаться в спонтанном характере этого "возвращения" к истокам в середине XIII в. Скорее, в нем следует видеть результат усилий, исходящих сверху, со стороны княжеской и высшей жреческой власти, нуждавшейся в том, чтобы предгосударственное образование на территории восточной Литвы имело упорядоченную общеобязательную систему религиозно-обрядовых представлений. Былая автономия в этой области стала ощущаться как нежелательное явление, поскольку, предполагалось, только объединенный пантеон и единая общая обрядовая практика могли способствовать процессам объединения в раннегосударственные формы и противостоять христианской религии. Такая установка, видимо, и объясняет известную декларативность и даже некоторую искусственность швинтороговых предписаний. Во всяком случае, в условиях орденской агрессии и проникновения христианства с запада и с востока (прежде всего в великокняжескую среду) попытка консолидации старых обычаев и верований, их актуализации и включения в более общее, тяготеющее к универсальным, схемы мифопоэтической модели мира была бы вполне естественной⁹⁰. Инициатива Швинторога выглядела достаточно радикальной, особенно на фоне более уклончивой и ориентирующейся на компромиссы политики в вопросах веры и обрядовой практики примерно в то же время (середина XIII в.). Ср. хотя бы сообщение Ипатьевской летописи о Миндовге (под 1252 г.): крепление же его лъстиво бысть: жряше богомъ своимъ втайнѣ... и мертвыхъ телеса сожигаше, и поганство свое явъ творяше (ср. также сходную картину в записи под 1258 г.). Характерно, что именно в это время (50–60-е годы XIII в.) появляются и другие свидетельства, позволяющие предполагать своего рода форсирование языческих представлений и большее внимание к вопросам обрядовой практики. Не исключена догадка о существовании в это же время чего-то вроде дискуссий по вопросам языческой веры, с попытками апологии обрядовой практики с помощью установления ее связи с прецедентом в пределах своей старой (а иногда и чужой, ср. позже возведение к римским образцам) традиции. Именно в этом плане нужно, видимо, понимать известную вставку о Совии, сделанную в 1261 г. западнорусским переписчиком русского перевода "Хроники" Иоанна Малалы и посвященную изложению этиологического предания об установлении традиции трупосожжения (на оутрие сътворивъ крадоу огненоу великоу и врьже и на огнь...) у народов "иже совиею наричотсѧ"⁹¹ (можно думать, что вставка ориентирована прежде всего на ятвяжско-восточнолитовскую

область)⁹². Интересно, что в рассказе о Совии (как и в легенде о Швинтороге, где это сделано с большей отчетливостью) есть косвенные указания на внутренний смысл обряда трупосожжения – достижение небесного царства, вероятно, с идеей новой посмертной жизни. Собственно говоря, это же подтверждает и Guillebert de Lannoy, описавший свое путешествие в 1413–1414 гг.: *Ont les dits Corres, ja soit ce qu'ils soient crestiens natifz par force, une secte, que apres leur mort ils se font ardoir en lieu de sepulture, vestus et aournez chascun de leurs meilleurs aournements, en ung leur plus prochain bois ou forest qu'ilz ont, en feu fait de purain bois de quesne; et croyent, se la fumiere va droit ou ciel, que l'ame est sauvee, mais s'elle va soufflant de coste, que l'ame est perie.*

Естественно, что трупосожжение в Литве существовало задолго до Швинторога, и он не мог проявить инициативу в этой области, но зато вполне правдоподобно, что именно он мог придать этой практике особое значение, исходя из различий в погребальном обряде между разными частями Литвы. Во всяком случае, если судить по литературе, уже в V–VIII вв. в восточной части Литвы, к востоку и югу от Швентой и по обе стороны от Вилии, представлены почти исключительно курганы с трупосожжением (*pilkrai su degintiniais kerais*); к северу и западу от указанной территории начинается область преобладания других типов погребального обряда, прежде всего – трупоположение в плоских погребениях (так называемые *plokštiniai griautiniai kariai*)⁹³. В IX–XII вв. эта картина в целом сохраняется; по крайней мере, восточная часть Литвы по-прежнему характеризуется трупосожжением с захоронением в курганах. Зато в непосредственном соседстве с этой территорией, к западу от нее (вблизи места впадения Вилии в Неман), начинается область трупосожжения в плоских погребениях (так называемые *plokštiniai degintiniai kariai*)⁹⁴.

и иных многих языки. – Интересно, что в предании о Совии сюжетно мотивируются ложность обряда трупоположения (погребенный сначала в земле Совия к утру уже был изъеден червями и гадами). Более подробно см.: *Топоров В.Н.* Об одной "ятвяжской" мифологеме в связи со славянской параллелью. – *Acta Baltico-Slavica*, 1966, III, p. 143–149; ср. *Он же.* К балто-скандинавским мифологическим связям. – In: *Donum Balticum to prof. Chr. S. Stang.* Uppsala, 1970, p. 534–543.

⁹² Ср. заглавие: Слово НІ. Скажемъ поганьскыѧ прѣлести быти сѣцево и в Литвѣ на шей – с характерной позднейшей припиской на полях: се есть прелесть поганьская и внашой Литвѣ тося водило злое дѣло и до Витовта, бо Витовтову жону во Иряколе сожгли по смерти и потомъ почали переставати жечися.

⁹³ См.: *Lietuvos archeologijos bruožai*. Vilnius, 1961, с. 541–548 и особенно с. 278 (карта).

⁹⁴ Там же, с. 552–560 и особенно с. 377 (карта); ср. также: *Седов В.В.* Курганы ятвягов. – *СА*, 1964, № 4; *Гуревич Ф.Д.* Обряды погребения в Литве. – КСИМК, 1947, 19, и др.

⁹⁰ Во всяком случае, такая же попытка, очевидно, была предпринята в Киеве во второй половине X в. князем Владимиром, создавшим новый обобщенный пантеон. К сожалению, сведения о ритуале остаются почти неизвестными.

⁹¹ Ср.: о великаа прелесть діавольская ꙗже въведе въ литовский родъ и ꙗтвезъ и въ проусы и в емь и во ливъ

В связи с этим изменением можно поставить вопрос, предполагающий некую гипотезу: не является ли смена оппозиции "курганы с трупосожжением" - "плоские погребения с труположением" (V-VIII вв.) оппозицией "курганы с трупосожжением" - "плоские погребения с трупосожжением" причиной дальнейшей эволюции форм трупосожжения в восточной Литве, напр., по образцу швинторогова предписания? К сожалению, остается неизвестным и другое важное обстоятельство: были ли в это время в восточной Литве виды погребения, подобные тем, которые практиковались на Руси в отношении так называемых "заложных" покойников (ср. работы Д.К. Зеленина), т.е. погребения в дурных местах - вода, болото, свальная яма и т.п.?^{94а} Не зная ответа на

^{94а} Поскольку можно предполагать (в частности, исходя из данных других традиций), что оппозиция двух типов захоронения - обычного и "заложного" - отражает вообще некое фундаментальное, синхронно существующее различие между двумя типами захоронения, то приобретает особый интерес сведения о похоронном обряде у пруссов. Такого, напр., сообщение Вульфстана о том, что умерший пребывает в своем доме, среди родственников и друзей, месяц, иногда и два; князья же и другие знатные - в зависимости от их богатства - могут лежать несожженными на земле в их домах среди пирующих до полудня. Ср.: And þær is mid Éstum þeaw þonne þær bið man dead, þæt he lið inne unforbaerned mid his magum and freondum monað, - gehwílum twegen; and þa [cyningas] and þa oðre heah-þungene men, swe micle lencg swa hī maran speda habbað, hwílum healf-gear, þæt he beoð unforbaerned; and licgað bufan eorðan on hyra husum and ealle þa hwile, þe þæt lic bið inne, þær sceal beon gedrync, and plega, oð ðone daeg, þe hī hine forbaernað (SRP I, 734, § 21, ср. § 23). Не намекает ли этот обычай на более древнюю практику (до трупосожжения)? Описание погребальных обрядов у носителей оксывской культуры см. в кн.: Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974, с. 136 и след. Ср. обычай древних иранцев выносить труп на вершину горы или на особое сооружение ("дахма", по происхождению "погребальный костер"), чтобы собаки и птицы пожрали труп (ср. "Видевдат"), или же обычай массагетов убивать стариков. Особой роли собак в погребальном обряде у индо-иранцев (ср. собаки Ямы, церемония *sagdīd* 'взгляд собаки' у зороастрийцев, роль собаки в борьбе за душу покойного на мосту Чинват, собаки - пожиратели трупов в ряде иранских традиций и т.д.) может соответствовать описанное выше сожжение собак при похоронах Швинторого. На самом деле параллелей такого рода гораздо больше. Еще важнее то, что иранские данные хорошо мотивируют и сам погребальный обычай и роль в нем собаки. Ср.: Рапопорт-Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 23-37. Вопрос может быть поставлен в еще более общей форме: знали ли в Литве (и - шире - у балтов) так называемую "тройную" смерть, каждая из которых связывалась с носителями одной из трех основных функций? Уже Дюмезиль (La

этот вопрос, трудно вполне оценить ситуацию трупосожжения в швинтороговой равнине, которая, по-видимому, время от времени оказывалась под водой (огонь X вода)⁹⁵. Тем не менее кажется возможным предположение, что суть инициативы швинторого не исчерпывалась введением трупосожжения только в одном, сакрально отмеченном месте,

Saga de Hadingus. Paris, 1953, p. 118-159) проанализировал миф о жертвоприношении, в котором различается смерть утоплением, влекущая за собой ритуал третьей функции, и смерть повешением, после которой совершался ритуал первой функции. Позднее были приведены и еще более убедительные примеры, см.: Ward D.J. The threefold death: an Indo-European trifunctional sacrifice? - In: Myth and law among the Indo-Europeans. Berkeley-Los Angeles-London, 1970, p. 123-142. Особенно характерны кельтские данные. Так, в "Житии св. Колумба" (см. Adhamhnán's life of St. Columba, ed. by W. Reeves. Edinburgh. 1874) святой объявляет, что он умрет тремя разными смертями: будет ранен в шею копьем, упадет с дерева в воду и утонет (падение с дерева - вариант повешения). Уорд приводит сходные примеры из славянской, греческой, иранской и других традиций. За пределами индоевропейского мира трехфункциональность весьма ярко выступает в известной финской балладе "Mataleena": Где твои три сына (*Kolme poikalastas*)? Первого ты сжег в огне (*tulehen*), второго утопил в воде (*vetehehen*), третьего ты похоронил в земле (*karkeesehen*), и далее: первый мог бы быть рыцарем в Швеции (*Ruotsissa ritari*), второй - горожанином в этой стране (*herra täällä maala*), третий - хорошим священником (*pappi paras tullut*) (см.: Talley J.E. The threefold death in Finnish lore. - Myth and Law..., p. 143-146). Не исключено, что *тризна* и представляла собой соединение ритуалов всех трех функций, что - в конечном счете - может быть согласовано с известным объяснением этимологии слова *тризна* в статье: Трубачев О.Н. Следы язычества в славянской лексике. - ВСЯ, 1959, № 4, с. 130-135. Ср. также в кн. Этимология 1977 (М., 1979) работу автора "К семантике троичности слав. **trizna* и др." Вместе с тем захоронение с помощью земли, воды, огня подчеркивает роль основных элементов мироздания, о которых, например, специально рассказывается в 1-й главе "Бундахишна". См. также: Eilers W. Herd und Feuerstätte in Iran. - In: Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974, S. 307-338.

⁹⁵ В настоящее время в весенний паводок Нерис (Вилия) проносит 2000 м³/сек. (т.е. в 6-7 раз больше, чем летом) и нередко вызывает наводнения в Вильнюсе (1931, 1941, 1951, 1956, 1958 гг.), когда вода затопливает часть теперешней площади Гедимины. См.: Vilniaus miesto geografija. Vilnius, 1965, с. 24 (далее - VMG). Также и Вильна, когда она текла через эту же площадь и далее мимо теперешнего здания Библиотеки Академии наук, видимо, могла быть причиной наводнений - тем более, что раньше она принимала слева, около бывших Тракайских ворот, приток *Kačerga* (*Vingrė*), текший под значительным уклоном в сторону Вильны.

Не исключено, что она касалась и деталей обряда и — что значительно важнее — мифологического обоснования (мотивировки) новых форм старого обряда, в частности актуализации связей погребального обряда с основным мифом и прежде всего с его основным участником — Перкунасом^{95а}.

II

Основанию Вильнюса посвящен другой цикл преданий, связываемый с именем уже вполне исторического персонажа князя Гедимина (годы правления — 1316–1341). Как образец рассказа об основании города можно привести соответствующую главку из западнорусских летописей по списку Археологического общества (ПСРЛ XVII, 261–262).

О великом кнѣзи Кгиндимине как Троки зарубил і Вилню. И некоторог часу поехал кнѣз. великий Кгиндимин со столца своего Кернова в ловы за пят мил за реку Велю, и наиде в пуши. гору Красну дубровами і ровнинами обдѣглую і сподобалос ему велми. і он там поселилсѣ и заложил

^{95а} Как видно из предыдущего, исторические события, предшествующие первым упоминаниям Вильнюса, разворачивались на территории, ограниченной с запада средним течением Немана, а с севера — течением Нериса, включая часть правобережья. Именно здесь находятся Каунас, Кернаве, Майшягала, Тракай, уже упоминавшиеся в связи с предысторией Вильнюса. Можно напомнить, что эта территория отчетливо выделяется и в археологическом плане: она составляет специфическую локальную группу культуры штрихованной керамики (яркая, но неглубокая штриховка, особые ребристые формы, характерный орнамент) с некоторыми существенными особенностями обряда погребения (курганы с двумя каменными венцами — наружным и внутренним). Особенно важно, что именно здесь в середине I тысячелетия н.э. появляются самые ранние случаи трупосожжения, которое в VII–VIII вв. уже стало господствующим обрядом во всей восточной и центральной Литве. См.: Куликаускаене Р.К. Образование литовской народности (по данным археологии). — В кн.: Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1977, с. 61–65 и др. Этот же автор справедливо подчеркивает, что в этом месте сложилось ядро будущей литовской народности (характерно, что слово *Литва* впервые появляется в 1009 г. в Кведлинбургских анналах и несколько позже — в 1040 г. — в русских летописях) и здесь же находился центр раннефеодального Литовского государства. Уместно напомнить, что в этих же пределах находится и река *Lieta-và*, давшая, по правдоподобному мнению К. Кузавиниса, имя Литве и соответствующему этносу. Иначе говоря, оказывается, что мифопоэтическая хронология довольно точно накладывается на реальную картину, восстанавливаемую археологическими и историческими источниками. См.: Кузавинис К. Происхождение названия "Литва". — Конференция по топонимике. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965, с. 74–75.

город и назове имѣ ему Троки. где ѿне старши Троки. сѣт ис Кернова перенес сталец свои на Троки и в малых часех поехал после того, кнѣз великий Кгиндимин в ловы от Троков за четьре мили и наиде гору красную над рекою Вилнею. на которой наиде зверѣ великого тура і оубьет его на той горѣ гдѣ ннѣ зовут Турягора і велми было позно. до Троков ехати і станет. на луцѣ на Швинторозе¹. где перших великих кнѣзи жигали. і обначовал и спѣшу ему там сон виде што ж на горе которую звали Криваѣ тепер Лысаѣ стоит волкѣ желѣзныи велика в нем ревет как бы сто волков выло² і очутивсѣ от сна своег. і рече в ороужбиту своему именем Лиздеику которой был наиден оу орлове кнезде. і был тот Лиздеико оу кнѣз Кгиндимина ворожитом навѣвшим потом попом поганским видех деи сон дивныи і сповѣда ему все што се ему оуво сне видело. і тот Лиздеико рече гдѣ сѣди кнѣже великий, волкѣ желѣзныи знаменует город столечныи тут будет. а што в нем оунутри ревет то слава его будет слынути на вес свѣт. і кнѣз великий Кгиндимин на завтрее же не отеждаючи послал по люди. і заложил город один на Швинторозе, нижнии и други на Кривои горѣ³ которую ннѣ зовут Лысою. і наречет имѣ тым городом Вилна. и збудовавши городы перенесет сталец свои с Тров (так!) на Вилню. і оучинит первым воеводоу оу Вилни гетмана своего Кгаштолта с Колямнов которой сѣ народил, с Кумпа которой был пойман от Немцов на Куносове. и кнѣжил великий кнѣз Кгиндимин много лѣт на кнѣжестве Литовском і Руском і Жомойтском. і был справедливым і много валкѣ мевал, а завжды зыскивал. і паном фортуналиве, аж до старости великое своеи.

Примечания: ¹Евр.: и стали на луцѣ над рѣкою Вельею і на устии рѣки Велны которую зовут луку Швинтороги гдѣ первых великих кнѣзи жигали и он на той рѣке стал; Ольшевск. спис.: i stanęł na łące na Swintorozie; Спис. Быховца: y stanet na łuce na Szwintorozie. ²Рач.: стоит волкѣ желѣзныи великий а в нем ревутъ кѣ бы сто вильков; Евр.: стоит волкѣ желѣзныи велик а в нем ревет как бы сто волков взывало; Ольшевск. спис.: stoi wilk żelazny wielki a w nim riczi iakobi sto vilkow vilo; Спис. Быховца: stoit wilk żelizny welik, a w nem rewet kaliby sto wilkow wylo. ³Рач.: и заложил городъ одинъ на Швинторозе нижнии, а други на Кривои горе; Евр.: и заложил кород одинъ на Швинтороѣ а други на Кривои горѣ; Ольшевск. спис.: i založil zamek ieden na Swintorozie niżni a drugi na Krzivei gorze; Спис. Быховца: y zalożył horod odyń na Szwintorozie, niżni, a druhi na Krywoy hore.

Существенно более полную версию сообщает Стрыйковский (I, 369–373):

O założeniu Trokow Starich i Wilna przez Gedimina, roku 1321.

Gedimin... zbywając w Kiernowie rozmaitymi łowami przeszłej pracy, i niewczasów wojennych, zebrawszy się z dworem i wszystkim myśliwstwem swoim, jachał w głęb-sze puszcze dla weselszej pocięchy, i główniejszych łow-

wow... Tak potom upodobało mu się miejsce i plac nie tak bardzo słuszny ku zamkowi, jako jemu wdzięczny, iż się na tym miejscu i w okolicznych polach i lasach obłowił, tamże zarazem obesiawszy wołości, zabudował zamek, który przekopem i wałem obwarował, i nazwał go Troki, dla tego iż co żywo, zajęcy, lisów, kunic, i inszego małego zwierza i ptastwa, tak dworzanie, jako osoczniczy, myśliwcy, kuchcikowie i chłopięta, wszyscy byli pełno około Tarczaków, przed sobą, i za sobą i po stronach w troki nawiązali i nawieszali, zwierzu też wielkiego łosi, jeleni, sarn etc. pełne wozy nakładali... a w Trokach się nowa stolica xiążąt Litewskich poczęła; ale nie długo trwała, bo Gedimin rychło potem zajachawszy w łowy, zwykłym obyczajem, czynił ostępy nad brzegami rzeki Wilieji, które w ony czasy lasami i puszciami wielkimi, gęstymi a gwałtownymi zawieszisto zarosłe, leżyskami tylko przechowaniem rozmaitemu zwierzowi tak wielkiemu jako i malemu były. Tak tedy Gedimin bawiąc się łowami, a z ostępem na ostęp przejeżdżając, przyjechał ze wszystkim orsakiem dworu i myśliwstwa swego na zglisk a poświęcone przodków swoich, gdzie rzeka Wilna do Wilieji wpada, od Trok Starych cztery mile, które zgliska, to jest plac palenia ciał xiążęcych i panów przedniejszych Litewskich i fundował był na tym miejscu Swintorog, a po nim Germont syn jego... gdzie też kapłani Litewscy obyczajem pogańskim bogom swoim ofiary za dusze zmarłych xiążąt... czynili, i ogień wieczny ustawicze w dzień i w nocy bez przestanku (jako też ono był w Rzymie obyczaj ceremoniej Vesti boginie) na tym miejscu za pilnością kapłanów k temu ustawionych górz a i, który ogień Litwa i Żmódź, Prussowie, i Łotwa za osobliwego Boga mieli i chwalili.

Tam tedy Cedimin około przereczonych zglisk w puszczy między górami, które dziś łysymi zowią polując, imo inszego zwierzu mnóstwo sam postrzelił tura wielkiego kuszi, i zabił go na tej górze gdzie dziś wyszły zamek Wileński, którą górę od tego tura i dziś Turzę górą zowią, a skórę i rogi jego złotem oprawione, miasto znacznych kleinotów długo w skarbie chowano, aż do czasów Witołdowych a Witołd iż pospolicie s tych rogów na wielkich biesiadach, i czestowaniu posłów postronnych pijał, tedy jeden darował za wielki upominek cesarzowi Rzymskiemu Sigmundowi...

Gedimin spracowawszy się łowami, tudzież iż wieczór był zaszedł, a noc ciemna nadchadziła, do Trok też omieszkał pocieszysz się znacznee z zabitego ręką własną tura, nocował w kotarhah ze wszystkim dworem swoim na zgliskach mianowanych na łące Swintorozie od Swintaroha xiążęcia nazwanego, gdzie dziś puszkarnia, stajnie i niższy zamek. A gdy po pracy jak to bywa twardym snem był zmorzony, śniło mu się iż na tej górze i na tym miejscu, gdzie tura ubił, i gdzie dziś Wilno z zamkami stoi, widział wilka wielkiego, i mocnego, a prawie jakoby żelazną blachą

warownie przeciw wszelkim postrzatom uzbrojonego, w tym wilku zaś słyszał sto wilków ogromnie wyjących, których głos po wszystkich stronach roznosił. Ociwysz się tedy Gedimin, wpadł mu ten sen w myśli, i gryzł się długo sam z sobą, chcąc zgadnąć co by się przez to znaczyło... Lecz ten sen i wykład jego nie dał się żadnemu tak zgolał gryść, aż musiało przysć na Krywe Krywejta biskupa Litewskiego pogańskiego, któremu było imię L i z d e j k o.

A ten, jako Latopiszczce świadcza, za Witenesa ojca Gediminowego był nalezion w orlim gniazdzie w jednej puszczy przy gościńcu, a niktórzy powiadają, iż w kolebce ochędożnej na drzewie zawieszonego sam Witenes nalazł, i chować go dał ućciwemu syna; a gdy dorosł okazował z siebie dzielności nie prostego człowieka, stąd się znaczyło, iż był zacnego jakiegoś albo xiążęcego narodu, ale snać dla zazdrości panowania, jeszcze w pieluchach albo macochy, albo od ojczyzna był tak do lasu zasłany, jako też ono był uczynił Emilius król Albański, Remusa i Romulusa bliźnięta z Rehi Silwii dziewczki królewskiej mniszki urodzone zasłał był tajemnie do Tibru utopić, które potem od wilczych wychowane (jak sławia) i od Faustulusa pasterza znalezione, Rzym głowę wszystkiego świata założyli, etc. ... Bo się też tak właśnie i w naszym Lizdejkiem w on czas działo, który będąc na dworze xiążęcym wychowany, w naukach gwiazdarskich, według biegów pogańskich, w wieźdźbierstwach, snów wykładach... był wycwiczony, aż potem był za Gedimina, nawyszym biskupem albo przełożonym nabożeństw pogańskich, którego z urzędu Kriwe Kriwejto zwano, o którym urzędzie apud Cromerum, Miechovium, Długossum, Erasmus Stellam, Dusburchium, najdziesz jasne świadectwa. Ten tedy Lizdejko, biskup nawysz, nie inaczej (jako Joseph Faraonowi...) on sen o wilku na Turzej górze stojącym i o stu wilków inszych w nim wyjących, tym kształtem porządnie i prawdziwie wyłożył: "Iż wilk ten któregoś widział, jakoby z żelaza ukowanego, Wielki Książę Gedimine! znaczy to: iż na tym miejscu zglisk, przodkom twoim poświęconych, będzie zamek mocny... i miasto tego państwa główne, a sto wilków w tym wilku ogromnie wyjących, których się głos na wszystkie strony rozchodzi, to znaczą: iż ten zamek: to miasto, zacnością i dzielnością obywatelów swoich, tudzież wielkimi sprawami potomków twoich Wielkich Xiążców Litewskich, którzy tu będą mieli stolec swój, rozgłoszy się i rozszerzy z wielką sławą po wszystkich stronach świata, i cudzym narodom w rychle z tej stolice z wielką sławą panować będą".

Tak mądry i prawdziwy a ku rzeczy wykład snu Lizdejkowego, Gedimin pochwaliwszy i ofiary bogom swoim na zgliskach odprawiawszy, wnet nie długo odkładając, obesił wołości okoliczne, rzemieśników też rozmaitych, cieśliów, murarzów, kowalów, kopaczów i materiej k temu wszelkiej dostatki sposobiwszy, począł murować naprzód wyszły zamek na Turzej górze, na której sam z kusze tura wielkiego był postrzelił. Wymierzył potem plac na niższy zamek na Swintorozie, które miejsce w on czas Krzywą doliną nazywano, przy uściu Wilny rzeki, gdzie do Wilieji

w p a d a, tamże zamek niżny z drzewa z wyniosłymi wieżycami, i z białkami Gedimin wielką prętkością, ale z większą pilnością, zbudował kosztownie, a dokonawszy obu zamku, mianował ich W i l n e m o d W i l n y r z e k i. Także i miasto prętko się przy zamkach n a d W i l n ą i W i l j ą osadziło, bo Gedimin z Trok stolicę swoją tegoż roku do Wilna przeniósł i tam ją na potomne czasy ugruntował; za czym wielkie zebranie ludzi, jako orłowie do ścierwu prętko się w wielkie miasto i rozwlokłe possady zgromadziło. Panowie też wszyscy dwory wielkie przy głównym miejscu, dla ustawicznego tam mieszkania Wielkiego Xiędza swojego, ozdobbne pobudowali, tak iż Wilno z małych początków zaczęte, gdzie przed tym tylko trupy xiążęce paliwano miasto pogrzebów, wielkim i sławnym miastem roku 1322 urosło, za radą mądrą Lizdejkową, który był potym długo biskupem litewskim żonatym, według pogaństwa i Augurem albo wieszczkiem, jako był obyczaj wzięty i urząd zacny u Rzymian *Augurii* bo i Cicero, jako sam świadczy o sobie, on mąż i senator zacny Rzymski, był też augurem w Rzymie z urzędu, to jest wieszczkiem albo dozorcem zwierchnym wieźdźbiarstwa, według których się Rzymska rzeczpospolita sprawowała, co też Litwa jakoby od Rzymian zwyczaj podany zachowywała, a jako Cicero inszy w Rzymie, tak też Lizdejka w Wielkim Xięstwie Litewskim był augurem...

Postawił jeszcze Gedimin b a ł w a n P e r k u n o w i albo P i o r u n o w i, kamień krzemienisty wielki, z którego ogień kapłani krzossali, w rękę trzymając, temu też na ofiarę ustawicznie o g i e ń w i e s z n y z d e b i n y w e d n i e i w n o s y p a l o n o, na tym miejscu gdzie dziś kościół (od Jageła, wnuka Gediminowego fundowany) świętego Stanisława w zamku.

В приведенных источниках прежде всего бросаются в глаза две особенности: во-первых, та же идея последовательного переноса княжеской столицы на восток (Кернов + Троки + Вильна)⁹⁶, которая уже отмечалась в текстах швинто-

рогова цикла, и, во-вторых, настойчивое указание на связь выбранного Гедимином места для основания новой столицы с местом, предназначенным Швинторогом для трупосожжения и святилища, где приносились бы жертвы богам, в частности и прежде всего Перкунасу. Правдоподобно предположение, что для Гедимины в связи с этим местом были важны не только существенные для Швинторога отсылки к основному мифу, но и сам прецедент, созданный Швинторогом – создание в устье Вильны общелитовского культового центра, основное назначение которого – проводы покойника в иной мир. В отличие от Швинторога Гедимин создает в этом месте военный, а затем экономический и политический центр Литвы, но, тем не менее, само мифологизированное описание выбора места для будущего города и столицы несет на себе отчетливую печать включенности всего происходящего в рамки схемы, представляющей собой трансформацию основного мифа. И сам Гедимин, в духе теории Дюмезиля, может рассматриваться как эпическое преобразование Громовержца. Во всяком случае, он соотнесен с Перкунасом через целый ряд исключительно значимых соответствий, прежде всего на уровне атрибутов, символическая связь которых с основным мифом была рассмотрена в другом месте. Гедимин п о р а ж а е т на горе огромного т у р а (имя тура становится названием горы – *Turbja gora, Turza góra*)⁹⁷

убиша и насытишася от лова своего. И прииде имь от Бога во срьдце мысль, дабых разсмотрили себя на ж и т е л ь с т в о м ъ с т о и вселися ту и съвокупинася единомышленно и восхотѣша всѣ пребыти ту... и приидоша на мѣсто гдѣ Драгошъ т у р а уби, и возлюбаша и вселишася в ту и выбра из своей дружины себе мужа разумна именемъ Драгоша и назваша его себе г о с п о д а р е м ъ и в о е в о д о ю. И оттоле начашася Божиимъ произволениемъ Молдавская земля. И Драгошъ воевода насади п р ъ в о е м ъ с т о на рекъ на Молдавіи... и учиниша себе печать воеводскую во всю землю т у р ь ю г о л о в у... (см.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976, с. 57-58). Не менее характерно, что все начинается с прихода спасающих от гонения д в у х б р а т ь е в (ср. ниже тему близнецства-двойничества) "от града Виници" – Р о м а н а (с ним связаны римские ассоциации) и В л а х а т а (эпический персонаж, чье имя дало начало названию этноса; в конечном счете корень этого слова *uol-/k-/ родственен тому, что в названии Вильнюса). После Драгоша идет последовательность из с е м и правителей-воевод. Ср. там же, с. 24 (Бистрицкая летопись. 1359 г.), 55, 60, 62, 68, 105.

⁹⁷ Ср. *Taurākālnis, Tauro kalnas* в Вильнюсе (не смешивать с Турей горой предания). Названия этого типа, конечно, вызывают ассоциацию как с многочисленным типом *Perkūnkalnis* (LTD III, 1937, с. 163), так и с самим *Gedimino kalnas*. Ср. также: *Taurāpilis* (в уезде *Taurāgnai* (!), р-н Утены, см. выше), чье название суммирует оба старых названия холма Гедимины – *Турья* (*Taur-*) и *Замковая* (*Pilies*) гора; *Taurai, Taurakiai, Taureikā, Tauriekos, Taurijā, Taurinē, Taurūčiai; Tauragė, Tauragėnai, Taurāgnai, Tai-*

⁹⁶ Ср. еще далее: и князь великий Троишень наидеть г о р ъ красну. и хорошу над рекою Боброю и там зарубить г о р о д. и назоветь его Р а и г о р о д (ПСРЛ XVII, 238). Показательно само название города, отчасти противопоставленное Вильнюсу (см. ниже). Весьма показателен сам способ освоения новой территории и основания города на месте удачной охоты. См.: *Elia-de M. De Zalmoxis à Gengis-Khan. Etudes comparatives sur les religions et le folklore de la Dacie et de l'Europe Orientale. Paris, 1970.* – В этом отношении удивительна аналогия, доставляемая данными славяно-молдавских летописей за 1359 г. Полнее всего она засвидетельствована Летописью 1359-1504 гг. Ср.: И в нихъ бѣ чловѣкъ разумень и мужественъ именемъ Драгошъ и поиде себѣ со дружиною на л о в ъ з в ѣ р и н ѣ и наидоша под г о р а м и высокими с л ѣ д ѣ т у р о в и поидоша с л ѣ д о м ѣ за т у р о м ѣ через горы высокие и перейдоша высокия планины, сии рече горы и преидоша за т у р о м ѣ на м ѣ с т о долине и краснейшие и наехаша т у р а у реки на брегу под вербою и его

(ср. лат. *mons Taurus*. Pomp. Mela), что приобретает отчетливое мифологическое значение, если учесть, что тур связан с Богом Грозы, воплощает грозу, гром⁹⁸ (ср. также *Perkūno ōžys*). Особо подчеркивается мотив турьих рогов, которые были оправлены золотом и использовались на пиршествах. Не говоря о хорошо известных мифологических и символических значениях рога, особенно турьего (плодородие, сексуальная сила и т.п.), следует напомнить, что именно рог (в частности, турий) был одним из характернейших атрибутов Громовержца, отраженных не только в словесных описаниях, но и в соответствующих изображениях (идолы); ср. также топонимы типа *Tauragė* (из **Taur-* & **rag-*), конечно, соотносимые как с названием быка, собственно, тура, *Perkūnragis* (см. выше)⁹⁹, так и с наименованием места - **švent-* & **rag-* (> *Швинторог*).

Во сне Гедимину является железный волк, образ которого, по объяснению жреца Лиздейко, толкуется как указание на то, что в будущем на этом месте будет великий город. Не останавливаясь здесь подробнее на этом образе, необходимо все-таки заметить, что возможные и вполне правдоподобные ассоциации с образом капитольской волчицы¹⁰⁰ (*Lupa Capitolina* или, по словам Тита Ливия, *Lupa... ex montibus, qui circa sunt*, I, 4), вскормившей близнецов, основателей Рима¹⁰¹, ни в коем случае

rakiemis, Taurālaukis, Taurupys, Taurūpiškis (LATS, II, 1976, 314), а также многочисленные гидронимы, ср. LUEV, 171-172. Ср. такие названия, как *Турова божница* (1146 г.) в Киеве на берегу Почайны; *капище Турово*, Костромск. губ., и т.п. Первое из этих названий особенно характерно. Отмеченное место убийства Тура на горе и могло быть чем-то вроде *Туровой божницы*.

⁹⁸ Ср. загадки типа: *Тур ходит по горам, турица - то по долам; Тур свистнет, турица - то мигнет с ответом гроза или: Турски поссоки, оленьи поглядки...* с ответом *туца, гром*. Уже отмечалось изображение турьей головы на груди идола Радгоста, как и образы ильинского быка, *Турой'a*, Зевса в виде быка, ведийские представления о грозе как ревущих быках и т.п.

⁹⁹ Ср.: Žmonės Perkūną įsivaizduoja seniu su raga i s. - LTD III, 1937, с. 169, № 344.

¹⁰⁰ Ср., напр.: Chodyncki K. Tradycja jako źródło historyczne. - In: Studja staropolskie. Księga ku czci A. Brücknera. Kraków, 1928, с. 178.

¹⁰¹ Имея в виду сказанное выше в связи с мотивом города-блудницы, заслуживает упоминания игра значений в лат. *Lupa* 'волчица' и 'проститутка' в фрагменте, относящемся у Тита Ливия к предыстории Рима: «Иные считают, что Ларенция звалась среди пастухов "волчицей" потому что отдавалась любому...» (I, 4). В связи с рассматриваемыми далее римско-вильнюскими параллелями особенно интересно, что мотив развратной Ларенции находит параллель в народном рассказе о происхождении реки Вилии: Ср.: «...Сын был непослушным, а дочь была развратная... Мать прокляла свою дочь... и она разлилась рекой, названной

чае не исчерпывают "волчьей" темы в связи с Вильнюсом, хотя для летописцев XVI-XVII вв., особенно для Стрыйковского, римские аналогии были, конечно, ведущими. Дело в том, что мотив волка тесно связан с самим Вильнюсом и его ближайшими окрестностями¹⁰². Так, еще в начале XX в. в связи с именем *Vilkipėdė* (юго-запад Вильнюса) существовало предание о камне с отпечатком волчьей стопы (*vilkas* и *pėdė*); в этом же месте есть и другие указания на существование в прошлом культового центра (предполагают, что некогда здесь был курган - *pilkarūnas*, ср. *Kurganų gatvė*)¹⁰³; само противопоставление *Neris* (*Paneriai*): *Vilk-* (*pėdė*) на юго-западе Вильнюса напоминает связь волка (*vilkas*) из Гедиминовой легенды с Нерисом, протекающим у подножья холма Гедимина (собственно, и *Vilkipėdė* могло пониматься как подножие и волчьей горы - *vilko kalno papėdė*)¹⁰⁴; ср. лат. *Lupercal*, пещера у подножья Палатинского холма, посвященная Луперкусу, Пану Ликейскому¹⁰⁵, *Lupercalia*, празднество в честь Луперка). Вообще заслуживает особого упоминания то обстоятельство, что при повсеместном распространении топонимов и гидронимов с корнем *Vilk-* в Литве именно восточная часть ее выделяется обилием примеров (ср. LATS II, 1976, 345-347). И ближайшие окрестности Вильнюса (Вильнюсский р-н) доставляют особенно значительное количество убедительных примеров, ср. *Vilkaabrastis, Vilkaarastis, Vilkėliškės, Vilkinė, Vilkinė, Vilkiškės* (дважды), *Vilkiškės* и т.д. В свете сказанного показательны такие наименования с *Vilk-*, которые имеют параллели с уже отмеченными первыми членами; ср. *Vilkaakalnis* (р-н Биржай) при *Perkūnkalnis, Gedimino kalnas, Taurākalnis, Šventākalnis* или же *Vilkaragis* (р-н Игналина) при *Perkūn- & rag-, Taur- & rag-, Švent- & rag-* и т.п.¹⁰⁶

"В и л и е й", а сын за неповиновение стал камнем в образе человека. Камень этот на том месте стоит и теперь с отбитой от удара молнией головой». См.: Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. II. СПб., 1893, с. 430-431.

¹⁰² Помимо этого существен и сказочный мотив о волке (в частности, *geležinis vilkas, varinis vilkas*), помогающем герою достигнуть цели. См.: *Basanavičius J. Lietuviškos pasakos yvairios*, III. Kaunas, 1928, с. 171; *Kerbelytė B. Lietuvių liaudies padavimai*. Vilnius, 1970, с. 131. В Литве, в частности на Виленщине, и в Белоруссии мотив следа на камне (как волчьего, принадлежащего грешнику и т.д., так и следа богородицы) пользуется широкой известностью. См.: Шейн П.В. Указ. соч., т. II. с. 440 и след.

¹⁰³ См. VMI, 22.

¹⁰⁴ Ср. в русской микротопонимии Вильнюса *Волчьей улице* (крайняя западная часть города, под углом к Граничной улице, в непосредственной близости к Нерису).

¹⁰⁵ От имени *Lupercus*, италийское божество стад (из *lupus & arceo*, ср. *arx Romana* как обозначение кремля на Капитолии при *Lupa Capitolina*).

¹⁰⁶ Ср. также не вполне ясные случаи типа лит. *Vilkmergė, Ukmergė*, русск. *Вил(в)комир*, польск. *Wilkomierz* и т.п.

Наконец, существует очень большое количество типологических параллелей к связи божества или какого-либо мифологического персонажа с волком, с одной стороны, и князя, предводителя дружины, с волком, с другой¹⁰⁷. Здесь можно указать на волков Одина или Св. Егория (волк был священным животным Марса, бога войны) и образы князя-волка, как известный Всеслав из соседнего Литве Полоцка (Скочи лю т ы м ь з в ъ р ь м ь в ь полуночи ... Скочи в ъ л к ь м ь до Немигы ... Вьсеславъ ... самъ в ъ ночь в ъ л к ь м ь рискаше ... великому Хрсови в ъ л к ь м ь путь прѣriskаше ... в "Слове о полку Игореве") и связанные с ним Вол(ь)х - Вольга из русских былин (Ко другой-то мудрости учился он, В ъ л ь х -| Обвертываться серым волком) и Вук - Змей Огненный в южнославянском эпосе¹⁰⁸. Гедимин как князь-охотник, ходящий "на ловы" вместе со своей дружиной, вполне естественно связывается с "волчьей" темой¹⁰⁹, а дружина-с волками-воинами типа тех, о которых говорят древнегерманские тексты (ср. др.-англ. *heorowulfas*, *werwulfas* и т.п.) и соответствующие изображения¹¹⁰. Родословная Гедимина вносит последний и, возможно, решающий аргумент в вопрос о внутренней укорененности "волчьей" темы в легенде об основании Вильнюса. "Литовскому роду починок" начинается с впечатляющего перечисления (см. ПСРЛ XVII, 205): Литовскому роду починокъ первое Х в о с т ь. а снъ оу него В о л к ь. а оу В о л к а снъ Троен. а оу Троена Витень, а оу Витена снъ Е д и м а н (Гедимин. - В.Т.). а оу Едимана. Э. (семь. - В.Т.) снъ¹¹¹ (то же повторя-

¹⁰⁷ См.: Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1975, т. 34, № 5, с. 399-408. В частности, в этой статье дается убедительный анализ волка как символа вождя боевой дружины.

¹⁰⁸ См.: Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos; Jakobson R., Ruzičić G. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos. - In: Jakobson R. Selected writings, IV. The Hague-Paris. 1966, p. 301-379 и др.

¹⁰⁹ Как основатель города он может быть сопоставлен не только с римскими близнецами, вскормленными волчицей, но, конечно, и с Ликаоном (от λύκος 'волк'), основавшим город с волчьим именем, с родоначальником нартов, отцом близнецов Вархага (*Wærhæg*); от *woerg-*, *woerh-* 'волк', ср. ср.-инд. *vrka-*. См.: Аббаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 89 и др.

¹¹⁰ См.: Иванов В.В. Указ. соч., с. 406-407; здесь же данные о наряде волком или хождении с волчьим чучелом в "волчий" месяц (ср. лтш. *vilka mėnesis* 'декабрь', собств. 'волка месяц', и другие примеры). Тот факт, что именно конец года, худший из месяцев, называется волчьим, заслуживает особого внимания в связи с приурочением Громовержца и/или Солнечного бога к стыку Старого и Нового года.

¹¹¹ С е м ь сыновей Гедимина (ср. также семь сыновей Кейстутиса - ПСРЛ XVII, 442) отсылают нас в конечном счете к с е м и Перкунасам, ср.: *Perkūnas yra*

еся в "Родословии великих князей Литовского княжества", ПСРЛ, XVII, 413). Этот фрагмент имеет очень существенный вариант в "Родстве великих князей литовских" (ПСРЛ, XVII, 573): ...у Ростислава сынъ Д а в и л ь, у Д а в и л а сынъ В и д ь, его же люди В о л к о м ь звали, у Вида сынъ Троень... и т.д. Если вспомнить, что Ростислав, отец Давила, сам был сыном Рогволода, полоцкого князя, и что, согласно "Началу государей Литовских" (ПСРЛ XVII, 593), "вильяне взяша собѣ іс Царяграда князя Полотцкого Постислава Рогволодовича детей: Д а в и л а да брата его Мовколда князя"¹¹², - то окажется, что "волчья" тема равно выступает и в связи с родом Г е д и м и н а, и в связи с В и л ь н ю с о м, и в связи с П о л о ц к о м (откуда не только Всеслав-волк, но и в конечном счете сам князь Волк). На фоне имен типа Волк, Хвост и т.п. имя отца Волка князя Давила также должно пониматься как волчье обозначение: от *давиль* (ср. *волкодав*; ср. Давила - распространенное имя среди охотничьих собак) - из и.-е. **dheu-* 'удавить', 'умертвить', ср. др.-балк. *Kav-dāwv*, имя мифологического убийцы чудовищной собаки-волка (ср. иллир. *Can-davia*, название города), иллир. *Δαύνιος*, название племени (*daunias* 'волк', ср. *δαυνοί* . *ἄρβιων* Гесих.), лат. *Faunus*, фригийск. *δαός* 'волк' (ср. имя даков *δαός* 'волки'. Strab. VII, 3, 12) и т.п.¹¹³ Не представило бы особого труда привести и некоторые другие аргументы в пользу незаимствованного характера мотива волка в легенде об основании Вильнюса, хотя и то, что уже сказано на эту тему, должно убедить в правильности отстаиваемого здесь взгляда¹¹⁴. Поэтому сейчас более целесообразным нужно считать не

7; *Esą septyni Perkūnai*; *Yra septyni Perkūnai*; *Perkūnai yra septyni*; *Perkūnų yra septyni* и т.д., см. LTD III, 1937, с. 172.

¹¹² С продолжением: I той Вильне первый князь Давиль... а дѣти его Видь, его же люди В о л к о м ь звали...

¹¹³ См.: Иванов В.В. Происхождение имени Кухулина. - В кн.: Проблемы сравнительной филологии. М. - Л., 1964; Он же. Иллирийское *Kav-dāwv* как отражение древнебалканского и индоевропейского текста мифа о герое-убийце Пса-Волка. - Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы и материалы. М. 1976, с. 18-21.

¹¹⁴ Еще два примера могли бы быть включены в этот же круг: 1) появление волка во сне Гедимина, который предвещает будущий город, о чем и вещает Гедимина в е щ и й Лиздейко, выдвигает мотив в е д о в с т в а, соотносимый с обозначением волка как в е щ у н а, ср. хеттск. *uētna* - 'волк', др.-исл. *vitrir* (из и.-евр. **veid-no-*), др.-чеш. *vědi* 'волчицы-оборотни', словен. *vedomci*, *vedunci*, *vešce*, укр. *віщун* 'волк-оборотень' и др. (см.: Иванов В.В. Реконструкция..., с. 400-401); 2) устойчивые образцы звукоизобразительных цепей, в которых предпринимаются попытки к сопряжению мотива Вильнюса и мотива волка, обнаруживаются в разных текстах; ср. у Стрыйковского: *i gdzie dziś Wilno z zamkami stoi, wi dział wilka wielkiego*.

подписывание новых аргументов, а скорее те дополнительные заключения, которые вытекают из "волчьей" темы в связи с Вильнюсом¹¹⁵.

Наконец, еще один существенный териоморфный классификатор выступает в предании об основании Вильнюса в связи с ним зом, а именно в отнесении к швинтороговой долине. Речь идет о змеях и ужах. Эта тема вводится в фрагменте Stryjk. I, 378, где говорится о деятельности Гедимины в области культа: Nie zaniedbał też Gedimin chwałę bogów swoich w ugruntowanym stołecznym mieście swoim potwierdzić, bo acz pierwej od Swintoroha i Germonta... wieczny ogień... był fundowany na tym miejscu, gdzie

¹¹⁵ Так, учитывая мотив "Волк, он же бог-Кузнец, закаливает воинов в огне" (см.: Абаев В.И. Указ. соч., с. 96-97; осет. *Wærgon*, может быть, лат. *Volcanus* и др.), можно поставить вопрос о пушкарне у подножья Гедиминова холма (ср. лит. *patrūnka* 'пушка', *(pa)trankūti* '(по)трясти', *treŭkti* 'треснуть', 'грянуть', 'грохнуть' и такое прозвище Перкунаса; как *Trenktinis* - LTD III, 1937, с. 160, № 184) как экономической-хозяйственной проекции грохочущего Перкунаса и волка, ревущего, как сто волков (и Перкунаса и волк находятся наверху, на холме); кузнецы в пушкарне - своего рода работники Перкунаса, имеющие дело, как и он, с огнем и водой (может даже сложиться впечатление, что именно кузнецы выковали волка, ср.: wilka... jakoby z żelaza ukołanego увидел Гедимин. I, 372; ср. I, 370: ...wilka... jakoby z elazną blachą warownie przeciw wszelkim postrazatom uzbroyonego o...). Наконец, следует напомнить такие имена искушенных кузнецов в древнесеверной саге и в норвежской песне, как *Weland*, *Völundr* (см.: *Kabell A. Weland*. - BNF 9, 1974, S. 102-114), восходящие к тому же корню **uel-*/**uol-*, что и - в конечном счете - название Вильнюса и Вильны. Следовательно, мотивы кузнецов, обработки ими железа с помощью огня и воды так или иначе обозначаются и в связи с ранневильнюскими легендами и преданиями. В этом смысле показательна употребляемая Гедимином клятвенная формула: ...*prius ferrum in ceram transit et aqua in calibem commutatur, quam verbum a nobis progressum retrahamus* (26.V.1323; см.: *Gedimino laiškai*, с. 51); ср. также приглашение Гедимином в Вильнюс "баллистариев" (*balistariis*) (с. 41). (Об общем мифологическом горизонте "кузнечных" мотивов см.: *Eliade M. Forgerons et alchimistes*. Paris. 1962). Тема грома объединяет с Перкунасом Гедимином в уничижительной версии его происхождения (...избежал от плена его князь князь имнемь Витянец... и вселися в Жемоть у князь бортника и помать у него дщер в жену себе и ... и пребыс с нею лять. Л. бездѣтен и убиен быс громом и послѣди князь Витенца помать жену его раб его кошоц (вар.: конюшенец) и именемь Гегименикъ (= Гедимин) и роди от неа. Э. снов), см. ПСРЛ XVII, 413, обычно же Гедимин - сын Витеня.

dziś puszkarnia, i kapłani którzy pod gardłem, aby ogień nie zgasł święty pilnowali, byli hojnie nadani. Wszakże Gedimin nad to las ciemny bogom poświęcił... i kapłany pogańskim obyczajem w nim ustawili, którzy tam za dusze zmarłych wiązały na onych miejscach albo zgłiskach spalonych modły czynili, tamże i w e ż e G y w o j t o s i z i e m i e n n i k o s¹¹⁶ nazwane karmili i hodowali, jako bożki domowe, a ten las był nad Wilją podle puszkarniej, aż do Lukiszek. Эта же тема возникает в "Хронике" Стрыйковского еще раз, когда говорится "o rozmnożeniu wiary chrześcijańskiej" при Ягелле в 1387 г. и о пережитках язычества (II, 78 сл.): ...jednak tajemne bożkom swoim ofiary i modły czynili... Ale gdy Jageło król roszakał naprzód w Wilnie, ogień który mieli za święty na tym miejscu gdzie dziś kościół S. Stanisława w zamku zgasić i rozmiatać, kościół też pogański w którym stał bałwan Perkunos, i ołtarze jego kazał rozwalić, i w e ż e z fortą, z której kapłani i wieszczkowie dawali ludzom zmagionym odpowiedzi, i przyszłe rzeczy przepowiadali, wyrzucić, w e ż e i g a d z i n e które za bogi mieli, pobić, lassy święte gdzie dziś stajnie, i puszkarnia, w których stawiali świece, posiec i wyrąbać, bez żadnego obrażenia Polaków, którzy ony bałwany burzyli, siekli, i psowali, co się stało nad nadzieję Litwy pogan, bo się spodziewali, iż wnet albo nagle pomrą, albo polsną; ale gdy widzieli iż się im nic nie stało, mówili z wielkim podziwieniem, iż gdyby to który z nas uczynił, zarazby był skaran od bogów, bo się im według wiary działo¹¹⁷. Не менее интересно сообщение о змеях в "Sarmatiae Europae descriptio" (1578): Est etiam quatuor a Wilna miliaribus Lauariski villa Regia, in qua a multis adhuc serpentes coluntur - при том, что именно вблизи Лаваришек начинается река Вильна (что специально отмечалось еще Длугошем).

Уже сам состав териоморфных классификаторов легенды об основании Вильнюса, как и их последовательность (тур,

¹¹⁶ Ср. о них в "De Diis Samagitarum..." Яна Ласицкого: Antequam vero ipsi comedunt, uniuscuiusque ferculi portiunculam abscisam in omnes domus angulos, ista dicentes abjiciunt: Accipe o z e m i e n n i k grato animo sacrificum, atque laetus comede (49-50); Nutriunt etiam quasi deos penates, nigri coloris, obesos et quadrupedes quosdam serpentes G i u o i t u s vocatos (51). Ср. *Givuoites* у Герберштейна.

¹¹⁷ Впрочем, те же мотивы в связи с Вильнюсом (in Vilnensi civitate) появляются уже у Длугоша: Ignis, quem credebant perpetuum, qui per sacerdotes subiectis lignis nocte atque interdiu adolebatur; Silvae, quas putabant sacrosanctas; et A s p i d e s, s e r p e n t e s q u e, in quibus Deos habitare et latere credebant... succidi et lucos eorum confringi, a s p i d e s insuper et s e r p e n t e s... interfici et necari... (Opera omnia XII, 466); ср.: in a s p i d i b u s et vero s e r p e n t i b u s Deum Aesculapium in forma anguis (Opera omnia XII, 470, а также 473, 159 и др. уже вне темы Вильнюса).

волк, змея), вызывает ассоциации с былинными клише, соотносящими друг с другом этих животных¹¹⁸. Ср. у Кири Данилова (с. 240):

Не слыхал ты шипу змеинова,
А того ли ты крику зверинова,
А зверинова крику туринова,
или же в другом месте (с. 100-101):
И лежат три следа звериныя:
Первый след гнедова тура,
А другой след лютова зверя,
а третий след дикова вепря.

Если учесть, что *лютый зверь*, *зверь* обычно обозначает именно волка, то первый пример как раз и фиксирует триаду вильнюсской легенды: тур, волк, змея (змея)¹¹⁹. Возможно, что она как-то соотносилась с териоморфной триадой предания о сожжении Швинторога: сокол¹²⁰, конь, хорт (собака; ср. ее связь на мифологическом уровне с волком) или вместо него восходила к единому источнику, в котором таким образом кодировались три вертикальные зоны: верх - середина - низ¹²¹. В преданиях, связанных

с основанием Вильнюса, как и в космологических мифах об устройении Вселенной, это тройное членение играет особенно важную роль, а соотношение этой ситуации с соответствующим мотивом основного мифа еще более усиливает ее, давая ей воплощение и в сюжете. *Conditor urbis* и *Conditor orbis* действуют в пределах изоморфных друг другу пространств, и это обстоятельство лишний раз объединяет город и мир, неразрывно связанные между собой в известной латинской формуле.

Культом змей у балтийских племен, сохранивший свои следы кое-где и до сих пор¹²², играл совершенно особую роль в верованиях населения этих мест и был неоднократно описан¹²³. Поэтому здесь достаточно высказать предположения, касающиеся функционального аспекта этого образа, и возможные следствия из них, имеющие отношение к легенде об основании Вильнюса. Если сочетание в одном месте на Швинтороге капища Перкунаса с его идолом, вечного огня и змеей может рассматриваться как ритуальная проекция мотива основного мифа "Перкунас огнем поражает Змея", то вне сюжета, в парадигме мифологических ценностей, символически и вечный огонь и змея обозначают почти одно и то же. Они отсылают нас к идее жизни и в тот драматический момент, когда жизнь земная через мистерию смерти переходит в вечную. Этим двум ипостасям жизни соответствует описанное еще К. Бугой различие временного и вечного огня (*laikinoji ugnis* - *amžinoji ugnis*)¹²⁴, причем именно последний является сакрально отмеченным: именно он, видимо, называется "святым", ср. лит. *šventoji ugnis*, лтш. *svēts uguns*, прусск. *schwante panische* (у Иеронима Малецкого и далее), слав. **svęto(jb) ognъ* - при **živo(jb) ognъ*, ср. русск. *живой огонь*, польск. *żywy ogień*, укр. *жива ватра*, с.-хорв. *жива ватра*, живи. *ogań* и т.д. (балт. **gīv-* & *ug/u/n-*)¹²⁵. Через признак

¹¹⁸ См. Иссл. 1974, с. 169-170.

¹¹⁹ В этом случае крик звериный мог бы быть сопоставлен с воем (ревом) волка в легенде (жрец мог бы предсказать князю и позднюю "звуковую" тему города, ср. "У Вильні" М. Богдановича: *Kinių natopu na jorstkim eułak dne! ...Raznoscyki krycać la kożnaj bram...* Грук, гоман, гул - усе ракой імкне... Ю, горада чароўня прынаді!), а след лютова зверя - с образом, предполагаемым названием вильнюсского урочища *Vilkrėdė* и связанным с ним этимологическим преданием (см. выше).

¹²⁰ Ср. мотив орла в предании об основании Вильнюса (в связи с биографией Лиздейко), аналогичный этому же мотиву в легенде об основании Петербурга. К мотиву орел-волк ср.: *сбрымъ в ѡлкомѣ по земли, шизым орломѣ под облакы...* в "Слове о полку Игореве".

¹²¹ Впрочем, есть, кажется, некоторые намеки на возможность видеть в таких последовательностях животных косвенное отражение ритуальной практики жертвоприношения домашних животных типа *suovetaurilia* (свинья, баран, бык). См.: *Dumézil G. Tarpeia*. Paris, 1947, p. 117 sqq. Показательно, в частности, сообщение Дюсбурга, относящееся к пруссам: *Unde contingebat, quod cum nobilibus mortuis arma, equi, servi, et ancillae, vestes, canes venatici, et aves rapaces, et alia, qui spectant ad miliciam, uferrentur* (SRP I, 54), с набором, практически тождественным описываемому у Стрыйковского в связи с Швинторогом и близким к тому, что описывается у Гомера в связи с похоронами Патрокла, - включая коней, собак, юношей:

... πύρρας δ' ἐρταύχενας ἔπλουσ
ἑσσυμένους ἐνέβαλλε πυρῆ, μεγάλα στεναχίζων
ἐννέα τέγε ἀνὰ τραπεζῆς κ' ὕνεσσαν.

καὶ μὲν τῶν ἐνέβαλλε πυρῇ δύο δευροτομήσας
δωδεκά δὲ τῶων μεγαθύων ὑπ' ἑαs ἐσθλοῦς (Ψ 171-175).

Точность совпадения в деталях дает основание, видимо, и для более далеко идущих заключений.

¹²² Летом 1956 г. в Крюкай на Немане автор познакомился со старухой-литовкой, ходившей в лес к змеям, разговаривавшей с ними и откармливавшей их молоком. В ее отношении к змеям было нечто удивительно интимное, домашнее, ласковое. Нельзя, конечно, сомневаться в том, что многое важное из этой темы не могло быть высказано случайному собеседнику.

¹²³ Ср. хотя бы соответствующие места в собрании старых источников по мифологии: *Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre*. Riga, 1936 (далее - LPG).

¹²⁴ *Būga K. RR I*, 158.

¹²⁵ Живой огонь неугасим (ср. сообщения Дюсбурга, Иеронима Пражского, Длугоша, Гванини и др. о поддержании неугасимого огня в Ромове, Вильнюсе, на месте впадения Невежиса в Неман). Устойчивая параллель соединяет в фольклоре угасание огня с концом жизни, смертью. Ср.: *U žgeso mani ugnelė: I Nūmīrė* *motynėlė* (см.: *Būga K. RR I*, 158-159 и др. Ср. также: Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 144-145.

святости, священности вечный огонь соотносится с самим обозначением места, на котором он находится, - *švent- & rag- (кстати, и содержащиеся здесь змеи священны: šventosios gyvatės). Образ змеи, пораженной огнем Перкунаса, очищенной им и явившейся по смерти в ипостаси обильной множественности, плодородия, процветания, моделирует самую идею динамичности этого перехода "жизнь + + смерть + жизнь", тогда как вечный огонь относится прежде всего к идее стабильности, устойчивости, непрерывности жизни, очищаемой и вечно возрождаемой в этом огне. Оба названия деифицированных образов змеи у Стрыковского или Ласицкого (с корнем *žem- и *gyv-) весьма характерны как указания на мотив земли (žemė) и жизни (gyvata), причем приобщение земле и есть смерть как необходимое условие будущей жизни¹²⁶. Само название змеи (gyvātė), почти полностью совпадающее с обозначением жизни и разных других форм ее воплощения (в частности, скота - gyvuliai, из-за обладания которым и возник поединок между Громовержцем и Змеем), побуждает к достаточно радикальным выводам. Так, жизнь, остающаяся непреходящим; неразменным элементом мистерии трупосожжения, сопоставляется и с бессмертием змеи¹²⁷ и с постоянством жизненной силы, воплощенной в скоте, который, как и человек, только переходит из одной зоны (временное убежище у Змея - временная земная жизнь) в другую (вечность в поколениях, обретенная у Громовержца, для скота - вечная жизнь по смерти для человека). Это место перехода, осознаваемое как таковое лишь при наличии перспективы вечной жизни, теми, кто находится по сю сторону ее, рассматривается как место смерти, юдоль, где расстаются с жизнью (жизнь смертная). В этом контексте совершенно естественно, что долина Швинторога могла обозначаться как место погребения, место покойных, отражающее представления о загробном царстве, смерти, ее божестве и, возможно, соответствующем обряде. Все эти понятия в балтийских языках (в еще большей степени, чем в славянских и других индоевропейских) связаны с корнем *vel-/val-/vil- соответственно из и.-евр. *vel-/vel-/vil-. Балтийские и, в частности, литовские отражения этого корня на фоне других языковых и мифологических традиций подробно исследованы в других работах¹²⁸, и поэтому здесь можно ограничиться лишь напоминанием нескольких наиболее очевидных примеров. Прежде

всего сама душа умершего обозначается лит. *velė*, *velė*¹²⁹, лтш. *velis*, plur. *veļi*, ср. *veleniētis* 'умерший' (BW 27798, 4), *velānieši* 'мертвые' (BW 27798, 5) и т.п. (ср. тох. A *wāl-* 'умирать', *walu* 'мертвый', *walunt-*, лув. *ylant-* 'мертвый', ликийск. *lati* 'умирать' < **yla-*, др.-исл. *valr* 'мертвый на поле боя' и т.д.), и, следовательно, при учете данных Стрыковского можно думать, что Швинторог носил наименование типа *velių laukas*¹³⁰ (: Лукишки). День поминовения умерших - лит. *velinės*, ср. лтш. *Veļu laiks*¹³¹; не исключено, что сходным образом (и во всяком случае, с помощью корня **vel-*) обозначался и сам день или ритуал сожжения мертвых на Швинтороге. Божество умерших душ, согласно данным Я. Ласицкого, носило имя того же корня: *V i e l o n a D e u s a n i m a r u m*, cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur (LPG 357, ср. кормление - пасение скота). Связь этого божества с ритуалом кормления мертвых подтверждается сообщением того же Ласицкого об обряде *Skierstuvės*: *Skierstuvės festum est farciminum, ad quod Ezagulis ita vocat: V i e l o n a v e l o s atteik musmup vnd stala. Veni, inquit, cum mortuis, farcimina nobis cum manducaturus* (LPG 359, 387); характерно, что во время *Skierstuvės* сжигались кости¹³². Об аналогичном латышском божестве смерти и соответствующем дне, посвященном покойникам, в конце XVII в. писал Стендер: *Deews der Gott der alten Letten, der bey ihnen auch, wenn es die Todten betraf, W e l s hies, weil Deewa deenas Gottes Tage, und W e l l i von W e l s die Tage des Gottes der Todten bey ihnen einerley war* (LPG 626, ср. также 482: Эйнхорн, XVII в.). Упоминание Стендером в связи с этим днем *Deewa sirgi* (Gottes Pferde),

¹²⁹ "Lit. *veliai*, woher loc. pl. *veliuos*, bezeichnete im XVI Jhd. "das Totenfest", poln. *Dziady*". См. *Būga K.* RR I, 516; *Fraenkel*. LEW, 1218-1219.

¹³⁰ В этом случае *velių laukas* соотносимо с другим обозначением царства мертвых - др.-греч. ἡλύσιον (ср. *Odyss.* IV, 563, а также ἡλύσιος λειμών, ἡλύσιος χῆρος), из **vl-nu-tiō-* 'относящийся к лугу', ср. хеттск. *velu-* (< **vel-nu-*) или др.-исл. *vellr* 'луг' (< **vel-tu*) и т.п. См.: *Puhvel J.* "Meadow of the Otherworld" in Indo-European tradition, - KZ 83, 1969; Иссл. 1974, с. 72. Ср. в этой связи такие показательные гидронимы, как лит. *Vėlnio Lankėlė*, *Vėlniadaubė*, *Vėlniāravas*, *Vėlnio Gylė*, *Vėlniobalė*, *Vėlniabalė*, *Vėlnio upėlis*, *Vėlniupis*, *Vėlniupys*, *Vėlniupis*, *Vėlnežeris*, *Vėlniūkas*, *Vėlniškis* и т.п. (LUEV, 189-190); ср. без элемента -n-: *Vėlių upėlis*, *Vėliupėlis*, *Velys* и др. (LUEV, 189; *Būga K.* RR I, 515-517.

¹³¹ Ср. лтш. *veļa kauls* 'навья кость' (ср. лит. *navikaulis*, *novės kaulas*, русск. *навья кость*, хеттск. *yal-laš haštar* - то же и т.д.), с которой связан ряд поверий, имеющих отношение к покойнику и к скоту. Иссл. 1974, с. 68, 135).

¹³² "Die Knochen werden verbrannt und die Asche beobachtet und, da sie nicht dienet, vergraben..." - "Festa veterum Prussorum" (LPG, 576).

¹²⁶ Можно напомнить, что название человека, людей (лит. *žmogus*, *žmogūs*, *žmonės*, ср. *žmonā* 'жена') связано в литовском с тем же корнем, что и земля (*žemė*).

¹²⁷ Ср. противопоставление жизнь - смерть в соотношении с противопоставлением человек - змея: *āhe mriyāsva mā jīvīḥ | ayam jīvatu mā mṛta* 'умри, о змея, не (будь) живой, пусть этот (человек) живет, да не (будет) мертвым' (Atharvaveda V, 13, 4с). Другие параллели - Иссл. 1974, с. 72-73.

¹²⁸ См.: *Ivanov V.V., Toporov V.N.* A comparative study of the group of Baltic mythological terms from the root **vel-*. - *Baltistica*, 1973, IX, p. 15-27; Иссл. 1974, с. 66-71; Миф. назв. 1976, с. 125-126 и др.

в значении 'смерть', 'мертвый' и т.п. не должна вызывать сомнений ни по формальным (ср. *giñti* : *gēna*, *miñti* : *mīna*; *skilti*, *skylė* : *skėlti*, *skėlia* и т.п.), ни по семантическим основаниям. При этом следует, видимо, учесть и то обстоятельство, что лит. *Vilija* дало русск. *Вилья, откуда и возникла форма Велья. Она, как и другие формы с тем же вокализмом (Велея, *Wella*, ср. Велна, Велтиский м-то, Завельская сторона и т.д.), создавала, конечно, благоприятные условия для установления более актуальных связей между этими речными и городским названиями, с одной стороны, и словами с корнем *vel-, сохранившими очевидную связь с семантическим полем "смерть - мертвый", с другой.

Выделенность языковой формы названия реки Вильны, ее, так сказать, диагностичность, в контексте основного мифа соответствуют ее особой организующей роли в актуальном пространстве старого Вильнюса. Река Вильна, врываясь в город и как бы увлекая за собой (и параллельно себе) серию эрозийных холмов, делала на своем последнем этапе перед впадением в Вилию три крутых поворота: первый, образующий справа Заречье (*Užupis*) с совр. *Užupio g.* как осью, симметрии; второй, огибающий бывш. Бернардинский сад, находящийся влево от реки; и, наконец, третий, образующий долину Швинторога, ограниченную слева течением реки. Достаточно присмотреться к окружающей местности с некоторых ключевых точек (напр., от костела Миссионеров, от Бокишто (или сверху костела св. Казимира) и с горы Гедимины - слева от Вильны и с холмов справа от нее¹³⁹, чтобы убедиться в амфитеатровом (с террасами) характере холмов, окружающих долину Вильны, и особенно в том, что именно Вильна (река) - главный и единственный актер в том сценарии, который разыгрывается топографией Вильнюса¹⁴⁰. Несомненно, в ранний период развития горо-

да, когда Крестовая, Столовая горы и холм Бекеша были заселены, территория Нижнего замка свободна от деревьев, а городская застройка направлялась к югу от Швинторога, а не к западу по оси Кафедральная пл. (пл. Гедимины) - Зверинец, как позже, - эффект общей картины был несравненно больше¹⁴¹, хотя, к счастью, и теперь можно еще почувствовать общий масштаб картины и ее контрастирующие элементы - кулисами расположенные холмы и река в долине. Впрочем, и сама Вильна занимает исключительное место среди рек этого региона. Сочетание весьма значительной извилистости русла с необыкновенной быстротой течения¹⁴² делает Вильну похожей на горную речку. При этом ускорение течения наблюдается на участке после *Naujaja Vilnia* и особенно уже в пределах старого города (ср. отчетливый перепад уровней на повороте чуть выше Бернардинского костела). Ходячее сравнение Вильны с извивающейся змеей могло быть исходным пунктом соответствующей мифологемы (ср. объяснение названия реки *Вужница* тем, что она возникла из огромной змеи (Шейн П.В. Указ. соч., с. 431-432) и такие исторические и современные ассоциации, отмеченные выше, как змеи и "Волчий брод" - *Vižkabrastis* у истоков Вильны, близ Лаворишек), приурочение которой именно к Вильнюсу могло провоцироваться тем, что река разворачивала свои особенности *crescendo*, все увеличивая степень их проявления по мере приближения к устью¹⁴³.

nioji Vilniaus miestas dalis yra išsidėsčiusi Vilnios ir Neries upių santakoje, todėl čia miesto reljefas primena didžiąją amfiteatrą, kurio puslankių formos horizontus sudaro įvairiausių aukščių ir plokščių smėlingos-žvyringos lygumos; vadinamos terasomis. Terasos viena nuo kitos atskirtos pakopomis (ср. у Stryjk. I, 369; *ostępy nad brzegami rzeki Wiliej; z ostępy na ostępy* и т.д. в связи с мифологической ролью уступа, см. Иссл. 1974, с. 174)... Vilniaus miesto ribose Neris ir Vilnios slėniai turi net po septyniaias terasas" (VMG, 18).

¹⁴¹ Отчасти о нем можно судить даже по некоторым более поздним гравюрам и даже планам Вильнюса.

¹⁴² "Vilnia (Vilnelė) pasižymi nerapraustu srautumu" (VMG, 25). Достаточно напомнить, что наклон русла равен 150 см/км, т.е. почти в 5 раз больше, чем в Вилии (34 см/км). К уникальности ситуации ср. еще: "Šiose vietose Medininkų aukštumos šlaitas, nusileidžiantis į Neris ir Vilnios slėnius, yra išvagotas gilių griovių ir sausų slėniukų. Kito tokio įvairaus reljefo visoje mūsų respublikoje nėra" (VMG, 17).

¹⁴³ Вообще соблазнительно поставить вопрос о роли в сей совокупности меняющихся рельефов вдоль Вильны при переходе ее из одной долины в другую в мифологизирующем осмыслении местности со стороны тех этнических групп, инфильтрация которых с востока в район Вильнюса в принципе совпадала с направлением дороги на Полоцк и течения самой Вильны (кривичи?).

кование Я. Отрембским названия города *Velionas*, уже упоминавшегося в связи с разбираемой в этой статье темой. По мнению польского ученого, *Velionas* первоначально обозначало название поселения в устье реки **Velia* или **Velė*, **Velis*, впадавшей в Неман. Польское название города *Wileny* (наряду с *Wielona*) указывает на то, что *Velionas* произведено от речного имени **Velia*: лит. **Velėnai* - жители **Velia*, соотв. **Velė*, **Velis*; само же название реки сопоставляется со ст.-сл. ВЪЛАТИ СА'fluctibus agitari', ВЛЬНА, лит. *vilnis* и т.п. См.: *Olębski J.* - LP 9, 1963, S. 27. Не вполне ясно происхождение (*castrum*) *Wilow* в Самбии, упоминаемого Дюсбургом (SRP I, 92, 112).

¹³⁹ Желательно с двух разных уровней (напр., с Крестовой горы и холма Бекеша, во-первых, и во-вторых, с поднимающегося вверх высокого берега Вильны в направлении от ее устья к задним дворам домов, выходящих на *Užupio g.*)

¹⁴⁰ Уместно привести современное описание этой стороны географии города: "Erozinės kalvos pasižymi ilgiais vingiuotais, kartais persmaugtais ūbriaiais ir priplotais kūgiais. Jos nueina beveik iki pat Vilniaus miesto centro. Dides-

В круг рассуждений, связанных с отражением схемы основного мифа в преданиях об основании Вильнюса, должно попасть и другое название Вилии – *Neris*, содержащее корень **ner-* (: **nar* из и.-евр. **ā₂ner-*) с напряженной структурой смысловых отношений. Этот корень **ner-*, проанализированный в другом месте¹⁴⁴, совмещает в себе обозначение жизненной, плодородной силы и низа (воды, земли), дающего эту силу. Ср. персонифицированные воплощения типа главной иллирийской богини Норика – *Noreia*, сабинской богини, супруги Марса *Neria*, *Neriena* (ср. также *Nerio*, *Nerienis*), этрусской богини *Nortia*(?)¹⁴⁵, германской *Nerthus*, определяемой Тацитом так "terra mater" (ср. ее мужского партнера морского бога эддического пантеона *Njǫrðr*)¹⁴⁶ и др. С помощью этого же корня кодируются обозначения некоторых мифологических и сказочных существ хтонической природы, ср. имя Нерея и нереид (Νηρεΐς, Νηρηίδες, ср. н.-греч. νερό 'вода'), Норку, мишку-норушку русских сказок, прусск. *naricie* и т.д. В литовском слова этого корня особенно показательны в этом отношении: *nāras* 'гагара' (творец Вселенной), *nerbė* 'русалка' при *nérti* 'нырять' и т.п. (не говоря о многочисленной гидронимии). Тох. *ñare* 'infernum', др.-инд. *naraka-* 'подземное царство', 'дыра', русск. *нора*, др.-греч. νεῖτερος и т.д. отсылают уже не к уровню мифологических персонажей, а к сакральной топографии. Аспект жизненной силы не менее очевидно отражен в обозначении мужчины-мужа, героя-воина (ср. др.-инд. *nar-* в отличие от *vīra-*) и его качеств, ср. лит. *naĩzas* 'храбрость', 'ярость', 'гнев', *naršus* 'храбрый', *nóras* 'желание' (*norėti*, ср. слав. **norvō*, русск. *норов* и т.п.), хеттск. *innaraçtar-*, *innara-* 'сила', 'мощь', *innaraçant-*, *innaraçeš-*, *in(n)araçh-* (ср. *DInnara/šmi-* 'божество'), лув. *annarummi-* 'сильный', *annarum(m)ahit-* 'сила', *annari-* и т.п. Существенно, что параллелизм отражений **ner-* и **vel-* при обозначении низа продолжается и тогда, когда речь идет об обозначении жизненной силы, богатства, власти, элементов социального устройства. К указанным примерам с корнем **ner-* можно присоединить лит. *valsčius* 'волость', *valstybė* 'государство', *valstija*, *valstiētis* 'крестьянин' (ср. *valdà* 'владение', *valdyba* 'правление', *valdymas*, *valdžias* 'власть', *valdžia* 'власть', *valdyti* 'править' и т.п. и сходные славянские примеры, ср. Иссл. 1974, с. 74), как и, конечно, примеры с вокализмом -e-: лит. *veldėti* 'обладать', 'править', 'наследовать', *veldinys* 'наследство', 'наследие', *veldė* (ср. прусск. *weldūnai*, *weldtsnan*, но

wałdūns и т.п.). Несомненно, что в мифологической перспективе создание Вильнюса и есть тот переход от *ичого*, чужого мира к своему, своему, который предполагает наличие двух полюсов: **ner-* и **vel-* 'низ', 'хтоническое', 'смерть' – **ner-* и **vel-* 'жизненная сила', 'плодородие', 'богатство', 'мужество', 'власть'; на уровне мифологической персонажной номенклатуры эти два полюса представлены противостоянием чудовища (змея, дракона) и его победителя, основателя новой Вселенной (в частности, города), нового порядка вещей, при котором обращение к хаосу и смерти способствует регенерации элементов космоса¹⁴⁷: *stirb und werde*, по слову Гете.

Последнее звено мифа об основании Вильнюса связано с жрецом Лиздейкой и всей линией верховных жрецов при святилище Перкунаса на Швинторге от его основания до разрушения его при Ягайле, когда на месте святилища начали строить костел Св. Станислава. Эпизод, посвященный Лиздейке, важен в разных отношениях. Сюжетно и идейно он составляет основу мифа: Лиздейка выступает во всей полноте сокровенных знаний и объясняет Гедимину веший сон, после чего закладывается город, которому предсказана великая слава. Вместе с тем этот эпизод обращает нас к теме ритуала, к структуре отношения между жреческой и княжеской (воинской) функциями. Наконец, эпизод с Лиздейкой, видимо, может приоткрыть несколько занавес, закрывающий нам картину раннего социально-топографического членения города и, – если идти далее, – ввести все предание об основании Вильнюса в более обширный класс типологических сходных текстов.

Позднее предание сообщает, что верховный жрец Криве-Кривайтис, гуляя однажды в лесу на высоком холме (где позже возникли Веркяй – *Verkiai*), встретил девушку, к которой вспылал страстью. Вскоре у нее родился сын, происхождение которого нужно было скрыть. Узнав, что Гедимин собирается на охоту в эти места, жрец положил ребенка в корзину, скрыв ее в зелени. Звук охотничьих рогов разбудил ребенка, он заплакал¹⁴⁸ и таким образом был обнаружен Гедимином. Жрец внушил князю мысль, что эта находка – счастливое предзнаменование, и Гедимин взял маль-

¹⁴⁴ См.: Топоров В.Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии. – Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 44–49.

¹⁴⁵ Любопытно, что *Nortia* – в Вольсиниях (*Vol-*: *Volt*, ср. *Voltumna*; из **vel-*: **uol-*); тем самым и здесь, как и в Вильнюсе, оказались теснейшим образом соотношенными два этих ключевых корня: **ner-* и **vel-*.

¹⁴⁶ См.: Polomé E. A propos de la déesse Nerthus. – *Latomus*, 1954, 13; Idem. *Nerthus – Njǫrðr*. – *Handelingen der Zuidnederlandse Maatschappij voor Taal- en Letterkunde en Geschiedenis*, 1951, 5.

¹⁴⁷ Интересно, что к таким преданиям об основании городов нередко подключаются династические предания, генеалогии и т.п. В частности, предполагают, что и в легенде об основании Вильнюса как-то присутствуют элементы родословия Гоштаутов (*Гастольт*, *Кгаштол* (*то*), *Кгашталт*/*Кгаштовт*, *Gastolt* и т.п., сын Кумпия из рода Колумнов). См.: *Kerbelytė B. Lietuvos metrašcio padavinų apie miestų įkūrimą šaltinių klausimą*. – *Lietuvos TSR Mokslų Akad. darbai*, ser. A, 2(15), 1963, с. 185–199. В этом контексте заслуживает внимания работа: *Aščik K. O pochodzeniu rodu Ościków* (*Legenda i rzeczywistość*). – *Acta Baltico-Slavica*, 1977, 11, с. 317–330. Кстати, основатель этого рода Астик – правнук Лиздейки, см. далее.

¹⁴⁸ Именно этот мотив (*veĩkti* 'плакать') объясняет название *Verkiai* согласно низовой традиции, с которой отчасти соединяется и "барочно-мифологическое" написание в историографии Вильнюса.

чика к себе, воспитал его как будущего жреца. Впоследствии Лиздейка сам стал верховным жрецом (Криве-Кривайтисом) и родоначальником фамилии Радзивиллов. Другая версия (кажется, более старая и во всяком случае более интересная) существенно проще – Гедимин¹⁴⁹ во время охоты находит в орлином гнезде плачущего ребенка, который получил имя Лиздейка (*Lizdeika*, от *lindas* 'гнездо'). Хотя этимологический мотив *veĩkti* – *Verkiat* не может в данном случае считаться основательным, не исключено, что именно окрестность Веркяй уже издавна была как-то отмечена. Характерно, что при уничтожении язычества Ягайло отдаст Веркяй католическому епископу для летнего местопребывания (уже в XVI в. Константин Бржостовский воздвиг здесь великолепные палаты, в которых тогда и позже жили многие епископы). Зная специфику замены языческих культовых объектов христианскими, можно предположить, что и до 1387 г. в Веркяй существовало какое-то святилище или, по крайней мере, жили языческие жрецы. Сочетание мотивов "подкинутый мальчик в орлином гнезде" (и, видимо, на высоком дереве, ср. na drzewie zawieszzonego. Stryjk. I, 371) и "дар предсказания" (мистические способности)¹⁵⁰, описывающее ядро сюжета о Лиздейке, заслуживает особого внимания, поскольку оно является устойчивым признаком многочисленных рассказов о воспитании шаманов (отверженность, сидение в орлином гнезде на шаманском дереве, приобретение шаманских способностей, в частности умения толковать сны)¹⁵¹. Нередко эта схема включается в более обширную, где у мальчика, ставшего великим шаманом, появляется брат-близнец, оказавшийся неудачником. Наконец, та же схема выступает и в мифах о братьях-близнецах, один из которых становится основателем города. Достаточно вспомнить рассказ Тита Ливия об основании Рима (I, 4–8), ставший предметом многочисленных исследований¹⁵². Римские аналогии постоянно возникают в связи с историей Литвы и особенно Вильнюса прежде всего у Стрыйковского (ср. выше отсылки к Ромулу и Рему, Реи Сильвии, волчице и т.п.). Несомненно, что значение римской истории и соответствующих источников повлияло и на позднюю версию рассказа о Лиздейке, брошенном в лесу. Но здесь, как и в ряде других случаев в этой же работе, есть потребность за бесспорными, лежащими на самой поверхности аналогиями

- ¹⁴⁹ Стрыйковский, ссылаясь на летописцев, говорит не о Гедимине, а об его отце Витене.
- ¹⁵⁰ В частности, он был искушен "w naukach gwiazdarskich", с чем можно сопоставить обряд окликанья звезды в день св. Власия (< **Veles*), см. Иссл. 1974, с. 74–75.
- ¹⁵¹ См.: Ксенофонов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. М., 1930.
- ¹⁵² Ср. важнейшие из них: Mommsen Th. Die Remus-Legende. – Hermes, 1881, 16, S. 1–23 (=Gesammelte Schriften, IV. Berlin, 1906, S. 1–21); Kretschmer P. Remus und Romulus. – Glotta, 1909, 1, S. 283–303; Soltau W. Remus und Remus. – Philologus, 1909, 68, S. 156ff.; Schilling R. Romulus l'élú et Rémus le retrouvé. – REL, 38, 1960, p. 182–199; Puhvel J. Remus et Frater. – History of Religion, 1975, 15, p. 146–157.

с рассказом о двух римских близнецах¹⁵³ выявить типологически сходный слой, который, однако, едва ли мог сложиться под влиянием латинского источника или даже быть вторично осмысленным в этом плане. При учете того обстояательства, что существует огромное количество близнецовых аналогий¹⁵⁴, роль именно римской версии в сложении легенды об основании Вильнюса должна быть признана более скромной. Наконец, в самих преданиях, касающихся начала Вильнюса, хотя и отдаленно, но довольно настойчиво возникают ходы, не позволяющие исключить полностью предположение о наличии здесь следов близнецового мифа.

Прежде всего обращает на себя внимание двойное имя жреца Криве-Кривайтиса (лит. *Krivė-Krivaitis*); оно подтверждается и материалами, относящимися к пруссам, ср., например, *Criwe* у Дюсбурга и Николауса из Ерошина, но *kiwait*, *kirwaido* и т.п. у Симона Грунау. В текстах XVI в., описывающих мифологическую эпоху в истории пруссов, говорится о двух братьях Брутене и Видевуте, прибывших по морю в устье Вислы. При этом Брутен принял титул *Crywo Cyrwaito* и воздвиг в *Rikoyto* жилище для себя и своих богов *Patollo*, *Patrimpo*, *Perkuno* (LPG, 1936, 192, ср. 194). Симон Грунау подробно описывает изображение этих богов на знамени Видевута (LPG 195–197). В другом месте было показано¹⁵⁵, что оба первых бога *Patols* и *Potrimps* составляли пару божественных близнецов, хотя один из них "ein alter mahn mit einem langem groen bardt", а другой "ane bardt". Они воплощали тот вариант близнецовой схемы, когда речь идет о двух близнецах, детях небесного бога, один из которых – юноша, а другой – старец, соответственно связанные с жизнью и смертью, весенним и осенне-зимним циклом¹⁵⁶. Эти же два близнецовых божества (вместе с третьим – Перкуном) были изображены на священном дубе, почитаемом пруссами¹⁵⁷, что соотносимо с почитанием римских близнецов в связи с *figus Ruminialis* 'дерево Рима'¹⁵⁸, образом мирового дерева. Еще интереснее в этой связи сообщение Симона Грунау о том, что у пруссов во многих местах устанавливались столбы с изображением двух братьев-вождей Видевута и Брутена, и эти столбы почитались как боги, при этом одного из них называли *Worskaito*, а другого *Iszwambrato*, т.е. *swais brati* 'его

- ¹⁵³ Разумеется, речь может идти и о менее явных аналогиях, ср. мотив тайного отцовства близнецов – Марса в Риме и Лиздейки в Вильнюсе.
- ¹⁵⁴ Ср. недавно проанализированную на фоне римского предания осетинскую легенду о происхождении нартов. (см.: Абазов В.Н. Указ. соч., с. 36–92)
- ¹⁵⁵ См.: Топоров В.Н. Заметки по балтийской мифологии. – В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 301–303.
- ¹⁵⁶ Ср.: Krappe A.H. Les deux jumeaux dans la religion germanique. – Acta Philologica Scandinavica, 1931–1932, VI, p. 6–8.
- ¹⁵⁷ Симон Грунау (LPG, 196).
- ¹⁵⁸ Этот эпитет римляне сближали по смыслу с лат. *rūmīs* : *rūmīnus* (о Юпитере-кормильце), ср. богиню *Rūmīna* и т.п. Тацит (Ann. 13, 86) связывал *Rūmīnalem arborem* с *Remi Romūlique infantia*.

брат' (братья-близнецы считались покровителями с к о т а). В этом контексте, характеризуемом наличием двух богов-близнецов (старшего и младшего), двух братьев, из которых один - вождь, а другой - жрец, принявший титул Криво-Кривайто, двух столбов, изображающих этих братьев и связанных с почитанием скота, нетрудно заполнить последнюю серьезную лакуну, предположив, что двойное имя Криво-Кривайто относится к о б о и м братьям. Вильнюс-ская ситуация, когда *Krivė-Krivaitis* относится к одному верховному жрецу¹⁵⁹, о брате которого нам ничего неизвестно, должна рассматриваться как вторичная, обязанная своим происхождением трансформации конвергентного типа ("склеивание" братьев-близнецов в единый образ с сохранением двойственности и указанием на близнецность только в имени). Реконструкция предыдущего этапа приводит к правдоподобному постулированию близнецной пары **Kriv- & *Krivait*. Такая же структура имен двух близнецов (т.е. наличие общего корня в обоих именах, наличие деминутивного образования во втором имени и, наконец, последовательность, когда более короткое имя предшествует более длинному) обнаруживается и во многих других случаях. Здесь уместно напомнить о латинской паре *Remus et Romulus*¹⁶⁰ или осетинской паре *Xsart - Xsartæg*. Преимущество, отдаваемое форме **Kriv-* перед **Krivait-*, также, возможно, имеет аналогию в употреблении имени Рема в значениях *Рем* и *Ромул*, ср.: *regnave prima Remi, signa Remi, domus alta Remi, de plebe Remi* и т.п. Еще более существенно, что по имени героя-основателя, о д н о г о из близнецов, город получает свое имя. Таково происхождение названия Рима: *Roma* при *Romulus*, и таким же образом следует объяснить название Кривого города в Вильнюсе: *Кривой городъ, Кривий, Кривы, Кривий, Криву, Krziwuy horod, Krziwgorod, Curvum castrum (*Kreiv- & *pilis или *Kriv- & *pilis ?)* при *Krivė, Криве* (имя основателя ритуальной традиции, а вполне возможно, и древнего города, предшествовавшего созданию исторического Вильнюса). Едва ли такая серия совпадений может быть случайной и в то же время быть результатом сознательной ориентации на римские источники. Уже сказанное на тему Криве-Кривайтиса и его близнецных истоков, как и глубоко укорененная в балтийской традиции идея близнецства, проявляющаяся в мифологии и фольклоре, в орнаментах, украшениях, утвари, деталях дома, ритуальных сооружениях и даже в вегетативном коде¹⁶¹, побуждают сделать вывод о том, что

и парное имя *Krivė-Krivaitis* отражает действительно некогда существовавший близнецный образ. Допустив возможность такого вывода, приходится обратить внимание на весьма частую ситуацию в подобных близнецных мифах, когда один из братьев фактически никак не участвует в сюжете¹⁶² (отчасти это относится и к Рему, чья роль, по сути дела, сводится к "Bauopfer"). Вероятно, что в мифе об основании Вильнюса, дошедшем до нас в позднем оформлении, брат Криве исчез из сюжета именно ввиду его пассивной роли¹⁶³. Удивляться этому не приходится, поскольку известен ряд других примеров такого же исчезновения одного из близнецов или замены одного из первоначальных близнецов другим, хронологически более поздним образом, лишь отчасти имитирующим некоторое сходство с уцелевшим близнецом.

В другой работе (Миф. назв. 1976, с. 127) было обращено внимание на само имя жреца, руководящего ритуалами, приуроченными к капищу Перкунаса. Ср. *krivis, krivė, krivaitis, krivaitė* (жрица - помощница Криве-Кривайтиса¹⁶⁴), а также названия основного атрибута жреца - искривленной палки: *krivė, krivūlė, krivūlis* и т.п. (см. LKŽ VI, 657-662), *kreivūlis* 'кривое дерево', *kreivāšakis* 'с кривыми ветвями', *kreivas* 'кривой', 'косой', 'нехороший', 'скрученный', *kreivė* 'кривая', *kreivkelis*

сведения о работе: Adamovičs L. Jumis. Das altlettische Ackerbaumysterium.

¹⁶² Это неучастие иногда столь разительно, что некоторые исследователи лишают второго близнеца всякого права на реальность, считая, что второе имя возникает только "aus lautlichen Gründen". В связи с затронутой выше темой двух кузнецов-близнецов (ср. мотив Козьмы и Демьяна) также можно указать многочисленные случаи, когда действующим лицом оказывается лишь один из них.

¹⁶³ Можно высказать следующую гипотезу: не является ли Швинторог, сожженный на месте Кривого города (как понимали его локализацию раньше) заменой одного из близнецов? Ведь труп Швинторога должен был сжигать Криве, и Швинторог (ср. *Sventaragis* при *kreivāragis* 'криворогий') тоже в известной степени мог рассматриваться как род "строительной жертвы" (основание "предгорода", его ядра - святилища). В таком случае один близнец (условно - Кривайтис) трактовался как основатель города (через собственную смерть), а другой - как основатель жреческой традиции. Ср. параллель с Видевутом и Брутенем у пруссов. Наконец, мотив отверженности ребенка, брошенного в лесу (Лиздейка), может быть лишь трансформацией темы смерти, витавшей над его головой.

¹⁶⁴ Вероятно, иногда встречающаяся в источниках форма *Криве-Кривайте* может имплицировать мотив жреца и жрицы, предназначенной смерти. Ср. угрозу матери римских близнецов Рее Сильвии, насильно отданной в жрицы-весталки (Тит Ливий I, 3-4). Из других параллелей ср. гибель пораженного молнией *Ромула* Сильвии при поражении своего противника Перкунасом.

¹⁵⁹ Он связан с Перкунасом (его жрец), как и *Patols* и *Potrimps*, с одной стороны, и Брутен, с другой.

¹⁶⁰ Ср. драму Невия "Alimonia Remi et Romuli" и многие другие формулы, подтверждающие сказанное.

¹⁶¹ Кроме уже указанных работ о культе близнецов у балтов см.: Иванов В.В. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. - В кн.: Балто-славянский сборник. М.; 1972, с. 193-205; отчасти: Ward D. The Divine Twins. An Indo-European myth in Germanic tradition. Berkeley-Los-Angeles, 1968; Idem. An Indo-European mythological thema in Germanic tradition. - In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970, p. 405-420. Есть

'кривой путь' и т.п.¹⁶⁵ Устойчивость жреческого атрибута подтверждается современной сельской практикой созыва односельчан старостой, когда он посылает по домам свой посох - к р и в у ю д у б о в у ю п а л к у (*krivulė*)¹⁶⁶, ср. сходное перекодирование: *Krive* Брутен → стои́б с его изображением (см. выше). Но в связи с трансформациями основного мифа, имеющими дело с мотивом создания города неким мифологическим персонажем, весьма интересна связь между именем этого персонажа и названием его основного атрибута (ср. *Krak* - *krakūta*, *krakulica* и т.п.; *Kий* - *кий* и т.п.¹⁶⁷), особенно обильно и надежно подтверждаемая как раз литовскими данными¹⁶⁸. Не говоря сейчас о ряде других аргументов, которые можно было бы привести в подкрепление мнения об отражении близнецного мифа в преданиях об основании Вильнюса, и о параллелях с другими традициями, знающими мотив божественных близнецов, целесообразно закончить этот ряд рассуждений постановкой вопроса о поисках возможностей для реконструкции предстории Вильнюса как определенной с о ц и а л ь н о й структуры.

Как известно, именно близнецная схема особенно часто имплицитно переходит к теме социальной организации данного коллектива¹⁶⁹. В самом деле, близнецы различаются между собой по внешним характеристикам и по судьбам, которые выпадают им в сюжете. Эти различия проецируются и в сферу социальных отношений, понимаемых как широкая область, охватывающая и проблему территориального размежевания, и разграничение основных функций коллектива, и многое другое. В свете недавнего предложения Пухвела различать среди близнецов два персонажа, условно обозначаемых как "Twin" и "Man"¹⁷⁰, один из которых - первый

смертный, тот, кто приобщился иному царству и воплощает собой "жизнь смертную" (ср. авест. *gaya maratan*), а другой - основатель религиозного закона, учредитель ритуала, - уместно еще раз обратить внимание на высказанные выше соображения о возможных отражениях этой схемы в обоих циклах вильнюсских легенд: **Krivait-* или **Svent/a/-rag-* как первый умерший, по крайней мере, в том специфическом смысле, который предполагает посмертную жизнь, и **Kriv-* как 'верховный жрец, установитель ритуала. Возможно, что это первое опробование схемы было развито во втором цикле, где совершенно несомненно выделяются два элемента, противопоставленные друг другу. Речь идет об элементе **Vel-/Vil-/Val-*, употребляемом в отнесении к низу, смерти, но и к богатству и процветанию, и об элементе **Kriv-*, связываемом с религиозно-магическими функциями¹⁷¹. Вместе с тем указанное разделение, возможно, пересекается и отчасти перекрывается другим - условно этнолингвистическим противопоставлением, в свою очередь осложненным определенными социально-экономическими различиями. Похоже, что комплекс **Vil-* относился к л и т о в с к о м у элементу и первоначально локализовался в районе Верхнего и Нижнего замка, долины Швинторога (и территорий, примыкавших с юга и юго-запада). Комплекс же **Kriv-* мог в таком случае первоначально связываться с пространством за Вильной (к востоку от нее: Алтария, а позже Заречье, Поповщина, Поплавы и, может быть, даже несколько к западу от Вильны - Имбары, Сафьяники), а этнически - с о с л а в я н с к и м (западнорусским) элементом, всегда преобладавшим в этих местах. Это предположение, связанное с ролью комплекса **Kriv-*, не могло быть актуальным до самого конца XIX в., когда истории исходили из наличия в городе двух замков (Верхнего и Нижнего) и считали, что Кривой город находился внизу, примыкая к Нижнему замку¹⁷². Это убеждение было столь твердым и априорным, что не было обращено внимания на несомненные свидетельства старых орденских авторов, указывавших на его положение наверху, ср.: "das o b i r s t e h u s" (SRP III, 165; Иоганн фон Посильге), "in loco antiqui castris in m o n t e" (SRP II, 65 сл.: Виганд)

¹⁶⁵ Ср.: *Kreivāžeris*, *Kreivēžeris*, *Kreivakrautis*, *Kreivė*, *Kreivys*, *Kreivoji*, *Kreiviai*, *Kreivonis*, *Kreivūtė* (LUEV, 78); *Kreiviai*, *Kreivoji*, *Kreivėnai*, *Kreiviskiai*, *Kreivūkė*, *Kreivupė*, *Kreivėniskiai*, *Kreivalaužiai*, *Kreivakiškis*; *Krivāčiūni*, *Krivuliai*, *Krivėnai*, *Krivitiškiai*, *Krivėnys*, *Krivėnėliai*, *Krivėnėlis*, *Krivėkiškis* (LATS 1976, II, 140, 142). Ср. также Иван Кривой (ПСРЛ XVII, 596).

¹⁶⁶ В Занеманье и сейчас всякая сходка, созываемая сельской властью с помощью обходной записки, называется *krivulė*. См.: Lietuvių etnografijos bruožai. Vilnius. 1964, с. 598-599.

¹⁶⁷ Связь Криве с дубом постоянна (не исключено, что на горе Гедимина или у подножья находился подобный священный дуб, ср. в Велюне *Gedimino kapas*, где растет *Gedimino gaidulas*). Достаточно напомнить о дубе, описанном Грунау (см. выше), или сообщения Стрыковского: *Ogień też wieczny z dębów u schodów na tych zgłiskach... gorzał, na chwałę Perkunowi...* (I, 311); *ogień wieczny z dębów u schodów... palono...* (I, 373), ср. *Capitolina quercus*, венок, вручаемый победителям на Капитолийских играх.

¹⁶⁸ См. Миф. назв. 1976, с. 120, 124, 127.

¹⁶⁹ Ср.: Dumézil G. La Saga de Hadingus. Paris, 1953; *Idem*. Mythe et épopée. Paris, 1970, и др.

¹⁷⁰ Ср. др.-инд. *Yamā* : *Mānu*, др.-герм. *Ymir* (<*Ymīaz) : *Mannus*, протореманск. *Ymōz : *Wīroz. См.: Puh-

vel J. Op. cit., p. 153-157. Из старых работ особого внимания заслуживает: Güntert H. Der arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923 ("Der Zwilling", S. 315-342).

¹⁷¹ Не исключено, что образ князя Гедимина (и его дружины, укрепленных замков, оружия и т.п.) соотносился с воинской функцией, но в мифе об основании города эта функция оказалась подавленной. Ср. анализ сходных функциональных отношений в кн.: Dumézil G. Naissance de Rome (Jupiter, Mars, Quirinus). Paris, 1944.

¹⁷² Конец этой ситуации положила заметка: Васильевский В.Г. Где находился виленский Кривой замок? - Труды IX Археологического съезда. М., 1897, с. 120-121, в которой автор на основании старого источника (1390 г.) доказал существование в Вильнюсе трех замков.

и особенно: i заложил город один на Швинторозе, нижний. а други на Кривои горѣ которую нѣ зовут Лысою. i наречет имѣ тым городом Вилна. Арх. (ПСРЛ XVII, 261-262). В связи с этими свидетельствами было высказано мнение о том, что традиция, приписывающая основание Кривого города Гедимину, могла оказаться исторически неверной, так как Кривой город, возможно, существовал и до Гедимина. Также было сделано допущение, согласно которому западнорусские летописцы XVI в. знали, что на Лысой горе некогда был замок, называвшийся, как и сама гора, Кривым (в 1390 г. замок был разрушен)¹⁷³. Археологические разыскания подтвердили наличие поселений на Алтари, относимых к XIV в. и даже раньше (XII-XIII вв.)¹⁷⁴. А это в свою очередь придает особое правдоподобие мнению о том, что именно здесь был Кривой город. Если Кривой город действительно находился в восточной части Вильнюса, за Вильной, получило бы дополнительные шансы быть верным мнение о наличии в Вильнюсе кривичского племенного элемента в гедиминову эпоху или даже раньше. В таком случае родоначальник племени в мифологизированной традиции *Крив* мог бы быть сопоставлен с уже рассмотренными персонажами ранневильнюсского периода. В свете сказанного существенно, что сам элемент **kriv-* в рамках гедиминова цикла оказывается как бы просвеченным чуждыми интенциями другого этнолинг-

¹⁷³ См.: Голубович В. и Е. Кривой город Вильно. - КСИИМК 1945, 11, с. 114-125.

¹⁷⁴ См.: Голубович В. и Е. Указ. соч.; Hołubowicz W. Krzywy Gród w XIV w. na Górze Bekieszowej w Wilnie. - Wilno, 1939, № 1, с. 27-33; Puzinas J. Vilnius 650 metų sukaktis - miesto ar Gedimino sostinės? - Lituanistikos Instituto 1973 metų suvažiavimo darbai. Chicago. Illinois, 1975, с. 9-24. В связи с тем, что говорилось выше, существенно, что на Алтари были найдены кости тура, лося, зубра, дикой свиньи, домашней свиньи, коровы и т.п. В настоящее время складываются некоторые предпосылки для сравнения территории Верхнего, Нижнего и Кривого замков в свете археологических раскопок последних десятилетий. Ср. также: Holubovičiai W. ir E. Gedimino kalno Vilniuje 1940 m. kasinėjimų pranešimas. - In: Lietuvos praeitis, t. I, sąs. 2. Kaunas, 1941; Tautavičius A. Archeologiniai kasinėjimai Vilniaus Žemutinės pilies teritorijoje 1959 m. - Lietuvos TSR Mokslų Akad. darbai, 1960, ser. A, 2(9); Idem. Archeologiniai kasinėjimai Vilniaus Žemutinės pilies teritorijoje 1960 m. - Lietuvos TSR Mokslų Akad. darbai, 1961, ser. A, 2(11); Idem. Vilniaus pilies teritorijos archeologiniai kasinėjimai. - In: Valstybinės LTSR architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis, II. Vilnius, 1960; Idem. Vilniaus Žemutinės pilies mediniai pastatai XIII-XIV amžiais. - In: Iš lietuvių kultūros istorijos, IV. Vilnius, 1964; Lietuvos archeologijos bruožai, с. 273-274 и др.; ср. также Tautavičius A. Iš XIVa. Vilniaus gyventojų buities. - In: Iš Lietuvos kultūros istorijos, I. Vilnius, 1958, с. 94-103.

вистического комплекса. Уже сама форма **kriv-* вместо ожидаемого лит. **kreiv-*, видимо, должна быть заподозрена в славянском происхождении (скорее всего это же относится и к апеллативам с корнем **kriv-* в литовском¹⁷⁵). Но есть, кажется, некоторые указания и содержательного характера на связь с элементом **kriv-* смыслов, относящихся к уклонению от нормы (ср. *krivis* 'левый', 'искривленный', 'скрюченный' в соотношении со значением имени отца Эдипа Лаия и других "левых" имен¹⁷⁶), впрочем контролируемое или даже корректируемое со стороны целого, включающего в себя и отклоняющиеся, поначалу чуждые элементы (остаточная пейоративность перекрывается преобладающим употреблением слов этого корня как единиц классификационной системы). Тит Ливий описывает одну из важных вех в истории Рима (I, 8): "Город между тем рос, занимая укреплениями все новые места, так как укрепляли город в расчете скорее на будущее многолюдство, чем сообразно тогдашнему числу жителей. А потому, чтобы огромный город не пустовал (*ne vana urbis magnitudo esset*)¹⁷⁷, Ромул воспользовался старой хитростью основателей городов (созывая темный и низкого происхождения люд, они измышляли, будто это потомство самой земли)¹⁷⁸ и открыл убежище в том месте, где теперь огорожено, - по левую сторону от спуска между двумя рощами. От соседних народов сбегались все жаждущие перемен - свободные и рабы без разбора - и тем была заложена первая основа великой мощи". Такая ситуация вполне могла иметь место и в Вильнюсе¹⁷⁹,

¹⁷⁵ См.: Fraenkel F. LEW, 300. Ср. лтш. *krīvs, krīvisks, Krievija* применительно к русским. В конечном счете **kreiv-*, **kriv-*, видимо, связаны с лит. *kair̃(i)as* 'левый', *kair̃ys, kair̃ė* 'левая рука', лтш. *ķērs, ķēris* - то же, восходящими к **krair-*, **kreir-*. Не исключено, что такого же происхождения и этимологически не вполне ясное др.-греч. *καῖρός* 'надлежащая мера', 'норма', 'подходящее время', 'благоприятный момент', 'время', 'выгода', 'случай (удачный)' и т.п. - вплоть до божества случая, ср. античные скульптурные изображения Кайроса. Совмещенность двух противоположных пучков значений в словах этого корня хорошо объясняет и ситуацию, в которую оказался вовлеченным **kriv-*.

¹⁷⁶ Не исключено, что название Кривой город (конец) соотносилось с другим, "геометрическим" названием - Острый город (конец). Возможное литовское наименование (**Aštr-* & **pilis*, ср. *Aštrkalnis, Aštriakalnis*) отсылает нас к др.-греч. *ἀκρόπολις* (ср. наиболее высокое положение Острога конца в пределах старого города). Ср. также Острый конец в Москве (на Великом посаде), в Серпухове, Острая лавица - один из концов Пскова и Острый град + остроградский.

¹⁷⁷ Эта "пустота города" при переводе на литовский привела бы к своего рода оксюмору, так как *pilis* 'город' соотносится с *pilnas* 'полный', *pilni*.

¹⁷⁸ ...obscuram atque humilem conciendo ad se multitudinem natam et terra sibi prolem ementiebantur.

¹⁷⁹ Особенно принимая во внимание расположение поселений на холмах (как и в Риме), разделённых долинами.

где территориальная и социальная консолидация могла предполагать нечто подобное инициативе Ромула. Примеры переноса ключевых обозначений частей города (ср. гору Гедимина у устья Вильны и в р-не совр. Margytės g.¹⁸⁰; Кривой город на Алтарии и внизу у Нижнего замка и т.п.) и как следствие – их неединственность в истории города (ср. две горы Гедимина, два Кривых города, две Туровых горы и т.п.), по-видимому, отражают линии динамических связей, процессы взаимодействия разных социальных комплексов внутри города. Во всяком случае, предполагая ограничения и исключения, можно говорить о том, что местом репрезентации воинской функции в ее наиболее четком выражении была гора Гедимина (Верхний замок), маги-ко-юридической, религиозно-ритуальной – долина Швинторога, производительно-экономической – Кривой город. Вместе с тем Нижний замок с князем и дружиной или Кривой замок также соединялись с воинской функцией, а отражения маги-ко-юридической функции были возможны и в других местах (ср. сведения о святилищах на Антакальнисе, около теперешней церкви св. Духа и бывш. монастыря Базильянов, у Пятницкой церкви и т.п.). Более того, вообще остается неизвестным, насколько каждый территориальный комплекс мог представлять собой самодовлеющее целое в смысле совмещения в себе всех трех социальных функций или же при отсутствии этой самодостаточности и при наличии известной зависимости от других частей города, – насколько каждый такой комплекс мог развивать хотя бы частичные способы воплощения недостающих ему функций. Кажется, для ранней истории Вильнюса можно предположить схему такого устройства, когда, с одной стороны, существовали три разных территориальных комплекса с преобладанием в каждом одной особой функции и, с другой стороны, каждый из этих компонентов обладал возможностью осуществлять все три функции, правда, в редуцированном виде. Автаркические тенденции города требовали устранения энтропии и в территориальном и в социальном устройстве города. Избыточность и асимметрия организации, осложненные наличием разных этнокультурных и конфессиональных элементов, должны были ощущаться как существенная помеха. В этих условиях синтетическим тенденциям суждено было стать ведущими. Можно высказать предположение, что пространство, на котором произошло решающее объединение элементов, примыкало к Нижнему городу с юга и юго-запада (район Старого города, с известного момента называемого Кривым, с осью в виде теперешней Замковой ул. – Pilies g.). Именно здесь скорее всего могли произойти нейтрализации противопоставленных друг другу этнических (а отчасти и социальных) элементов и территориальное объединение пространственно-социальной структуры неоднородного в этнолингвистическом отношении города. Замок, долина Швинторога и Кривой город (на Алтарии) встретились друг с другом на этом пространстве и, образовав новое единство, сами по себе начали утрачивать свое прежнее значение¹⁸¹.

Комплекс *vil-/vel-, актуализировавший наиболее глубокие и интимные условия бытия города, стал ведущим и дал городу свое имя¹⁸², постепенно утрачивавшее память о его мифопоэтических истоках, о благословении неба свыше и благословении бедны долу.

nias – Nauja Vilnia и т.п.). Вместе с тем и в более ранней истории Литвы имели место подобные предполагаемым трансформации. Так, исходя из данных о миниатюрных городищах (см.: Volkaitė-Kulikauskienė R. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu. – In: Iš Lietuvos kultūros istorijos, II. Vilnius 1959, с. 125–137), как будто следует, что более раннее отношение "городище" (жилое) – "подножье" (нежилое) позднее сменилось другим: "городище" (нежилое) – "подножье" (жилое); лишь в случае опасности возвращались к старой схеме. Можно предполагать, что именно такая ситуация была характерна и для Вильнюса. Высказанное выше мнение о слиянии в истории Вильнюса трех первоначальных изолированных центров в единый территориальный и социальный организм вполне согласуется с новыми тенденциями в вопросе становления древних городов из разрозненных элементов (ср. концы в русском городе). См.: Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). – История СССР, 1971, № 2; Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов. – В кн.: Русский город. М., 1976, с. 17–31. В связи с этим возникает и другой вопрос – о возможном наличии в ранней истории Вильнюса элемента "б е с п о р я д о ч н о й кучевой застройки, который лежит в основе так наз. padrikas kaimas (kupėtinis kaimas); об этом принципе см.: Lietuvių etnografijos bruožai, с. 170–183; Mažoji Lietuviškoji Enciklopedija, II. Vilnius, 1968, с. 14–16, и др. "Уличный" принцип в Вильнюсе обнаруживает свое относительно позднее происхождение.

182 Довольно близкую аналогию доставляет тема Квирина (Quirinus) в Риме, ср. quirites при лит. valstiečiai (: *Val-/vel-/vil-), также раскрывающаяся через анализ места жреца Квирина (flamen quirinalis) в ритуале. См.: Dumézil G. Naissance ..., II, p. 194 sqq. К связи корня *vel- (: velnias) с названием города ср. жемайтскую форму его Velnius (ср.: Velniaus keles išboga. Velniaus mieste vaikščiodama...). Но еще существеннее тот факт, что сам Вильнюс включается в рамки фольклорной топографии со всеми ее мифологизирующими тенденциями. Ср. Basaravičius J. Vilnius lietuvių dainose. – Rinktiniai raštai. Vilnius, 1970, с. 494–566.

¹⁸⁰ VMI, 21.

¹⁸¹ Об этом свидетельствует образование нового противопоставления: Senamiestis – Naujamiestis (ср. VII-

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ КОРНЯ *ED- 'ЕСТЬ' В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Не является случайностью, что такое жизненно важное понятие, как 'есть' = принимать пищу или корм (о людях или животных)', на уровне слов относится к древнейшим элементам индоевропейского лексикона¹, причем в ряде случаев даже имеющим довольно точные соответствия и в других языковых семьях, в частности в алтайской и семитско-хамитской². Подробное сравнительно-историческое изучение ряда производных от корня *ed- дает в руки исследователя интересные факты, позволяющие уточнить те или иные связи между языками. В нашем случае — это отношения между балтийскими и славянскими языками. При этом, разумеется, следует помнить, что выводы, к которым мы приходим, относятся лишь к тому довольно ограниченному материалу, который подвергался анализу, хотя иногда, по-видимому, они отражают и более широкие явления.

Изучая ряд производных от индоевропейского корня *ed- в балтийских и славянских языках, мы наблюдаем, с одной стороны, внушительное число поразительных сходств и совпадений между этими двумя языковыми группами, подтверждающих широко распространенное мнение об особой близости этих ветвей; с другой стороны, обнаруживаются и некоторые весьма древние расхождения.

1. Среди соответствий, по-видимому, следует выделить по крайней мере две группы: во-первых, балто-славянские совпадения, имеющие соответствия и в других индоевропейских языках; во-вторых, балто-славянские совпадения, для которых нет соответствий в других языках.

К первой группе относятся случаи сохранения индоевропейских архаизмов в некотором наборе индоевропейских языков, куда входят балтийский и славянский. Эти случаи представляют интерес для установления степени архаичности отдельных языков или языковых групп, но по ним нельзя судить о специфике отношений между отдельными группами индоевропейских языков. Однако следует учесть, что без точных сведений об индоевропейском наследии в интересующих нас двух языковых группах представления об их специфике и взаимоотношениях будут неполными. Привожу пример.

До недавнего времени г-основа от корня *ed- реконструировалась только для хетто-лувийского, греческого и литовского языков, но не для славянского. Ср. хеттск. *etri-* 'еда', греч. *ἐδάρ*, -ατος и лит. *ėdrā* 'еда; корм'. Нам

(сначала в фольклорной формуле русск. *пиреи и едери* 'питье и яства'³, а потом и вне таких устойчивых минимальных фрагментов текста⁴: в среднерусском *купить на еду*, т.е. 'на еду') удалось обнаружить следы древней индоевропейской гетероклитической г-основы в славянском (*ēder-). Об определенных древних системных связях говорит то, что в следующих индоевропейских языках наряду с г-основой засвидетельствована основа на -men: лит. *ėdrā* 'еда; корм' : *ėdmenē* 'съедобные вещи; морда', *ėdmēnē* 'еда; корм'; прасл. *ēmē, -enī 'еда; зерно, предназначенное для еды'⁵ : *ēder-, в среднерусском *на еду*; греч. гомер. *ἐδμενα* 'есть' : греч. *ἐδάρ*, -ατος 'еда; корм'.

Основа на -n для славянского восстанавливается только предположительно, т.е. в случае, если ст.-чеш. *jiednē*, -ē 'место еды' восходит к *ēd-n-ia. С несомненностью n-основа наличествует в греческом (ср. *ἐδματος* < *ēdnt-), в латинском (*edo*, *edōnis*), в литовском (*ėduonis*, -iēs) и, по нашему мнению, в лит. *ėnioti* 'измельчить; медленнее, противно пожирать, обгрызать что-н.', которое восходит к *ēd-n-ioti.

Больше, чем эта первая группа сходств между балтийскими и славянскими языками, нас интересует вторая группа, т.е. эксклюзивные балто-славянские соответствия.

1. В отношении корневого вокализма (ē) в данном случае перед нами соответствие, которое ограничивается лишь балтийскими и славянскими языками.

2. Основа на -i от *ēd-, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, также встречается только в балтийских и славянских языках. Ср. лит. диал. (восточнолит.) *īrmėdis*, -ies (1) жен. р. 'болезненное состояние с температурой, грипп; подагра' (LKŽ IV, 13) с i-основой -ėdis во второй части сложения и др.-прусс. *īdin* вин.п. ед.ч. в сочетании *bītas īdin* 'ужин', а также прасл. *(j)ēdъ < *ēdis со значением 'еда, пища; корм'⁶. По семантике ближе всего друг другу слова из древнепрусского и славянских языков. Др.-прусс. *bītas īdin* во второй части точно соответствует др.-русс. *вечеродъ* жен. р. 'ужин, вечернее пиршество' (Срезневский I, 250; СЛРЯ XI-XVII вв. II, 130). Что касается лит. диал. *īrmėdis*, то оно входит в лексико-семантическую группу обозначений болезней, "проедающих" части организма. Ср. лит. *ėdis*, -džio 'костоеда', лит. *ėduonis*, -iēs; *ėdžia*, -os 'костоеда; кариес', русск. диал. *наеди* 'болезнь зубов у лошадей' (Гера-

* © R. Eckert, 1980 r.

¹ См. *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1. Bern-München, 1959, S. 287-289.

² См.: *Иллич-Свитич В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b-k). М., 1971, с. 273-274.

³ Впервые об этом мы сообщили в нашем докладе на Международном симпозиуме по этимологическому и историческому исследованию славянского словарного состава в 1972 г. в Лейпциге; см.: *Slawische Wortstudien*. Bautzen, 1975, S. 55-57.

⁴ См.: *Eckert R. Studien zur Geschichte der nominalen Stammbildung im Slawischen. Zeitschrift für Slawistik*, Bd. XIX, H. 4. Berlin, 1974, S. 489-499.

⁵ Впервые праслав. *ēmē < *ēdmen- описал О.Н. Трубачев. См.: *Этимологический словарь славянских языков. Пробные статьи*. М., 1962, с. 50-51.

⁶ См.: *Eckert R. Lit. -ēdis, -ēdies : ursl. *(j)ēdъ - Baltistica*, VI (1). Vilnius, 1970, S. 43-45.

симов, 60) и др. Впрочем, последнее слово, употребляемое как *pluralia tantum*, предполагает исходную форму *naēdъ.

Определенный интерес представляет и тот факт, что в обеих языковых группах основа на -i сохраняется в ряде случаев как второй компонент сложений, ср. лит. *igū-ēdis* и ему частично (формально) соответствующие прасл. *zvečerōēdъ, *zvęroēdъ 'корм диких зверей', *čęroēdъ 'червоточина' и даже *medųēdъ 'медведь'. Последнее по своей внутренней форме соотносится с др.-инд. *madhvad-* 'поедающий мед', однако это в свою очередь не является i-основой, так же как прасл. *darųmoēdъ, *konoēdъ, *ljudoēdъ и др.

3. От корня *ēd- в литовском и славянских языках известны имена прилагательные с основой на -u со значением 'относящийся к еде; прожорливый' и т.п.⁷ В других индоевропейских языках также сохранились следы u-основ, но все они выступают как распространенные u-основы и относятся в армянском и греческом к именам существительным, образующим другую лексико-семантическую группу, ср. арм. *erkn* 'коли при родах' < *ēduōn, греч. *δδύων*, греч. эолийск. *δδύα* 'боль'. Лишь в латинском засвидетельствовано имя прилагательное, однако с долгим -u- и распространенное через -l-: *edulis* 'съедобный'. Для литовского и русских народных говоров можно установить точное соответствие лит. *ēdūs* 'охотно жрущий, прожорливый': *ēdovъ 'пригодный для корма; предназначенный для еды, корма; охотно жрущий'. Ср., напр., лит. *ēdus arklys* 'прожорливая лошадь' (LKŽ II², 1048) и русск. диал. (на Северной Двине) *едовый теленочек-эт* 'прожорливый теленок' и (уральск.) *корова едовитая* 'прожорливая, много съедающая корова' (СРНГ 8, с. 322-323). Основа на -u, отраженная этими русскими диалектными словами, поддерживается еще именем прилагательным *ēdъkъ, представляющим распространение имени прилагательного с u-основой *ēdu- через суф. -kъ⁸. Ср. русск.-цслав. *ѣдъкъ* 'съедобный' (Срезневский III, 1619); русск. (XVIII в.) *ѣдкий* 'пригодный для еды, корма; пригодный для скота (о траве, сене, корме)', блр. *ѣдкий* в значении 'употребляемый в пищу, съедобный', ср. *ѣдкое сѣно* (Носович, 723). Наиболее близким соответствием этих слов является лат. *edulis* 'съедобный' — и тем, что это имя прилагательное, и в семантическом плане, и тем, что оно так же, как праслав. *ēdъkъ, представляет собой, вероятно, распространенную u-основу.

Обращает на себя внимание еще то обстоятельство, что в литовском языке существует целое гнездо имен прилагательных, образованных от корня *ēd- и склоняемых по типу основ на -u, ср. лит. *ēdrūs* 'много пожирающий (о живот-

ных); прожорливый; едомый, съедобный', *ēsnušs*, *ēslūs*, *ēs-kūs* 'прожорливый' и *ēkstūs* 'капризный в еде' помимо уже приведенного *ēdūs*⁹.

4. Полное совпадение наблюдается и в отношении литовского имени прилагательного *ēdamas*, -a в значении 'съедобный, пригодный в пищу' и русск. диал. (смоленск., брянск.) *едомый* 'съедобный'. ср. лит. *ēdama žolė* (DLKŽ², 970) и русск. диал. *едомая трава* (СРНГ 8, с. 323).

5. Паразитические соответствия можно обнаружить и среди суффиксальных образований. Только из балтийских и славянских языков нам известны производные типа *ēd-s-l-. Впервые на балтийское соответствие праслав. *jasli < *ēd-s-li 'ясли' в виде латыш. диал. *ēslis* 'кто постоянно жует; обжора' указал В.В. Иванов¹⁰, утверждая, что славянское образование не является изолированным словом, как полагал А. Мейе¹¹. Редкое латышское диалектное слово, которое кое у кого даже вызвало сомнение, хотя оно фиксировано в известном словаре Мюленбаха-Эндзелина (ME I, 577), получает поддержку, если привлекаем к сравнению еще литовское диалектное имя прилагательное *ēslūs*, -i 'прожорливый (о животных)', ср. *Kad jas velniai tas kiaules, tai dar ēslūs, ne prišerti negali spēt* (Bartninkai, *Vilkaviškio rajonas* - LKŽ II², 1154) 'чтоб их черти (взяли), этих свиней, да еще прожорливые, невозможно успеть их накормить'. В семантическом и в формальном отношении восточнобалтийские слова не вызывают никаких затруднений. Для объяснения смысловых отношений между восточнобалтийскими словами и славянским словом поучительны лит. *ēdžià resp. ēdžia* со значением 'обжора; корм для лошадей' и лит. *ēdžios*, выступающее в качестве *pluralia tantum* так же, как слав. *jasli, являющееся формой мн.ч. от *ēdžia* и имеющее значение 'ясли'. Ср. LKŽ II², 1048.

6. Соответственно образованиям с *ēd-s-l- в балтийских и славянских языках наблюдаются многие сходные моменты у образований от *ēd-s-n-¹². Мы имеем в виду лит. *ēsnošs* мн. ч. жен. р. 'десны' (LKŽ II², 1155), что, по-видимому, восходит к *ēd-s-n-a, а также уже упомянутое лит. *ēsnušs*, -i, 'прожорливый' и (с несколько иной огласовкой суффиксальной части) лит. *ēsena resp. ēsena* 'кушанье, еда; корм' (LKŽ II², 1153) < *ēd-s-en-a. Лит. *ēsnošs* соответствуют славянские названия десен с начальным j-, т.е. чеш. диал. *jasno*; слов. диал. *jasno*, укр. диал. *ясна, ясн* и полаб. *jōsna*. В другой работе мы высказывали предположение о том, что в славянском индоевропейское название десен, связанное с корнем *ēd- 'есть', отражено не только как *dēsнь, *dēsno, *dēsna, *dōsno, восходящие к и.-е. причастиям *dnt-, *dōnt-, но и как *jasno*, *jasna*, для которых можно реконструировать праформу *ēd-s-n-. Подтверждением этому служит наличие лит. *ēsnošs*.

⁷ Ср.: Eckert R. Studien zur Geschichte der nominalen Stammbildung..., S. 499-502. От приведенного там же сопоставления лит. *ēdrūs*: ср.-русск. *ѣдров* в *ѣдрови трави* нам, однако, нужно отказаться, так как пример из Травника Николая Любчанина следует трактовать по-другому.

⁸ См.: Эккерт Р. Основы на -u в праславянском языке. - Учен. зап. ин-та славяноведения АН СССР, 1963, т. XXVII, с. 87-118.

⁹ См.: Arumaa P. Sur l'histoire des adjectifs en -u en balto-slave. Årsbok, 1948-1949; Lund, 1951, p. 54, 55, 63, 68, 79, 88, 90.

¹⁰ Иванов В.В. Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 161.

¹¹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 68.

¹² Ср.: Eckert R. Studien zur Geschichte der nominalen Stammbildung..., S. 502-504.

Правда, здесь более детального объяснения требуют еще одинаковые суффиксальные части (-sn-, а в ряде случаев и -sl-, которые несомненно шли после дентального звука) и сам факт существования различных форм для названия десен. Лит. *ėsnūs* и *ėseną* можно, наконец, еще сопоставить со ст.-чеш. *jěsně*, -е жен. р. 'какая-то еда', для которого мы предложили праформу **ēd-sn-ja*.

II. После рассмотрения целого ряда совпадений среди дериватов от и.-е. **ēd-* в балтийских и славянских языках, которые вряд ли являются поздними, мы хотели бы указать на два случая расхождений, не уступающих по своей древности предыдущим случаям.

1. В славянских языках отсутствуют производные от **ēd-*, которые содержали бы -s-k-, в то время как в литовском такие образования наличествуют, ср. лит. *ėškā* 'жратва; аппетит', *ėskena* 'аппетит' и *ėskus*, -ė 'обжора', *ėskūs*, -i 'прожорливый'. Лит. *ėškā* < **ēd-s-ka* во всех деталях соответствует лат. *ēscā* < **ēd-s-qa* 'пища'. Замечательно здесь еще и совпадение в долготе корневого вокализма. В славянских языках унаследована форма без -k- **ēd-s-a* в русск. *яса* 'пища', которое перекликается с германскими образованиями, в частности с др.-в.-нем. *ās* < **ēd-s-o* (также с долгим ē!) 'пища'.

2. Типичным славянским образованием является русск.-цслав. *ѢСТЕЛЬ* *gęsp*. *ѢСТЕЛЬ*, для которого И.И. Срезневский (III, 1623, 1666) дает значение 'питающийся'. На наш взгляд, это довольно древнее образование, для которого имеются следующие две возможности восстановления праформы: из **ēd-tel-* или из **ēd-s-tel-*. В плане индоевропейской сравнительной грамматики последнюю из них можно сопоставить с древнеирландским конъюнктивом *ci-ni es-tar* 'несмотря на то, что он не ест', где *estar* возводится к **ēd-s-tro*.

Исходя из сказанного в начале нашей заметки, мы не считаем себя вправе извлечь какие-то более общие выводы. Наша небольшая статья скорее носит характер предварительных штудий, которые несомненно должны быть продолжены, проверены и доработаны.

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ *u* В НАЧАЛЬНОМ СЛОГЕ В БАЛТИЙСКОМ В СВЕТЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

1. Прус. *wūpnis* 'хлебная печь': хет. *ḫappina-*

Вопрос о начальном *u-* в таких балтийских формах, как лит. *upė*, лтш. *upe* 'река', обсуждается в недавних работах проф. Хр. Станга, приходящего к выводу, что начальное *u-* в подобных словах является результатом развития фонетического редуцированного гласного ("schwa secundum", **o*) между позднее исчезнувшим **h* и следующим согласным (**p*) или группой согласных¹.

Эту точку зрения, окончательное доказательство которой затруднялось крайней скудостью материала² (только названия 'реки, воды' и 'огня', которые могли принадлежать к одной семантической группе слов), в настоящее время представляется возможным подтвердить благодаря обнаружению еще одного слова с точно такой же фонетической структурой. Прус. *wūpnis* 'хлебная печь' ('Backofen', Эльбингский словарь, 331), *uṃnode* ('Backhaus', Эльбингский словарь, 330), которое ранее достаточно искусственным образом пытались объяснить как заимствование из диалектных шведских форм типа *uṃn* 'очаг' (при др.-шв. *uṃn*)³, восходит к общебалтийскому **upni-*, **upn-*⁴ (через возможную промежуточную форму *uṃn*). Для этой общеиндоевропей-

¹ См.: Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, XXV, 1971, S. 7 и след.; Stang Chr. Ergänzungsband. Register, Addenda und Korrigenda zur Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1975, S. 45.

² Ср. замечание Станга: "Das Material ist indessen zu klein, um entscheidende Schlüsse zu erlauben" (Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, Universitetsforlaget, 1966, S. 35).

³ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern, 1959, S. 88 (там же дальнейшая литература), а также: Būga K. Rinktiniai raštai, II. Vilnius, 1959, с. 206. Согласно любезному разъяснению В.Н. Топорова, прусско-шведские лексические параллели наблюдаются преимущественно в ономастике.

⁴ Ср. о фонетическом развитии: Būga K. Op. cit., II, p. 205 (сопоставление с типологически отчасти сходным развитием лат. *somnus*, *sompnus*); I, p. 428, 503. Реконструкция *-b- (а не *-p), основанная на предлагаемых Бугой сопоставлениях с литовскими формами (ст.-лит. *ūblas* 'печь', лит. *ūbas* 'печь', *ūblade* 'печка', ср. прус. *uṃnode*), возможна для восточнобалтийского, но и в таком случае должна быть признана инновацией — как судя по структуре родственных слов других индоевропейских языков, так и на основании заключения о практически полном отсутствии индоевропейских форм с *-b-, ср. ниже о названии 'реки'.

ской основы обнаруживается точная индоевропейская этимология: это древнее индоевропейское название 'огня в (кухонном) очаге', 'кухонного очага', 'кухонной печи'.

Его древнее значение и звуковая форма могут быть удостоверены благодаря обнаружению в хеттском языке родственного слова *ḥappina-* в значении 'огонь на очаге (для готовки)'. В чрезвычайно архаичных по словоупотреблению и образности текстах обрядов военной присяги, сохранивших такие общеиндоевропейские черты, как клятва у воды и водой (грозящая клятвотступнику водянойкой)⁵, форма *ḥarpina* (древний направительный падеж) употребляется в тех местах, где речь идет о бросании в огонь и растапливании на огне бараньего жира, воска, сухожилий, соли: *na-aš-ta GAB. LAL^{uzu} I. UDU-ia I. NA QA. TI. SU. NU da-a-i na-aš-ta ḥa-ar-pi-na pi-eš-ši-ia-az-zi nu te-iz-zi ki-i GAB. LAL ma-aḥ-ḥa-an šal-li-ia-it-ta I. UDU-ma-ua GIM-an mar-ri-it-ta na-aš-ta ku-iš-sa NI. IS DINGIR LIM^{ar} sar-ri-e-iz-zi na-aš-ta A. NA [LU (GAL KURU)] RU HAT. TI ap-pa-a-li da-a-i na-aš GAB. LAL [-aš i-] ua-ar šal-li-it-ta-ru^{uzu} I. UDU-m [a-u] a i-ua-ar mar-ri-e-it-ta <ru> a-pi-e-ma da-ra-an-zi a-pa-a-at e-eš-du nu-uš-ma-aš^{uzu} SA MUN-an I. NA QA. TI. SU. NU da-a-i na-at ḥa-ar-pi-na pi-eš-ši-ia-zi nu ki-is-sa-an te-iz-zi ki-i-ua-kan^{uzu} SA ma-aḥ-ḥa-an ḥa-aš-ši-i an-da ḥu-ur-ša-ak-ni-e-it-ta MUN-aš-ma-kan GIM-an ḥa-aš-ši-i an-da pā-r-ši-it-ta-ri na-aš-ta ku-iš ku-u-uš^{NI. IS DINGIR LIM^{ar}} sar-ra-ad-da... na-an ki-e NI. IS DINGIR LIM^{ar} ap-pa-an-du na-aš^{uzu} SA-aš i-ua-ar ḥu-ur-ša-ak-ni-ia-ad-da-ru MUN-aš-ma i-ua-ar (Первая военная клятва, I 47-51, II 1-156) 'Потом он кладет им в руки воск и бараний жир и бросает (это же) в пламя очага (*ḥappina*) и говорит: "Как этот воск тает, а бараний жир топится, так тот, кто нарушит эти клятвы и будет коварно себя вести по отношению к царю страны Хатти, должен растаять, как воск, растопиться, как бараний жир". Они же говорят: "Да будет так!". Потом он кладет им в руки сухожилия и соль и бросает их (сухожилия и соль) в пламя очага и говорит: "Как эти сухожилия в очаге (*ḥašši*) обжариваются, и как соль в очаге (*ḥašši*) распадется, так того, кто нарушит эти клятвы... пусть эти клятвы схватят, и тогда пусть он обжарится, как сухожилия, пусть он распадется, как соль'. В этом тексте *ḥappina* означает пламя очага, в который бросают либо предметы, идущие в пищу (бараний жир, соль), либо предметы, обычные для жертвоприношений (воск, сухожилия). В речи жреца очаг называется термином *ḥašša-*, принадлежащим к архаической ритуальной лексике, общей у хеттского языка с италийским (лат. *ārā* 'алтарь, очаг', ср. оск. *aasai purasai* 'arae igniariae' при др.-хет. *ḥa-aš-ši-i pa-aḥ-ḥu-ur* 2 Bo TU 10 в 25-27'). Форма *ḥappina* же*

⁵ Oettinger N. Die Militärischen Eide der Hethiter. (Studien zu den Boğazköy-Texten, 22). Wiesbaden, 1976, S. 73-76 и след., там же сравнение с древнеиндийскими и другими древнеиндоевропейскими данными.

⁶ См. там же, с. 8-9 и след.

⁷ Употребляется в формуле, возможно, восходящей целиком к индоевропейской ритуальной фразеологии: *man-šan ḥašši paḥḥur natta paraišteni* 'Когда вы не будете раздувать огонь в очаге', где все составные элементы являются

выступает в рамках составителя текста ритуала и может значить 'отверстие очага', 'пылающий огонь очага' (ср. *ḥa-ar-pi-ni ū-ra-a-ni* 11 91/2 I 11⁸ 'сгорает в пылающем огне очага'), 'очаг для готовки' (возможно, что термин имел некогда в большей степени обиходный характер, чем торжественное ритуальное *ḥašša-*). Фонетически написания хет. *ḥa-ar-pi-na* (директив), *ḥa-ar-pi-ni* (локатив) могут отражать либо основу */ḥappa-/* с использованием *-i-*, как это часто бывает в хеттской клинописи, только для удобства графической передачи сдвоенного *-pp-* < и. -е. *p-, либо (что менее вероятно) основу */ḥappina-/* с безударным гласным *e* во втором слоге, в хеттском давшем *i*, как в *peris* < **nēbhes*⁹.

Форма **ḥōpno-*, фонетически близкая к реконструируемой для хеттского **ḥōp(e)no-*, отражена в герм. **ōfna-*, реконструируемом по данным западногерманских и северногерманских языков: др.-англ. *ofen* 'очаг, печь', др.-в.-нем. *ovan*, др.-исл. *ofn*. Напротив, форма, по характеру огласовки первого слога тождественная **ḥōpni-*, которое предполагается балт. **urni-*, выступает в греч. *ἰνός* 'печь, кухонный очаг' (ср. мик. *i-ro-no*), *ἰνίτης* (*artōs*) 'хлеб', выпеченный в печи, *ἰνέω* 'пеку в печи' при таких характерных производных, напоминающих использование хет. *ḥappina* в военной присяге, как *ἰνo-κλίστος* 'устанавливающие очаг', *Ἐφ-ἰνoς Ζεὺς ἐν Χίῳ* (Гесикий). Начальное *ι* греческого слова должно объясняться из **ḥōpno-*, как *ἑσπερ* 'четыре' из **kwo-*¹⁰.

индоевропейскими: к *man* 'когда, если', ср. др.-ирл. *man*; к *šan*, ср. прус. *sen*, о.-слав. **съ(n)*, др.-инд. *sam*, греч. *συν-*, этимология *paḥḥur* при греч. *πῦρ* и т.п. общеизвестна, *natta* соответствует сложениям отрицания не с местоименным элементом *-t* (в индоевропейских диалектах *-d) типа англ. *pought*, *not* и т.д., глагол *pa-rai-* 'дуть, надувать' (например, пузырь) соответствует др.-инд. *prāna-* 'дыхание' (Oettinger N. Op. cit., p. 46-47, Anm. 111). Глагол *para-* в этой формуле означает 'раздувать', а не 'потушить, задуть' (вопреки *Bán-Mun Sh.R. The Tawananna in the Hittite Kingdom (Texte der Hethiter, hrg. von A. Kammenhuber, H. 5). Heidelberg, 1975, S. 108*).

⁸ Oettinger N. Op. cit., p. 29. Гетце в цитированных текстах военной присяги переводил слово *ḥappina* как 'блудно' (Ancient near eastern texts relating to the Old Testament, ed. by J.B. Pritchard, Princeton, 2 ed., 1955, p. 354), что соответствует функции самих предметов, бросаемых в очаг.

⁹ Oettinger N. Op. cit., p. 24.

¹⁰ Для темы настоящей статьи не представляется существенным, можно ли (как это делал Покорный, см.: *Pokorny J. Op. cit.*, p. 88) объединить все рассмотренные слова далее с др.-инд. *ukha-* 'горшок', 'печной горшок', лат. *aulla* 'горшок' < *auxla*, ср. *auxilla* 'горшочек' при гот. *auhns*, др.-шв. *oghn* 'очаг'. Сохранение всех этих сближений было бы возможно при допущении варианта **ḥwēk^w* (с дальнейшими диссимилятивными изменениями), наряду с **ner-* (ср. хет. *ulirpana-* 'волк', подтверждающее

Соотношения между балт. *urp- 'очаг' (для готовки) (из и.-е. *H₂orp-, как и греч. ἔρν-) при хет. ḥarp(i)n- (из и.-е. *H₂or(e)no-, ср. герм. *ōfna-) полностью аналогично соотношению между балт. *urp- (лит. ūrė, лтш. ure 'река', ср. прус. wuryan) и хет. ḥarp-a 'к воде, к потоку'¹¹ (из и.-е. *H₂or-, ср. др.-инд. ar- 'вода', авест. āfš 'вода'). Очевидно, прус. are 'ручей', 'речушка', отражает ступень огласовки *H₂or- в отличие от редуцированного *H₂or- в восточнобалтийском (и, возможно, в прус. wuryan).

Для лит. ugnis, лтш. uguns следовало бы точно так же предположить *H₂ogn- > балт. ugn- при *H₂ogn- > ст.-сл. ogn-, др.-инд. aṅg-i-. Это служит дополнительным аргументом в пользу того, чтобы считать имя бога Ḍakniš в хеттских текстах заимствованным из месопотамского арийского (как это и считалось большинством ученых вслед за Майрхофером¹²), так как в собственно хеттской форме следовало бы ждать начальное ḡ- < *H₂-¹³.

возможность отражения форм типа *wlp- в хеттском, как и в германском, при *wlk^w- в других индоевропейских языках). Но столь широкое варьирование пришлось бы отодвинуть вглубь истории индоевропейского языка. Остается спорным происхождение алб. anë 'сосуд', которое семантически ближе к группе др.-инд. ukha-, но по характеру суффикса сопоставимо и с хеттской и германской формами; напротив, брет. offen 'каменное корыто' (если оно восходит к форме с -pp- по Лоту) формально ближе к хеттскому, а семантически к древнеиндийскому.

¹¹ См. исчерпывающую сводку данных и библиографию: Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А-Д. М., 1975, с. 97. Предположенное Уоткинсом различие хеттских написаний ḥara- 'река' и ḥarpa- 'вода' (См.: Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1973), которые он соотносит с *ab- и *ar- в других индоевропейских языках, недостоверно с точки зрения хеттской графики (семантически формы в хеттском так же едва ли противопоставляются друг другу, ср. о значении хет. ḥar- 'Поток, Божество Реки' как воплощении активного водного начала в противоположность uatar 'Вода' как пассивному началу: Laroche E. Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite. - In: Festschrift H. Otten. Wiesbaden, 1973, там же сопоставление с идеями Мейе). Вполне возможно, что форма *H₂or- > ar- могла подвергаться вторичному озвончению в отдельных диалектах (ср. выше ст.-лит. ūblas 'печь'). Любопытно, что наряду с *H₂or- в значении 'воды', 'реки' восстанавливается и основа типа *H₂wek^w- (вариации примерно те же, что и в названии 'очага для готовки').

¹² Ларош (Laroche E. Op. cit.) допускает возможность собственно хеттского происхождения слова, но не приводит никаких доводов в пользу этой точки зрения.

¹³ В случае, если бы в названии 'огня' не оказалось бы начального ларингального, пришлось бы допустить в балтийском воздействие анлаута семантически ему противопоставленного названия 'воды', 'реки'.

2. Еще раз об этимологии лтш. jumis 'сдвоенный плод, двойчатка' в свете сравнительного исследования близнечного культа

Этимология лтш. jumis 'сдвоенный плод, двойчатка', основанная на его сближении с др.-инд. yama- 'близнец', была предложена еще в XIX в. и принята во многих этимологических словарях, но несколько доводов против этой этимологии, уже давно выдвинутых Эндзелеином, до сих пор оставались без ответа. Приведенные выше данные позволяют дать фонетическое объяснение этой этимологии.

Гюнтерт, которому принадлежит исключительно глубокое (и верное вплоть до деталей) исследование семантической истории этого индоевропейского слова, предложил видеть в лтш. и отражение индоевропейского редуцированного гласного¹⁴ ("schwa secundum", *^o согласно обозначению, принятому вслед за Стангом в настоящей статье). Окончательное выяснение вероятной позднеиндоевропейской праформы слова облегчается благодаря обнаружению того, что лат. imāgo 'образ', сопоставленное еще Гюнтертом¹⁵ (а в недавнее время и Девото¹⁶) со словами данной группы, оказывается родственным хет. ḥimma ' (культовое) подобие' (этимология Г. Неймана¹⁷). Хеттское слово употребляется обычно по отношению к небольшим культовым моделям животных (в частности, птиц) и предметов (плуга, оружия, тяжелой повозки, легкой боевой колесницы, плиты¹⁸, на которую ставится модель колесницы, плетения из тростниковых прутьев и т.п.). Вместе с тем оно служит и обозначением религиозного праздника вообще, так или иначе связанного с 'культовыми подобиями'. Представляется вполне вероятным предположение, по которому это последнее значение отражает след древней индоевропейской терминологии близнечного культа. В пользу последнего предположения косвенным образом говорит и то, что одним из самых ранних памятников хеттской литературы является миф о детях царицы Канеса, отражающий весьма архаическую форму общиндоевропейского близнечного мифа¹⁹. Кажется правдопо-

¹⁴ Güntert H. Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale), 1923, S. 337.

¹⁵ Там же, с. 364.

¹⁶ См. дальнейшую литературу вопроса в статье: Иванов В.В. отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. - В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 202 и след.

¹⁷ Oettinger N. Op. cit., p. 64; см. об этом хеттском слове там же, с. 61 и след.

¹⁸ Так (в соответствии с пониманием слова uera- согласно Оттену, ср.: Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch, 3. Ergänzungsheft. Heidelberg, 1966, S. 37) можно было бы понимать место в I Bo T III 93 + KB XV 21 9, где Эттингер оставляет uera- без перевода (Oettinger N. Op. cit., p. 62).

¹⁹ Otten H. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (St Bo T, 17); см. русский перевод и комментарии в кн.: Луна, упавшая с неба. Пер. с древнемало-

добным предположение о том, что и в хеттском языке могло отразиться древнее индоевропейское название 'близнеца'²⁰, 'культового двойника', 'культового подобия'.

В хет. *hīma* (как и в лат. *imāgo*) отражен корень **hīm-*²¹ в нулевой ступени огласовки в отличие от ступени *e/o* (**hiem-/hiom-*) в др.-инд. *yama-* 'сдвоенный, близнец', авест. *yamō* 'близнец', ср.-ирл. *emūin* 'близнец'²². Имя древнеисландского героя *Ymir*, функциональное и семантическое тождество которого с др.-инд. *Yama*, др.-ир. *Yima* доказано многочисленными сравнительно-мифологическими исследованиями последних десятилетий²³, согласно Гюнтерту, объясняется из прагерм. **iūmīaz* < **iōm(i)ios*²⁴, что следует возвести к и.-е. **h₁om-i-*, как и лтш. *jūmis*.

азиатских языков, вступ. статья и коммент. В.В. Иванова. М., 1977. Ср. относительно родственного древнеиранского мифа, имя главного героя которого *Yima* родственно лтш. *jūmis*, и кельтских параллелей: *Dumézil G. Mythes et Épopées. Types épiques indo-européens; un héros, un sorcier, un roi.* Paris, 1971, p. 244-280; ср.: Иванов В.В. К семиотической теории карнавала как инверсии двойных противопоставлений. - В кн.: Труды по знаковым системам, VIII. Тарту, 1977.

²⁰ Хеттское фонетическое чтение шумерограммы *MAŠ.TAB. BA* 'близнец' (встречающейся, в частности, в хеттском переводе хурритского поэтического фрагмента о Земле, рождающей близнецов, от мужского облика Колесницы - созвездия Большой Медведицы) остается неизвестным.

²¹ В случае, если принимается связь с данной группой слов также и лат. *geminus* 'близнец' (ср.: *Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine*, 4 éd., deuxième tirage. Paris, 1967, p. 268-269), в этом слове можно было бы допустить для древнейшего периода не ларингальный, а звонкий глубококозачный того же типа, что и соответствующий глухой в лат. *costa*, ст.-слав. *кость*, хет. *haštai-* 'кость', см. об этом: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1980. Но для более позднего периода развития общиндоевропейского, по-видимому, можно предполагать частичное совпадение фонемы этого типа (в таких диалектах, как анатолийский) с ларингальным. В этом смысле реконструкция начального **h* частично оправдана (поскольку здесь рассматриваются только отражения в поздних диалектах).

²² К отсутствию рефлекса начального **i-* в древнеирландском ср. аналогичное развитие в названии ячменя (ирл. *eorna*, хет. *еа-а*, др.-инд. *yava-*) и в слове со значением 'холодный, лед' (хет. *ekupa-*, др.-ирл. *ép* при отражении **i-* в германском). Относительно имен героев древнекельтского близнечного мифа с элементом *eamp* ср.: *Dumézil G. Op. cit.*

²³ Ср., в частности: *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового дерева". - Труды по знаковым системам, V. Тарту, 1971, с. 22, там же предшествующая литература.

²⁴ *Güntert H. Op. cit.*, p. 337. Обозначение **o* для "schwa secundum" (æ₂, по Гюнтерту) принято вслед за Стангом.

В этом случае латышское слово позволяет утверждать, что в общевосточном как и отражался индоевропейский редуцированный гласный в слоге между двумя неслоговыми (хотя бы даже и сонантическими) элементами (является ли обязательным присутствие ларингального в начале слога типа **h₁om-*, сказать трудно ввиду ограниченности примеров). Этот вывод согласуется и с допущением о развитии балтийского и из редуцированного гласного перед сонантами, принимаемого (хотя и с различными оговорками) во многих исследованиях по сравнительной фонетике балтийских языков.

Если с фонетической стороны этимология лтш. *jūmis* 'двойчатка', 'сдвоенный плод', 'полевое божество' оказывается хорошо обоснованной, то и семантически ее можно подкрепить значительным числом доводов, прежде всего типологических. В очень большом числе традиций сохраняется устойчивая связь сдвоенного плода с близнецством. В этом отношении особый интерес представляет "Африка - классическая страна культа близнецов"²⁵. Существенным растительным символом близнечного плодородия во многих африканских традициях является сдвоенный плод растения. У ндембу, чей близнечный обряд *Wubwang'u* недавно описан со структурной точки зрения Тернером, одно из главных деревьев в этом обряде называется *Kata wubwang'u* 'близнечное, двуплодное'; плод этого дерева разделяется на две симметричных половины, которые ндембу сравнивают с близнецами (*amramba* или *amraba*)²⁶. Само по себе представление о связи двойного ореха с близнецами встречается и в традициях, где близнецов боятся: у ибо, убивающих близнецов, по этой причине запрещено есть двойной орех; если нарушить это табу, то могут родиться близнецы²⁷. У сарамо существует поверье, что близнецы рождаются у того, кто съест особый двойной плод, который сам называется 'близнецом' (*Maracha*)²⁸ (последний факт представляет наибольший интерес для сравнения с предполагаемой семантической историей лтш. *jūmis*). В наиболее отчетливом виде связь подобных представлений с близнечным культом плодородия известна у догонов, полагавших, что рождение близнецов происходит под влиянием растений четного классификационного ряда²⁹. Во время праздника *jineŋ koŋŋ* (букв. "Пиво

²⁵ *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 209.

²⁶ *Turner V.W.* The ritual process, structure and anti-structure. Chicago, 1969, p. 58.

²⁷ *Basden G.T.* Niger Ibos. London, 2 ed., 1966, p. 22. Ср. также: *Lagercrantz S.* Über willkommen und unwillkommen Zwillinge in Afrika. - *Etnologiska studier*. 12-13, 1941, S. 59. - Пользуюсь случаем принести благодарность проф. В. Руте-Дравиня, помогшей автору получить ксерокопию этой фундаментальной работы, отсутствовавшей в наших библиотеках.

²⁸ *Lagercrantz S. Op. cit.*, p. 130; *Krauss H.* Volksmedizinische Beobachtungen bei den Küstennegern Deutsch-Ostafrikas. - *Korrespond. Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Etnologie und Urgeschichte*, 1907, 49, S. 75.

²⁹ *Dieterlen G.* Les correspondences cosmobiologiques chez les Soudanais. - *Journal de psychologie normale et*

близнецов³⁰) совершались возлияния пива; изготовленного из зерен, которые извлекались из двойных плодов проса - ju:jine 'просо-близнец', ср. jine 'близнец'³¹. До сбора урожая все мужчины селения должны были искать двойные плоды проса на своих земельных участках и сдавать их старейшинам. Изготовленное из зерен этих плодов пиво возливалось на алтарях близнецов в честь Yeban - хозяина земельных участков и родителя близнецов, соотносимых и в сказках, и в обрядах догонов с плодородием. И сами представления догонов, и их словесные обозначения в точности типологически соответствуют близнецным ритуалам Фиджи, где близнецный (ruagua 'двойной', от rua 'два'³²) плод хлебного дерева выступает в качестве символа безмерного изобилия³³. Точно такая же языковая связь значений 'двойня' и 'пара сросшихся плодов' предположена на основании сравнения груз. tqub 'двойня, близнецы' и tquc 'пара сросшихся плодов' при вероятном сближении³⁴ с абхазо-адыгским (t)qwa- 'два'. Во всех указанных случаях, как и в лтш. jumis, за пределами Африки представлены языковые следы тех семантических связей, которые африканские данные позволяют удостоверить благодаря наличию точных типологических параллелей.

Еще крупнейшему исследователю близнецного культа Р. Харрису удалось показать, что рождение близнецов связывается с двойным плодом растения у очень большого числа народов в самых различных частях земного шара - у мальгашей на Мадагаскаре, у малайцев на Суматре, в Южной Сибири, в Западной Европе - в Бретани и в других частях Франции, в

Дании и т.п.³⁵; позднее аналогичные данные были отмечены и в фольклоре Северной Америки. Вместе с другими приведенными данными, в частности африканскими, эти факты позволяют выявить типологическую универсалию, по которой сдвоенный плод растения связывается с близнецными рождениями и избытком плодородия.

О том, что эту универсалию уверенно можно распространить и на балтийские культуры, свидетельствуют как многочисленные данные, относящиеся к лтш. jumis³⁶, так и соответствующие поверья о значимости сдвоенного колоса (блр. спарш, лит. dvilypis), записанные в Пелясе³⁷, ср. блр. "Два каласы называюць спаршы... I арэкі спаршы... I бульба таксама, як дзве зліпшы, ці так дзве зросшы - спаршы. Расліны такія ўсе называюцца спаршы... Каторы чаловек часта знаходзіць спаршы жыта, той нігды не будзе гараваць на хлеб. Той спаршык прынясе да хаты і паложыць дзе, каб не закінуўся. А як шмат найдзе хто, то ў вянок спляце і на сцену павесіць. I ён вісіць, пакам авечкі пастануць у хлеў на зіму. А як ўжо стануць авечкі, то авечкі скорміць, - то прывядзе блізнякі", лит. "Augalų dvynais nevadina, vadina dvilypiais... Žmonės dar ir dabar dvilypį riešutą nešiojasi su pinigais kapšelyje, kad būtų pinigai sparnesni. Dvilypės varpos jau niekas nepaliks, jos kur rado parsineš namo, padės kur gerai. O jei ras ir daugiau tokių, tai ruošį kai jau avys užsidaro tvartan, duos aviai kad du ēriukus atvestu".

Рассматриваемый круг представлений не ограничен областью балтийско-славянского (литовско-белорусского) языкового пограничья. Ритуалы, связанные со споринкой (новгородской спориньей) - стеблем с несколькими (в частности, двумя) колосьями, которые надо было откусывать зубами, распространены в восточнославянской области³⁸ и

pathologique, 43-e année, 1950, № 3; Dieterlen G. Classification des végétaux chez les Dogons. - Journal de la Société des africanistes, 1952, t. XXII; Lévi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris, 1962, p. 53.

³⁰ Calame-Griaule G. La parole chez les dogons. Thèse. Paris, 1965, p. 223; Calame-Griaule G. Ethnologie et langage; la parole chez les Dogons. Paris, 1965.

³¹ Dieterlen G. Les ames des dogons. (Travaux et mémoires de l'Institut d'ethnologie). Paris, 1941, p. 157, 165.

³² Schuhmacher W.W. Beiträge zur Synchronie und Diachronie austronesischer Sprachen, 3. Fijian dua 'one': rua 'two'. - Acta Orientalia, XXXIV. Copenhagen, 1972.

³³ Hocart A.M. The Northern States of Fiji. London, 1952, p. 75-78.

³⁴ Джавахишвили И.А. Введение в историю грузинского народа, II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков (на груз. яз.). Тбилиси, 1937, с. 397-400; Климов Г.А. Абхазо-адыгско-картвельские лексические параллели. - В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 291. - Согласно идее, восходящей к Н.Я. Марру (см. "Языковедные проблемы по числительным". Л., 1927. Предисловие Н.Я. Марра), с этой грузинской основой сопоставимо и (возможно, как древнее ностратическое название) семито-хамитское обозначение 'двойни' (отраженное и в имени Фомы - 'Близнеца', с этой точки зрения исследованного знатоком близнецного культа Р. Харрисом).

³⁵ Harris R. Boanerges. Cambridge, 1913, p. 128; 129; 168; 301; 386-387; 701 (с подробными комментариями).

³⁶ Ср., в частности: Smits P. Latviešu tautas ticējumi, II. Rīgā, 1940, с. 739-743. Более того, представляет возможным поставить вопрос о том, что родственное хет. himma- в тех случаях, когда оно ставится после обозначений ритуальных хлебов, выпеченных из той или иной муки (Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig, XXI 1 I, 10-11, ср.: Oettinger N. Op. cit., p. 63), также может иметь сходное значение (относится к муке из сдвоенных зерен).

³⁷ Приводимыми ниже данными о Пелясе автор обязан любезности Т.М. Судник. Данные записаны ею от Марии Круопене (56 лет) и ее отца Казимира Коменча (около 80 лет). Относительно вост.-слав. Спорш и его этимологического объяснения ср.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

³⁸ Терновская О.А. Славянский дожинальный обряд (терминология и структура). Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 6, 14. - В диссертации О.А. Терновской собран обширный материал, который может подтвердить типологическое сходство славянских земледельческих обрядов с аналогичными близнецными ритуалами других названных выше народов, ср., в частности, варку общего (братского) пива (Норинфский А.А. Народная Русь. М., 1901,

имеют достаточно точные соответствия в южнославянском ареале, где засвидетельствованы колдовские действия сжигания двух- (и много-) колосных стеблей: "царь-ть на нивата се назвать ония сторькове, които имат два-три класа"³⁹.

Но при сопоставлении разных славянских сельскохозяйственных обрядов плодородия обращает на себя внимание то, что близнецный их характер особенно явно выявляется именно в области, близкой к литовско-белорусскому пограничью. В Гродненской губ. опахивать должен был мужчина-близнец или два близнеца. В плуг впрягались два быка-двойняшки, причем весь сельскохозяйственный инвентарь должен был быть изготовлен близнецами⁴⁰. В этой связи особенно показательны и приводимые материалы из Пелюсы.

Эти сведения из Пелюсы представляют особый интерес потому, что в селении сохранились и явные следы очень архаических представлений о близнецах (считавшихся счастливыми и здоровыми), и о двойне у коровы, при рождении которой следовало совершать особый ритуал, ограждающий от несчастья, ср. блр. "Еслі карова прывядзе два зараз бычкі, то іх выгадаваць, потым уззяць запрагчы ў саху і абгараць баразно навакола сваю вёску. Эта не дойдзе тая цяжкая хвароба - халера. (Эта даўно было, за таты памяцый толькі, я ўжо не помню)", лит. "Jei karvė atveda du veršiukus, juos reikia užauginti ir kada jie bus jautukai, pirmą kartą juos pakinkyti į arklą ir aparti vagą apie savo sodžių. Tai liga cholera neateis į sodžių".

Интерес этих данных из Пелюсы двойной. Во-первых, ритуал очищения, вызванный рождением двойни у коровы, может восходить к очень большой древности, так как аналогичный по функции обряд (хотя и отличающийся конкретными ритуальными деталями) известен в древнеиндийской традиции начиная с "Атхарваведы" (III, 28)⁴¹ и имеет широкие

с. 367-369), сходную с догонской; посвящение пожиальной бороды (см. о ней: Терновская О.А. Словесные формулы в урожайной обрядности восточных славян. - В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974) близнецным божествам - Флору и Лавру, Козьме-Демьяну, Зосиме и Савве, катание на парах лошадей, роль "двойничек" у овец, символика соломённых "кукол" (в частности, куклы споринья в Псковской обл.). Там же ср. и о южнославянских параллелях.

³⁹ Маринов Д. Народна вяра и религиозни обичаи. - Сборник за народни умотворения, 1914, кн. XXVIII, с. 506; Тихоничук Н.Н. "Спорина" в жатвенных обрядах и песнях, преимущественно белорусских. - Язык и литература, VIII. М.-Л., 1932, с. 59-81.

⁴⁰ Zelenin D.K. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin, 1927, S. 67 (§ 29), 68, ср. о спорыше S. 387, 391.

⁴¹ См. перевод Т.Я. Елизаренковой: "Атхарваведа. Избранное". М., 1976, с. 151-152 (ср. там же, с. 354). Детальный анализ этого древнеиндийского обряда (с указанием предшествующей индологической литературы) см.: Harris R. Op. cit., p. 183-185. Родившая двойню в древнеиндийских текстах называется производным от уама - yamini.

типологические параллели, в частности в той же Африке⁴². Во-вторых, представление о том, что предотвращение мора или эпидемии (а иногда и болезни одного человека) может быть связано с близнецами, некогда было широко распространено в Литве. По словам И. Путрынаса (с. Пранас), "Se-novėje žmonės tikėjo dvynių gydančia galia: seneliai šnekėdavo, kad buvo maro metai ir žmonės labai mirė. Išsigelbėdavo nuo mirties ir pasveikdavo tik tie, kurie atbėgdavo į tokią lauką (dirvą), kurią suardavo dvyniai broliukai, ardami dvyniais gimusiais jaučiais."

Dvynių brolių ir dvyniais jaučiais suartas laukas buvęs Indriūnų kaime. Ir į tą lauką atbėgę maru sergantys žmonės visi išgydavo - pasveikdavo ir nebemirė. Tik viena mergina Joasė nebeįstengusi atbėgti į dvynių suartą lauką ir kritusi netoli to lauko ant kalnelio. Žmonės tą kalnelį pavadinę Joasės kalneliu"⁴³. Отчасти сходные данные давно уже были собраны литовскими этнографами и фольклористами⁴⁴, ср.: "...marui siaučiant Lietuvoje, kol tačiau baisioji liga Maišio galos nebuvo pasiekusi, apylinkės sodžių gyventojai, vykindami vieno išmintingo senelio patarimą, susidėję padirbdino aukso žagrę. Į tą žagrę buvo įjungta pora jaučių dvynių, o žmogus, taip pat iš dvynių, aparė viena vagą visus laukus tų, kalbamam reikalui susidėjęs sodžių. Tuo būdu apylinkė nuo maro liko apsaugota..." (Vilniaus kraštas, 1934 m., LTR 30-98 (306)); "Jei kaimą apartum arklių ar jaučių iš dvynių, ar pavietrių išlojotu žmogus iš dvynių, tai ten niekas maru nemirtų" (Sarapiniškių k., Salako vls., Zarasų aps. Užr. E. Rūkštelytė, 1941 m., LTR 2430 (38)). Школьный учитель А. Гашка⁴⁵ сообщает из Панделиса сведения, особенно ценные для сопоставления с врачебной функцией древнеиндийских близнецов - Ашвинов (чьё имя образовано от названия 'коня'⁴⁶): «Pandėlio apylinkės Stenionių kaimo Kesiūnas Tomošius, gimęs 1823 m., buvo savamokslis, iš tėvų išmokęs gyvulių gydytojas. Jis minėdavo kokią tai kitą "daktarą" kuris buvęs gimęs dvynuku ir dėl to labai sėkmingai gydydavęs gyvulius.

Mano motina Gaškienė Grasilda buvo liaudies gydytoja

⁴² Этой проблеме посвящен специальный раздел монографии Лагеркранца: Lagercrantz S. Op. cit., p. 265-267 (и карта 17); там же (p. 266) ср. об индийских параллелях. Из более поздней литературы о соответствующих ритуалах в Африке см. указанные выше работы о догонах, а также о бавенда: Loeb E.M. The twin cult in the Old and New World. - Miscellanea Paul Rivet octogenario dicata (XXXI Congreso Internacional de Americanistas), I. México, 1958, p. 167-168. Ср. также о ньяро: Roscoe J. The Bakitara or Bangoro. Cambridge, 1923.

⁴³ Запись сообщена школьным учителем А. Гашкой (с. Панделис), письмо от 15 марта 1975 г.

⁴⁴ Двумя следующими выписками из архивных материалов автор обязан Л.Г. Невской.

⁴⁵ В указанном выше письме 1975 г.

⁴⁶ Ср.: Иванов В.В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva- 'конь'. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

(daktarka) ir žolelėmis gydė žmones. Pamenu viena mergina siuvėja Teklė mano motinai pasirodė, kad jai ant nugaros išaugo didelės guzas – narikaulis. Tas narikaulis buvo pusės kepalo didumo. Motina tai merginai liepė surasti dvynukais gimusius berniukus, kurie jotų ant arklio susėdę dvisėda įr, jiems jojant pro šalį, ta mergina turinti sušerti plastaka dvyniams arba arkliui ir pusbalį pasakyti: "Nuneškite ir mano narikaulį, nes jūs tai galite". Ta Teklė, gavusi patarimą, Daliečių kaime susirado dvynius berniukus ir kaime ilgiau dirbo siuvo, kol sulaukė – pritykojo tuos dvynukus jojant ant arklio dvisėda. Pataikiusi momentą jojant dvisėda, ta mergina sušėrė arkliui plastaką ir pasakė: – "Nuneškite ir mano narikaulį, nes jūs tai galite". Po to tai merginai Teklei per du mėnesius suiro ir išnyko ant nugaros buvęs narikaulis. Pasveikusi mergina mamai atvežė daug dovanų už patarimą. Paprastai mama iš anksto už gydymą atlygimino neimdavo, sakydavo: "Kai pasveiksi, tada ir atsilyginsi" >>.

Приведенные данные не позволяют сомневаться в том, что в Литве долгое время сохранялись характерные черты общеиндоевропейского близнечного культа. Что касается западнобалтийской традиции, для нее наличие богов-близнецов, связанных с деревом (дубом), обнаружено В.Н. Топоровым благодаря анализу данных о прусских богах Potrimps и Bardoits⁴⁷. В восточнобалтийской традиции при архаизме отдельных описанных черт литовского близнечного культа (ритуал очищения при рождении двойни у коровы, целительная роль близнецов в их связи с конем, ср. коньки на крышах, в том числе и в Пелясе, в сопоставлении с этимологией лтш. jūmt 'крыть крышей', родственного jūmis), по видимому, не сохранены некоторые характерные черты древней терминологии, с ним связывавшейся⁴⁸ (прусский материал недостаточен для того, чтобы делать подобные заключения). Это можно увидеть, например, при исследовании явно очень древнего по функции (и сравнимого типологически с догонским) ритуала, связанного с двойным колосом в Пелясе, ср. блр. "Як толькі прыдзе с сяром на першы ніву, на першы загон зажынаць жыта, то першы снапок дубальтовы вяжуць, спарышы найвенцей вязалі – каб спарнейшы

⁴⁷ Топоров В.Н. Заметки по балтийской мифологии. – В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 301–303. Ср. о Bardoits: Топоров В.Н. Прусский язык, т. 1.

⁴⁸ Следует, однако, оговориться, что с ностратической точки зрения и.-е. *d̥u(o) – в лит. dvynukas 'близнец', рус. двойня, др.-англ. getwinne 'близнецы' (из *d̥uis-n, ср. лат. bini 'двое': Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 163), как и в редуплицированной греческой форме δίδυμος 'близнец' (ср.: Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, 1–2. Paris, 1968, p. 279), может сохранять более древнее значение 'близнец' (позднее 'два'), если окажется возможным сопоставление с указанной общекартвело-семито-хамитской формой с первичным значением 'близнец'. Но слово 'два' часто может давать и вторичные производные с семантической 'близнец': 'близнецы'.

хлеб буй, каб дубальтаваўся. Скруціць прэвясла, паложыць дзве велькія жмені, тады пераложыць ізноў дзве жмені, тады звяжа, і называюць такі сноп гасць. Прынясеш да хаты, паставіш у покуць, і стаіць ён, пакам першы воз жыта не прывязе гаспадар да гумна. Тады забіраем гасця і самага першага кладзём у стоўп, а тады ўжо кладзецца ўсё жыта. Кажуць, еслі малоцячы дамалоцішся гасця, і не будзе мышэй з'еджаны гасць, то эта добра, будзе хлеба досць, і жыта зноў зародзіць"; лит. "Kai ateina rugiapjūtė nueini ant savo lauko prie savo žuoganos su pjautuvu rugius pjauti, tai pirmiausia supjauni saują rugių, padarai susuki ryšį ir supjauni dvi saujas, perdedi ryšį kryžmai ir vėl dvi saujas supjauni, tada suriši tokį dvilypį pėdelį ir jis vadinasi – svečias. Tas svečias vakare parnešamas namo ir statomas pakūčioje. O kai pirmą vežimą parveži į kluoną, tada svečias reikia pirmiausiai padėti į tarpupėdį, kur dedami rugiai, ir tada visi pėdai dėti ant jo svecio. Jei kuliant žiemą dasikulia iki svecio ir jis nesuėstas pelių, vadinasi, derės rugiai kitais metais, užteks duonos"⁴⁹.

Не подлежит сомнению, что сельскохозяйственные ритуалы плодородия, связанные с близнечными колосьями и другими близнечными плодами (орехами, картофелинами), в Пелясе исключительно архаичны и могут отражать тот же древний слой представлений, который в латышском связан и с древним термином jūmis. Особая архаичность именно латышской традиции, где сохранены не только сельскохозяйственные обряды и поверья, сопряженные с близнечным культом, но и соответствующее слово индоевропейского происхождения, хорошо согласуется и с поразительной древностью латышских фольклорных сказаний о близнецах – Детях Солнца, по существу воспроизводящих общеиндоевропейские представления. Анализируя в специальной главе своей книги латышские представления о близнецах в связи со священным дубом, Р. Харрис заметил: "Поразительно, что так много могло быть сохранено в народных песнях от незапамятного прошлого"⁵⁰. Самый вывод о древности связи латышских мифологических близнецов с дубом согласуется с аналогичным выводом о прусских богах-близнецах, недавно сделанным В.Н. Топоровым⁵¹.

Весь приведенный комплекс данных позволяет не только с уверенностью реконструировать для общепалтийской традиции целый комплекс представлений, связанных с близнечным культом, но и возвести к общепалтийскому слову, от которого происходит лтш. jūmis (древность этого слова удостоверяется и заимствованиями в эстонском и других финно-угорских языках⁵²). Более того, балтийские данные по-

⁴⁹ Автор признателен Т.М. Судник, сообщившей ему не только эту запись, но и соответствующие чертежи, поясняющие пространственное соотношение между элементами обряда.

⁵⁰ Harris R. Op. cit., p. 297 sqq., 300–301 (о дубе), а также 158.

⁵¹ Топоров В.Н. Заметки по балтийской мифологии, с. 302.

⁵² Ср.: Иванов В.В. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. – Значительно более сложный представляется вопрос о вероят-

зволюют внести некоторые уточнения и в реконструкцию общиндоевропейских представлений о близнецах.

Кажется возможным поставить также вопрос о возможной связи с тем же индоевропейским обозначением *Niem- 'близнец' и лит. *keimerys*, *keimarys* 'сросшийся плод (орех, яблоко)', 'состоящий из двух частей'⁵³, которое сопоставлялось и со слов. *spanie* 'мелкая, сорная трава', с.-хорв. диал. *чмажак* 'мелкие плоды, мелочь'⁵⁴. В лит. *keimerys* можно было бы видеть такое же отражение ларингальной (древней глубокосаднеязычной) индоевропейской фонемы, как и в лат. *geminus* 'близнец'⁵⁵, или же результат табуистического видоизменения названия 'близнеца', 'близнечного плода', с которым связывались сакральные и магические представления.

ном индоевропейском происхождении имени древнетюркского божества *Умай*, связанного (как и имя нарицательное *umai* 'послед') с культом последов (и тем самым, судя по типологическим данным, с близнечным культом). Слово могло быть заимствовано из такого индоевропейского языка (общетохарского?), где начальное *i* в названии 'близнеца' выпало (как в древнеирландском), а редуцированный гласный был отражен по типу балтийского и германского (в *Ymir*).

⁵³ Lietuvių kalbos žodynas, V. Vilnius, 1959, с. 489, 557.

⁵⁴ Этимологический словарь славянских языков, вып. 4. М., 1977, с. 144, 145.

⁵⁵ См. выше, сноска 21. Еще более проблематичным кажется сопоставление с именем Кымрай – жены бога Имра в кафирском, ср.: Грюнберг А.Я. Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки. – В кн.: Страны и народы Востока, вып. X, Средняя и Центральная Азия. М., 1971, с. 283–286; Иванов В.В. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений, с. 60, примеч. 49. В последнем случае представлен глухой (как в *keimerys*), а не звонкий (как в *geminus*).

В. А. ДЫБО

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АКЦЕНТА

I. Балто-славянский прототип праславянской акцентной системы

0.0. По мере того, как все более точно восстанавливается праславянская акцентная система и устанавливаются все новые генетические тождества ее частей с протобалтийским (в большой степени древнелитовским) состоянием, все более явно выступают две основные черты системы, предшествовавшей балтийской и славянской: 1) немотивированность (традиционность) выбора акцентных типов у производных слов и 2) мотивированность выбора акцентных типов производных акцентными типами (акцентными парадигмами) производящих.

Чтобы понять всю значимость этих двух моментов, следует рассмотреть в несколько идеализированном виде ход реконструкции балто-славянской акцентной системы².

1.1. В начале балтийской реконструкции лежит явление, известное как "закон Лескина". Рассмотрение парадигмы членных и нечленных форм прилагательных обнаруживает тот факт, что старые индоевропейские конечные долготы, сохраняющиеся в членных формах, в нечленных, т.е. в конце слова, то сокращаются (в этом случае под ударением внутри слова, т.е. в членных формах, они несут на себе акут), то сохраняются (и в этом случае в ударном положении они принимают циркумфлекс)³ (см. табл. 1).

Реконструкция сокращающихся ("акутовых") и несокращающихся ("циркумфлексных") долгот в парадигме имени и сопоставление ее с системой акцентных кривых четырех литовских акцентных парадигм (а.п.), т.е. как бы наложение закона Лескина на систему акцентных кривых, привело Ф. де Соссюра к установлению попарного дополнительного распределения 1 и 2 и 3 и 4 литовских акцентных парадигм и, следовательно, к установлению бинарности пралитовской системы акцентных парадигм: установлением позиций преобразования акцентной кривой а.п. 1 в акцентную кривую а.п. 2 и акцентной кривой а.п. 3 в акцентную кривую а.п. 4 четырех литовских а.п. сводились к пралитовским двум (см. табл. 2).

- ¹ Эту протосистему мы в дальнейшем будем называть балто-славянской, имея в виду лишь то, что она реконструируется на основе фактов балтийских и славянских языков.
- ² Чисто историческое рассмотрение разорвало бы в ряде случаев логику исследовательского процесса и потребовало бы обсуждения ряда научных контрверзов, уводящего в сторону от основной задачи.
- ³ Аналогичное явление обнаруживается также при сравнении возвратных и невозвратных форм бесприставочного глагола и некоторых сложений и их первых компонентов.

Т а б л и ц а 1

Сокращающиеся ("акутовые") долготы			Несокращающиеся ("циркумфлексные") долготы		
	член.	нечлен.		член.	нечлен.
m.sg. instr.	gerūoju	gerū	m.sg. gen.	gėrojo	gėro
pl. nom.	gerieji	geri	acc.	gėraji	gėra
acc.	gerūosius	gerūs	pl. gen.	gerūjų	gerų
du nom.-acc.	gerūoju	gerū	instr.	geraĩsi- ais	geraĩs
f.sg. nom.	gerōji	gerà	f.sg. gen.	gerōsios	gerōs
instr.	gerāja	gerà	acc.	gėraja	gėra
pl. acc.	gerāsias	geràs	pl. nom.	gėrosios	gėros
du. nom.-acc.	gerieji	geri	gen.	gerūjų	gerų

Т а б л и ц а 2

А.п.	1	2	3	4
Падеж				
nom.	várnā	<u>raṅkā</u>	galvā	mergā
gen.	várnās	raṅkās	galvās	mergās
dat.	várnai	raṅkai	gālvai	meṛgai
acc.	várnā	raṅkā	gālvā	meṛgā
instr.	várnā	<u>raṅkā</u>	gālvā	<u>mergā</u>
loc.	várnājē	raṅkājē	galvājē	mergājē

П р и м е ч а н и е. Безударные сокращающиеся ("акутовые") долготы обозначены знаком ^, безударные несокращающиеся ("циркумфлексные") долготы - знаком -. Из таблицы видно, что акцентная кривая а.п. 2 отличается от акцентной кривой а.п. 1, а акцентная кривая а.п. 4 - от акцентной кривой а.п. 3 в тех формах (они подчеркнуты), в которых реконструируется конечная сокращающаяся долгота (^). В этих формах выступает порядок - ^, вместо ожидаемого ~ ^, заменой которого первый и является.

Этот вывод сохраняется и при полном рассмотрении акцентных парадигм.

Косвенным результатом этого исследования было открытие известного закона де Соссюра и двух типов долгот, характер которых не зависел от наличия или отсутствия на них ударения, как в конце, так и внутри слова (последнее вытекало из наличия также внутри слова преобразования ~ - > - ^ в одних категориях форм и сохранения порядка ~ - в других, при этом в акцентных типах, где ударность второй долготы обусловлена морфонологически, эта долгота в первой категории форм несет акут, а во второй, как правило, циркумфлекс) ⁴.

⁴ Более подробно о законе Ф. де Соссюра см.: Диббо В.А. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии. - В кн.: Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 583-597.

Таким образом, для пралитовского, по крайней мере для двух типов основ (и.-е. о-основы и ā-основы), оказалось возможным восстановить систему из двух акцентных типов: неподвижный баритонированный акцентный тип (балтийская а.п. 1) и подвижный акцентный тип (балтийская а.п. 2).

Распределение реконструированных акцентных типов в этих морфологических классах существительных не обнаруживает сколько-нибудь убедительной мотивации, т.е. не может быть предсказано на основании какой-либо информации, заключенной в основе или в ее значении, чем совпадает с распределением баритонированного и окситонированного акцентных типов в греческом и древнеиндийском. Этот вывод не мог бы быть получен в результате непосредственного анализа материала современного литовского языка для других типов основ (например, для i- и u-основ или прилагательных), в которых наблюдается либо преобладание одного из акцентных типов, либо связанное с характером основы распределение их.

1.2. Развернувшиеся после работ Ф. де Соссюра исторические и диалектологические изыскания в области литовского языка и привлечение нового латышского материала привели к двум важным результатам.

а) Была установлена первичность четырех литовских акцентных парадигм, т.е. бинарность пралитовской акцентной системы, у ряда морфологических категорий: i-основ, u-основ, основ на согласный, прилагательных. Аналогично были подтверждены замеченные еще де Соссюром следы бинарного распределения акцентных типов в системе глагола (работы Я. Эндзелина, К. Буги, П. Скарджюса и др.).

б) Была показана вторичность а.п. 4 у целого ряда имен, которые в прошлом имели вторую литовскую а.п., т.е. относились к пралитовскому первому акцентному типу (В.М. Иллич-Свитыч).

Первый результат значительно расширил область немотивированного распределения акцентных типов, фактически совместив ее с областью производных имен.

Второй результат в связи с уточнением первичной акцентной парадигмы ряда образований индоевропейской древности в балтийском привел к установлению генетического тождества двух балтийских акцентных парадигм имени двум индоевропейским (в основном греко-арийским) акцентным типам (В.М. Иллич-Свитыч). Балтийская а.п. 1 (неподвижный баритонированный акцентный тип) оказалась генетически тождественной и.-е. баритонам, балтийская а.п. 2 (подвижный акцентный тип) - и.-е. окситонам ⁵.

Единственным значительным исключением из этого тождества является закон Г. Хирта (уточненный В.М. Иллич-Свитычем), который мотивирует отклонение от указанного тождества для ряда индоевропейских окситонированных основ с "неапофонической" долготой в корне:

⁵ Перечень соответствий см.: Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, с. 84-86; подробной аргументации этого тождества посвящена вся I часть книги.

I. Основы с долгими монофтонгами

1. и.-е. *ētrōs (герм. *ǣdrāz)	> лтш. ātrs
2. и.-е. *vējūs (др.-инд. vāyūs)	> лит. vėjas (1), лтш. vėjš
3. и.-е. *mēnōt (герм. *mēnōp)	> лит. mėnuo (1 > 3)
4. и.-е. *dhōnā (др.-инд. dhānās pl.)	> лит. duona (1), лтш. duona
5. и.-е. *gnōtīs (др.-инд. jñātīs)	> лтш. znuōts
6. и.-е. *ōsis (ср. греч. ὄσις)	> лит. ūosis (1)
7. и.-е. *snātā (герм. *snōdō)	> лтш. (зап.) snāte
8. и.-е. *māter (др.-инд. mātā)	> лит. môtė (1 > 3), лтш. mātė

II. Основы с долгими слоговыми сонантами

9. и.-е. *grīvā (др.-инд. grīvā)	> лтш. grīva
10. и.-е. *vīrōs (др.-инд. vīrās)	> лит. vūras (1), лтш. vīrs
11. и.-е. *dhūmōs (др.-инд. dhū-mās)	> лит. dūmai (1), лтш. dūmi
12. и.-е. *pūrōs (греч. πῦρος)	> лит. pūrai (2, с метатонией)
13. и.-е. *sūnūs (др.-инд. sūnūs)	> лит. sūnus (1 > 3)
14. и.-е. *yūtīs (др.-инд. yūtīs)	> лтш. (зап.) jūts
15. и.-е. *tīrthām (др.-инд. tīrthām)	> лит. tiltas (1), лтш. tiltis

III. Основы с долгими дифтонгами

16. и.-е. *kraūkā (герм. *hrōz)	> лтш. kraūka
17. и.-е. *kāulōs (греч. καυλός)	> лит. kaulas (1), лтш. kaūls
18. и.-е. *dāiḡēr (др.-инд. devā, греч. δᾱήρ)	> лит. diēveris (1 > 3), лтш. diēveris
19. и.-е. *pōimēn (греч. ποιμήν)	> лит. piemuo (1 > 3)
20. и.-е. *lēimōn (греч. λειμών)	> лтш. (зап.) liēmenis

Примечания. 1. Обращает на себя внимание то, что обратному переходу в подвижный тип (1 > 3) подверглись в литовском исключительно основы на -и- и на согласный. Это явление не может быть объяснено простой ссылкой на факт обобщения подвижного типа у этих основ. Ведь после действия закона Хирта у данных основ численно преобладал именно неподвижный акцентный тип, к тому же присутствующий наиболее употребительным именам этой группы, что довольно хорошо отражено в старолитовских текстах. Объяснение, по-видимому, следует искать в характере действия закона Хирта (оттяжка ударения со слога, не посредственно следующего за слогом с долготой неапофонического происхождения) и в особенностях словоизменительной парадигмы и ее акцентной кривой у этой группы основ (подвижная акцентная кривая при значительном числе многосложных форм с первоначальным ударением на конце). При отмеченных особенностях фонетически закономерным результатом действия закона Хирта должен быть не переход указанных основ в неподвижный баритонный тип, а создание смешанной акцентной парадигмы с ретракционными формами и с формами, сохраняющими конечное ударение. Аномальный характер этой парадигмы, приведя к акцентоло-

гическим дублетам, вызвал крайнюю неустойчивость системы, завершившуюся обобщением подвижного акцентного типа.

2. Проблематичной остается приложимость закона Хирта к прилагательным типа *pīlnas (1), *ilgas (1), *stūras (1) ввиду того, что в древнеиндийском обнаруживается явная тенденция распространения окситонезы в данной категории⁶.

1.3. Три славянские акцентные парадигмы (а, б, в) обнаруживают любопытную связь с интонациями.

Если исключить вторичные образования, а.п. а (акцентный тип с неподвижным ударением на корне) всегда характеризуется акутом, происхождение которого определяется теми же условиями, что и в литовском, т.е. согласуется с правилами, установленными Ф. де Соссюром и А. Бецценбергером⁷.

А.п. б (если оставаться на почве славянских фактов и не пытаться применить к устанавливаемому внешним сравнением праславянскому состоянию приемы внутренней реконструкции) выступает как акцентный тип с двумя просодическими характеристиками: она включает в себя формы с конечным ударением (точнее, с ударением на элементе, следующим за корнем) и формы с так называемым "новым акутом" на корне. Установить набор и распределение последних оказывается довольно трудным из-за интенсивных процессов акцентологического выравнивания в этой а.п., однако наличие их не вызывает сомнения. Статус а.п. б как колонной окситонированной (для имен) и колонной с ударением на тематическом гласном (для глаголов и имен) является результатом внутренней реконструкции, использующей факт дополнительного распределения просодических типов форм в зависимости от просодической характеристики следующего за корнем (основой) гласного: формы с "новым акутом" выступают в случае, если за корневым слогом следует слог с редуцированным (b, v) или с гласным с несокращающейся (в праславянском) долготой, во всех остальных случаях выступает колонная окситонеза, точнее - акцент стоит на элементе, следующем за корнем (основой). Как при первичной реконструкции, так и при вторичной (внутренней) реконструкции колонного ударения в данной парадигме мы не встретимся ни с акутом, ни со славянским "циркумфлексом". Однако внеславянское сравнение приводит к выводу, что в а.п. б входят в подавляющем большинстве основы с краткостным корнем или с краткими дифтонгами и сонантами, т.е. основы, которые, по теории Ф. де Соссюра, давали в балтийском циркумфлекс.

А.п. в представляет собой тип с подвижностью акцента, которая не снимается ни первичной, ни вторичной (внутренней) реконструкцией. Эта парадигма состоит из форм с ударением на окончании и элементе, предшествующем окончанию, и форм с ударением на корне (точнее - на начале

⁶ См.: Дыбо В.А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. - В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974.

⁷ См.: F. de Saussure. À propos de l'accentuation lituanienne. - Mémoire de la Société de Linguistique, 1894, VIII; Bezzenberger A. Zum baltischen Vocalismus. - BB, XVII, 1891.

слова). В первом классе форм наблюдается либо конечное ударение, либо акут или "човый акут" на элементе, предшествующем окончанию, причем при вторичной (внутренней) реконструкции "новый акут" снимается, заменяясь конечным ударением. Второй класс форм характеризуется "циркумфлексом" или "обычным" краткостным ударением, в системе фразовых модификаций ударения (см. ниже) адекватным "циркумфлексу". "Ц и р к у м ф л е к с" в п р а с л а в я н с к о м п о я в л я е т с я т о л ь к о в д а н н о м к л а с с е ф о р м и т o л ь к о в а . п . с и с л у ж и т е е с а м ы м х а р а к т е р н ы м п р и з н а к о м . С л а в я н с к и й "циркумфлекс" обычно генетически отождествляется с балтийским (литовским) циркумфлексом. Однако уже А. Мейе отметил, что в славянскую а.п. с входят и имена, относящиеся в литовском к а.п. 3, т.е. к подвижному а к у т и р о в а н н о м у т и п у . О н ж е в ы д в и н у л п р е д п о л о ж е н и е о б а н а л о г и ч е с к о м р а с п р о с т р а н е н и и "циркумфлекса" в этих именах в праславянском. Это объяснение, по-видимому, довольно убедительное, пока исследователь имеет дело с небольшим количеством точных балто-славянских соответствий, теряет свою убедительность, как только анализу подвергается вся масса славянских первичных имен, относящихся к а.п. с. Даже если допустить в праславянском столь же развитую систему метатонии, как в литовском, число основ, входящих в а.п. с, которые согласно правилам Ф. де Сосюра и А. Беценбергера должны были иметь акут, оказывается достаточно большим, чтобы сделать предположение А. Мейе совершенно невероятным. К тому же нельзя оставить без внимания факт, что такие основы получали "циркумфлекс" в с е б е з и с к л ю ч е н и я , - о с о б е н н о с т ь , н е х а р а к т е р н а я д л я п р о ц е с с о в п о а н а л о г и и .

Итак, обнаруживается следующая зависимость между славянскими акцентными парадигмами и просодическими характеристиками корневых слогов, взятыми на различных уровнях сравнения (табл. 3):

Т а б л и ц а 3

Слав. а.п.		a	b	
Славянский	первичная реконструкция	акут	Безударность (=предударность) и "новый акут"	"циркумфлекс"*
	вторичная реконструкция	акут	Безударность (=предударность)	"циркумфлекс"*
Балтийский		акут	циркумфлекс*	акут/циркумфлекс*
Индоевропейский		долгие***	краткие**	долгие***/краткие**

* Включая краткостное ударение.

** Включая краткие дифтонги.

*** Включая сочетания с "šva indogermanicum".

Эта зависимость, по-видимому, указывает на дополнительное распределение двух колонных акцентных парадигм (a и b) по первичной просодической характеристике корневого слога, которое и было подтверждено В.М. Иллич-Свитычем, установившим генетическое тождество имен славянской а.п. b именам балтийской а.п. 1 с краткостным и циркумфлектированным корнем (т.е. литовской а.п. 2) и, соответственно, индоевропейскому баритонированному акцентному типу с краткостным корнем.

Соответственно славянская а.п. a оказывается генетически тождественной балтийской а.п. 1 с акутированным корнем (лит. а.п. 1, т.е. - индоевропейский баритонный долготный акцентный тип, основы с баритонезой по закону Г. Хирта и, возможно, баритонированные основы, получившие акут в результате балто-славянской метатонии), а славянская а.п. c отождествляется с балтийской а.п. 2, т.е. литовскими акцентными парадигмами 3 и 4, и, соответственно, с индоевропейским окситонным типом⁸.

Таким образом, результаты исследования акцентовки балтийских и славянских производных имен в ее отношении к индоевропейской (фактически греко-арийской) акцентовке схематически выглядят так (табл. 4):

Т а б л и ц а 4

И.-е.	Barytona		Oxytona	
	Долготные	Краткостные	Долготные	Краткостные
Балт.	а.п. 1		а.п. 2	
Литовск.	а.п. 1	а.п. 2	а.п. 3	а.п. 4
Слав. а.п.	a	b	c	

Не останавливаясь на ряде славянских осложнений, не учтенных в схеме, отметим лишь, что в праславянском, как и в балтийском, обнаруживаются отклонения, мстивируемые законом Хирта:

I. 1. и.-е. *iātōm (др.-инд. yātām)	> слав. *jāto
2. и.-е. *mātēr (др.-инд. mātā)	> слав. *māti
II. 3. и.-е. *grīuā (др.-инд. grīvā)	> слав. *grīva
4. и.-е. *dhūmōs (др.-инд. dhūmās)	> слав. *dūmь
5. и.-е. *pūrōs (греч. πῦρς)	> слав. *pyrь
III. 6. и.-е. *dāiueṛ (др.-инд. devā, греч. δᾱίρ)	> слав. *dēverь

Важность последнего момента для акцентной системы праславянского будет показана в дальнейшем.

2.1. Распределение подвижного (а.п. c) и неподвижного (а.п. a + а.п. b) акцентных типов в праславянском существенно отличалось от распределения а.п. a и а.п. b.

⁸ Перечень соответствий см.: Иллич-Свитыч В.М. Указ. соч., с. 158-160; подробно обоснованию посвящена II часть этой книги.

Это обнаруживается при последовательном рассмотрении дистрибуции славянских акцентных парадигм по отношению к просодическим характеристикам корневых или суффиксальных морфем, реконструируемым для некоторого более раннего хронологического уровня, который условно можно назвать "балто-славянским"⁹. Замечательно, что такому анализу можно подвергнуть фактически всю акцентную систему праславянского, включая наряду с первичными именными основами систему порождения акцентных типов производных имен, а также и систему порождения акцентных типов глагола.

Распределение акцентных парадигм неизпроизводных имен по отношению к "балто-славянским" просодическим характеристикам корневых морфем подчиняется схеме (см. табл.5):

Т а б л и ц а 5

Славянские а.п.			
Балто-славянские интонации	a	b	c
Акут	+	-	+
Циркумфлекс	-	+	+

Для корпуса основ, имеющих точные соответствия в балтийском или в других языках, сохраняющих и.-е. акцент либо его рефлексы, это распределение непосредственно вытекает из установленного В.М. Иллич-Свитычем генетического тождества. Вместе с тем оно имеет силу вообще для всех славянских неизпроизводных основ с достаточно надежно определяемой праславянской акцентной парадигмой, для которых может быть установлена "балто-славянская" просодическая характеристика. При этом такие случаи, как *plastь, *plastjь, *naglь, *svarь, *gajь, *travá, *stradá, *xvalá, *slavá (? , зап.-слав.), *tvarь, *vasnь; *bělь, *žarь, *žara, *žabra (? , зап.-слав.), *žalь (?), должны быть отведены согласно ограничительному правилу Ф. де Соссюра ("отрезок, существовавший изначально и представлявший первоначально долгий монофтонг"¹⁰).

2.2. Система порождения акцентных типов имени и отменных глаголов может быть достаточно наглядно представлена в табл. 6.

⁹ Это название здесь будет обозначать лишь то, что на данном уровне мы считаем релевантными те просодические различия, которые отразились в балтийской системе слоговых интонаций, и, соответственно, правила порождения этой системы, установленные Ф. де Соссюром и А. Беценбергером (см. указ. выше работы). Таким образом, выражения: акутированные, соответственно, циркумфлексированные основы - являются лишь сокращением выражения: основы, у которых в балтийском обнаруживается или должен быть в соответствии с известными правилами Ф. де Соссюра и А. Беценбергера акут или, соответственно, циркумфлекс.

¹⁰ R. de Saussure. Op. cit., p. 426.

А.п. непроизводных		a	b	c	
Непроизводные основы (выбор акцентных парадигм традиционен)	a-осн.	vera, acc. verq bāba, acc. bābq	ženā, acc. ženq kozā, acc. kozq	rokā, acc. rōkq zemjā, acc. zēmjq	
	o-осн.	rākь, gen. pl. rākь klinь, gen. pl. klinь	dvorь, gen. pl. dvorь korljь, gen. pl. korljь	bōqь, gen.pl. boqь snēgь, gen.pl. snēgь	
	o-осн.	dělo, pl. dēla lēto, pl. lēta	dьno, pl. dьnā stьklq, pl. stьklā	měso, pl. mēsā prōso, pl. prosā	
	и-осн.	- -	grěxь, gen. pl. grěxovь volь, gen. pl. volovь	sьnь, gen. pl. synovь dōmь, gen. pl. domovь	
	i-осн.	mēdь, gen. mēdi mьšь, gen. pl. mьšьjь	qьvьrь, gen. pl. dьvьrьjь pqtь, gen. pl. pqtьjь	kōstь, gen. pl. kostьjь trьstь, gen. pl. trьstьjь	
	es-осн.	čūdo, pl. čūdesa	-	dērvo, pl. dervesā	
	en-осн.	znāmь, pl. znāmena	plemь, ple- mena	vērme, pl. vermenā	
	Прилагат.	čistь, f. čista stārь, f. stāra	mōdrь, f. mōdrā čьrnь, f. čьrnā	slēpь, f.slēpā lēnь, f.lēnā	
Местоим.	īnь, īna, īno	onь, onā, ono sь, si, se	vь, gen. pl. vāsь tь~pl. tī, gen. tēxь		
Производные основы (выбор акцентных типов определяется а.п. производных и классом суффиксов)	I класс суффиксов	-ьск-	bābьскь, f. bābьska vērьнь, f. vērьna	ženьскь, f. ženьska grěšьнь, f. grěšьna	zemьскь, f. zemьska rōčьнь, f. rōčьnā
		-ов-	rākovь, f. rākova	dvorovь, f. dvorova	snegovь, f. snegovā
		-ост-	stārostь, instr. stārostьjq	mōdrostь, instr. mō- drostьjq	lēnostь, instr. lē- nostьjq
		-ін-	īstina, acc. īstinq	mokrīna, acc. mokrīnq	polnina, acc. pōlninq
		-ав-	lāskavь, f. lāskava	lōkāvь, f. lōkāva	krьvavь, f. krьvavā
		-ен-	mēdenь, f. mēdena	ognjēnь, f. ognjēna	zēmjenь, f. zemjēnā
		-ет-	āgne, pl. āgneṭa	osьlē, pl. osьlēṭa	žērbē, pl. žerbēṭa

Таблица 6 (продолжение)

А.п. производных		a	b	c
Производные основы (выбор акцентных типов определяется а.п. производных и классом суффиксов)	-ъj(ь)	bǎbъjъ, f. bǎbъja	kozъjъ, f. kozъja	božъjъ, f. božъja
	-ъj(е)	klínъje, gen. klínъja	kolъje, gen. kolъja	trъstъje, gen. trъstъja
	-ъj(a)	brátъja, acc. brátъjъ	sokolъja, acc. sokolъjъ	družъja, acc. družъjъ
	-ъstv-	brátъstvo, gen. brátъstva	vъdovъstvo, gen. vъdovъstva	božъstvo, gen. božъstva
	-ъс(ь)	brátъсь, gen. brátъса	dvorъсь, gen. dvorъса	gordъсь, gen. gordъса
	-ъс(е)	stǎrъсь, gen. stǎrъса	mъrtvъсь, gen. mъrtvъса	slěpъсь, gen. slěpъса
	-ъс(a)	děльсь, gen. děльса	dъnъсь, gen. dъnъса	dervъсь, gen. dervъса
	-ъnj-	mъšъса, acc. mъšъсѡ	dъvъсь, acc. dъvъсѡ	pyльсь, acc. pyльсѡ
	-овъj(e)	brátъnjъ, f. brátъnja	sestrъnjъ, f. sestrъnja	serdъnjъ, f. serdъnja
	-ot-	xlěbovъje, gen. xlěbovъja	stolovъje, gen. stolovъja	měxovъje, gen. měxovъja
	-in-	čístota, acc. čístotъ	dobrôta, acc. dobrôtъ	slěpotǎ, acc. slěpotъ
	-ъnik-	bǎbînъ, f. bǎbîna	sěstrînъ, f. sěstrîna	dъcerînъ, f. dъcerîna
	-ovik-	bǎbъnikъ, gen. bǎbъnika	grěšъnikъ, gen. grěšъnika	ročъnikъ, gen. ročъnika
	-enik-	běrzovikъ, gen. běrzovika	elъxovikъ, gen. elъxovika	borovikъ, gen. borovika
	-at-	mědъnikъ, gen. mědъnika	stъklěnikъ, gen. stъklěnika	zemъjenikъ, gen. zemъjenika
	-in-	vělnatъ, f. vělnata	ženátъ, f. ženata	bogátъ, f. bogata
	-ic-	ivina, acc. ivinъ	travina, acc. travinъ	dervina, acc. dervinъ
	-ovin-	stǎrica, acc. stǎricъ	čъrnica, acc. čъrnicъ	moldica, acc. moldicъ
	-ъnic-	rǎkovina, acc. rǎkovinъ	xrěnovina, acc. xrěnovinъ	rogovina, acc. rogovinъ
	-enic-	čъznica, acc. čъznicъ	grěšnica, acc. grěšnicъ	blōdnica, acc. blōdnicъ
	-enic-	mědъnica, acc. mědъnicъ	stъklěnica, acc. stъklěnicъ	prošъnica, acc. prošъnicъ

Таблица 6 (окончание)

А.п. производных		a	b	c	
Местоимен- ные прила- гательные и наречия		inakъ, ina- ko, inaka	onakъ, onǎ- ko, onǎka sicsъ, síce, sica (<*síkъ, siko, síka)	takъ, tako, takǎ jǎkъ, jǎko, jǎkǎ	
Отменные глаголы (Выбор акцентных типов определяется окцентами парадигмами производных имен и типом глагола)	i-глаголы	инф.- суп.	stǎriti, sup. stǎ- ritъ	služiti, sup. slu- žitъ	ročiti, sup. ročitъ
		през.	stǎrjъ, stǎritъ	služjъ, slu- žitъ (> slú- žitъ)	ročjъ, ročitъ
		1-прич.	stǎrilъ, f. stǎrila	služilъ, f. služila	ročilъ, f. ročila
	ž-глаголы	инф.- суп.	stǎrěti, sup. stǎ- rětъ	čъrněti, sup. čъrnětъ	pustěti, sup. pustětъ (?)
		през.	stǎrějъ, stǎrějъ	čъrnějъ, čъrnějъ	pustějъ или pustějъ (?)
		1-прич.	stǎrělbъ, f. stǎrěla	čъrnělbъ, f. čъrněla	(?) pustělbъ, f. pustěla
	a-глаголы	инф.- суп.	dělati, sup. dělātъ	sedьlāti, sup. sedь- lātъ	goldāti, sup. goldātъ (?)
		през.	dělajъ, dě- lajetъ	sedьlājъ, sedьlājъ	goldājъ или goldajetъ (?)
		1-прич.	dělalbъ, f. dělala	sedьlalъ, f. sedьlala	(?) goldalbъ, f. goldala
	ov/u-глаголы	инф.	lětovati	*dvorovati (> dvorovǎ- ti)	zimovati
		през.	lětujetъ	dvorujetъ	zimujetъ или zimujetъ (?)
		1-прич.	lětovalъ	*dvorovalъ (> dvorovǎlbъ)	zimovalъ или zimovalъ (?)

2.3. В системе порождения акцентных типов производных акцентные парадигмы *a* и *b*, с одной стороны, и акцентная парадигма *c*, с другой, ведут себя принципиально различно. При образовании дериватов от имен акцентных парадигм *a* и *b* иктус сохраняет свое место относительно базовой основы, он как бы просто передается деривату. При этом тональная характеристика акцента зависит от просодической характеристики слога, на который он падает в данном деривате, и дальнейшее развитие акцента связано уже с характером этого слога (например, с редуцированных *ъ* и *ь* слабой позиции иктус переходил на предшествующий слог, где возникал в итоге "новый акут"). В дериватах

от имен а.п. а эта особенность акцента есть лишь отражение того факта, что акутовая интонация присуща корневному слогу и является рефлексом определенных особенностей его структуры более раннего состояния, тождество корневой морфемы в производящем и деривате объясняет сохранение тональной характеристики ударения. В дериватах от имен а.п. б тональная характеристика ударения меняется от деривата к деривату, так как с меной суффикса меняется и просодический характер слога, следующего за корнем.

Таким образом, для праславянского а.п. а производных имен и акцентные типы дериватов от производных имен этой а.п. можно определить совершенно единообразно как акцентный тип с ударением на корне; аналогично а.п. б производных имен и акцентные типы дериватов от производных имен этой а.п. естественно рассматривать как акцентный тип с ударением на слоге, следующем за корнем.

В естественности такой характеристики акцентных типов уже отражается тот факт (резко подчеркиваемый иным характером отношений в столбце с), что иктус во втором акцентном типе связан с корнем так же, как и в первом: хотя он и не находится на корневой морфеме, но он всегда отсчитывается от нее. Иначе говоря, как в первом акцентном типе, так и во втором иктус принадлежит корневой морфеме.

Иную ситуацию мы обнаруживаем в столбце с. В дериватах от имен а.п. с с I классом суффиксов акцентный тип деривата повторяет акцентный тип производящего. Можно было бы сказать, что а.п. производящего передается деривату. Но это, строго говоря, неверно. Передается лишь сам принцип подвижности акцента, конкретная же форма движения акцента ("акцентная кривая") полностью определяется морфологической структурой полученного слова, конкретным набором морфов окончаний. В производных лишь повторяется то, что в менее явном виде представлено уже в производных именах, в которых а.п. с предстает не как единый четко определяемый тип чередования акцентных контуров (единая "акцентная кривая"), а как класс "акцентных кривых", дополнительно распределенных по типам основ, т.е. по типам наборов морфов окончаний (основообразующий элемент в данном случае следует отнести к морфу окончания). Поскольку в дериватах одна и та же корневая морфема попадает в различные морфологические образования, т.е. в окружение разных наборов морфов окончаний, постольку здесь четко проступает факт, неявно присутствующий уже в производных, что связь иктуса с корневой морфемой в данной акцентной парадигме может быть определена лишь как чисто отрицательная, т.е. в данном случае мы можем сказать только, что иктус не принадлежит корневой морфеме. Совершенно очевидно также, что иктус в этом классе дериватов не принадлежит и суффиксальной морфеме, так как не она определяет выбор "акцентной кривой". Эта отрицательная характеристика уже сама представляет серьезную проблему, и мы вернемся к ней в дальнейшем.

Рассматривая дериваты от имен а.п. с со II классом суффиксов, мы заметим, что здесь ситуация несколько из-

менилась. В этой группе производных наблюдается два акцентных типа, оба с колонным ударением: тип с насуффиксальным акутовым ударением (аналог а.п. а) и тип с конечным колонным ударением (аналог а.п. б). Выбор этих типов полностью определен характером суффикса: если (последний) слог суффикса содержит в себе акутированный гласный, дериват получает первый тип ударения (насуффиксальное акутовое), если (последний) слог суффикса содержит в себе один из кратких гласных *ъ, ъ, о* или долгий гласный с несокращающейся долготой (соответствующий балтийскому циркумфлектированному гласному), дериват получает второй тип ударения (колонное конечное)¹¹.

Если к этому добавить, что при вторичном словообразовании дериваты с суффиксами II класса ведут себя так же, как производные слова а.п. а и а.п. б, т.е. просто передают свой иктус вторичному деривату, то аналогия между акцентными парадигмами а и б и акцентными типами производных от имен а.п. с со II классом суффиксов будет полной.

Итак, в данном классе дериватов иктус принадлежит суффиксальной морфеме, а его место определяется теми же факторами, что и место иктуса в именах а.п. а и а.п. б: акутированностью или циркумфлектированностью (соответственно, краткостью) гласного последнего слога этой морфемы.

Уже на данном этапе анализа обнаруживается неравноценность трех славянских акцентных парадигм (а, б, с)¹². Две первые (а, б) объединяются единым принципом принадлежности акцента (иктуса) корневой (соответственно, деривационной) морфеме и противопоставляются акцентной парадигме с, в которой акцент (иктус) не принадлежит корневой (и соответственно - деривационной) морфеме. С другой стороны, обнаруживается явное дополнительное распределение акцентных парадигм а и б по отношению к просодической характеристике слога корневой (соответственно, - деривационной) морфемы, которой принадлежит иктус.

Это дополнительное распределение акцентных парадигм а и б, пожалуй, еще более явно проступает в акцентной системе праславянского глагола.

3.1. Рассмотрим акцентные парадигмы презентных основ тематических глаголов¹³. Для нашей цели будет удобно раз-

¹¹ Просодическая характеристика гласных у суффиксов в большинстве случаев ясна без обращения к внеславянскому сравнению, при долгих ее обычно показывают образования столбца б, где иктус просто накладывается на интонацию, присущую гласному. При несокращающейся славянской долготе в случае сохранения образований с соответствующими суффиксами в диалектах, различающих праславянские интонации, наблюдается восходящая долготная интонация типа "нового акута", являющаяся, повидимому, нормальным рефлексом балто-славянского циркумфлекса. Балто-славянское сравнение лишь подтверждает эти результаты.

¹² Здесь мы употребляем термин "акцентные парадигмы" расширительно, т.е. включая в а.п. а и а.п. б дериваты от имен а.п. с с II классом суффиксов, а в а.п. с - дериваты от имен а.п. с с I классом суффиксов.

¹³ Под тематическими глаголами понимаются глаголы с презентными основами на -е-, -је- и -пе-.

долить эти основы на два класса: 1) класс основ с корнями, оканчивающимися на гласные, дифтонги или сонанты (включая *v*), иначе говоря – класс основ с корнями, оканчивающимися на нешумные; 2) класс основ с корнями, оканчивающимися на шумные согласные. Первый класс естественно делится на две группы: I группа – корни на плавный и носовой, II группа – все остальные типы (гласные, *j*, *v*); в каждой группе глаголы распределяются на две подгруппы: A – глаголы без инфинитивной основы на -а, B – глаголы с инфинитивной основой на -а.

Т а б л и ц а 7
Презентные основы тематических глаголов с корнями на нешумные

А.п.	a	b*	c
Группа I (подгруппа A)	-	1. žyr(j)ǝ, žyr(j)ǝtǝ	1. žǝrǝ, žǝretǝ
	-	2. tǝr(j)ǝ, tǝr(j)ǝtǝ	2. stǝrǝ, stǝ- retǝ
	-	3. žǝn(j)ǝ, žǝn(j)ǝtǝ	3. pǝrǝ, pǝretǝ
	-	4. mǝnǝ, mǝnǝtǝ	4. dǝrǝ, dǝretǝ
	-	5. dǝmǝ, dǝmǝtǝ	5. skvǝrǝ, skvǝ- retǝ
	-	6. žǝmǝ, žǝmǝtǝ	6. mǝrǝ, mǝretǝ
	-	7. jǝmǝ, jǝmǝtǝ	7. pǝnǝ, pǝnetǝ
	-	8. čǝnǝ, čǝnǝtǝ	8. tǝnǝ, tǝnetǝ
	-	9. meljǝ, meljǝtǝ	9. klǝrǝ, klǝnetǝ
	-	10. koljǝ, koljǝtǝ	
	-	11. borjǝ, borjǝtǝ	
	-	12. poljǝ, poljǝtǝ (1)	
	-	13. poljǝ, poljǝtǝ (2)	
	-	14. porjǝ, porjǝtǝ	
Группа I (подгруппа B)	-	1. sǝljǝ, sǝljǝtǝ	1. zǝvǝ, zǝ- vetǝ
	-	2. ser(j)ǝ, ser(j)ǝtǝ	2. rǝvǝ, rǝvetǝ
	-	3. stenjǝ, stenjǝtǝ	3. žǝrǝ, žǝretǝ
	-	4. jemjǝ, jemjǝtǝ	4. pǝrǝ, pǝretǝ
	-	5. steljǝ, steljǝtǝ	5. dǝrǝ, dǝretǝ
	-	6. golgoljǝ, golgoljǝtǝ	6. bǝrǝ, bǝretǝ
	-	7. žǝnǝ, žǝnǝtǝ	7. ǝr(j)ǝ, or(j)ǝtǝ
Группа II (подгруппа A)	1. blǝjǝ, blǝ- jetǝ	-	1. lǝjǝ, lǝjetǝ
	2. šǝjǝ, šǝ- jetǝ	-	2. gnǝjǝ, gni- jetǝ
	3. -čǝjǝ, -čǝ- jetǝ	-	3. vǝjǝ, vǝjetǝ
	4. mǝjǝ, mǝ- jetǝ	-	4. pǝjǝ, pǝjetǝ
	5. krǝjǝ, krǝ- jetǝ	-	5. žǝjǝ, žǝjetǝ

Т а б л и ц а 7 (окончание)

А.п.	a	b	c
Группа II (подгруппа A)	6. rǝjǝ, rǝ- jetǝ (?)	-	6. pǝjǝ, pǝjetǝ
	7. dǝjǝ, dǝ- jetǝ	-	7. slǝvǝ, slo- vetǝ
	8. -ǝjǝ, -ǝjetǝ	-	8. plǝvǝ, plo- vetǝ
	9. čǝjǝ, čǝ- jetǝ	-	9. trǝvǝ, tro- vetǝ
	10. znǝjǝ, znǝ- jetǝ	-	10. rǝvǝ, rovetǝ
	11. grǝjǝ, grǝ- jetǝ	-	11. kǝvǝ, ko- vetǝ
	12. zrǝjǝ, zrǝ- jetǝ	-	12. snǝvǝ, sno- vetǝ
	13. spǝjǝ, spǝ- jetǝ	-	13. žǝvǝ, žǝvetǝ
	14. sǝjǝ, sǝ- jetǝ	-	14. pǝlvǝ, pǝlvetǝ
Группа II (подгруппа B)	1. plǝjǝ, plǝjetǝ	-	1. blǝjǝ, blǝjetǝ
	2. sǝjǝ, sǝ- jetǝ	-	2. klǝjǝ, klǝjetǝ
	3. zǝjǝ, zǝ- jetǝ	-	3. kǝjǝ, kǝjetǝ
	4. rǝjǝ, rǝ- jetǝ	-	4. trǝjǝ, tru- jetǝ
	5. vǝjǝ, vǝ- jetǝ	-	5. snǝjǝ, snu- jetǝ
	6. sǝjǝ, sǝ- jetǝ	-	6. žǝjǝ, žǝjetǝ
	7. grǝjǝ, grǝ- jetǝ	-	7. lǝjǝ, lǝjetǝ
	8. spǝjǝ, spǝ- jetǝ	-	8. smǝjǝ, smǝ- jetǝ
	9. lǝjǝ, lǝ- jetǝ	-	9. blǝjǝ, blǝ- jetǝ
	10. tǝjǝ, tǝ- jetǝ	-	10. dǝjǝ, dǝjetǝ
	11. bǝjǝ, bǝ- jetǝ	-	11. dǝjǝ, dǝjetǝ
	12. kǝjǝ, kǝ- jetǝ	-	12. čǝjǝ, čǝjetǝ
Глаголы на -ne- (с кор- нями на гласные и сонанты)	1. dǝnǝ, dǝ- netǝ	-	1. pǝ-mǝnǝ, po- menǝtǝ
	2. zǝnǝ, zǝ- netǝ	-	2. mǝnǝ, mǝnetǝ
	3. rǝnǝ, rǝ- netǝ	-	3. vǝnǝ, vǝnetǝ
	4. plǝnǝ, plǝ- netǝ	-	4. lǝnǝ, lǝnetǝ
	5. sǝnǝ, sǝ- netǝ	-	5. pǝ-vǝnǝ, po- vinǝtǝ
	6. lǝnǝ, lǝ- netǝ	-	6. plǝnǝ, plǝnetǝ
	7. pǝlǝnǝ, pǝlǝ- netǝ	-	7. mǝnǝ, mǝnetǝ

* Для презентов а.п. b принята реконструкция Хр. Станга.

Очевидно, что то распределение а.п. *a* и а.п. *b*, с которым мы столкнулись в имени, в этом классе презентных основ лежит буквально на поверхности. В то время как а.п. *c* включает в свой состав разнообразные виды корней, в том числе корни, имевшие "балто-славянский" акут, а.п. *a* и а.п. *b* четко распределяются: а.п. *a* обнаруживается исключительно у основ с корнями на долгий гласный (и соответственно, первоначальный дифтонг), а.п. *b* наблюдается лишь у основ с кратким гласным. Из всей массы корней а.п. *a* лишь для корня **ai-* < **ai-* можно предполагать "балто-славянский" циркумфлекс, ср. лит. *aĩti*, лтш. *aiť* "обу-вать". Естественно, что этот единственный случай мены интонации (а следовательно, и парадигмы) можно объяснить аналогией.

Таким образом, для презентных основ с корнями на нешумные, в сущности, релевантно разделение на два акцентных типа: "подвижный" (а.п. *c*) и "неподвижный" (а.п. *a* и а.п. *b*), где два варианта "неподвижного" типа распределяются в зависимости от просодического характера корня¹⁴.

3.2. Второй класс презентных основ (основы с корнями на шумные) существенно отличается от первого по своим дистрибутивным характеристикам. Если в первом классе строение основы фактически не влияло на выбор двух основных акцентных типов, то в основах на шумный распределение подвижного и неподвижного акцентных типов зависит в основном от строения презентной основы: подавляющее число тематических основ на -е- идет по подвижному типу (а.п. *c*), тогда как *j*-praesentia и инхотативные глаголы на -ne-¹⁵ сплошь относятся к неподвижному акцентному типу (а.п. *a* и а.п. *b*). Исключение составляют 11 глаголов на -е- (*vřžetъ*, *lězetъ*, *pādetъ*, *krādetъ*, *sēdetъ*, *bōdetъ*, *-rēt(j)etъ*, *lēzetъ*, *možetъ*, *jьdetъ*), которые относятся к неподвижному типу; но это исключение лишь подтверждает правило: большинство из этих глаголов показывает особенности в строении основы, выделяющие их из группы "нормальных" тематических презентных основ: глаголы *sēdetъ*, *lēzetъ*, *bōdetъ*, *rēt(j)etъ* обнаруживают древний инфикс -n-, у основ *jьdetъ*, *krādetъ*, *jeādetъ* и

¹⁴ Следует отметить еще любопытные особенности этого класса корней: 1) выбор одного из двух основных акцентных типов (подвижного или неподвижного), по-видимому, не связан с строением основы: *j*-товый суффикс здесь явно не играет той роли, которую мы обнаружим во II классе корней; 2) в основах от I класса корней прослеживаются реликты системы порождения акцентных типов производных, подобной той, которую мы видели в именах: производные глаголы подгруппы В и группы глаголов мгновенного вида на -ne- получают ту же а.п., что и производящие основы. О соотношении *pālnq* (а.п. *a*) ~ *pol-jq* (а.п. *b*) см. ниже.

¹⁵ Первичное распределение акцентных типов глаголов на -ne- мгновенного вида с корнями на шумный продолжает оставаться сложной проблемой ввиду того, что как в южнославянской, так и в восточнославянской области эта группа испытала интенсивные процессы перераспределения акцентных типов, а материалы памятников крайне скудны.

bōdetъ этимологический анализ вскрывает дентальный суффикс -d(h)-. В целом эта группа выглядит как реликтовая и ее представители постепенно переходят в тип *c* или замещаются вариантами на -ne- или -je-.

В этой небольшой реликтовой группе глаголов тем не менее наличествует распределение, с которым мы встречались выше: девять глаголов, показывающих славянский акут¹⁶, относятся к а.п. *a*, два краткосложных глагола (*možetъ*, *jьdetъ*) имеют а.п. *b*.

Что касается подвижного акцентного типа, то в нем мы встречаем достаточно большое количество основ с "балто-славянским" акутом, который может быть легко вызван как внешним сравнением, так и приемами внутренней реконструкции: 1. *prēdq*, *prēdetъ* (инф. *prēsti*, ср. лит. *sprēndžiu*, *sprēsti*, лтш. *sprīdžu*, *sprīest*); 2. *mēlzo*, *mēlzetъ* (инф. *mēlztī*, ср. лит. *mēlžu*, *mēlžti*); 3. *grūzo*, *grūzetъ* (инф. *grūzti*, ср. лит. *graužiu*, *graužti*, лтш. *grāūžu*, *grāūzt*); 4. *klādo*, *kladetъ* (инф. *klāsti*, ср. лит. *klōju*, *klōti*, лтш. *klāju*, *klāti*); 5. *stērgo*, *stēzetъ* (ср. ст.-лит. *sērgmi*, лит. *sėrgiu*, *sėrgėti*); 6. *pāso*, *pasetъ* (инф. *pāsti*, ср. хеттск. *paḥḥsanzi* 'они охраняют'); 7. *strīgo*, *strīzetъ* (инф. *strīci* указывает на акутированность корня); 8. *sēko*, *sēcetъ* (инф. *sēci* свидетельствует о первоначальной акутированности корня). Основы с краткостными и циркумфлектированными корнями этой акцентной парадигмы не требуют специального разбора.

3.3. Распределение акцентных парадигм неподвижного типа у глаголов на -je- и -ne- происходит по тому же принципу: первично акутированные основы получают а.п. *a*, первично циркумфлектированные и краткостные имеют а.п. *b*. В этом можно убедиться, проанализировав состав акцентных парадигм данных двух групп глаголов в их этимологизируемых частях¹⁷.

I. Презентные основы на -je-

A. Акцентная парадигма *a*

(a) Глаголы, у которых предполагается "балто-славянский" акут на основании балтийских соответствий или согласен с принципами Ф. де Соссюра и А. Вещенбергера: 1. *rēzjo*, *rēzjetъ* (ср. лит. *rėžti* и др.); 2. *po-jāsjo*, *po-jāsjetъ* (ср. лит. *juosti* и др.); 3. *māzjo*, *māzjetъ* (ср. лит. *mėžti*, лтш. *mėzt*, *mužet* и др.); 4. *plāzjo*, *plāzjetъ* (ср. др.-в.-нем. *fluohhōn* 'проклинать' и др.); 5. *jāsjo*, *jāsjetъ* 'ехать' (ср. лит. *jōti*, лтш. *jāt*, др.-инд. *yāti* и т.д.); 6. *třřzjo*, *třřzjetъ* (ср. лат. *trahō* < **traghō* и под.)¹⁸; 7. *kāsljo*, *kāsljetъ* (ср. лит. *kō-*

¹⁶ У восьми глагольных основ акут объясняется первично долготным слоговым компонентом, у глагола *lēzetъ* акутовая интонация возникла, вероятно, в результате инфиксации, ср. аналогичные случаи в балтийских.

¹⁷ Здесь, как и выше, факты, на которых основывается реконструкция праславянской акцентной парадигмы, не приводятся. Для раскрытия просодической характеристики корня дается лишь самый необходимый материал.

¹⁸ Из-за наличия ряда близких по звучанию и значению индоевропейских корней как славянская, так и латинская

siu, kōsēti, лтш. kāsus, др.-инд. kāsate и др.); 8. smīr-
jō, smīrčjětъ (ср. словен. smrk, gen. smřka, лит. smir-
gas и под.).

(6) Группа глаголов с удлинением ъ и ѳ (полученные в результате этого удлинения долгие монофтонги у < *ū и i имели, по-видимому, изначально акутовую интонацию, следуя принципу Ф. де Соссюра): 9. sūrjō, sūrjětъ (ср. слав. sūrjō, инф. suti, лит. sūpti и др.); 10. mūčjō, mūčjětъ (ср. слав. mьknōti, mьčati, лит. mūkti и др.); 11. smūčjō, smūčjětъ (ср. лит. smūkti, smaūkti и др.); 12. tūčjō, tūčjětъ (ср. слав. tьknōti, tьkati и под.); 13. sūsijō, sūsijětъ (ср. слав. sьsq, sьsati и др.); 14. prūsčjō, prūsčjětъ (ср. болг. прѹскам и под., а также лит. praūsti, др.-инд. prusōti и др.); 15. brūžžjō, brūžžjětъ (ср. болг. брѹзгам, ср. также с аналогичным удлинением лтш. brūžgāt, brūžgāt); 16. stīžjō, stīžjětъ (ср. лит. steig-tis, лтш. stēigt, греч. στεῖχω, др.-инд. stighnoti). Эта вторая группа глаголов включает ряд дескриптивных основ, у которых интонационная характеристика, вероятно, колебалась. Кроме того, наличие вариантов с нормальной огласовкой корня могло влиять на акцентную парадигму. Этим, возможно, объясняются значительные отклонения в западно-славянских языках, ср. 1. чешск. smýkatì, слвц. smýkat'; 2. чешск. týkati se, слвц. týkat' se; 3. чешск. prýska-ti; 4. чешск. brýžhati, слвц. brýžgat'.

Б. Акцентная парадигма b

(а) Глаголы, у которых предполагается балто-славянский циркумфлекс на основании балтийских соответствий или согласен с принципом де Соссюра: 1. pisjō, pisjětъ (ср. лит. pišēti и др.); 2. lizjō, lizjětъ (ср. лит. liēžti и др.); 3. zidjō, zidjětъ (ср. лит. žiēsti и др.); 4. lēčjō, lēčjětъ (ср. лит. leŭkti и др.); 5. smučjō, smučjětъ (ср. лит. smaūkti и др.); 6. žedjō, žedjětъ (ср. лит. pasigēsti, 3 praes. pasigēnda); 7. ristjō, ristjětъ (i < *ei, ср. лит. ristas, raistas; польск. rzęścić и под.); 8. krētjō, krētjětъ (ср. др.-инд. kṛnāti, cṛtāti и под.); 9. stružjō, stružjětъ (u < *ou, ср. слав. strьgati); 10. sučjō, sučjětъ (u < *ou, ср. слав. sьkati); 11. nizjō, nizjětъ (i < *ei, ср. слав. nьzq, nizti); 12. čerpjō, čerpjětъ (ср. лит. kiŕpti, 3 praes. keŕpa); 13. ščipjō, ščipjětъ (i < *ei, ср. слав. ščьr- в щепоть и др.); 14. strēčjō, strēčjětъ (ě < *oi, ср. слав. strьkъ 'овод'); 15. dristjō, dristjětъ (i < *ei, ср. др.-англ. dritan, drāt, driton, driten - сильный глагол I кл.); 16. sežjō, sežjětъ (ср. лит. sēgti, sēga, др.-инд. sājati, caus. sañjayati); 17. vezjō, vezjětъ (ср. слав. inf. vьztì, но в слав. vьzъlъ, vьza следует восстанавливать акут, просодические отношения этих основ к глагольному корню требуют дополнительного изучения).

(б) Глаголы с краткими гласными в корне: 18. glodjō,

glodjětъ; 19. česjō, česjětъ; 20. zobjō, zobjětъ; 21. klep-jō, klepjětъ; 22. ločjō, ločjětъ; 23. lъžjō, lъžjětъ; 24. metjō, metjětъ; 25. plesčjō, plesčjětъ; 26. rъzjō, rъzjětъ; 27. tesjō, tesjětъ.

(в) Глаголы с а и е в корне, возникшими в результате удлинения о, е: 28. skačjō, skačjětъ (ср. слав. skočiti); 29. харjō, харjětъ (ср. слав. хорити); 30. храмjō, храмjětъ (ср. слав. хромъ); 31. маčjō, маčjětъ (ср. слав. моčiti); 32. kazjō, kazjětъ (ср. др.-инд. cāṣte, pl. cāk-ṣate; kaṣa- m. 'Sichtbarsein, Schein'); 33. drēmjō, drēmjětъ (ср. схрв. dŕmiti, лат. dormiō).

По-видимому, к этой же группе следует отнести: 34. stradjō, stradjětъ (ср. герм. *stert-/strent-/stret- < *sterd-/strend-/stred- : норв. sterta 'sich abmühen', strinta 'sich anstrengen'; др.-исл. strita 'mit Mühe ziehen', норв. strita sich 'anstrengen', швед. streta 'sich bemühen', что предпочтительнее обычно привлекаемых греч. στρέφω, лат. strēnuus с иным расширением той же и.-е. базы *ster-).

Таким образом, хотя наличие групп А(6) и Б(в) несколько маскирует первоначальные отношения, дополнительное распределение акцентных парадигм а и б по просодической характеристике корня в этом классе глаголов достаточно очевидно¹⁹. Еще более отчетливо это распределение обнаруживается у инхотативов на -ne-.

II. Презентные инхотативные основы на -ne-

Т а б л и ц а 8

А.п. а	А.п. б
1. vьknō, vьknětъ (ср. лит. jūnkti, лтш. jūkt)	1. gręznō, gręznětъ (ср. лит. grīmsti)
2. mьknō, mьknětъ (ср. лит. диал. minkšti, лтш. mikt)	2. tьrpnō, tьrpnětъ (ср. лит. tiŕpti, лтш. t̃rpt)
3. mьrkno, mьrknetъ (ср. лит. mьrkti, лтш. miŕklis)	3. sьknō, sьknětъ (ср. лит. sьkti, 3 praes. sьnka, suŭkti)
4. brьknō, brьknětъ (ср. лит. brinkti)	4. zьbnō, zьbnětъ (ср. лит. žem̃bti)
5. klьknō, klьknětъ (ср. лит. klēnkti)	5. slьknō, slьknětъ (ср. лит. sliŭkti)
6. prьgnō, prьgnětъ (ср. лит. sprōgti, лтш. sprāgt)	6. pręgnō, pręgnětъ (ср. лит. springti)
7. mьrznō, mьrznětъ (ср. слав. mьrъzъ)	7. mьknō, mьknětъ (ср. лит. smiŭkti)
8. kьsnō, kьsnětъ (ср. слав. kьsьlъ, kvāsъ; та же ступень в лтш. (kūsāt)	8. tьgnō, tьgnětъ (ср. лит. tingūs, adv. tiŭgiai)

основы часто включаются (без достаточного учета фонологических и семантических особенностей) в ряды соответствий, ведущие к разным корням, ср. Vasmer, Walde и др.

¹⁹ Глаголы махатъ, пахатъ, коихатъ, колебатъ и под. не могут быть серьезным препятствием для этого вывода ввиду их явной вторичности, а частично и ввиду неясности их праславянской акцентной характеристики.

Т а б л и ц а 8 (окончание)

а.п. а	а.п. б
9. vísno, vísnetь (внеславянские сближения отсутствуют; акут подтверждается родственными основами: vísēti, vēsiti)	9. vęzno, vęznetь (ср. инф. первичного глагола vęzti, свидетельствующий о циркумфлексе)
10. tixno, tixnetь (ср. слав. tixъ, tēsiti; относительно балтийских соответствий см. Būga II, 628-629)	10. torno, tornetь (краткость)
11. stýgno, stýgnetь, stýdno, stýdnetь (ср. лит. stūgti, греч. στήνω и под.)	11. dъxnо, dъxnеть (краткость)
12. gāsno, gāsnetь (<*gъos-, ступень удлинения, возможно, и.-е. древности, ср. греч. σβάωμι (?))	12. mоknо, mоknеть (краткость)
13. gъbno, gъbnetь (у < *ū, морфологическое удлинение в, ср. j-praesentia)	13. slъpno, slъpnetь (краткость)
14. stignо, stignetь (i < *ī, морфологическое удлинение в, ср. j-praesentia)	14. bъdnо, bъdnеть (краткость)
15. nіknо, nіknеть (i < *ī, по-видимому, морфологическое удлинение, ср. лит. niktī, niñka).	15. lъpno, lъpnetь (краткость)
	16. sъpno, sъpnetь (краткость)
	17. sъxnо, sъxnеть (краткость)
	18. gъbno, gъbnetь (краткость)

3.4. Так как это же распределение акцентных парадигм неподвижного типа обнаруживается и у глаголов на -і- (итеративной и каузативной групп)²⁰, а акцентные типы производных повторяют распределение акцентных парадигм производящих имен²¹, то установленное распределение про-

²⁰ Среди примерно полусотни глаголов неподвижного акцентного типа этих групп лишь три - travjъ, davjъ и paljъ - обнаруживают долгий монофтонг при а.п. б, однако эта долгота, по-видимому, позднего происхождения (ср. рефлексацию вторичных долготных а в j-итеративах).

²¹ При анализе отыменных i-глаголов следует иметь в виду, что в схрв. долготные глаголы а.п. с перешли в а.п. б, поэтому, например, схрв. plātiti : plātīm не отражает первоначального положения, а является результатом перехода из а.п. с (так же, как совр. русск. плачу, плащешь), а.п. с этого глагола надежно устанавливается соответствием слов. platiti : platīm с западнославянскими: чешск. platiti, слов. platit', польск. dial. płać (Kusała, 269); ср. также болг. платя. Эта а.п. соответствует а.п. с имени, от кото-

слеживается фактически на всем реконструируемом для праславянского корпуса глагольных слов.

4.1. Система порождения акцентных типов глагольных категорий была устроена в праславянском в сущности так же, как соответствующая система в словообразовании имени. Для первого класса глагольных корней ее можно представить в следующей схеме (табл. 9)

Т а б л и ц а 9

			Неподвижный акцентный тип		Подвижный акцентный тип
			а.п. а	а.п. б	а.п. с
Презентная основа	Презенс	IA	-	jъmъ, jъmětь žъnъ, žъnětь tъrъ, tъrětь	mъrъ, mъrětь pъnъ, pъnětь stъrъ, stъrětь
			-	serъ, serětь	zovъ, zovětь
			-	-	-
		IIB	bъjъ, bъjětь mъjъ, mъjětь	-	vъjъ, vъjětь slъvъ, slъvětь
			-	-	-
			-	-	-
	Действительное причастие настоящего времени	IA	-	jъmъ, jъmѣtъ žъnъ, žъnѣtъ tъrъ, tъrѣtъ	mъrъ, mъrѣtъ pъnъ, pъnѣtъ stъrъ, stъrѣtъ
			-	-	-
			-	-	-
		IIB	sъjъ, sъjѣtъ sъjъ, sъjѣtъ	-	kъjъ, kъjѣtъ lъjъ, lъjѣtъ
			-	-	-
			-	-	-
Инфинитивная основа	Группа IA	инфинитив-супин	- žēti ~ žētъ tъrti ~ tъrtъ	jētъ ~ (jētъ) - -	merti ~ mērtъ pēti ~ pētъ sterti ~ stērtъ
			- žēsъ, žē tъrxъ, tъr	jēsъ, (jētъ) - -	merxъ, mērtъ pēsъ, pētъ sterxъ, stērtъ
			- žēlъ, žēla tъrlъ, tъrla	(jēlъ), jēlā - -	mъrlъ, mъrlā pēlъ, pēlā stъrlъ, stъrlā
		действ. прич. прош.вр.	- - -	jъmъ, jъmъši žъnъ, žъnъši tъrъ, tъrъši	mъrъ, mъrъši pъnъ, pъnъši stъrъ, stъrъši
			-	-	-
			-	-	-
	Группа IB	страд. прич. прош.вр.	žētъ, žēta -	(jētъ), jētā - -	pētъ, pētā stērtъ, stērtā
			-	-	-
			-	-	-
		инфинитив-супин	- žētъ, žēta tъrēnъ, tъrēna	- - -	- - -
			-	-	-
			-	-	-

рого данный глагол образован: словен. plāt 'награда', чешск. plat 'плата', слов. plat. В слове *plāta обычным переход в неподвижный тип: модель *vōrnъ ~ *vōrna. Слав. *platjā (а.п. б) : схрв. plāha, слов. plāča, чешск. plāce, слов. plāca, польск. dial. płać (Kusała, 269) - образование с суф. II класса, а схрв. plāta, по-видимому, под влиянием схрв. plāha.

Таблица 9 (окончание)

инфинитивная основа

Неподвижный акцентный тип

Подвижный акцентный тип

а.п. а

а.п. б

а.п. с

Группа IB

инф.-суп.

-

sъrāti ~ съrātъ

zъvāti ~ zъvatъ

аор.

-

sъrāxъ, съrā

zъvāxъ, zъva

1-прич.

-

sъrālъ, съrāla

zъvalъ, zъvalā

действ.
прич.
прош.вр.

-

sъrāvъ, съrāvъ-
ši

zъvavъ, zъvavъ-
ši

страд.
прич.
прош.вр.

-

sъrānъ, съrāna

zъvānъ, zъvānā

Группа IIA

инф.-суп.

oiti ~ bītъ
mŭti ~ mŭтъ

-

vīti ~ vītъ
sluti ~ slŭтъ

аорист

bīxъ, bī
mŭxъ, mŭ

-

vīxъ, vītъ
sluxъ, slŭ

1-прич.

bīlъ, bīla
mŭlъ, mŭla

-

vīlъ, vilā
slŭъ, slŭlā

действ.
прич.
прош.вр.

bīvъ, bīvъši
mŭvъ, mŭvъši

-

vīvъ, vivъši
slŭvъ, slŭvъši

страд.
прич.
прош.вр.

-

bŭjēnъ, bŭjēna
mŭvēnъ, mŭvēna

vītъ, vitā
<slŭтъ, slŭtā>

Группа IIB

инф.-суп.

sějati ~ sējatъ

sovāti ~ sovātъ
-

kovāti ~ kovātъ
lŭjāti ~ lŭjatъ

аорист

sējaxъ, sēja

sovāxъ, sovā
-

kovāxъ, kōva
lŭjāxъ, lŭja

1-прич.

sējālъ, sējala

sovālъ, sovāla
-

kōvalъ, kovalā
lŭjalъ, lŭjalā

действ.
прич.
прош.вр.

sējāvъ, sēj-
javъši

sovāvъ, so-
vāvъši
-

kōvavъ, ko-
vavъši
lŭjavъ, lŭ-
javъši

страд.
прич.
прош.вр.

sējānъ, sējā-
na

sovānъ, so-
vāna
-

kōvānъ, kovānā
lŭjānъ, lŭjā-
nā

4.2. Сравнение схемы порождения акцентных парадигм категорий глагола с системой порождения акцентных типов производных показывает их далеко идущее сходство. В глагольной системе действует правило, согласно которому категории глагола получают акцентную парадигму, определяемую акцентной парадигмой презенса, категории, которую мы приняли в нашем описании в качестве начальной. Очевидно

что это правило может быть сопоставлено с основным принципом порождения акцентных типов производных, по которому акцентный тип деривата выбирается в зависимости от акцентной парадигмы производящего²².

То определение акцентных парадигм а и б, которое выявилось в системе порождения акцентных типов производных, для глагольной системы очевидно уже в начале описания. А.п. а в глаголе - это акцентный тип с постоянным ударением на корне, а.п. б - акцентный тип с ударением на слого, следующем за корнем. В обеих акцентных парадигмах иктус соотносен с корнем и может быть определен как принадлежащий корню. Тональная характеристика ударения в а.п. а - акут²³, появление которого предопределяется, как это было показано выше для презентной основы, спецификой структуры слога, реконструируемой на "балто-славянском" уровне. Тональная характеристика ударения в а.п. б определяется характером слога, на который оно падает, т.е. слога, следующего за корнем. Хотя установление первоначальной просодической характеристики этого слога в ряде случаев затруднительно и мы вынуждены предполагать "метатонию", условия которой неясны, однако независимость просодических характеристик слогов, непосредственно следующих за корнем, от акцентных парадигм достаточно очевидна. Иктус и в данном случае просто "налагается" на тональный контур следующего за корнем слога²⁴.

Отношения в столбце с схемы порождения акцентных парадигм категорий глагола явно изоморфны отношениям выбора акцентных типов производных от имен а.п. с.

Аналогичность механизма порождения акцентных типов действ. прич. наст. вр., 1-причастия, действ. прич. прош. вр., t-причастия закономерностям порождения акцентных типов дериватов с суффиксами I класса лежит буквально на поверхности.

Таблица 10

	Презенс	Действ. прич. наст. вр.	1-прич.	Действ. прич. прош.вр.	t-прич.
Sg.	1. vījō 2. viješъ 3. vijetъ	m.vījē f.vijōtj n. vije	m. vīlъ f. vilā n. vīlo	m. vīvъ f. vivъši n. vīvъ	m. vītъ f. vitā n. vīto
Pl.	1. vijemъ и т.п.	m. vijōt-jē и т.п.	m. vīli и т.п.	m. vivъsē и т.п.	m. vīti и т.п.

²² Некоторая условность выбора начала описания в системе глагола (в отличие от большей определенности в этом отношении в системе словообразования) несколько не ослабляет изоморфизм систем. Характерно, что логика этих систем в славянских языках происходит сходным образом.

²³ Проблема "перерождения" акута в "новый циркумфлекс" на данном уровне реконструкции не рассматривается, что относится и к именной реконструкции.

²⁴ Вместо тонального контура можно реконструировать количественные или любые другие просодические различия, но это сути дела не меняет.

Характер "передачи" подвижности акцента в этих примерах предельно ясен. Более чем очевидно, что форма кривой "вторичных" категорий никоим образом не связана с формой кривой в начальной категории. Место иктуса во всех этих словоформах никак не определяется ни корневой морфемой, ни формообразовательными суффиксами, т.е. иктус не принадлежит ни корневой, ни суффиксальной морфеме. Продолжая наши рассуждения, прерванные на с.102, мы можем заметить, что единственный способ точно описать данный класс акцентных кривых — это перечислить все окончания, на которые падает иктус. Во всех таких случаях мы можем считать, что иктус принадлежит к окончанию, так как он устойчиво закреплен за ним²⁵. Можно заметить также, что те окончания, на которые не падает иктус, подобно всем остальным морфемам этих словоформ определяют место иктуса лишь отрицательно, т.е. о данных словоформах можно сказать лишь, что иктус в них не принадлежит окончанию, равно как и любой из морфем, составляющих эту словоформу²⁶. Иными словами, эти словоформы обладают морфонологическим статусом непринципиальной принадлежности акцента ни одной из составляющих их морфем, что резко выделяет такие словоформы как из числа других словоформ а.п. с, так и из числа словоформ неподвижных акцентных типов. Этому морфонологическому статусу данных словоформ на фонологическом уровне соответствовал их статус фонетический безударности²⁷. Последнее проявлялось в том, что эти сло-

²⁵ Это менее очевидно в именной флексии, где акцентологический статус, по-видимому, тождественных окончаний в ряде случаев зависел, вероятно, от типа основы.

²⁶ Это вытекает из того, что место иктуса в такой словоформе не может быть точно установлено при наличии исключительно информации о присутствии в словоформе этого рода окончания, равно как и любой информации о данном окончании как таковом; более того, к установлению места иктуса не приводит и последовательный перебор всех предшествующих данному окончанию морфем с привлечением аналогичной информации о них. Лишь получив информацию о том, что данная морфема является начальной в словоформе, мы можем утверждать (в праславянском лишь для изолированной словоформы), что иктус находится на ней.

²⁷ См.: Якобсон Р. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. — In: American contributions to the V International congress of slavists. The Hague, 1964, § 4. Это совпадение морфонологического и фонологического статусов данных словоформ, при всем различии фонологического и морфонологического аспектов, уже само весьма показательное, приобретает еще большее значение в силу того, что сам морфонологический статус этих словоформ является производным от морфонологических статусов составляющих их морфем. Так как аналогичная морфонологическая система

воформы имели иктус лишь тогда, когда они сами составляли тактовую группу (фонетическое слово), т.е. в позиции между потенциальными паузами. В тех же случаях, когда они входили в тактовую группу совместно с другими, орто-тоническими словоформами, данные формы являлись, как правило, безударными. При этом их начальный акцент оказывается начальным акцентом тактовой группы, так как при образовании тактовой группы с "проклитиками" он переносится на первую "проклитику", а правила постановки иктуса в сочетаниях этих форм с "энклитиками" соответствуют правилами акцентации "проклитико-энклитических групп" (групп, составленных из препозиционных безударных частиц²⁸ и "энклитики")²⁹.

4.3. Кажется весьма заманчивым рассматривать те категории, в которых у определенных лексем в столбце с появляется акутовое ударение (инфинитив-супин, аорист), как изоморфные системе порождения акцентных типов у дериватов с суффиксами II класса. Наличие в этих категориях форм, в которых принадлежность иктуса определяется отрицательно, (фонологически безударных) само по себе не мешает подобному рассмотрению, так как это затруднение устраняется ссылкой на положение сравнительно-исторической морфологии с супплетивности данных категорий. Действительно, удалив из категории "инфинитив-супин" супин, который представляет собой и-основу в отличие от инфинитива (i-основы), а из аориста — формы 2-3 л. ед. ч., представляющие дентальные претериты, в отличие от сигматических форм, представленных в других лицах, мы получим наборы форм, в которых место иктуса, казалось бы, определяется интонационной характеристикой морфемы, которой он принадлежит (табл. 11).

порождения акцентных типов, как будет показано ниже, существовала и в балтийском, относительно скудные балтийские факты, позволяющие предполагать подобный фонологический статус соответствующих балтийских форм, в свете славянских данных приобретают значительно больший вес.

²⁸ Для праславянского реконструируются также препозиционные орто-тонические частицы, которые в таких группах всегда ударны. Остается проблемой, существовало ли подобное различие у постпозиционных частиц ("энклитик").

²⁹ См.: Диббо В.А. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1971, № 6, с. 77-84; Он же. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2, с. 93-114; Он же. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы-енклитомена в аористе i-глаголов). — Советское славяноведение, 1968, № 6, с. 66-67; Он же. Закон Васильева-Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета). — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1975, XVIII, 1, с. 7-81; Он же. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева-Долобо. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1977, с. 189-272.

Т а б л и ц а 11

		Акут	Циркумфлекс
Инф. Аор.	ед. 1 мн. 1	vīti vīxь vīxomь	merti merxь merxomь или merxomь
	2	vīste и т.д.	merstē и т.д.

Ср. лит. vūti, но mīfti.

Такое решение заключалось бы просто в признании того, что формы инфинитива и сигматического аориста относились к неподвижному акцентному типу, т.е. что морфонологические различия между корневыми морфемами, которые "владеют" акцентом, и корневыми морфемами, которые "не владеют" им, в этих категориях просто "стирались", и все корни переходили в первый тип. Однако сопоставление акцентуки в группах IIA и IIB показывает, что иктус в этих формах не может считаться принадлежащим корневой морфеме, он должен быть определен как расположенный на элементе, предшествующем окончанию, и попадает на корень лишь в том случае, когда последний является таким элементом (см. табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Группа IIA	Группа IIB
(1. dāti; dāxь, dāšē) (2. būti; būxь, būšē) 3. gnīti; gnīxь, gnīšē 4. līti; līxь, līšē 5. pīti; pīxь, pīšē 6. žīti; žīxь, žīšē	1. dajāti; dajāxь, dajāšē 2. majāti; majāxь, majāšē 3. trajāti; trajāxь, trajāšē 4. čajāti; čajāxь, čajāšē 5. blējāti; blējāxь, blējāšē 6. dējāti; dējāxь, dējāšē

Место иктуса в столбце группы IIB не может быть объяснено в данной выборке примеров тональной характеристикой корня на "балто-славянском" уровне, так как просодический корень в этом столбце тождественны корневым морфемам в столбце группы IIA, т.е. акутированы, согласно правилу Ф. де Соссюра, как восходящие к долгому монофону.

Данная выше характеристика такого вида акцентуки, в сущности, тождественна утверждению, что и в этой группе форм и к т у с п р и н а д л е ж и т о к о н ч а н и ю, но сдвинут с него при каких-то условиях. Таким условием не может считаться "балто-славянский" акут. Это показывает более подробный разбор примеров на уровне "балто-славянской" реконструкции, в результате которого мы обнаружим, что у большинства корней на плавные и носовые (группа IA), входящих в подвижный акцентный тип и образующих формы инфинитива и сигматического аориста с конечным ударением³⁰, на "балто-славянском" уровне прихо-

дится реконструировать, согласно с правилом А. Беценбергера, не циркумфлекс, а акут, подтверждаемый и балтийскими соответствиями. Акут (по тому же правилу А. Беценбергера) должен быть восстановлен также и у slu- - одного из двух глагольных корней на -и-, образовывавших инфинитивы с конечным ударением³¹.

Таким образом, глагольные основы с конечным ударением в инфинитиве (соответственно, в сигматических формах аориста) распределяются по "балто-славянским" просодическим характеристикам корня на две группы:

1. Основы с "балто-славянским" акутом в соответствии с правилом А. Беценбергера (т.е. с и.-е. сочетаниями типа -erə-).

1. *žerti (< *gʷerə-ti-: др.-инд. gṛnāti, прич. gṛnā- и под., ср. лит. gėrti, лтш. dzefti).

2. *derti (< *derə-ti-: др.-инд. dṛnāti, прич. dīrṇā- и под., ср. лит. dirti, диал. derti).

3. *sterti (< *sterə-ti-: др.-инд. stṛnāti, прич. stīrṇā- и под., ср. лит. stirta 'скирда').

4. *perti (< *(s)perə-ti-: лат. spernō, sprēvi, др.-инд. sphūrti- и под., ср. лит. spirti, лтш. spefti).

5. *peti (< *penə-ti-, полная ступень в соответствии с нулевой - основы презенса rьne-, ср. лит. pinti, лтш. pīt, а также слав. *pōto, лит. pāntis, что при греч. πένωμαι, арм. henum требует реконструкции корня *penə-).

6. *tetēti³² (< *temə-ti-, полная ступень в соответствии с нулевой - основы презенса *tьne- < *tьmne-; ср. греч. доп. τάνω, др.-ирл. tamnaid, где основа tm-n-eə- ~ *tm-n-ə- с инфиксом -n-; на "тяжелую базу" указывают греч. perf. pass. τέτιηναι, verbaladj. τυπτός. Ср. лит. tinti 'отбивать кося').

7. *sluti (< *kleuə-ti-, авест. srūta-, srūti-, герм. *hlūda-, лтш. slūt, слав. *slytь, *slybь; следы "тяжелой базы" также в др.-инд. śṛṇviṣe < *kl̥-n-ya-sai и греч.

темой, подтверждается также старосербскими материалами, ср. из Ев.-апр. № 7364: не | прострѣстѣ 240а; оумрѣше 30а, ѡ оумрѣше 80б; распешѣ 285б, 286а, 294б, 303а, ѡ пропешѣ 285б, 294б и под.; но: ѡ да|сте ми 262б, прѣдате 135а, даше 40б, 144а, прѣдаше 138а, 284б; не быхомъ 105б, 298а, быше 79б и др., ѡзбыше 31а; ѡ пише 229б; обвѣста ѡ 289б и под.

³¹ Ударение *sluti, *pluti восстанавливается по старословянским долготным рефлексам у этих инфинитивов, отмеченным в словаре А. Бернолака: slūt' IV, 3019; plūt' III, 2141 (plūti III, 2142); при kut' II, 1142; žut' V, 4414; žut' I, 331; plūt' III, 2141. Ср. у Ю. Крижанича: слѣт (слѣти) Гр. 87², плѣт (плѣти) Гр. 87², с распространением этой же акцентуки на *trūti: трѣти Гр. 89², 214. Ср. также др.-русс. переплутѣ (Stang, 32). Количество в klūt' (А. Bernolák) не имеет самостоятельного значения из-за контаминации славянских *kluti и *kliti в этой форме.

³² Слвц. диал. tiat', кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) tēti Гр. 215. К сохранению рефлексов старого состояния в словацком ср. слвц. vziat', kliat', (др.) za-čiat', но māt', žat'; подробности см. Stanislav II, 437-438.

³⁰ Параллелизм акцентуки инфинитива и сигматических форм аориста, свидетельствуемый современной штокавской сис-

κλεστός³³ < *κλεστός < *κλεετός < *klea-to-. Лат. in-clutus, ирл. cloth, валл. clod- из-за кельто-италийского сокращения долгот, см. ВСЯ 5, с. 9-34. Краткость в др.-инд. śrutā-, śrūti- и под., так же как и краткостный вариант в авестийском, объясняется морфологическим уподоблением нормальным глаголам пятого класса. Греч. κλύτός - результат внутригреческих морфонологических процессов³⁴).

II. Основы с "балто-славянским" циркумфлексом.

1. *mertī (< *mer-ti- : др.-инд. mārate, mriyāte, прич. mrtā- и под., ср. лит. mirtī, лтш. dial. mirt. Лтш. mirt под влиянием praes. mifstu, ср. лит. praes. mirštu, где характерная для этой формы метатония).

2. *plutī (< *ploz-ti- < *pleu-ti-: др.-инд. plāvate, прич. plutā- 'плыть, лететь', авест. frav- 'лететь, плыть', praes. frava-, adj. dumnō.frut- 'in den Wolken fliegend'; греч. κλέω, аор. κλεῖσας 'плыть', лит. ple-venti 'парить, витать', лтш. plevināt 'махать крыльями, развевать'. Ср. также с "детерминативами": 1) *pleuk- ~ *plūk- - лит. plaukti 'плыть' ~ диал. plūkēs 'ряска, lim-na', герм. *fleugan ~ prt. *flūgan 'летать', *flūgja- 'летающие насекомые'; 2) *plūd- , лтш. pludēt 'плыть, носиться по воде', лит. диал. pludē 'поплавок', лтш. plūdi 'поплавки'; герм. *flūtjan 'плыть', *flūta-, *flūti- 'то, что плавает сверху'³⁵).

Если мы рассмотрим теперь основы подвижного акцентного типа, в которых в формах инфинитива и сигматического аориста обнаруживается акутовое ударение на слоге, предшествующем окончанию, то увидим, что по и.-е. просодическим характеристикам корня (и, соответственно, вообще элемента, предшествующего окончанию) их можно разделить на три группы:

I. Основы с и.-е. долгим монофтонгом в корне (или, соответственно, суффиксе).

1. *dāti (< *dō-ti-: др.-греч. δάτω, лат. dōs, dō-tis и т.п., ср. лит. duoti, лтш. duot).

³³ На значение последней формы для установления первоначальной структуры и.-е. корня κλεα- обратил мое внимание С.Л. Николаев.

³⁴ Ср.: λῦτός, λῦσις; φῦτός, φῦσις; θῦσις; κτῦσις и под. с сокращением ū в тех же морфонологических позициях. Регулярность этого процесса показана С.Л. Николаевым в работе "Морфонология греческого глагольного корня" (тезисное изложение основных результатов работы см. в статьях: Николаев С.Л. О морфонологии древнегреческого глагольного корня. - Конференция "Ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977, с. 65-67; Он же. Два класса глагольных корней вида CV(C)CV в древнегреческом. - Конференция "Проблемы реконструкции". 23-25 окт. 1978 г. Тезисы докладов. М., 1978, с. 112-113).

³⁵ Единообразную реконструкцию этого и.-е. корня, по-видимому, можно получить, лишь исключив из рассмотрения формы со значением 'течь, лить, мыть', для которых восстанавливается корень с аблаутным рядом *ēu : *ōu : *ū - лит. plauti 'мыть', греч. κλύω < *κλύω (κλῦ; см.: Николаев С.Л. Указ. соч.) 'мыть', арм. luanam 'мыть' и под.

2. Глаголы с инфинитивной основой на -a < и.-е. *ā (группа IB: *zváti, *rāvati, *žrāti, *p̥rāti, *dyrāti, *b̥rāti, *orāti; группа II B: *bljvati, *kljvati, *kovati, *trovati, *snovati, *žvati, *ljati, *smjati, *bljati, *dejati, *dajati, *čajati, *trajati, *xajati, *majati).

II. Основы с и.-е. долгим слоговым сонантом в корне, представляющим собой в "классических" схемах и.-е. аблаута нулевую ступень "баз" двух типов: "тяжелой двуслоговой базы" и "базы с долгим дифтонгом" (СНС и СНС в ларингалистских интерпретациях, где С - консонант, Н - ларингал, а ̥ - любой сонант в слоговом варианте).

1. *būti³⁶ (< *bhū-ti-, ср. лит. būti, лтш. būt; др.-инд. bhūtīh 'бытие' и под.; об -ū-, появляющемся в этом корне в кельто-италийских языках, см. ВСЯ 5, с. 9-34; о краткостях в греч. см. сноску 34. Нулевая ступень "базы" *bheu-. Полную ступень того же корня см. в др.-инд. bhāvitum, bhavitṛ и под. - "корень set").

2. *pīti (< *pī-ti-, ср. др.-инд. pītī- f. 'питие', прич. pītā- и под.; нулевая ступень "базы с долгим дифтонгом" *pōi-, выступающей в отдельных и.-е. языках обычно в виде двух уже самостоятельных корней: *pō-, *pī-; -i- в полной ступени либо устранен, либо включен в основообразующий суффикс; *-ei- и *-ēi- как эвентуальные источники славянского -i- исключены реконструкцией корня и фактически не встречаются в сравниваемом материале).

3. *vīti (< *vī-ti-, по-видимому, нулевая ступень "базы" *veja-; в презенсе возможна как полная ступень с переходом *-ej- > *-ej-, так и нулевая: ср. отсутствие сопряженного глагола группы II B. Эта реконструкция поддерживается балтскими отношениями, где при двух основах презенса: лит. vejū ~ лит. диал. vijū, лтш. viju - наблюдается единая форма инфинитива: лит. vūti, лтш. vīt. Материал для реконструкции "базы" см. Pok., 1120-1122).

4. *žiti (< *g̥hī-ti-, нулевая ступень "базы" *g̥heja- (*g̥hī-) или морфонологический вариант корня *g̥hī- (*g̥hī-), генетически связанного с этой "базой"³⁷. По-видимому, форма тождественна ст.-лит. gūti 'жить' (Chyl. bibl.), древняя основа презенса, соответствующая славянской, сохранена в др.-лтш. dzīvu 'ich lebe' (Manzel, Post. I, 470). Совр. лит. gūti, лтш. dzīt связаны с презентной основой *gija- < *ginja- 'заживать'. Сочетания *-ei-, *-eja- и ēi(ə) как эвентуальные источники славянского -i- маловероятны как из-за отсутствия этих ступеней в балтийских соответствиях, так и ввиду того, что полная ступень в сравниваемом материале встречается почти исключительно в образованиях с "ингрессивным" значением, ср. авест. ji-yaēša 'du sollst leben', греч. βέσονται 'ich werde leben', лит. диал. gėivėties 'приходить в чувство', лтш. dziēdēt 'лечить').

³⁶ Включенные в наш анализ глаголы *dāti и *būti в формах, образуемых от инфинитивной основы, акцентуются по подвижному типу. Связь этих форм с презентными основами *dad-ть и *bod-φ следует рассматривать, по-видимому, как результат позднейшего супплетивизма.

³⁷ Характер этой связи остается не вполне ясным.

III. Основы с и.-е. долгим дифтонгом

1. *līti (< *lēj-ti-, инф. полной ступени к нулевой ступени основы презенса lēj-еть, парный глагол с обратным распределением ступеней образует формы: инф. lēj-ati ~ през. lēj-еть, с пояснением долготного характера дифтонга -ēi-; ср. лит. līeti, лтш. liēt, в ст.-лит. долгий -ē- еще сохранялся не только в претерите (диал. lējo), но и в презенсе 1 л. lēju (Universitas Linguarum Litvaniae 1737 г.). Др.-инд. форма vi-līnāti 'растворяется, расходится' (Рок., 664), на которой основана реконструкция *leja- 'лечь', по-видимому, не существовала: указанное значение отмечается у основы vi-līyate; зафиксированная в грамматических сочинениях основа lināti 'sich Etwas anheften' связывается с корнем *leja- 'прилипать', см. Рок., 662 и след., sub.v. lei-, ср. ВСЯ 5, с. 11).

2. *kūti (< *kāu-ti-, полная ступень в инфинитиве при нулевой ступени в презенсе: *kov-еть < *kāu-eti-, с чем согласуется распределение ступеней в парном глаголе: *kāu-ā-ti- ~ *kāu-j-eti-. Последнему сочетанию основ соответствует балт. praes. *kāuja- ~ praet. *kavā-, при нахождении в балтийском, по-видимому, также древнего praet. *kāvē-. Огласовка этого претерита, по-видимому, первоначально и соответствует огласовке аориста и, соответственно, инфинитива глагола группы IIA в славянском. Балтийский инфинитив: лит. kauti, лтш. kaūt- в этом случае восходит к *kāu-ti-. Такая реконструкция корня *kāu- согласуется с данными других и.-е. языков: лат. caud-ex < *kāud- или < *kāud-; герм. *hāu- < *kāu-ō-, т.е. в просодических условиях, соответствующих балто-славянской подвижности акцента, ср. ВСЯ 5, с. 24-29).

3. *rjūti (< *rēj-ti-, полная ступень в инфинитиве при нулевой ступени в презенсе *rov-еть < *rēj-eti-. Реконструкция корня *rēj- согласуется с показаниями других и.-е. языков, ср. др.-инд. rāuti, ruvāti, греч. ῥαυα, ῥαυή, ῥαυός, лат. rāvus 'хриплый' < *rādos, rūmor. Корень, вероятно, представляет собой расширение и.-е. "базы" *rē-/ *rē(i)-, см. Рок., 859).

4. *snūti (< *snēu-ti-, полная ступень в инфинитиве при нулевой ступени в презенсе *snov-еть < *snēu-eti-, с чем согласуется обратное распределение ступеней в парном глаголе: *snēu-ā-ti- ~ *snēu-j-eti-. Реконструкция корня *snēu- согласуется с показаниями других и.-е. языков, ср. др.-инд. snāvan- n. 'сухожилие, тетива', авест. snāvarə 'сухожилие, тетива' и под., нулевая ступень в др.-исл. snūla при полной o-ступени в др.-исл. snøgg < герм. *snaucu- < *snōu-ū-, т.е. в просодических условиях, соответствующих балто-славянской подвижности акцента, ср. ВСЯ 5, с. 24-29; в герм. *sneuan сокращение *ē в тех же условиях с последующим упрощением долгого -ū-. Корень, вероятно, представляет собой расширение и.-е. "базы" *(s)nē-, см. Рок., 973).

5. *trūti (< *trōu-ti-, полная ступень в инфинитиве при нулевой ступени в презенсе *trovet- < *trōu-eti-, с чем согласуется обратное распределение ступеней в парном глаголе: *trōu-ā-ti- ~ *trōu-j-eti-. Реконструкция корня *trōu- соответствует показаниям других и.-е. языков, ср. герм.

*trōu- ~ *trāu- в др.-англ. trōwigan, др.-в.-нем. drau-wen и под. Корень, вероятно, является одним из расширенных вариантов и.-е. "базы" terə-, нулевая ступень его, возможно, представлена в греч. τρώω и в слав. *trūti, который, однако, как и глагол *trūti, относился к неподвижному акцентному типу).

6. *žūti (< *zjuti < *gēj-ti-. Первоначальное распределение основ, возможно, *žūti ~ *zjietь и *žyāti ~ *zujetь. Явно архаичная слав. презентная основа *zije-ть, по-видимому, точно соответствует ср.-перс. jūy- (1 sg. BR' jūywm, 3 sg. BR' jūywt, 3 pl. jūywd, jūywd) и герм. *kjujja- (др.-исл. tuggia. В герм. сокращение слогаобразующего и удлинение замыкающего слог сонанта в просодических условиях, соответствующих балто-славянской подвижности ударения). Полная ступень этого корня, по-видимому, представлена в иранской презентной основе *jūāu- (нов.-перс. žāw-, татск. jōu-, бел. jāu-, курд. jū-, талышск. jū-, афг. žōw-), которую невозможно объяснить как итеративную (на -ауа-) из-за нов.-перс. -w- и баритонезы афганского презенса с этой основой. Данная основа согласуется с германской *k(i)euca- (др.-исл. tuggva, др.-в.-нем. kīlwan, др.-англ. seōwan), где сокращение *ē > ē за счет удлинения сонанта -ū- в просодических условиях, соответствующих балто-славянской подвижности ударения. Аналогичное сокращение наблюдается также в формах претерита и в производных (напр., в др.-в.-нем. koicwōn). Нулевая ступень корня в презентной тематической основе: слав. žьве-, хотанско-сакск. haŋjv-, по-видимому, вторична как в славянском, так и в иранском. Долгота дифтонга отразилась также в интонации слав. *žūna, балт. *žūna, долгота сонанта в нулевой ступени корня подтверждается ср.-перс. маних. прич. jūwd) ³⁸.

Таким образом, прослеживаются достаточно четкие позиции распределения конечного и предконечного акцента рассматриваемых форм подвижного акцентного типа (табл. 13).

Т а б л и ц а 13

Характер элемента, предшествующего окончанию	и.-е. краткие дифтонги	и.-е. сочетания с e	и.-е. долгие монофтонги и долгие сонанты	и.-е. долгие дифтонги
Место иктуса				
Иктус на окончании	-eu- -er- - -	-eua- -era- -epa- -ema-	- - - -	- - - -
Иктус на элементе, предшествующем окончанию	- - - -	- - - -	-ā- -ō- -ū- -ī-	-āu- -ōu- -ēu- -ēi-

³⁸ Пользуясь случаем выразить свою благодарность В.А.Лившицу за подробные консультации в области проблем, связанных с иранскими соответствиями этому корню.

Это распределение отсылает нас к п. 1.2 и 1.3 настоящей работы. Тот факт, что установленные позиции полностью идентичны позициям, в которых действовал и, соответственно, не действовал закон Хирта, и сама специфичность данных позиций, по-видимому, неизбежно заставляют признать, что в обоих случаях мы встречаемся с одним и тем же явлением, выразившимся в ретракции конечного акцента на предшествующий слог, если его слогообразующий отрезок был представлен долгим монофтонгом, долгим снантом или долгим дифтонгом.

Иными словами, на какой-то весьма ранней (в силу специфичности позиций) стадии мы должны предполагать процесс, внесший ряд существенных деформаций в до этого достаточно единообразный набор акцентных кривых подвижного акцентного типа (табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Формы	Состояние до действия закона Хирта	Состояние после действия закона Хирта
Инфинитив Супин	dati, dajati dāt, dājatъ	> dāti, dajāti dātъ, dājatъ
Аорист ед. 1 2,3 мн. 2 3	dasъ, dajasъ dātъ, dāja(тъ) dastē, dajastē dasē, dajasē и т.п.	> dāsъ, dajāсъ dātъ, dāja(тъ) > dāste, dajāste > dāsē, dajāсē и т.п.

П р и м е ч а н и е: ^ – начальное ударение словоформ, морфологически и фонологически безударных. Реконструкция условна.

4.4. Вполне определенная область рассматриваемой ретракции, которая проявляется как процесс, деформирующий акцентные кривые подвижной акцентной парадигмы, заменив в части их конечное ударение предконечным акутовым, позволяет увидеть результаты этого процесса в тех категориях, где однообразие слогового состава элементов, предшествующих окончанию, не дает возможности достаточно подробно описать его позиции.

а) Различие акцентных кривых а.п. с в -i- и -nq-глаголах.

В категории "инфинитив-супин" и в аористе этих групп глаголов реконструируются следующие различающиеся акцентные кривые в а.п. с (табл. 15).

Суф. -i- в инф. (и, соответственно, в аор.) -i-глаголов происходит из *i, ср. лит. ramyti 'успокаивать', лтш. ramīt 'хоронить' (каузатив от лит. rīmti, лтш. rīmt 'успокаиваться'); лит. ganyti, лтш. ganīt 'пастись скот'

Т а б л и ц а 15

Категории	Формы	-i-глаголы	-nq-глаголы
"Инфинитив-супин"	Инф. Суп.	avīti, gubīti āvitъ, gūbitъ	romenqti, minqti rōmenqтъ, mīnqтъ
Аорист	ед. 1	avīxъ, gubīxъ	romenqъ, minqъ
	2,3	āvi, gūbi	rōmenq, mīnq
	мн. 1	avīxomъ, gubīxomъ	romenqomъ, minqomъ
	2	avīste, gubīste	romenqstē, minqstē
	3	avīšē, gubīšē и т.п.	romenqšē, minqšē и т.п.

(итератив от лит. giñti, лтш. dzīt 'гнать'); лит. mainyti, лтш. maĩnīt 'менять' (деноминатив от имен типа лит. mainai, лтш. maĩna 'мена, обмен').

Суф. -nq- в рассматриваемом типе глаголов восходит к и.-е. суффиксу, восстанавливаемому обычно как *-neq³⁹, и согласно правилу Ф. де Соссюра, должен был бы получить на "балто-славянском" уровне циркумфлекс. Однако славянские данные свидетельствуют скорее об акутской интонации этого суффикса⁴⁰. С другой стороны, реконструкция *-neq-, основанная исключительно на его др.-инд. отражении -no-/-ni-, не учитывает ряда необъясненных моментов в его морфонологическом поведении. В древнеиндийском формы с этим

³⁹ Ср. страд. прич. прош. вр. от этих глаголов и соответствующие девербативы: ст.-слав. помановено, шминовено, въздріновень; доуновениемъ, мановениемъ, плинвениемъ.

⁴⁰ Характер интонации устанавливается по ее отражению в инфинитивах и аористах соответствующих глаголов а.п. б. Так как у глаголов с корнями на шумный эта а.п. отсутствует, приходится опираться на показания глаголов с корнями на шумный, в которых, однако, можно подозревать значительные перераспределения акцентных типов (ср. сноску 15), и на отражение акута в а.п. а в словенском. Следует отметить, что в инхоативах акутированность суф. -nq- не вызывает сомнения, но здесь не исключена возможность его происхождения из и.-е. суф. *-nā-, в этом случае акутовая интонация была бы нормальной. Каких-либо следов интонационного отличия суф. -nq- изучаемых глаголов от суф. -nq- инхоативов в славянских языках не обнаруживается. "Новый циркумфлекс" инфинитивов с суф. -nq- от глаголов а.п. а в кайкавских диалектах присущ в одинаковой степени как глаголам мгновенного вида, так и инхоативам, и проник в эту форму, по-видимому, из презентной основы. Такое интонационное единство, конечно, может объясняться и слиянием ранее интонационно различавшихся суффиксов, но может быть и изначальным.

суффиксом образуются как от корней, восходящих к и.-е. "легким базам" (1), так и от корней, восходящих к и.-е. "тяжелым базам" (2), а также от корней с и.-е. "долгими дифтонгами" (3):

- (1) 1. *āśnōti* 'получает' (< **ṛk̥-neu-ti*): **nek̥-*
2. *takṣnōti* 'тешет' (< **tēk̥p-neu-ti*): **teḱp-*
3. *śaknōti* 'может' (< **ḱek-neu-ti*): **kek-*
4. *saghnōti* 'постигает' (< **segh-neu-ti*): **segh-*
5. *āpnōti* 'достигает' (< **āp-neu-ti*): **āp-*
6. *dāśnōti* 'жертвует' (< **dēk̥-neu-ti*): **dēk̥-*
7. *ṛdhnōti* 'растет' (< **ṛdh-neu-ti*): **aldh-*
8. *tṛpnōti* 'насыщается' (< **tṛp-neu-ti*): **terp-*
9. *kṣanōti* 'ранит' (< **ḱṣṇ-neu-ti*): **kṣen-*
10. *tanōti* 'вытягивает' (< **tṇ-neu-ti*): **ten-*
11. *manōti* 'думает' (< **mṇ-neu-ti*): **men-*
12. *cinōti* 'нагромождает' (< **k̥i-neu-ti*): **k̥i-*
13. *minōti* 'строит' (< **mī-neu-ti*): **mei-*
14. *kṛnōti* 'елаает' (< **k̥r̥-neu-ti*): **k̥er-*
15. *spṛnōti* 'освобождает' (< **spṛ-neu-ti*): **sper-*
- (2) 1. *pruṣnōti* 'брызжет' (< **prus-neu-ti*): **preuṣ-*
2. *dhṛṣnōti* 'дерзает' (< **dhṛs-neu-ti*): **dhers-*
3. *sanōti* 'добивается' (< **sn̥-neu-ti*): **sen-*
4. *vanōti* 'побеждает' (< **uṇ-neu-ti*): **uen-*
5. *jirōti* 'оживляет' (< **g̊i-neu-ti*): **g̊i-*
6. *pinōti* 'жиреет' (< **pī-neu-ti*): **pej-*
7. *unōti* 'требует' (< **ũ-neu-ti*): **au-*
8. *dhunōti* (*dhūnōti*) 'трясет' (< **dhũ-neu-ti*): **dheu-*
9. *sunōti* 'выжимает сок' (< **sũ-neu-ti*): **seu-*
10. *stṛnōti* 'распростирает, побеждает' (< **stṛ-neu-ti*): **ster-*
- (3) 1. *dhinōti* 'кормит' (< **dhī-neu-ti*): **dhej-*
2. *dunōti* 'жжет' (< **dũ-neu-ti*): **dēu-*

При этом корни, восходящие к и.-е. "тяжелым базам" (2), в данных образованиях дают рефлекс, тождественный рефлексам "легких баз" (1), т.е. теряют рефлекс *ə*. Иными словами, они ведут себя точно так же, как корни "set" в глаголах IX класса. Следуя классической процедуре Ф. де Соссюра⁴¹, нужно было бы предположить, что формант *-neu-/ *-nu- (так же, как и формант *-ne-/ *-n-) при "тяжелых базам" инфиксировался между основной частью корня и -ə-. Но в этом случае мы должны были бы ожидать в V классе два типа образований: 1) *minoti* ~ *minute* (< **mī-neu-ti* ~ **mī-nu-tai*); 2) **pinaviti* ~ **pinūte* (< **pī-neu-ə-ti* ~ **pī-nu-ə-tai*), чего, однако, не обнаруживается: тип 2 в древнеиндийском отсутствует. Последнее может быть объяснено двояким образом: либо тип 2 был устранен в результате процесса унификации формы суффикса, либо предшествующая ему ситуация, представленная в скобках, не перешла в древнеиндийском в тип 2 в силу определенных просодических условий или в силу особого качества *ə* в корнях этой группы. Во всяком случае, в пользу того, что ситуация **pī-neu-ə-ti* ~ **pī-nu-ə-tai* существовала, можно, по-видимому, привести два круга фактов: а) регулярная долгота нулевой ступени суф. *-neу- в авестийском: *kərənūiši*, *kərənūši*,

vərənūiši; *hunūta*⁴², -согласующаяся с долготным рефлексом нулевой ступени разобранного выше корня **k̥leu-*; б) формы 3 pl. praes. med. на -ire в древнеиндийском: *invire*, *ṛnvire*, *pinvire*, *śṛnviré*, *sunviré*, *hinviré*, где *i* в последовательности -nvi- не находит иного объяснения, чем при помощи постулирования перехода *-nu-(-rai) > -nvi(-re)⁴³, ср. окончание -re в корнях "anī" II класса: *duhré*, *vidré*.

Примечание. Разобранная ситуация осложнена еще тем обстоятельством, что в ряде случаев "тяжелым базам", от которых образуются презенсы V класса, соответствуют дублетные корни, оканчивающиеся на -и⁴⁴.

1. **sen-*, **sṇ-* (др.-инд. *sānitṛ*, греч. аор. *ῥνεσθαι*; др.-инд. t-part. *sātā-*) ~ **senu-* (др.-инд. *sānutṛ*).

2. **uen-*, **uṇ-* (др.-инд. *vanitṛ*, t-part. *-vātā-*) ~ **uenu-* (др.-инд. 3 pl. conj. aor. *vanuṣanta*, герм. **vinnan*: got. *winnan*, др.-исл. *vinna*, др.-сакс. *winnan*, где -nn- < -ny-).

3. **ster-*, **stṛ-* (др.-инд. *stārīman*, греч. аор. *στειρόμεν*, греч. стрѣма, лат. *strāmen*: греч. verbaladj. *στρωτός*) ~ **streu-* (лат. *struo*, герм. caus. **straujan*: got. *straujan*, др.-в.-нем. *strawjan*, др.-англ. *strēowian* и под.).

4. **k̥i-* (?), **ki-* (алб. *qoj* < **k̥i-niō*, греч. гомер. *κεκλήθε*, Hes. *κλῆτο*) ~ **k̥i-* (др.-инд. *cyāvate*, авест. *šavaite*, греч. *σέωω*, *σέει*; но ср. соотношение количеств в др.-инд. *cyutā-* и авест. *fra-šūta-*).

- А также некоторые другие, более спорные сопоставления. Имеются два направления в поисках объяснения этого явления: 1) рассматривать эти корни как морфологические дублеты, что крайне ненадежно, так как суффиксальный характер -ə и -и ничем не подтверждается; 2) попытаться так изменить реконструкцию корня, чтобы объяснить эти дублеты, исходя из единой реконструкции. Однако попытка такого решения на ларингалистской основе путем реконструкции огубленного ларингала (H^W) не представляется удачной, так как не устраняет трудностей, связанных с двоякой рефлексацией финалей этих корней⁴⁵. В большей степени соответствует поставленной задаче реконструкция в подобных слу-

⁴² Отличие авестийского количества подобных форм от древнеиндийского обычно объясняется ссылкой на нерегулярность авестийской орфографии, что в данном случае сомнительно как ввиду именно регулярного отражения долготы *ū* в этих формах в авестийском, так и ввиду рефлексов этой долготы *ī* средне- и новоперсидском, ср. ср.-перс. *āšnūtan*, ново-перс. *šunūden* 'слышать'.

⁴³ Аналогичное объяснение формы *śṛnviṣe* см. выше, с. 117.

⁴⁴ Подробное рассмотрение проблемы в ее отношении к формам *n*-презенса и аориста, см. в книге: *Strunk K. Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen. Heidelberg, 1967.*

⁴⁵ Ср. например: *Cowgill W.C. Evidence for laryngeals in Greek. - In: Evidence for laryngeals. Austin, 1960, p. 110-117.*

⁴¹ См.: *де Соссюр Ф. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. - В кн.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 518-521.*

чаях Г.Хиртом долгого дифтонга второго слога⁴⁶, но в данных корнях в позициях полной ступени появляется именно краткий дифтонг. Представляется, что оптимальным решением была бы реконструкция у таких корней финали -иэ, которая, по-видимому, не встречает принципиальных затруднений в объяснении ее рефлексации и в то же время позволяет объединить, в соответствии с процедурой Ф.де Соссюра, IX и V классы как возникшие подобно VII классу путем инфиксации форманта -не-/ -н- между основной частью корня и его финалью.

Таким образом, если изложенные соображения верны, на "балто-славянском" уровне можно исходить из реконструкции для пр-глаголов описываемой группы суф. *-нецэ-, хотя не исключена возможность вторичного распространения акцентной интонации в данном форманте. Во всяком случае, любая из двух возможных реконструкций этого суффикса согласуется с конечным местом иктуса в соответствующих формах пр-глаголов а.п. с, тогда как в этих же формах i-глаголов а.п. с мы наблюдаем закономерную оттяжку ударения на и.-е. долгий слоговой сонант -ī-. Отсутствие подобной оттяжки в презенсе -i-глаголов и циркумфлекс основообразующего форманта, устанавливаемый там по характеру рефлексации а.п. а и а.п. б, являются дополнительным аргументом в пользу происхождения презентной формы данного форманта в результате относительно поздней синкопы второго гласного в и.-е. последовательности *-eje-.

б) Различие акцентных кривых а.п. с в именах и местоимениях. Распределение форм с устойчивым ударением в а.п. с именных основ (см. табл. 16).

Т а б л и ц а 16

Тип ударения	Предконечное	Конечное			
		-ā-осн.	-o-осн.	-u-осн.	-i-осн.
Тип основы					
Формы					
instr. pl.	golvāmi	-	synymī	zvērmyī	
loc. pl.	golvāx	vornēx	synyx	zvērux	
instr.-dat. du.	golvāma	(vornoma?)	synma	zvērma	
dat. pl.	golvām	(vornom?)	-	-	

Объяснение этого распределения аналогическим воздействием ā-основ а.п. б⁴⁷, возможное в данном частном случае, отпадает при более обширной выборке фактов. Так, вряд ли можно объяснить какой-либо аналогией различие акцентных

кривых в следующих замкнутых группах форм дв. числа а.п. с⁴⁸ (табл. 17):

Т а б л и ц а 17

Формы	Группа 1		Группа 2	
nom.-acc.	*ōči	*ūši	*ōba, *ōbē	*dvā, *dvē
gen.-loc.	*očyjū	*ušyjū	*obojū	*dvojū
dat.-instr.	*očiama	*ušiama	*obēma	*dvēma

П р и м е ч а н и е. -i- в *očiama, *ušiama из и.-е. *ī, окончания nom.-acc. du. i-основ, ср. др.-инд. pātī, akṣī, ē в *obēma, *dvēma из и.-е. *oi- (ср. *ob-oj-ū, *dv-oj-ū) или из и.-е. *oīa-, если интонация в лит. dat. du. abīem, dvīem первоначально.

Совершенно исключено объяснение аналогическим выравниванием различия между акцентными кривыми а.п. с местоимений⁴⁹ (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

Формы	Личные местоимения		Указательные местоимения	
pl. nom.	*mŷ	*vŷ	*tī, *tē	-
gen.	*nās	*vās	*tēx	(*jix)
dat.	*nām	*vām	*tēm	-
acc.	*nŷ	*vŷ	*tī, *tē	-
instr.	*nāmi	*vāmi	*tēmī	*jimi
loc.	*nās	*vās	*tēx	(*jix)
du. gen.-loc.	*nāju	*vāju	-	-
dat.-instr.	*nāma	*vāma	-	*jima

П р и м е ч а н и е. -a- в формах личных местоимений из и.-е. *ō, ср. лат. nōbis, vōbis, -ē- и -i- в указательных местоимениях из и.-е. *oi- (ср. др.-инд. tēṣu, греч. гомер. τοῖσι) или из и.-е. *oīa-, если интонация в лит. tīems, jīems и под. первоначально.

В то же время сопоставление условий, в которых проявляются эти различия, с установленными выше условиями деформации и сохранения акцентных кривых глагола показывает их тождество (табл. 19).

⁴⁶ См.: Hirt H. Indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Strassburg, 1900, S.108-113. Ср. также: Hirt H. Indogermanische Grammatik, Teil II. Der indogermanische Vokalismus. Heidelberg, 1921, S. 106, 212-218.

⁴⁷ См.: Stanq, 62-63.

⁴⁸ Реконструируется на основании древнерусских, сербско-хорватских и словенских данных.

⁴⁹ Реконструируется на основании древнерусских, среднеболгарских, сербско-хорватских (включая древние тексты) и словенских данных. В скобки заключены формы, реконструкция акцентировки которых менее надежна.

Тип ударения	Морфологическая характеристика элемента, предшествующего окончанию	Слоговой состав элемента, предшествующего окончанию в глаголе	Слоговой состав элемента, предшествующего окончанию в имени
предконечное акутовое	суффикс	- - ā - - - - ī	- ā - - - ī
	корень	- ō - - ēi - - ī ēu ōu āu ū	ō - - - - - - - -
конечное	суффикс	- - - - - - - - eu (ə) - - -	o - - oi (ə) - i - - u
	корень	eu er - - eua era ena ena	o - - oi (ə) - -

4.5. Таким образом, подробный разбор условий, при которых в а.п. с появляется предконечное акутовое ударение или сохраняется конечное ударение, приводит к выводу, что акцентные кривые а.п. с, в которых наблюдается устойчивое акутовое ударение на элементе, предшествующем окончанию, являются закономерной модификацией ее "нормальных" кривых, возникшей в результате действия закона Хирта.

Следовательно, в категориях глагола, вопрос о которых был поставлен в п. 4.3, механизм порождения акцентных типов аналогичен механизму порождения акцентных типов у дери́ватов с суффиксами I класса.

Более того, выпадающими из реконструированной системы и требующими объяснения оказываются не эти категории, а причастия типа *vīlŭ, *vītŭ, которые не обнаруживают форм с акутовым ударением на корне и тем отклоняются от нормальной рефлексии по закону Хирта. При оценке этого отклонения следует иметь в виду как возможность существования неучтенных просодических факторов, так и специфику морфологических парадигм данных форм. Все акцентные кривые со следами действия закона Хирта имеют акутовое ударение либо на корне, либо на суффиксе. В ряде именных парадигм при соответствующей структуре корня этот процесс строго фонетически должен был вызывать два рода словоформ с акутовым ударением: 1) на корне и 2) на суффиксе (долготном "тематическом" гласном основы). Такая "перегруженная" деформациями акцентная кривая при морфонологизации естественно должна была испытывать тенденцию к устранению в пользу более простых форм. В непроемких именах

она заменялась неподвижной а.п.⁵⁰, в глаголе же, где действовало правило выбора акцентных типов, такая замена затруднялась "давлением" всей акцентной системы глагола, поэтому "перегруженная" деформациями акцентная кривая причастий была заменена обычной акцентной кривой а.п. с с акутовыми ударениями на "теме" в ряде падежных форм женского рода.

4.6. Выяснив, что иктус в формах с устойчивым ударением в подвижном акцентном типе соотношен с иными морфемами, чем в неподвижном, и его распределение обусловлено иными закономерностями, нежели те, которые регулируют отношения между а.п. а и а.п. б, мы можем возвратиться к неподвижному акцентному типу глаголов с корнями на нешумные, чтобы более подробно рассмотреть одну деталь, отсутствующую в именных а.п. Это чередования а.п. а и а.п. б. По таблице порождения акцентных типов категорий глагола можно судить о наличии таких чередований, но в ней представлены лишь типовые формы. Чтобы выяснить позиции этих чередований, следует проанализировать материал на уровне реконструкций отдельных словоформ⁵¹.

При переходе от презенса к другим глагольным категориям наблюдаются два типа чередований: 1) а.п. а ⇒ а.п. б и 2) а.п. б ⇒ а.п. а, -которые соотношены с глагольными группами и распределены следующим образом:

Тип. 1 (а.п. а ⇒ а.п. б)

Группа IIA

Т а б л и ц а 20

	А.п. а	А.п. б
1	bījetŭ, bīti, bīxŭ, bīlŭ, bīvŭ	bŭjēnŭ
2	šījetŭ, šīti, šīxŭ, šīlŭ, šīvŭ	šŭvēnŭ
3	krŭjetŭ, krŭti, krŭxŭ, krŭlŭ, krŭvŭ	krŭvēnŭ
4	mŭjetŭ, mŭti, mŭxŭ, mŭlŭ, mŭvŭ	mŭvēnŭ
5	rŭjetŭ, rŭti, rŭxŭ, rŭlŭ, rŭvŭ	rŭvēnŭ (?)
6	ūjetŭ, ūti, ūxŭ, ūlŭ, ūvŭ	uŭvēnŭ < *ovēnŭ

Чередование отсутствовало у глаголов этой же группы, но с иным способом образования страдательного причастия прошедшего времени:

1. *znājetŭ, *znāti, *znāxŭ, *znālŭ, *znāvŭ, *znānŭ;
2. *grējetŭ, *grēti, *grēxŭ, *grēlŭ, *grēvŭ *grētŭ и

⁵⁰ По-видимому, материал по закону Хирта, представленный в книге В.М. Иллич-Свитыча, также дает основания для подобного истолкования, ср. примеч. на с. 7-8.

⁵¹ Для компактности из каждой глагольной категории берется только одна словоформа, так как остальные словоформы данной категории сохраняют ту же акцентовку. Исключением является презенс и презентные причастия (представленные формой 3 sg. praes.), где в а.п. б просодическое качество слога, следующего за корнем, в словоформах менялось.

под., а также, по-видимому, у глагола *čŭti, *čŭjetь, *čŭti, *čŭхъ, *čŭlь, *čŭvь, *čŭjenъ⁵²

Группа IIB

Т а б л и ц а 21

	А. п. а	А. п. б
1	sŭjetь	sovăti, sovăхъ, sovăль, sovăvь, sovănъ
2	pljŭjetь	pljŭvăti, pljŭvăхъ, pljŭvăль, pljŭvăvь, pljŭvănъ
3	zějetь	zъjăti, zъjăхъ, zъjăль, zъjăvь, zъjănъ
4	brějetь	brъjăti, brъjăхъ, brъjăль, brъjăvь, brъjănъ*
5	sějjetь (?)	sbjăti, sbjăхъ, sbjăль, sbjăvь, sbjănъ**
6	rějjetь	(?)rъjăti, rъjăхъ, rъjăль, rъjăvь, rъjănъ***

* Ср. схрв. brŭjem, brŭjati.

** Ср. словен. sijem, sijati, 'сиять'.

*** Ср. русск. рѣю ~ adj. рѣянъ < part. *rъjānъ.

Чередование акцентных парадигм отсутствовало у следующих глаголов группы IIB:

1. sějjetь, sějati, sějахъ, sějаль, sějавь, sějānъ;
 2. vějjetь, vějati, vějахъ, vějаль, vějавь, vějānъ;
 3. grějjetь, grějati, grějахъ, grějаль, grějавь, grějānъ;
 4. spějjetь, spějati, spějахъ, spějаль, spějавь, spějānъ;
 5. kăjetь, kăjati, kăjахъ, kăjаль, kăjавь, kăjānъ;
 6. băjetь, băjati, băjахъ, băjаль, băjавь, băjānъ;
 7. lăjetь, lăjati, lăjахъ, lăjаль, lăjавь, lăjānъ;
 8. tăjetь, tăjati, tăjахъ, tăjаль, tăjавь, tăjānъ;
 9. rějjetь, rějati, rějахъ, rějаль, rějавь, rějānъ;
- (Последний глагол, возможно, существовал в этом виде уже в праславянском как замена более раннего *rějjetь ~ *rъjăti).

Очевидно, что чередование а.п. а и б в этих группах глаголов связано с чередованием слогового состава корня. А.п. б появляется в том и только в том случае, когда вместо долгого (первичного долгого монофтонга, аналогично - долгого сонанта или дифтонга) в корне возникает сочета-

ние короткого гласного и неслогового сонанта⁵³. Иначе говоря, распределение иктуса в данных группах глаголов отражает такую синхронную ситуацию в просодической системе, при которой изменение в ударном слоге количества или какого-то иного просодического фактора, с ним связанного, механически меняло место иктуса, а именно, замена в ударном слоге долгого акутированного монофтонга или дифтонга кратким гласным механически приводила к передвижению иктуса на следующий слог. При этом характер гласного следующего слога для перемещения иктуса не имел существенного значения⁵⁴. Иктус в соответствующих примерах реконструируется на кратком гласном -е-, на долгом сокращающемся (акутированном) -а- и на долгом несокращающемся ("балто-славянский" циркумфлекс) -а-.

Характер просодических факторов, с которыми связан этот механизм, может быть в определенной степени уточнен при обращении ко второму типу чередования а.п. в глаголах неподвижного акцентного типа.

Тип 2 (а.п. б ⇒ а.п. а)

Группа IA

Т а б л и ц а 22

	А. п. б	А. п. а
1	tъr(j)ětь	tъrхъ tъrlь tъrti
2	žъr(j)ětь	žъrхъ žъrlь žъrti
3	borjětь	bôrхъ bôrль bôrti
4	porjětь	pôrхъ pôrlь pôrti
5	meljětь	mělхъ mēllь mēlti
6	koljětь	kôlхъ kôllь kôlti
7	(1) poljětь	pôlхъ pôllь pôlti
8	(2) poljětь	pôlхъ pôllь pôlti
9	dъmětь	dъмь dômь dôti
10	žъnjětь	žĕть žĕсь žĕль žĕti
11	mъnětь	mĕть mĕсь mĕль mĕti

У некоторых глаголов этой группы а.п. б не переходит в а.п. а, в формах же, в которых ожидалась бы а.п. а на уровне, достижимом непосредственным сравнением, обнаруживается а.п. с:

⁵³ Причастие *-uvěnъ было бы единственным исключением из этого правила, но оно явно перестроено из *-ověnъ. Предположение, что в этом случае сохраняются следы "балто-славянского" циркумфлекса корня, ненадежно именно из-за отчетливо вторичного вида корня в этой форме.

⁵⁴ Определенная условность этого утверждения связана с тем, что мы принимаем реконструкцию Хр. Станга, по которой любой корневой новый акут а.п. б является результатом ретракции ударения со следующего слога, хотя ее условия не вполне ясны и далеко не все позиции соответствуют закону Хр. Станга. Легко заметить, что принятие любой другой возможной реконструкции не изменит сути дела, хотя и может несколько усложнить аргументацию.

⁵² Для реконструкции акцентировки страд. прич. у этой группы глаголов ср.: 1) др.-русс. не познано (ном. sg. п., Чуд. Нов. Зав. 33⁴), познано (ном. pl. м., там же, 123²), познано (Хрон., 42; Уч. и хитр., 10d) и др. ~ кайк-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) ne znān (ном. sg. м., Пол., 145), не znān (Гр., 136¹), znāna (ном. sg. ф., Пол., 158), не znāna (ном. sg. ф., там же, 79), poznāni (ном. pl. м., там же, 57, 66, 110) и др.; 2) русск. согрѣт, ф. согрѣта, п. согрѣто и под.; 3) кайк-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) чѣjen (Гр., 62¹, 90¹), deverbat. чѣjenje (там же, 90¹), при соответствующей акцентировке других форм этого глагола: чѣjem, чѣти, чѣх, чѣл, чѣни (там же, 90¹).

1. jъmětъ, jъmb ~ jětъ (f. jětá), jēsъ (2-3 sg. jětъ), jělъ (f. jělá), jėti (sup. jětъ);
2. -čъnětъ, -čъnb ~ -čětъ (f. -čětá), -čēsъ (2-3 sg. -čětъ), -čělъ (f. -čělá), -čėti (sup. -čětъ);
3. žъmětъ, žъmb ~ žětъ (f. žětá), žēsъ (2-3 sg. žětъ), žělъ (f. žělá), žėti (sup. žětъ).

Возможно, однако, что реконструкция а.п. с в данном случае является сравнительно-исторической "абerrацией". Так как одним из вариантов неподвижного акцентного типа регулярно выступает а.п. b, то и здесь мы вправе предполагать первичную а.п. b, которая лишь в отдельных славянских языках, дав рефлексы, неотличимые от рефлексов а.п. c, заменилась последней⁵⁵.

Как и первый тип чередования, чередование а.п. b ⇒ а.п. a связано с изменением слогового состава корня. А.п. a появляется только в том случае, когда вместо сочетания гласного и неслогового сонанта в корне возникает долгий носовой гласный или дифтонгическое сочетание гласного с сонантом. Таким образом, ситуация в группе IA аналогична рассмотренной выше. Противоположные направления чередования а.п. лишь отражают противоположные направления преобразования слогового состава корня при словоизменении (долгий слог ⇒ краткий слог в группах IIA и IIB; краткий слог ⇒ долгий слог в группе IA).

Теперь, рассмотрев чередование в группе IA на "балто-славянском" фоне, мы сможем выяснить и причину указанно-

⁵⁵ Этот процесс был, по-видимому, довольно ранним и практически повсеместным. Так, в аористе подвижный акцентный тип у этих глаголов в штокавском фиксируется с начала XV в. (т.е. когда распределение а.п. в презенсе в этом диалекте в основном сохранялось), а в кайкавском - в тексте XVI в. (Petr.). Показательные для акцентной супины восточноштирийские и беднянские данные тоже свидетельствуют об а.п. c. Подвижный акц. тип у t- и l-причастий этих глаголов отмечается с самых ранних памятников. Однако в ряде случаев встречаются и варианты, которые могут быть истолкованы как реликты а.п. b: др.-русс. взѣта (асс./ген.сг.м., Чуд. Нов. Зав., 17²), ѡта (асс./ген.сг.м., ib., 76¹); особенно последовательно такое ударение в кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич): ном. сг. м. - Зајѣт (Гр., 90²), Јзнѣт (Там же, 90²), Јзјѣт (Там же, 91¹), Најѣт (Там же, 91¹), Отнѣт (Там же, 91¹), Појѣт (Там же, 91¹); ном.сг. п. - взјѣт (Вып. I, 27), wziató (Пол., 186); поднѣт (Вып. I, 28); wozprijató (Пол., 13); ном. пл. м. - пајѣт (Пол., 213), izniatí (Пол., 204) и др. Этому варианту t-причастия, возможно, соответствует и особая акцентовка l-причастия: прјѣли (Вып. I, 46); роцѣл (Вып. I, 10¹⁰, 10¹³), почјѣли (Вып. I, 57), -которую можно рассматривать как результат выравнивания из окситонированного типа, что параллельно выравниванию подвижного типа l-причастия в диалекте Ю. Крижанича. Ср. также переход в баритонированный тип t- и l-причастий от глагола *žъmětъ в русском, что, возможно, непосредственно из а.п. b под влиянием акцентной соответствующих форм от глагола žъnjětъ.

го выше исключения. В тех случаях, когда в славянском наблюдается чередование а.п. b ⇒ а.п. a, на "балто-славянском" уровне в формах, в которых корень образует слог с дифтонгическим сочетанием, это сочетание имело акутовую интонацию; в тех же случаях, когда в славянском такого чередования нет, в дифтонгическом сочетании был циркумфлекс.

I. Акут

1. *tǃrti (< *trǃ-ti-: греч. τέρε-τρον, verbaladj. τρε-τός и под., лат. tere-bra, ср. лит. tirti, tirti).
2. *žǃrti (< *gǃrǃ-ti-: др.-инд. gr̥nāti, gūrtāḥ adj. 'приятный', полная ступень в jaritār-; лат. grātus; ср. лит. girti, лтш. dziŕt, см. ВСЯ 5, с. 19 и 31).
3. *bǃrti (< *bharǃ-ti-: и.-е. *ǃ в греч. aor. Hes. φάρσαι σὺβσασι от *φάρω 'раскалываю, дроблю' и в производном φάρος n. 'пахота' и в герм. *barjan: др.-исл. beria, praet. barpa, др.-в.-нем. berjan и т.п. - с переходом в спряжение на -i-. Двуслоговая "тяжелая база", по-видимому, подтверждается др.-инд. (Dhātup.) bhr̥nāti 'грозит, бранит' < *bhr̥-ne-ǃ-ti. Ср. лит. bǃrti, лтш. bǃrt).
4. *pǃrti (< *porǃ-ti-, вероятно, к ряду: греч. *πάρω 'уделять', 3 sg. pass. perf. πέπρωται 'суждено', τὸ πεπρωμένον и ἡ πεπρωμένη 'судьба, участь', лат. pars, gen. partis 'часть' < pǃ-t-, др.-инд. pūrti- f. 'вознаграждение, оплата', др.-ирл. ern(a)id 'предоставляет', fut. *ebrand < *pi-prǃ-s-e-ti, с "второй основой". Сюда же хетт. par-š- 'разбивать, разделять', со значением, близким к первоначальному. Ненадежно из-за контаминации с другими корнями на *per-, ср. Рок., 816-817).
5. *mǃlti (< *melǃ-ti-: др.-инд. mṛnāti 'размалывает', part. mūrṇā-; кельт. *blāto- 'мука': ср.-валл. blawt, др.-корн. blot, брет. bleud < *mǃl-to- < *mǃl-to- = лит. miltai pl. 'мука'; о рефлексах долгих слоговых сонантов в просодических условиях, соответствующих балто-славянской баритонезе, в кельто-италийских языках см. ВСЯ 5, с. 9-34. Ср. лит. mǃlti, лтш. mǃlt).
6. *kǃlti (< *kolǃ-ti-, ср. греч. κολάπτω 'клюю, высекаю, долблю, обтесываю', который рассматривается как результат перестройки под влиянием глаголов типа σκάπτω, δαρβάπτω, κλάτω и под., двуслогового корневого глагола, < и.-е. *kolǃ-, см. Frisk I, 896-897, или же как отмененный глагол от κλάφος m. 'удар кулаком, пощечина' < *kolǃ-bho-, возводимого к тому же виду корня, Рок., 545. Нулевая ступень II основы усматривается в греч. κλάω < и.-е. *klǃ-, образование с неясной морфонологической и морфологической историей, см. Frisk I, 866-867 и приведенную там литературу. Полная ступень II основы в греч. дор. κλάρος m. 'жребий' < 'кусочек дерева в качестве жребия', др.-ирл. clár (gl. tabula), др.-валл. claur 'доска, дощечка', брет. kleur 'оглобля повозки'. Эта же основа в расширенном корне *klād-: лат. clādēs f. pl. 'увечье, бедствие, поражение', кельт. *klādo-: валл. clawdd, корн. claud 'ров', брет. kleuz 'ров, изгородь', слав. *klādivo 'молот' и под. Ср. лит. kǃlti, лтш. kǃlt и тот же корень в нулевой ступени лит. kǃlti, лтш. kuĭt).

7. *pōlti (1) 'махать, трясти, отвеивать'⁵⁶ (< *palā-ti- или *polā-ti-: греч. πάλω 'размахивать', мед. 'трястись, биться (о сердце), дрожать'. По-видимому, семантически и формально = слав.; греч. α < и.-е. "остаточного" *a. Указание на двуслоговой корень (= "тяжелая база"), возможно, в гомеровских формах πεπλάσθαι 1331, πεπλάσθαι H 171 'бросать (букв. 'встряивать') жребий' (удвой-тельный нетематический медиальный аорист? Ср. Frisk II, 469; Chantraine, Grammaire homérique, 1. Paris, 1948, p. 396). Так как сюда же относится, по-видимому, лат. pellō 'бить, толкать, сотрясать, колебать, гнать', указание на "тяжелую базу" дают и связанные с последним кельтские формы, где II основа в др.-ирл. fut. k agid 'гонит': eblaid (< *pi-plāseti). Акут показывает и относимое к этому же корню слав. *pōlх subst., adj. Ср. Фасмер III, 307: sub v. *полатъ*, Рок., 801: sub G и sub 2a).

8. *pōlti (2) 'гореть'⁵⁷ (< *polā-ti- или *palā-ti-, с "остаточным" и.-е. α. Тяжелая база" подтверждается II основой в германских: др.-исл. flōr (< герм. *flō-wa-) 'теплый', нидерл. flouw, нов.-в.-нем. flau 'слабый, вялый' (< *plē-wo-). Акут показывает и слав. образование от этого корня *pōlme).

9. *dōti (< *dhm̥ti- < *dhm̥a-ti-: др.-инд. dhāmati, part. dhamitā- и dhātā-, pass. dhāyāte. Две основы, отраженные в др.-инд., свидетельствуют об и.-е. двуслоговой "тяжелой базе". Ср. лит. dūmti).

10. *žeti (< *gʰh̥ti- < *gʰh̥a-ti-; наличие в индоиранском II основы с долгим гласным является, по-видимому, достаточно веским основанием для принятия и.-е. "тяжелой базы", ср. др.-инд. ā-ghnānā- 'schlagend', авест. ava-ynāna- 'Töter', ср. также (go-)ghātā- m. '(Kuh-)Töter', ghātuka- 'tötend', значение и форма которых препятствуют предположению об их вторичности. Менее надежен inf. hanitum. Ср. лит. gīnti (gīna) 'защищать, оборонять; запрещать'. Неясно отношение к "односложному" варианту: лит. gīnti (gēna) 'гнать', слав. *gynāti, др.-инд. hānti 'бить, убивать', греч. φάτω, verbaladj. φάτος 'бить, ударять, ковать, убивать'.

11. *mēti (< *m̥ti- < *m̥a-ti-. Сближения, позволяющие судить о характере и.-е. базы, за пределами "балто-славянского" отсутствуют, см. Рок., 726. Ср. лит. mīnti, лтш. mīt).

⁵⁶ Пропускаемая обычно этимологическими словарями общеславянская глагольная основа: словен. plāti, pōljem 'махать, провеивать, приводить в волнообразное движение; черпать (воду); волноваться; биться (о сердце)'; чешск. plāti 'vlāti', в.-луж. pīōš 'schwingen; durch Schwingen reinigen (Getreide)'; русск. диал. (Даль) *полють* 'провеивать'. Акцентологический анализ см.: Дыбо В.А. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. - В кн.: Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 76.

⁵⁷ Плохо сохранившаяся праславянская основа, см. словен. (Plet.) plāti, pōljem 'brennen'.

II. Циркумфлекс

1. *jēti (< *j̥ti-: лат. emō, part. emptus < *m̥to-; лит. imti. Лтш. jēmt и jēmt интонационно явно вторичны. Результат контаминации?).

2. *žeti (< *k̥ti-; ср. ср.-ирл. cinim 'происхожу', cinis 'ortus est', ciniud, cenel 'род' и под. Остальные сближения за пределами балто-славянских ненадежны. О характере и.-е. базы можно судить лишь по лтш. cities² (Prauliena), cīties² (Bielenstein LSpr I. 379), 'бороться' (+ 'схватиться, приняться за кого-л.' + 'начать') < *cīties, что подтверждается формой cīsties т.ж., где s из формы презенса, < балт. *kiñtiesi.)

3. *žeti (по-видимому, < *g̥ti-?; единственное надежное соответствие - греч. ὑέτω 'я нагружен', аор. ὑέτω 'взял' - не дает возможности установить и.-е. базу. Можно лишь экстраполировать результаты анализа двух предшествующих основ).

Итак, то распределение а.п. а и b в группах презентных основ от корней I класса, с которым мы познакомились в п. 3.1, проявляется в системе порождения акцентных типов глагольных категорий как чередование акцентных парадигм. Принцип, по которому распределяются чередующиеся формы, тождествен принципу распределения акцентных парадигм неподвижного акцентного типа в системе презентных основ как I, так и II класса глагольных корней (см. п. 3.1 и 3.2), равно как и в именных основах (см. п. 1.3 и 2.1): и к т у с , п р и н а д л е ж а щ и й к о р н ю , н а х о д и т с я н а к о р н е в о м с л о г е , е с л и п о с л е д н и й б ы л а к у т и р о в а н н ы м , и л и н а с л о г е , с л е д у ю щ е м з а к о р н е м , е с л и к о р н е в о й с л о г б ы л к р а т к и м и л и н е с б а л т о с л а в я н с к и й ц и р к у м ф л е к с . Это положение может быть интерпретировано как результат передвижения иктуса на следующий слог во всех случаях, когда он стоял первоначально на корневом краткостном или циркумфлектированном слоге. Возможность иной интерпретации в значительной степени ограничена уже самими славянскими отношениями, в том числе и отличием позиций изучаемого распределения от позиций действия закона Хирта, выражающимся в существовании двух типов форм с одинаковой структурой корня:

bōrti (< *bhare-ti-)	žerti (< *gʷerā-ti-)
pōrti (< *porā-ti-)	derti (< *derā-ti-)
mēti (< *melā-ti-)	sterti (< *sterā-ti-)
kōlti (< *kolā-ti-)	perti (< *(s)perā-ti-)
pōlti(1) (< *palā-ti-)	pēti (< *penā-ti-)
pōlti(2) (< *pālā-ti-)	tēti (< *temā-ti-)

5.1. Учитывая результаты анализа, проведенного в предыдущем разделе, можно теперь рассмотреть систему порождения акцентных типов тематических глаголов (-е-, -не-, -је-глаголы) от корней II класса. Эта система будет в значительной степени прояснена, если уже в таблицу порождения включить не только позиции распределения двух а.п. неподвижного акцентного типа (а.п. а и а.п. b), но и позиции деформации акцентной кривой а.п. с (т.е. характер слога элемента, предшествующего окончанию) (см. табл. 23).

Т а б л и ц а 23

Тип основы	Категория	Тип презенса	Неподвижный акц. тип		Подвижный акцентный тип (а.п. с)	
			Акут	Циркумфлекс и краткость	Акут (долгие монофтонги и сонанты)	Циркумфлекс и краткость
			а.п. а	а.п. б		
1	2	3	4	5	6	7
Презентная основа	грезенс	-е	lězō, lězetŭ	- mogŭ, mozetŭ	klādō, kladetŭ grŭzō, gryzetŭ	vězō, vezetŭ rěkō, rečetŭ
		-ne	dvīgnō, dvīgnetŭ	tegnō, tēgnētŭ moknō, moknētŭ	-	-
		-je	rězjō, rězjetŭ	pisjō, pisjetŭ glodjō, glodjetŭ	-	-
		-е	lězy, lězōtji	- mogŭ, mogōtji	klādy, kladōtji grŭzy, gryzōtji	vězy, vezōtji rěky, rekōtji
		-ne	dvīgny, dvīgnōtji	tegnŭ, tēgnōtji moknŭ, moknōtji	-	-
		-je	rězjē, rězjōtji	pisjē, pisjōtji glodjē, glodjōtji	-	-
инфинитивная основа	инфинитив-супин	-е	lězti ~ lěztŭ	- leči ~ lečŭ	klāsti ~ klāstŭ grŭzti ~ grŭztŭ	vezti ~ vėztŭ reči ~ rēcŭ
		-ne	dvīg-(nō)ti ~ dvīg-(nō)tŭ mok-(nō)ti ~ mok-(nō)tŭ	teg-(nō)ti ~ teg-(nō)tŭ mok-(nō)ti ~ mok-(nō)tŭ	-	-

Т а б л и ц а 23 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
инфинитивная основа	инф.-сул.	-je	rězati ~ rēzatŭ	pisāti ~ ~ pisātŭ glodāti ~ ~ glodātŭ	-	-
	аорист	-е	lězŭ, lěze	- mogŭ, može	klāsŭ, klāde, grŭsŭ, grŭze	vešŭ, vēze rěxŭ, rěče
		-ne	dvīgŭ, dvīže	teğŭ, teže mokŭ, moče	-	-
		-je	rězaxŭ, rēza	pisaxŭ, pisā glodaxŭ, glodā	-	-
	1 - причастие	-е	lězŭ, lězla	- mogŭ, molā	klādŭ, klādla grŭzŭ, grŭzla	vezŭ, vezlā rěkŭ, reklā
		-ne	dvīgŭ, dvīgla	teğŭ, teğlā mokŭ, moklā	-	-
		-je	rězalŭ, rēzala	pisālŭ, pisāla glodālŭ, glodāla	-	-
	действ. прич. прош. вр.	-е	lězŭ, lězŭši	- mogŭ, mogŭši	klādŭ (?) klādŭši grŭzŭ (?) gryzŭši	vězŭ (?) vezŭši rěkŭ (?) rekŭši
		-ne	dvīgŭ, dvīgŭši	teğŭ, teğŭši mokŭ, mokŭši	-	-
		-je	rězavŭ, rězavŭši	pisāvŭ, pisāvŭši glodāvŭ, glodāvŭši	-	-
	стр. пъл.	-е	-lězernŭ, -lězena	- -jydenŭ, -jydena	kladernŭ, kladenā gryzernŭ, gryzenā	vezernŭ, vėzenā rečernŭ, rečenā

Т а б л и ц а 23 (окончание)

1/	2/	3	4	5	6	7
Инфинитивная основа	страд. прич. прош. вр.	-ne	dvīžemь, dvīžena	težemь, težēna	-	-
	-je	rězāmь, rězāna	pisāmь, pisāna glodāmь, glodāna	-	-	-

Примечания. 1. Страдательные причастия прошедшего времени от тематических глаголов а.п. с испытывали тенденцию выравнивания по акценту 1-причастий. Древнее распределение сохранилось, по-видимому, в кайк.-чак. диалекте XVII в. (Ю. Крижанич), где *postrīženā* (ном. sg. f., Пол., 224), *postrīženā* (ном. dū. m., Пол., 226), *otščenu* (acc. sg. f., Вып. III, 45), *obščena* (ном. pl. n., Гр., 126²), так же как *reszenó* (Пол., 224), *sožežení* (Пол., 275), при *zawéržení* (Пол., 215) от глагола а.п. а. Непосредственное сравнение приводит к реконструкции в этой группе форм сплошной окситонезы, однако морфологические отношения заставляют принять (во всяком случае, для более раннего времени) подвижную акцентную кривую, так же, как и для аналогичных форм *ot-i*-глаголов а.п. а⁵⁸.

2. Реконструкция формы-энклитомена ном. sg. m. в действительном причастии прошедшего времени от тематических глаголов а.п. с не вполне надежна, так как основана лишь на материалах одного ср.-болг. текста XIV в. с архаической акцентуацией членных форм от причастий, где вознесиса (Служ. Евф., 162a), при възлэгши (Там же, 160a, bis, 161a), пришедши (Там же, 140a)⁵⁹. Конечное ударение в формах жен. р. реконструируется на основании словенских данных.

В неподвижном акцентном типе (а.п. а и b) наблюдается "передача" а.п. каждой следующей категории, как в системе порождения акцентных типов именных дериватов (см. п. 2.2, 2.3), и, таким образом, во всех категориях

глагола просто повторяется распределение, установленное в п. 3.2, 3.3. В а.п. с происходит распадение первоначально, по-видимому, единого акцентного типа на два варианта. При этом как морфологические позиции деформации акцентных кривых, так и ее просодические условия достаточно близки к изученной выше деформации а.п. с в глаголах от I класса корней, связанной с законом Хирта. Имеются, однако, два отличия: 1) данная деформация охватывала также и 1-причастия (отсутствии подобной деформации у 1-причастий от корней I класса, как отмечено выше, должно считаться результатом вторичного выравнивания); 2) в последней категории возникшее распределение подверглось влиянию акцентных соответствующих форм 1-причастий неподвижного акцентного типа, что, по-видимому, уже в праславянском привело к возникновению в этой категории колонного ударения - баритонезы у глаголов с акутированным корнем и окситонезы у глаголов с первоначальным циркумфлексом⁶⁰. Таким образом, ситуация в 1-причастиях от глаголов а.п. с фактически не отличима от ситуации в подобных формах неподвижного акцентного типа, и лишь системные соображения заставляют принять, что в данном случае обнаруживается результат оттягивания ударения по закону Хирта, а не результат передвигания ударения на следующий слог с краткотного и циркумфлексированного слога, как это было в неподвижном акцентном типе. Анализ просодической структуры корней, образующих позиции этого оттягивания, по-видимому, не противоречит данному предположению:

1. *pāsti*, *pāsla* (< **pās-ti*-, **pās-lā*: ср. хетт. *paḥḥ-šanzi* 'они охраняют', сигматическое расширение корня **paH(i)*- 'охранять, пасти': др.-инд. *pāti* 'охраняет, па-сет' и т.п.)

2. *klāsti*, *klādla* (< **klādh-ti*-, **klādh-lā*: ср. лит. *klōti* 'раскладывать, покрывать', лтш. *klāt* 'покрывать', герм. **hlaþ*- < **klāt*-: **klāt*-: got. *āf-hlaþan*, -*hloþ*, др.-в.-нем. *hladan*, *luod* 'нагружать, накладывать')

3. *sēci*, *sēkla* (< **sēk-ti*-, **sēk-lā*: ср. лит. *išsēkti*, 'sculpere', *išēkti* 'eingraben, schneiden', *pasēkelis* 'большой кузнечный молот', см. Fraenkel, 773, 544; лат. *sēcula* 'серп', (?) *sēcale* 'рожь'; о-ступень в герм. **sōg*-: др.-исл. *sōgr* 'оторванный кусок, полоса', др.-в.-нем. *suoha* 'борона, борозда'; нулевая ступень **sək*-: лат. *saxum* 'жертвенный (каменный) нож', 'камень, скала', герм. **saxsan* n. 'нож, лезвие': др.-исл. *sax*, др.-в.-нем. *sahs*, др.-н.-нем. *sahs*, др.-англ. *seax*; лат. *sačēna* 'секира понтифика' < **sacesnā* < **sakesnā*, герм. **sagesnōn* f. 'коса': др.-в.-нем. *segēsna*, др.-сакс. *segisna*, при вторичном др.-в.-нем. *segansa*; герм. **sagā* 'пила': др.-исл. *sqg*, др.-в.-нем. *saga*, ср.-н.-нем. *sage*, др.-англ. *sazu*; др.-в.-нем. *sēga*, вероятно, преобразовано по вокализму отменного глагола: **sagjan* > *sāgen*⁶¹).

⁵⁸ См.: Диббо В.А. Акцентология и словообразование в славянском. - Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968, с. 208-209.

⁵⁹ О подобной же акцентуации членных форм от действительных причастий настоящего времени в этом же памятнике, см.: Диббо В.А. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, 1971, с. 111-113.

⁶⁰ Остаток, по-видимому, первичной подвижности ударения 1-причастия наблюдается в глаголе **suptl*: **sūpl̥*, f. **sūplā*, n. **sūplo*.

⁶¹ На более глубоком уровне в данном корне, по-видимому, следует восстанавливать долгий дифтонг **ēi* с потерей

4. grūzti, grūzla (< *grūh-ti-, *grūh-lā: ср. лит. grāužti, лтш. graužt 'грызть', греч. βρῦχω 'скрежещу зубами').

5. strēci, strigla (< *strāig-ti-, *strīg-lā; только реконструкция долгого дифтонга может объяснить аномальное чередование: ē в полной ступени ~ i в нулевой ступени - в ст.-слав. стрѣци ~ стригъ. Надежные и.-е. сопоставления отсутствуют).

6. mēlztī, mēlzla (< *mēlg-ti-, *mīg-lā: ср. лит. mīlžti, лтш. mīlzt; "балто-славянское" удлинение в условиях, дававших "протетический" гласный в греческом: ср. греч. μέλγω. Результат такого удлинения ведет себя в "балто-славянском" как и.-е. долгий дифтонг⁶²).

7. prēsti, prēdla (< *prēnd-ti-, *prēd-lā? Надежные и.-е. сближения, позволяющие судить о характере и.-е. корня, отсутствуют; для "балто-славянского" акута ср. лит. sprēsti 'обтягивать, растягивать').

Соответствие *sterci; *sterglā, f. *sterglā, n. *sterglō: лит. sėrgmi, при греч. στέρω и под., по-видимому, подтверждает вывод об отсутствии передвигания по закону Хирта на слог с апофонической долготой, что также поддерживается отсутствием следов этого процесса в сигматических формах аориста: *rēxъ, *vēšъ и т.п.

5.2. Рассмотрение системы порождения акцентных типов глагольных категорий i-глаголов и nq-глаголов с корнями на нешумные уже, в сущности, не может добавить ничего принципиально нового к установленным выше отношениям. Оно лишь подчеркивает всеобщность этих отношений и их довольно ясный и простой характер в тех случаях, когда они не осложнены меной просодической структуры слога (табл. 24).

-i- в е-ступени. Таким образом, наблюдаются следующие варианты корня: *sēk- ~ *sək- ~ *sōik- ~ *sīk и, возможно, *sīk-. И.-е. *sōik-, вероятно, в нов.-в.-нем. saich 'камыш, тростник', в герм. *saigula: ср.-в.-нем. seigel 'ступенька, перекадина', др.-англ. sāgol 'палка, дубина, палица'; и.-е. *sīk-: лит. sūkis (?) 'удар, раз', лат. sīca 'кинжал', sīcilis 'острие копья'. Вариант *sīk-, возможно, в ряде германских образований, где обычно предполагается *ē. Лат. *ē в sēkāre, напротив, следует объяснять сокращением кельто-италийских долгот в предупредном положении (см. ВСЯ, 5). Подобным образом может быть объяснена краткость и в лат. sēkūris, но вероятнее все же, что в данном случае мы имеем дело с "культурным словом", ср. слав. sekura, ассир. šukurru, др.-евр. šeqōr 'топор'.

⁶² Удлиняющий эффект предполагаемого в подобных позициях "ларингала" показан В.В. Ивановым, см.: *Иванов В.В. Об индоевропейской, праславянской и анатолийской языковых системах. М., 1965. Регулярность греко-балтийских соответствий подобного рода продемонстрирована С.Л. Николаевым, с работой которого автор знаком в рукописи.*

Т а б л и ц а 24

Тип основы	Категория	Класс глагола	Неподвижный акцентный тип		Подвижный акцентный тип
			a.п. a	a.п. b	a.п. c
1	2	3	4	5	6
Презентная основа	презентс	-i-	stāvjo, stāvīt	svētjo, svētīt, nosjo, nosīt	āvjo, avīt, lōvjo, lovīt
		-nq-	rīno, rīnēt, plīno, plīnēt	-	pōmēno, pōmēnēt, mīno, minēt
	действ. прич. наст. вр.	-i-	stāve, stāvētji	svētē, svētētji, nosē, nosētji	āve, avētji, lōve, lovētji
		-nq-	*rīny, *rīnōtji, *plīny, *plīnōtji	-	*pōmēny, *pōmēnōtji, *mīny, *mīnōtji
Инфинитивная основа	инфинитив-супин	-i-	stāviti ~ stāvīt	svētīti ~ svētīt, nosīti ~ nosīt	avīti ~ avīt, lovīti ~ lovīt
		-nq-	rīnōti ~ rīnōt, plīnōti ~ plīnōt	-	pōmēnōti ~ pōmēnōt, mīnōti ~ mīnōt
	аорист	-i-	stāvixъ, stāvi	svētīxъ, svētī, nosīxъ, nosī	avīxъ, avi, lovīxъ, lovī
		-nq-	rīnoxъ, rīno, plīnoxъ, plīno	-	pōmēnoxъ, pōmēno, mīnoxъ, mīno
	I-грамматив	-i-	stāvilъ, stāvila	svētīlъ, svētīla, nosīlъ, nosīla	avīlъ, avilā, lōvilъ, lovilā
		-nq-	rīnqlъ, rīnqla, plīnqlъ, plīnqla	-	pōmēnqlъ, pōmēnqla, mīnqlъ, mīnqla
	действ. прич. прош. вр.	-i-	stāvjbъ, stāvjbši	svētjbъ, svētjbši, nosjbъ, nosjbši	āvjbъ, avjbši, lōvjbъ, lovjbši
		-nq-	rīnqvъ, rīnqvъši, plīnqvъ, plīnqvъši	-	pōmēnqvъ, pōmēnqvъši, mīnqvъ, mīnqvъši

Т а б л и ц а 24 (окончание)

1	2	3	4	5	6
Инфинитивная основа	Стр.-прим. прош. вр.	-i-	stāvjenъ, stāvjena	svētjenъ, svētjena nošjenъ, no- sjena	avjenъ, avjena
		-nq-	rīnovenъ, rīnovenā plīnovenъ, plīnovenā	- -	romēnovenъ, romēnovenā minovenъ, minovenā

"Передача" а.п., свойственной формам презенса, всему столбцу категорий в неподвижном акцентном типе сохраняется для всех категорий распределение, описанное в п. 3.1 и 3.4. В а.п. с "передается", как было отмечено выше (см. п. 2.3), не акцентная кривая, а лишь принцип подвижности акцента; вид акцентной кривой полностью зависит от набора морфов окончаний. При этом входящие в данный акцентный тип основы и безударные в этом акцентном типе окончания следует рассматривать как морфы, "не владеющие" иктусом, тогда как ударные окончания - это такие морфы, которым иктус "принадлежит" (см. п. 2.3 и 4.2). К последним относится также суффикс инфинитива -ti и окончания сигматических форм аориста, так как предконечное акутовое ударение этих форм в i-глаголах не является первичным, а объясняется как результат ранней ретракции иктуса (см. п. 4.3 и 4.4). Суффикс -en- страдательного причастия прошедшего времени, напротив, следует отнести к морфам, "не владеющим" иктусом, так как, хотя категория форм этого причастия в а.п. с реконструируется с постоянным конечным ударением, морфонологические отношения заставляют предполагать у нее, по крайней мере для более раннего периода, подвижную акцентную кривую (см. п. 5.1, примеч. 1 и сн. 58).

6.0. Таким образом, анализ праславянской акцентуационной системы приводит к реконструкции такого ее состояния, при котором а.п. а и б были дополнительно распределены по просодическому характеру корневого (соответственно, суффиксального) слога⁶³, а различие в месте устойчивого иктуса в а.п. с мотивировалось просодической структурой слога элемента, предшествующего окончанию. Естественным дальнейшим этапом реконструкции является объединение дополнительно распределенных частей системы и восстановление состояния, предшествующего процессам, создавшим их. Оно осуществляется простой перестановкой иктуса в а.п. б на предшествующий слог, а в формах а.п. с с акутовым ударением на слоге элемента, предшествующего окончанию, - на следующий (конечный) слог.

Полученная в результате этой операции система характеризовалась следующими чертами.

⁶³ Расширительное употребление термина "акцентная парадигма"; см. сн. 12.

А к ц е н т н ы е т и п ы

А. Акцентные парадигмы непроизводных⁶⁴:

- 1) неподвижная с постоянным ударением на корне;
- 2) подвижная, включавшая два типа словоформ: а) словоформы с конечным ударением; б) словоформы-энклиномены (безударные в большинстве синтагматических позиций, они в абсолютной позиции получали начальное ударение).

Б. Акцентные типы производных⁶⁵:

- I тип - неподвижное ударение на корне;
- II тип - подвижное ударение (аналогичен акцентной парадигме 2);
- III тип - неподвижное ударение на суффиксе.

П р а в и л а в ы б о р а а к ц е н т н ы х т и п о в

1) Выбор акцентных парадигм непроизводных традиционен ("заданы списком").

2) Выбор акцентных типов производных был связан с акцентными парадигмами производящих и морфонологическим классом суффиксов и происходил по следующей схеме (табл. 25).

Т а б л и ц а 25

Клас- сы суф- фикса \ А.п. про- изводяще- го	1	2
I кл.	I	II
II кл.	I	III

П р и м е ч а н и е. Полнота этой реконструкции может быть подвергнута сомнению в двух отношениях. Возникают вопросы: А) Не существовал ли III класс суффиксов, которые исключительно определяли место акцента? Б) Так ли всеобщее правило выбора акцентных типов, т.е. нет ли таких частей системы, где это правило не действовало (проблема "разломов" в системе выбора акцентных типов)?

На эти вопросы можно ответить следующим образом.

А) Поскольку все славянские языки развиваются в направлении замены парадигматического акцента категориальным, в современных языках наблюдается ряд суффиксов, которые могут претендовать на отнесение к "III классу". Однако более тщательное их рассмотрение делает такую реконструкцию крайне сомнительной. Существуют следующие случаи.

1) Генерализация одного акц. типа при наличии реликтов других акц. типов: а) Суф. -ūn- (vēdūnъ, bēgūnъ,

⁶⁴ Включая а.п. презенса.

⁶⁵ Включая а.п. "производных" категорий глагольного слова (условность такого рассмотрения отмечена выше, см. сноску 22).

brexŭnъ и т.п.), но pĕstŭnъ (ст.-русс. пѣстунъ) свидетельствует о II классе. б) Суф. demin.-ik- (nôžikъ, stolikъ и т.д.) образовывал первоначально уменьшительные от jо-основ, относящихся в большинстве к неподв. акц. типу, чем и объясняется установление постоянного накоренного ударения при его генерализации, но реликтовое образование от jо-основы подв. акц. типа mŏžikъ свидетельствует о первоначальности II класса. в) Суф. -tel- (*житель, предатель, приятель* и под.), однако у Ю. Крижанича: wlastelí (nom. pl., Пол., 118), wlastelĕw (gen. pl., Пол., 263), wlastelom (dat. pl., Пол., 270), wlastelmĭ (instr. pl., Пол., 208, 259), wlastelĕch (loc. pl., Пол., 260) и др. Так как окситонированный тип в многосложных именах у Ю. Крижанича часто бывает результатом выравнивания а.п. с, а др.-русс. материалы "Мерила Праведного", изученные А.А. Зализняком, указывают в подобных случаях рефлексы а.п. с, то данный суффикс первоначально, по-видимому, относился к I классу. г) Суф. subst. -ъnj-. Приводимые П. Гардом *уровень, оборотень, поручень*, схр. năkovanj не свидетельствуют о подвижности ударения в этой группе имен, так как в схрв. năkovanj -рефлекс нового акута (ср. словен. năkovanj), т.е. здесь мы обнаруживаем пока не объясненное, но явно вторичное передвижение ударения на приставку, характерное для ряда именных приставочных образований. Бесприставочные имена с этим суффиксом (ср. схрв. gĭbanj, rĕžanj, no ōranj, metanj, и так же rŏvanj) указывают на первоначальный II класс.

2) Реликты иных акц. типов не отмечаются, но сложная морфологическая история словообразовательного типа и предполагаемые связи с другими словообразовательными типами не позволяют экстраполировать современные отношения на прауровень. а) Суф. -ăk- (subst. m.), суффикс существительных, являющийся метатонизированным вариантом балто-славянского адъективного суф. -ăk-. Реликты последнего в славянском (лишь с местоименными основами) относятся к I классу. Балто-славянская метатония, кроме мены интонации (акут > циркумфлекс), приводила к переходу из I класса в II, который и был, по-видимому, первоначален для субстантивного варианта. Современное состояние - вероятно, результат генерализации насуффиксального ударения. б) Суф. ā-осн. f. -ъk-/-ъk- - уменьшительный суффикс feminina. Первоначальная дистрибуция неясна. Вариант -ъk-, вероятно, был алломорфом той же морфемы, что и суффикс II класса -ъс- (-k- здесь сохранялся в позиции после шипящих). Можно объяснить распространение акц. типов А и D в образованиях с этим суффиксом тем, что они явились в большинстве случаев заменой образований на -is-, акцентовку которых, по-видимому, и заимствовали.

Б) Наиболее ясно "разломы" в системе выбора акцентных типов наблюдаются в словообразовании глагола.

1) При образовании j-praesentia от тематических глаголов (-e-) с корнями на шумные подв. акц. тип последних регулярно заменяется неподвижным: pĕljzjetъ (pĕljzjetъ), šerpjetъ (šyretъ) и под. Это явление может объясняться генерализацией неподв. акц. типа, но может быть

и результатом особого просодического статуса ряда йотовых суффиксов (см. п. 6.1, примеч. 2).

2) По-видимому, все итеративные глаголы на -i- относились к неподв. акц. типу, независимо от акц. типа производящих глаголов:

- а) lăziti (lĕzeti), gŏniti (*žĕneti);
б) pŏljziti (pĕljzeti), brŏditi (bredeti), vŏditi (vedeti), nŏsiti (neseti), vŏziti (vezeti), mŏtiti (meteti), blŏditi (bledeti), vŏlčiti (velčeti), trŏsiti (treseti).

Это явление аналогично подобной иммобилизации в j-praesentia, с которыми данную группу объединяет итеративный характер.

3) Каузативы имеют оба акц. типа: неподвижный и подвижный - при том, что большинство их образуется от инхоативов на -nq, которым, как было показано выше, присущ исключительно неподв. акц. тип (то же относится и к небольшой группе каузативов от глаголов с носовым инфиксом) (см. табл. 26).

Т а б л и ц а 26

Неподв. акц. тип	Подв. акц. тип
1. tĕšiti (tĭxneti)	1. qditi (vĕqneti)
2. mŏrziti (mĕrzneti)	2. gubiti (gŭbneti)
3. vĕšiti (vĭšneti)	3. gasiti (gāsneti)
4. mŏrčiti (mĕrkneti)	4. učiti (vŭkneti)
5. tŭšiti (tŭxneti)	5. glušiti (glĭxneti)
6. grŏziti (grĕzneti)	6. lĕpiti (lĕpneti)
7. mŏšiti (mŏkneti)	7. buditi (bŭdneti)
8. krĕšiti (krĕsneti)	8. dušiti (dŭsneti)
9. lŏžiti (lĕžeti)	9. slĕpiti (slĕpneti)
10. bŏviti (bŏdeti)	10. sušiti (sŭxneti)
	11. topiti (tŏpneti)
	12. saditi (sĕdeti)

Так как выбор акц. типа каузативов, по-видимому, ничем не мотивирован, приходится признать его отражением первичного акцентологического статуса корневых морфем, а "разлом" в выборе акц. типа объяснять генерализацией неподв. акц. типа у инхоативов на -nq-, что, по-видимому, подтверждается сохранением обычной системы выбора у небольшой реликтовой группы каузативов от тематических глаголов на -je- и -e-: неподв. акц. тип - paliti (pŏljjeti), pŕiti (prĕjeti); подв. акц. тип - moriti (mĕreti), pojiti (pijeti), gnojiti (gnijeti), gojiti (? živeti)⁶⁶.

4) Потеря системы выбора акц. типов у различных словообразовательных типов приставочных имен является, по-видимому, славянской инновацией, связанной в значительной степени с фонетическими сдвигами ударения в недостаточно изученных просодических условиях (см. выше).

5) Особый случай представляет "балто-славянская" метатония, сопровождающая мену акцентной парадигмы типа *vŏrnъ ~ vŏrna. Так как в славянском сохранились лишь

⁶⁶ Словообразовательные отношения глаголов plăviti, slăviti требуют выяснения.

скудные остатки этого типа, он будет специально изучен в балтийской части работы.

Таким образом, разобранные исключения не дают оснований для сомнения в достаточной полноте предложенной реконструкции.

6.1. Проведенное выше исследование показывает, что все морфемы в праславянском по их отношению к иктусу могут быть разделены на два морфонологических просодических класса:

I. Класс "доминирующих морфем" (морфем, которым "принадлежит" иктус): 1) корни а.п. 1; 2) окончания, получающие ударение в а.п. 2; 3) суффиксы II класса.

II. Класс "рецессивных морфем" (морфем, которым "не принадлежит" иктус): 1) корни а.п. 2; 2) тематические гласные⁶⁷; 3) окончания форм-энклиноменов а.п. 2; 4) суффиксы I класса.

Просодические морфонологические свойства этих классов морфем мы предложили называть акцентуационными "валентностями": I класс - высшая валентность, II класс - низшая валентность⁶⁸.

Чтобы получить единые правила построения всех акцентных типов балто-славянской системы, воспользуемся следующим приемом. Введем специальные пометы при морфемах: морфема высшей валентности ("владеющая" иктусом) имеет помету +; морфема низшей валентности ("не владеющая" иктусом) имеет помету -.

Рассмотрим, что происходит с иктусом при составлении последовательностей из меченых таким образом морфем.

(1) stār-ȳc-ȳ (gen. pl.), brjux-at-ē-tj (inf.), vū-dēl-a-tj - в последовательности, состоящей только из (+)-морфем, иктус - на первой морфеме.

(2) lēn-ȳ (nom. sg. m.), lēn-ost-ȳ (nom. sg.), lēn-ost-ȳn-q (nom. sg. n.), kr̥v-av-q (acc. sg. f.), q-kr̥v-av-i-l-ȳ (l-part., nom. sg. m.) и под. - в последовательности, состоящей только из (-)-морфем, иктус - на первой морфеме.

(3) lēn-ost-ȳ-jq (instr. sg.)	- - - +
mēx-qv-ȳj-e (nom. sg. n.)	- - - +
mold-ȳc-e-mȳ (instr. sg. m.)	- + - -
glād-ȳk-q-mȳ (instr. sg. m.)	+ - - -

- в последовательности, включающей лишь одну (+)-морфему, иктус - на этой (+)-морфеме, независимо от числа и расположения (-)-морфем.

(4) stār-ost-ȳ-jq (instr. sg.), bog-at-q-jq (instr. sg. f.), mēd-en-ic-ē-jq (instr. sg.), mēd-en-ic-a (nom. sg.) и под. - в последовательности, состоящей из нескольких (+)-морфем, разделенных (-)-морфемами, иктус - на первой (+)-морфеме.

(5) kōz-ȳj-e-jq (instr. sg. f.), stōl-ic-ȳn-q-jq (instr. sg. f.), čyrn-ic-ȳn-ik-ȳ (gen. pl.), $\text{čyrn-ic-ȳn-ik-q-mi}$ (instr. pl. m.), $\text{žen-ȳstv-ȳn-ost-ȳ-jq}$ (instr. sg.) и под. - в последовательности, состоящей из нескольких однородных последовательностей ("платформ") (+)-морфем, отделенных одна от другой (-)-морфемами, иктус - на первой морфеме первой последовательности (+)-морфем.

(1) и (2) показывает, что последовательности морфем одинаковой "валентности" получают иктус на первой морфеме.

(3) и (4) показывает, что последовательности морфем разной "валентности" получают иктус на первой доминирующей морфеме.

Учитывая (5), общее "контурное правило", регулирующее постановку иктуса во всех типах последовательностей морфем в "балто-славянском", можно сформулировать следующим образом: и к т у с с т а в и т с я в н а ч а л е п е р в о й п о с л е д о в а т е л ь н о с т и м о р ф е м в ы с ш е й в а л е н т н о с т и⁶⁹ (последовательностью в данном случае считается и одиночная морфема). Возможно, что в последовательности морфем исключительно (-)-валентности иктус, падавший в соответствии с правилом на начало последовательности, фонетически отличался от иктуса, ставившегося в остальных случаях. Однако установить, когда и в какой мере это отличие принадлежало иктусу, а когда и в какой мере - другим просодическим характеристикам данной последовательности морфем, на настоящей стадии исследования невозможно, поэтому контурным правилом эта особенность не отмечается.

П р и м е ч а н и е 1. Очевидно, что при учете синтаксических закономерностей организации синтагматических единств (тактовых групп) такое рассмотрение можно перенести и на тактовые группы: nā-vōz-ȳ (acc. sg.), nā-vōz-ȳ-žē (acc. sg.), $\text{nē-q-kr̥v-av-i-l-ȳ}$ (l-part.), $\text{nē-q-kr̥v-av-i-l-ȳ-sē}$ (l-part.), sȳ-dȳrȳ-j-q (1 p. sg.), sȳ-dȳrȳ-j-q-žē-sē и под.

П р и м е ч а н и е 2. Этим же способом можно описать и определенные случаи "иммобилизации" акцента, указанные в примечании к п. 6.0. Следует лишь ввести пра-

⁶⁷ Ниже при членении словоформ принят следующий принцип: в словоформах, в которых окончание не сливается с элементом, предшествующим ему ("тематическим гласным"), окончание и тематический гласный рассматриваются как отдельные элементы; в словоформах, в которых окончание слилось с тематическим гласным, окончание и тематический гласный не расчленяются, рассматриваясь как окончание.

⁶⁸ См.: Диббо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. (Тезисы). - В кн.: Кузнецовские чтения. 1973. М., 1973, с. 8-10.

⁶⁹ Так как "начальная (первая) морфема первой последовательности морфем" - то же, что просто "первая морфема", это правило можно было бы сформулировать так: "иктус ставится на первой морфеме высшей валентности", однако типологические соображения заставляют нас сохранить более развернутую формулировку, ср.: Диббо В.А. Запальнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения. - Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". (Тезисы докладов), М., 1977, с. 41-45, а также подготовленную к печати II часть настоящей работы, где анализируются случаи, когда подобная редукция правила невозможна.

вило, согласно которому +, характеризующий неслоговые морфемы, передвигается на предшествующую морфему (слог): $rylz-e-t\dot{s} \sim pelz-j-e-t\dot{s} \Rightarrow pelzj-e-t\dot{s}$; $tr\acute{e}p-et-\dot{s} \sim tr\acute{e}p-et-j-e-t\dot{s} \Rightarrow tr\acute{e}p-etj-e-t\dot{s}$ и т.д. Подобным образом объясняется и отнесение к разным классам суффиксов $-jn-$ и $-jn-j-$. Такое рассмотрение ряда j -praesentia предполагает, что отсутствие у них подвижности акцента в формах, образованных от инфинитивной основы, является результатом аналогии.

Сравнительно-исторический анализ подобных акцентных систем показывает, что акцентные системы этого типа обычно возникают в результате фонологизации акцентного контура, сопряженного с тонами, вызванной падением (полным или частичным) тоновых различий⁷⁰.

Как будет показано в следующих частях настоящей работы, это позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой балто-славянская акцентная система является о т о б р а ж е н и е м и.-е. тонов⁷¹.

⁷⁰ Данное положение почти самоочевидно для акцентной системы тубу, языка центральносахарской семьи, который при сравнении с близкородственным канури показывает такое же контурное правило, что и балто-славянский. Предположенное нами тоновое происхождение аварского ударения было доказано С.А. Старостиным (см.: Ностратические и акцентологические исследования при Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1972-1976 гг. - Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". (Тезисы докладов), с. 82). Аналогичная гипотеза происхождения западнокавказских акцентных систем (см. указанную статью в сб. "Кузнецовские чтения. 1973" и более подробно: Диббо В.А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения) может считаться в настоящее время также доказанной в результате открытия осенью 1977 г. С.А. Старостиным в тапантском диалекте абазинского языка тонов, в основном соответствующих реконструированным акцентуационным валентностям.

⁷¹ В данном виде настоящая гипотеза предложена на "Кузнецовских чтениях" в 1973 г. (см. указ. соч.). Ранний ее вариант, основанный на типологическом сопоставлении с историей акцентных типов тубу, был изложен мною в выступлении по докладу Р.О. Якобсона, прочитанному в Ин-те славяноведения АН СССР в 1962 г. В 1973-1977 гг. на заседаниях "Ностратического семинара им. В.М. Иллич-Свитыча" мной был прочитан цикл лекций с подробным обоснованием этой и указанных в сн. ⁷⁰ гипотез. Обсуждения и параллельная работа членов семинара над данной и смежной проблематикой в значительной степени способствовали уточнению и определенной завершенности предлагаемого здесь варианта (тезисное изложение предлагаемого варианта тонологической гипотезы см. в работах: Диббо В.А. Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем. - Конференция "Проблемы реконструкции". 23-25 ок-

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Вся 5 - Диббо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской акцентологии. - Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961. Вып. (I, II, III) - Крижанич Ю. Собрание сочинений, вып. I, II, III. М., 1891.
- Гр. - Граматично изказанье об руском языку, поа Язрка Крижаница, презванем Серблянина, между Крпоуѣ и Вѣноуѣ риками, во ѣездех Бихра града, окол Дубовца, Озля и Рибника островов. Писано въ Сибири Литы, ЗРД. М. 1859 (издано Бодянским). (Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги. Индексы при цифрах обозначают столбцы.)
- Даль - Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV. М., 1955.
- Ев.-апр. № 7364 - Евангелие-апракос (полный) - сербская рукопись начала XV в., Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 178, № 7364 (Цифры обозначают листы рукописи)
- Пол. - Крижанич Ю. Политика. М., 1965. (Цифры обозначают страницы рукописи.)
- Служ. Евф. - Службеник патриарха Евфимия Тырновского. - Библиотека Афонского Зографского Монастыря, № 1. Рукопись помечена 1370 г. (отметка сделана более поздним почерком). Издан в кн.: Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии т. I, вып. II. СПб., 1890. (Цифры обозначают листы рукописи.)
- Уч. и хитр. - Учение и хитрость ратного строения пѣхотных людей, 1647. Цит. по книге: Stang Chr.S. La langue du livre "Учение и хитрость ратного строения пѣхотных людей", 1647. Oslo, 1952.
- Фасмер - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I-IV. М., 1964-1973.
- Хрон. - Хронограф по списку библиотеки князя П.П. Вяземского (4° № 238). Изд. Об-ва любителей древней письменности, LXVI-LXXXIX. СПб., 1888.
- Чуд. Нов. Зав. - Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия Митрополита Московского). М., 1892.
- A. Bernolák - Bernolák A. Slowár Slowenski..., т. I-VI, Budaе, 1825-1827.
- Bielenstein LSpR. I - Bielenstein A. Die lettische Sprache, nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend, dargestellt von..., I. Berlin, 1863.
- Būga - Būga K. Rinktiniai raštai, т. I-III. Vilnius, 1958-1961.
- Chyl. bibl. - Biblia Litvanica Coepta quidem edi Londini 166... Sed praeveniente Morte Autoris, Samuelis Bohuslai Chyliński, a. 1668 non absoluta porrō. Andreae Mülleri Greiffenhaqij

тября 1978 г. Тезисы докладов. М., 1978, с. 56-61; Dybo V., Nikolayev S., Starostin S. A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems. - In: Estonian papers in phonetics. Tallinn, 1978, p. 16-20). По-видимому, сейчас степень обработки и детализации данной гипотезы такова, что настало время для более широкого ее обсуждения. Настоящей работой мы начинаем серию статей, посвященных подробной ее аргументации.

1684. Ссылка дается по кн.: *Endzelin J. Lettische Grammatik*. Riga, 1922, S. 573.
- Fraenkel - *Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg-Göttingen, Bd. I, II, 1962, 1965.
- Frisk - *Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I-II. Heidelberg, 1960, 1970.
- Kucaia - *Kucaia M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich*. Wrocław, 1957.
- Manzel, Post. - *Mancelius, Postille 1653*. Ссылка дается по кн.: *Endzelin J. Lettische Grammatik*. Riga, 1922, S. 573.
- Petr. - *Petar Petretič, Szveti evangeliomi, Koteremi Szveta Czirka Zagrebecska Slovenska ... 1651*. Старопечатная хорватская книга (Цифры обозначают страницы книги.)
- Plet. - *Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar*, I, II. Ljubljana, 1894-1895.
- Pok. - *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949-1959.
- Stang - *Stang Chr.S. Slavonic accentuation*. Oslo, 1957.
- Stanislav - *Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka*, I, II, III. Bratislava, 1957-1958.
- Universitas linguarum Litvaniae - *Universitas Linguarum Litvaniae in principali ducatus eiusdem dialecto grammaticis legibus circumscripta ... Wilna, 1737*. Ссылка дается по работе: J.V. Rozwadowski. *Der litauische Akzent in der "Universitas linguarum Litvaniae"*. - IF, 1897, Bd. 7, с. 233-270 (специально - с. 238).

3. ЗИНКЯВИЧЮС

К ИСТОРИИ ЛИТОВСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Еще в 1912 г. К. Буга утверждал, что большей частью христианской терминологии литовцы обязаны своим восточнославянским соседям. По его мнению, таково происхождение следующих литовских христианских терминов: *utarninkas* или *utarnukas* 'вторник', *seredà* 'среда', *četveřgas* 'четверг', *pėtnučia* 'пятница', *kalėdos* 'рождество' (из *коляда*), *kūšios* 'сочельник' (*кутья*), *velykos* 'пасха' (*великий день*), *verbà* 'пальма' (*верба*) и *verbū nedėlia* 'вербная неделя, воскресенье', *krikštas* 'крещение' и *van(d)-krikštis* (перевод слова *вода-крещи*), *bloviėšcios* 'благовещение', *desėtynà* 'десятина', *gavėnia* 'великий пост' и *gavėti* 'поститься' (*говение, говеть*), *kūmas*, *kūma* (*кум, кума*), *svėtastis* (*святость*), *Ulijonà* (*Ульяна*). К. Буга тогда писал: "Все эти христианские термины, без сомнения, уже пользовались правами гражданства до 1386 г.; в противном же случае на месте русских терминов мы имели бы польские (...). *Četveřgas* и *verbà* показывают, что более заметное влияние восточнославянской церкви в Литве началось после перехода даглюхих в ясные, во всяком случае, не раньше конца XII века."

Католическая церковь у литовцев называется *bažnyčia*. *Bažnyčia* первоначально обозначала не христианскую церковь, но языческую божицу самих литовцев. Литовцы, под влиянием своих русских соседей привыкшие называть свой храм, но языческий, *bažnyčia*, сохранили это имя и после принятия католицизма при Ягайле (Ягелло. - 3.3), ввиду того, что старый языческий храм почти не отличался от нового, католического¹.

В следующем 1913 г. К. Буга писал (перевод с литовского): "В своем (т.е. литовском. - 3.3.) языке мы имеем немало прямых указаний на то, кто были первыми распространителями христианской религии в Литве... Языковые факты заставили меня признать, что для литовцев христианство не было совершенно чуждым еще до крещения при Ягайле. Названия христианских понятий показывают, что литовцы учились вероисповеданию у Востока, точнее, у белорусов. О том, что белорусы были учителями религии, свидетельствуют следующие слова: 1) названия дней: *nedėlia*, *utarninkas*, *sereda* и др., 2) названия праздников: *kūšia* или *kūšios*, *velykos*, *verbū nedėlia*, *bloviėšcios*, 3) *krikštas*, *kūmas*, *gavėnia*, 4) христианские личные имена: *Alena*, *Ulijona*, *Povilas*, *Algenia* (*Algė, Algutė*). Большинство из указанных терминов вошло в литовский

¹ Буга К. *Lituanica*. - ИОРЯС, 1912, XVII, 1, с. 10-13 (= *Būga K. Rinktiniai raštai*, I. Vilnius, 1958, с. 348-349).

язык не раньше второй половины XII века; только два слова, а именно *krikštas* и *Povilas*, были получены еще до XII века... Жемайтский диалект сохранил для нас *čirkva* - очень старое название белорусской церкви. Данное слово является лучшим свидетелем того, что у белорусов были свои церкви на Жемайтской земле в XI и первой половине XII века"².

В 1957 г. была опубликована статья польского лингвиста Нины Боровской о славянском влиянии на литовскую церковную терминологию по материалам словаря К. Сирвидаса (Ширвидаса)³. В статье делается следующий вывод (перевод с польского): "Неоспоримым доказательством наличия христианства в Литве в период до Ягеллы является состав литовской церковной терминологии. Это было христианство восточного обряда, с церковной терминологией славяно-русской. Крещение Литвы, предпринятое Ягеллой, следует понять, по всей вероятности, так, что оно заменило восточный, православный обряд, существовавший до тех пор в княжеских дворцах, у определенной части феодалов, рыцарей и горожан, - католическим и начало систематическую борьбу с язычеством, поистине господствовавшим в широких массах литовского народа"⁴.

В последнее время проблему наличия христианства восточного обряда в Литве до официального крещения изучал американский лингвист Альфред Сенн. В статье "Крещение литовцев в свете языкознания и фольклористики", опубликованной на литовском языке, он пишет (дается перевод): "Польские миссионеры, пришедшие к литовцам, нашли у них уже готовую церковную терминологию, которую они приняли без изменения. Данная терминология была белорусского происхождения. Литовцы ее взяли от белорусских миссионеров, следовательно, у православных. Указанная православная миссия, по всей вероятности, была удачной. Она была столь успешной, что часть этой белорусской терминологии сохранилась вплоть до двадцатого века"⁵.

Указанные выводы вполне подтверждают результаты проведенного нами анализа личных имен начала XVII в. в рукописных книгах регистрации бракосочетаний⁶ и крещения⁷ вильнюсского костела св. Яна. Мы здесь встречаем такие наименования людей, как *Jwan Gudelis* 1742, 1943, *Fiedor Duda Piowar* 789, *Wašil Lusczykaytis* 1333 и др.⁸ Антропимы *Gudelis*, *Duda*, *Lusczykaytis* указывают на литовскую национальную принадлежность. Личные имена *Jwan*, *Fiedor*, *Wašil* - явно восточнославянские. Так как в те

времена католическая церковь строго придерживалась католических канонических личных имен, обычно записываемых в актах по-латински или по-польски, то восточнославянские их варианты могли попасть в рукопись лишь случайно, и именно исключительно те из них, которые литовским народом (католиками) в то время широко употреблялись.

Из записей видно, что такими в городе Вильнюсе тогда были следующие имена (приводятся реконструированные литовские формы, после двоеточия - написания в оригинале и восточнославянские соответствия):

Aponas: *Oponas*, *Oponasz*⁹, ср. *Афон*, *Апанас*, *Опанас*¹⁰ + *Афанасий*;

Artimas, *Arcimas*: *Arcim* и патроним *Artimaytis* 1900, ср. *Артим* > *Арцим* + *Артемий*;

Astopas или *Astopis*: *Ostaphi*, *Ostafi*, ср. *Остан*, *Астан* + *Евстафий*;

Grigas: *Grig* - сокращение из *Grigālius*, ср. *Григорий*; *Grigoras*, *Grigoris*: *Grigor*, *Grigoris* 759; ср. *Григор* + *Григорий*;

Griška: *Griszko*, *Grziszko* и патронимы *Griskaytis* 1687, *Griskunas* 1626, ср. *Гришко*, *Гришка* + *Григорий*;

Ivonas: *Iwan*, ср. *Иван* + *Иоанн*;

Jarmala, *Jermala*: *Jarmoła*, *Jermoła*, ср. *Ярмола*, *Ермола* + *Ермолай*;

Kuzma: *Kuzma*, ср. *Куз(ь)ма* + *Косма*;

Kvedaras: *Chwiedor*, ср. *Хведор* + *Феодор*;

Mikita: *Mikita*, ср. *Микита* из *Никита*;

Vosylius: *Wašil*, ср. *Василь* + *Василий*.

Ср. современные литовские фамилии: *Apan-āvičius* (и прозвище *Aponas*), *Artim-āvičius* и *Arcimas*, *Grigas*, *Grigoras*, *Griška*, *Ivonas*, *Jařmala* и *Jeřmala*, *Kuzma*, *Kvėdaras*, *Vosỹlius*.

В изучаемых рукописях имена восточнославянского происхождения чаще выступают в качестве прозвищ, которые, по-видимому, католической церковью не преследовались и не нормировались. То же следует сказать и о патронимах. Анализ наименований показывает, что формы отчества в то время образовывались с помощью славянских суффиксов *-owicz*, *-ewicz* (в письменном языке) или литовских соответствий (в разговорной речи) не только от канонических форм личных имен, но и от их народных вариантов, т.е. от экспрессивных форм или сокращений. Не обнаруживается никакого стремления к нормированию форм отчества. Поэтому в данных формах, как и в прозвищах, сохранились многие употребляемые в те времена литовцами личные имена восточнославянского происхождения. Такими, на наш взгляд, можно считать следующие (даются реконструированные литовские формы, затем написания в оригинале, в скобках

² *Būda K. Rinktiniai raštai*, I, с. 431-432.

³ *Borowska N. Wpływy słowiańskie na litewską terminologię kościelną na podstawie Dictionary Szyrwida*. - In: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, II. Warszawa, 1957, с. 320-365.

⁴ Там же, с. 365.

⁵ *Senn A. Lietuvių krikščioninimas kalbotyros ir tautosakos šviesoje*. - In: *Lietuvių katalikų mokslo akademijos darbai*, VIII. Roma, 1974, с. 175.

⁶ Центральный исторический архив ЛитССР, ф. 604, оп. 10, дело 1 (1602-1615 гг.).

⁷ Там же, ф. 604, оп. 19, дело 94 (1611-1616 гг.).

⁸ Цифра указывает номер записи бракосочетания.

⁹ Сочетание букв *sz* (*šz*) вместо *s* (*š*) выступает довольно часто, ср. *šzvil* 1914 || *švilas* 1925, *Grubiasz* 980 || *Grubis* 2310 (наименование того же лица). Также нередким является обратное явление: буква *s* (*š*) вместо *sz* (*šz*), например *Kiskelis* 2480 || *Kiszkelis* 2488 (ср. *kiškis* 'заяц').

¹⁰ Восточнославянские формы имен приводятся по книге: *Бірила М.В. Беларуская антрапанімія*. Мінск, 1966.

указываются исходные восточнославянские имена, далее для сравнения приводятся современные литовские фамилии):

Alkimas: Olchimowicz (Ольгим + Евфимий), совр. Alkimaitis;

Ausiejus: Owšiejewicz (Овсей + Евсеевич), совр. Ausiejus;

Cvirkus, Cvirka, деминутив Cvirkelė и Svirkus, Svirka: Cwirko, Swirko, Cwirkiela (Свирко + Свирид + Спиридон), совр. Cvirkus, Cvirka, Svirkus, Svirka;

Cereška: Cereskowicz¹¹ (Терешко > Церешка + Терентий), совр. Cereška;

Demidas: Dzjemidowicz (Демид + Диомид), совр. Demidavičius;

Gricius: Gricewicz (Гриц + Григорий), совр. Gricius; Griguška: Griguskaytis 1626 (Григушко от Григ + Григорий), ср. совр. Grigūšis;

Grinkuška: Grinkuska (Гринкушко от Гринко + Григорий), ср. совр. название луга Griņkuškės в окрестностях Šešuolėliai;

Guris, Gura: Guris, Gura, Guriewicz (Гур + Гурий), ср. совр. Gūras, Gurėnas;

Ivoškus, Ivoška: Iwaszko, Jwaszkowicz (Ивашко + Иван), совр. Ivóškus, Ivóška, Ivoška;

Jarmokas: Jarmakowicz (Ярмак, Ермак + Ермолай, Иеремий), совр. Jarmok-ėvičius;

Jerama, демин. Jeramulis: Jeromowicz, Jeromulewicz (Ерома + Иеремий);

Juraga: Juraga (Юрага от Юрий + Георгий);

Katkus: Kotkowicz, Kotkaycis (Хотка, Ходько + Феодор), совр. Kātkus;

Kuryla, Kurila: Kuriłowicz (Курило + Кирилл), совр. Kurýla, Kuril-aitas;

Kvedys, демин. Kvedžiukas: Chwiedziewicz, Chwiedzukowicz (Хвед от Хведор + Феодор), совр. Kvedys, Kvedaitis;

Kvietkus: Kwietkowicz, Chwietkowicz (Хведко от Хведор + Феодор), совр. Kviētklus;

Luska: Łaska из *Vlaska (Власко от Влас + Власий), совр. Laskā;

Lenkius: Lenkiowicz, Lękiowicz (Ленько от Лен + Леонид), ср. совр. Leñkus;

Liesis (Liesys?), Liesius: Lešis, Lešius (Лесь, Алесь + Александр), совр. Līesius, Līesis, Liesys;

Lukša, Lukšys, демин. Lukšeli(u)s: Łuksza, Łukszelius, жен. р. Łuxianka (Лукша от Лукаш + Лукшан, ср. польск. Łukasz), совр. Lukša, Lukšys;

Maisiejus, Maisis, демин. Maiselis: Moysiejewicz, Moysiewicz, Mayšelis (Майса + Моисей), совр. Maisiėjus, Maisiukas;

Maknys, Makna: Mochnis, Mochna (Махно + Епимах), совр. Maknys;

Maksimās: Maximowicz (Максим), совр. Maksim-ónis;

Malakas: Małakowicz (Малах + Малахия), совр. Mālakas;

Meleška, Mileška: Meleszkowicz, Mileszkowicz (Мелешко, Милешко + Емельян), совр. Meleška.

Micis (Micys?), Micius: Miciun, Miciewicz (*Миц + Дмитрий), совр. Mīcis, Mīcys, Mīcius;

Mickis (Mickys?), Mickus (Micka?): Micki, Mickiewicz, Mickowicz (*Мицко + Дмитрий), совр. Mīckys, Mīckus. Mickā;

Mikaila (Mikeila?): Mikeyla (Михаил), совр. Mikāila; Mikšys: Mikszewicz (Микша + Миколай), совр. Mikšys;

Mikšta: Miksztowicz (Микшта + Миколай), совр. Mikšta;

Minka: Minkowicz (Минько + Мина), совр. Minka;

Misys, Misius, демин. Miselis: Mišiewicz, Mišiwicz, Mišielis (Мись + Михаил), совр. Misys, Misius, Mišelis;

Mišis (Mišys?): Mišiewicz (Миша + Михаил), ср. совр. Mišas;

Miška, демин. Miškelis: Miška, Miskaycis, Miškiel (Мишко + Михаил), ср. совр. Miškis, Miškys, Miškėlis;

Mitkus (Mitka?), демин. Mitkelis: Mitko, Mitkelo (Митко + Дмитрий), совр. Mitkus, Mitkā;

Nikalojus, демин. Nikalojėlis: Nikoļay, Nikoļayeles (Николай);

Pakamas: Pochomowicz (Пахом + Пахомий), совр. Pakam-ónis;

Panas (Ponas?): Panowicz (Панас + Афанасий), совр. Pānas, название местности Pónys (в окрестностях Gervėčiai);

Pecas (Pečas?), демин. Peciulis (Pečiulis?): Pies, Peciulewicz (Пець + Петр), совр. Pėcas, Pėčas, Peciūlis, Peciūlis;

Petkus, Peckus, Peckys или Pečkus, Pečkus: Pietkun, Pieckowicz, Pieczkiewicz (Петько > Пецько + Петр), совр. Pėtkus, Pėckus, Pėckus, Pečkys;

Pocius: Pac (Пац + Ипатий), совр. Pōcius;

Pracys (Procys?): Procisowicz (патроним образован от литовской формы им. п. ед.ч. с сохранением окончания -ys; Проц + Протасий), ср. совр. Prācius, Prōcius;

Pračkys (Pročkus?): Proczkaytis (из Pročk-; Прошка + Прохор), совр. Pračkys, Pročkys;

Rackys: Radzkiewicz (Родько > Радзько + Родион), ср. совр. Rāckas, Rackā;

Sakas (Sokas?): Sokowicz (Сак + Исаак, Сакердон), совр. Sākas, Sōkas;

Sankus: Sankowicz (Санко + Александр), совр. Sañkus; Semaška: Siemaszko (Семашко + Симеон), совр. Semaška;

Senis, демин. Seniulis: Sienis, Sieniulis (Сень + Симеон), совр. Sen-ionis;

Senkus, Senkis (Senka, Senkys?): Senkowicz, Senkiewicz (Сенько, Сенка + Симеон), совр. Señkus, Senkā;

Simkus: Simkowicz (Симко от Сим + Симеон), совр. Simk-aitis;

Sinkus: Sinkowicz (Синько, Синко + Симеон), совр. Siñkus;

Stančys (Stončys?): Stanczys (Станч- + Станислав), ср. совр. Stañčius, Stōnčius;

Stanys, демин. Stanelis, Staniulis (Stonys, Stonelis, Stoniulis?): Stanewicz, Stanelewicz, Staniulewicz (Стань + Станислав), совр. Stanys, Stonys, Stanėlis, Staniūlis;

Stankus (Stonkus?): Stankowicz (Станько, Станко + Станислав), совр. Stañkus, Stōnkus;

¹¹ Буквы sz (=š) и s, ś в записях часто смешиваются, ср. Kukuczis 746 (из акта регистрации рождения 1614 г.) || Kukuć 2491 из диал. Kukucis < Kukutis.

ПРОБЛЕМА БАЛТИЙСКОГО СУБСТРАТА АКАНЬЯ

Stečka: Steczka (из Stecka; Стецко + Стефан), ср.
 совр. Stèckus;
 Tiškis (Tiškys?): Tiszkis (Тишко + Тихон), совр.
 Tiškŭs;
 Valatka: Wałatkowicz (Володько + Володимир 'Влади-
 мир'), совр. Valatkà;
 Vaškus (Vaškas?), Vaskys, демин. Vaškelis: Waszko-
 wicz, Waszkiewicz, Waszkielis (из Ивашко + Иван), совр.
 Vāškus, Vāškas, Vaskys, Vaškēlis;
 Vasys (Vosys?), демин. Vaselė (Voselė?): Wosewicz,
 Waśiela (Вась + Василий), совр. Vas-aitis, Vosŭs;
 Zenkus, Senkys: Zienkowicz, Zienkiewicz (Зенько,
 Зенко + Зенон), совр. Zeñkus, Zenkŭs;
 Zinkus, Zinkys: Zinkowicz, Zinkiewicz (Зинько, Зин-
 ко + Зинувий), совр. Ziñkus.

Приведенный список нельзя считать полным. В резуль-
 тате изучения других источников он в будущем, следует
 полагать, еще значительно пополнится.

Как было указано, личные имена восточнославянского
 происхождения не являлись католическими именами. Поль-
 ские ксендзы пренебрегали ими и заменяли католическими,
 т.е. польскими их соответствиями. Следовательно, ука-
 занные имена постепенно исчезали. Однако традиция их
 употребления, по-видимому, в какой-то мере поддерживае-
 мая униатами, в начале XVII в., т.е. после более чем
 двух столетий католического господства, еще была силь-
 ной и сравнительно устойчивой. Не вызывает сомнений,
 что раньше, во времена крещения Литвы и сразу после не-
 го, данные имена употреблялись гораздо шире. Определен-
 ная часть их сохранилась вплоть до наших дней в совре-
 менных литовских фамилиях, которые, к сожалению, еще
 не изучены.

Обращение к субстрату для объяснения механизма воз-
 никновения аканья было реакцией на концепцию А.А. Шах-
 матова¹, которая в своей части, связанной с реконструк-
 цией начальных этапов аканья, была сразу встречена кри-
 тически². А. Мейе в своей рецензии на работу А.А. Шах-
 матова писал, что аканье "может быть объяснено только
 влиянием... субстрата"³. В 1934 г. он обратил внимание
 на структурное сходство безударного вокализма в акающих
 говорах русского языка и балтийской системы кратких
 гласных⁴. В 1950 г. А. Вайан сформулировал гипотезу,
 согласно которой безударный вокализм в акающих говорах
 является непосредственным наследием эпохи балто-славян-
 ского единства⁵, когда и.-е. ě > ā, а ō, ā > ā, как, напр.,
 в современном литовском языке. В таком случае центр тя-
 жести переносился на объяснение возникновения оканья,
 ёканья и типов яканья, отличающихся от сильного. Ю. Ше-
 рех⁶ пытался вывести диссимилятивный тип яканья из силь-
 ного и связать процессы изменения вокализма в русских и
 белорусских акающих говорах с балтийским субстратом,
 выявляемым на основе гидронимии, как это представлял
 Фасмер⁷.

Дальнейшие исследования названий рек Восточной Евро-
 пы⁸ показали несомненность балтийского населения в I ты-

¹ Шахматов А.А. Русское и славянское аканье. - В кн.:
 Сборник статей, посв. Ф.Ф. Фортунатову. Варшава, 1902;
 Он же. Очерк древнейшего периода истории русского язы-
 ка. Пг., 1915.

² См.: Trubetzkoy N.S. Einiges über die russische Lau-
 tentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen
 Spracheinheit. - ZSPH, 1925, 1; Поливанов Е.Д. Из тео-
 рии фонетических конвергенций (статьи 1 и 2). - В кн.:
 Сборник Туркестанского восточного ин-та в честь
 проф. А.Э. Шмидта. Ташкент, 1923, с. 106-115.

³ Meillet A. Les vues de Šachmatov sur la constitution
 de la nation russe et des dialectes russes. - RES,
 1921, 1, p. 193 ("... akanje... ne peut s'expliquer
 que par l'intervention d'influences étrangères, ou,
 comme on dit, d'un 'substrat' étranger").

⁴ Meillet A. Le slave commun. Paris, 1934, p. 53.

⁵ Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, 1
 Paris, 1950, p. 107, 109, 234.

⁶ Šerech J. Problems in the formation of Belorussian. -
 Suppl. to Word, 1953, IX, p. 28 ff.

⁷ Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteu-
 ropas, I-III. Berlin, 1932, 1934, 1935; Idem. Die
 alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte
 der Sprachforschung. Berlin, 1941.

⁸ Vasmer M. The meaning of Russian river names. - Oxford
 slavonic papers, 1955/56, VI; особенно сплошное обследо-

счелетии — первых веках II тысячелетия н.э. на территории Верхнего Поднепровья и прилегающих районов вплоть до бассейна Верхней Оки и Волги. При этом стало ясно, что "балтийское население Верхнего Поднепровья в своей основной массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними. По-видимому, только при таком предположении станет понятным как сохранение такого значительного числа названий балтийского происхождения, так и их славянизированный фонетический облик"⁹.

Эти выводы относительно территории расселения балтов и длительности взаимодействия балтийского и славянского компонентов на этой территории, приведшего к "метисации субстратного населения с носителями славянского языка"¹⁰, нашли подтверждение в археологических исследованиях¹¹.

И анализ гидронимов, и данные археологии свидетельствуют о том, что балтийские племена, населявшие эту область, принадлежали как к восточной ветви (днепровско-двинские балты), так и к западной (мошинская культура — ср. летописные упоминания голяди на Протве под 1058 и 1147 гг.).

В.Н. Чекман писал, что интерференционные процессы в районе Верхнего Поднепровья, вовлекшие акающих южных кривичей и акающих восточных балтов, современными предшественниками которых можно считать жалинников, усилили и закрепили модель аканья¹².

Ю. Шерех сформулировал основные выводы, следующие из гипотезы А. Вайана: 1) происхождение аканья в широком смысле слова не связано с редукцией гласных; 2) исходной фазой является сильное яканье; 3) первичный очаг — Белоруссия; 4) хронологически оно в любом случае относится к доисторическому периоду¹³. В целом гипотеза Вайана решает проблемы аканья и яканья лучше, чем любая другая гипотеза¹⁴.

Тем не менее гипотеза А. Вайана-Ю. Шереха не согласуется со следующими известными явлениями и фактами.

1) В древнерусском (и в праславянском) гласные *о*, *а*, *е* не различались относительно ударных и безударных позиций¹⁵: ср. заимствования в финском *rokosta* < *погост*

и *paasta* < **payasta* < *погост*, в восточнофинском *veselä* < *весел*¹⁶. Показательна и передача ударного и безударного русского *о* в эстонском: *aken* < *окно*, *sahk* < *соха*, *rapp* < *роп*, *varas* < *вор*, *paagan* < *поганый*, *ajnik*¹⁷ и в латышском языке: *grāmata* < *грамота*, *pīrags* < *пирог*, *paskapi* < *посконь*¹⁸.

2) Древнерусскому *е* в угро-финских языках соответствует, судя по передаче его в заимствованиях, *ä* и *e*: *pät-si* < *печь*, *remeli* < *ремень*. С другой стороны, оно передает в древнерусском гласный среднего подъема других языков: ср. *петля* < др.-герм. *fetil*¹⁹.

3) Гипотеза А. Вайана приравнивает балтийские краткие гласные славянским безударным, как бы экстраполируя систему современного русского литературного языка, где длительность ударных гласных в 2-3 раза больше, чем у соответствующих безударных²⁰.

Однако, как показывают заимствования из языка кривичей в латышском и в прибалтийско-финских языках, в языке кривичей еще в XI в. сохранялось противопоставление долгих и кратких гласных²¹.

Как показал Я. Эндзелин²², латышские заимствования XI-XIII вв. из языка кривичей свидетельствуют также о противопоставлении акута и циркумфлекса в языке кривичей: ср. *zel* < *жиль*, *kalps* < *халоп*, *duoma* < *дума*, но *svets* < *свят*, *greks* < *грех*. В предударном слоге долгие гласные также противопоставлялись по тону: *suma* < *сума*, но *suolit* < *сулить*.

Надо полагать, что тональные противопоставления сохранились и после падения редуцированных, так как рефлекс сильных еров оказались вовлеченными в эту систему.

Если заимствования в латышском проливают свет на состояние системы просодических и ингерентных признаков в языке кривичей, то о языке вятичей интересующей нас поры можно сделать только косвенные предположения. Однако то, что и у потомков вятичей редуцированные под ударением перешли в дифтонги²³, свидетельствует о сравнительно долгом сохранении тональных противопоставлений.

¹⁶ Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Heidelberg, 1963, S. 77.

¹⁷ Wesson A.-M. On linguistic affinity. The Indo-Uralic problem. Malmö, 1970, p. 126.

¹⁸ Эндзелин Я. Латышские заимствования из славянских языков. — In: Endzelīns J. Darbu izlase, I. Rīga, 1971, S. 84, 104, 93.

¹⁹ Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934, S. 284.

²⁰ Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, с. 155-157.

²¹ Kiparsky V. Chronologie..., p. 44.

²² Endzelin J. Miszellen. — IF, 1913, B. 33, S. 119-126; Idem. Weiteres zu den lettischen Intonationen. — Ibid., S. 104-118; Idem. Zur Intonation der lettischen Lehnwörter aus dem Russischen. — Slavica, 1922-1923, roc. 1, S. 206-207.

²³ Шахматов А.А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. — ИОРЯС, 1913, XVIII, 4: Выпускский С.С. О говоре деревни Лека. — Материалы и исследования по русской диалектологии, II. М.-Л., 1949.

дование гидронимов в кн.: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

⁹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 236.

¹⁰ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 186.

¹¹ Седов В.В. Указ. соч.; Он же. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. — СА, 1961, № 2, с. 103-121.

¹² Czekman W. Akanie. Istota zjawiska i jego pochodzenie. — Slavica orientalis, 1975, XXIV, 3, с. 283-305.

¹³ См. также: Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1962, с. 140-141.

¹⁴ Barcech J. Op. cit., p. 46.

¹⁵ Kiparsky V. Chronologie des relations slavobaltiques et slavofinnoises. — RES, 1948, t. 24, p. 44.

Передко отмечаемая и теперь в ряде говоров долгота предударного слога может свидетельствовать о сохранении рефлексов просодического наследия предшествующей эпохи²⁴.

4) Реконструкция просодических парадигм, в частности восстановление парадигмы В (с исходной окситонезой), дает возможность увидеть структуру гласных, бывших сравнительно долго в безударном положении. Так как рецессия ударения на корень произошла позднее, то вероятно было бы ожидать в соответствии с тезисом Вайана в современном русском *двар в.м. двор (dvorъ), *асть в.м. ость (ostъ - ср. лит. диал. akstis), *астр в.м. остр (ostrъ), *сам в.м. сом (somъ), *ася в.м. бся и т.п.²⁵.

5) Данные лингвистической географии говорят о том, что в говорах с сильным яканьем сохраняются реликты диссимильятивного яканья. Практически во всех акающих диалектах в предударном слоге этимологические е, о выступают и как гласные верхнего подъема²⁶. Большое количество исключений, размытость "основной модели" и частое сосуществование "двух принципов" отмечалось диалектологами с самого начала изучения проблемы аканья²⁷.

6) Структурный параллелизм аканья и яканья наблюдается только в жидринском или белорусском типе и "в тех частных диалектных системах, в которых архаический тип диссимильятивного яканья (в задонской его разновидности) сочетается со сравнительно недавно ставшим известным архаическим типом диссимильятивного аканья"²⁸. Это отсутствие параллелизма отражается как в пространстве - территории аканья и яканья не совпадают²⁹, так и во време-

ни - "аканье отстает от яканья"³⁰. При этом существенно, что часто связанный с аканьем "тип предударного вокализма выходит за рамки фонологической системы, он как бы заостеневает, грамматизируется или лексикализуется и характеризует уже не определенное звено фонологической системы как таковое, а парадигму, группу слов или даже отдельное слово"³¹.

7) Как данные лингвистической географии, так и материалы памятников свидетельствуют о том, что в белорусских говорах аканье развилось позднее, чем в русских диалектах. Аканье не отразилось в грамматах великих литовских князей³². Если в Москве оно отмечено уже в 1339 г.³³, то в смоленских и полоцких памятниках оно появляется с 1478 г.³⁴ На территории Белоруссии и на западе русской языковой территории представлен один из наиболее новых типов диссимильятивного яканья³⁵. Сравнительно-историческое изучение типов предударного вокализма и данные лингвистической географии привели Р.И. Аванесова к выводу, что "Рязанское, Новгород-Северское и Черниговское княжества XII-XIII вв. - вот в основном место и время образования аканья"³⁶. Все это заставляет отказаться от гипотезы балто-славянского единства как источника аканья в формулировке А. Вайана-Ю. Шережа. С другой стороны, факт совпадения ареала аканья с областью заселения древних балтов и свидетельства длительности контакта балтийских и славянских племен на этой территории склоняют к рассмотрению балто-славянского взаимодействия с точки зрения возможности его влияния на структуру вокализма.

Для изучения взаимодействия вокалических систем балтийского и славянского типа в период их контакта (с VIII по XII в. включительно) представляет интерес наблюдение соответствующего живого процесса в районах современного балто-славянского двуязычия³⁷.

Лингвистическая география и история русского языка. - ВЯ, 1952, № 6; Аванесов Р.И., Орлова В.Г. Указ. соч.; Захарова К.Ф. Восточные среднерусские говоры. - В кн.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970; Строганова Т.Ю. Западные среднерусские говоры. - Там же.

³⁰ Войтович Н.Т. К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках. II. - В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. М., 1974, с. 34.

³¹ Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика, с. 166.

³² Stang Ch. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935, S. 4, 13, 18, 121.

³³ Аванесов Р.И. К вопросам образования русского национального языка. - ВЯ, 1953, № 2.

³⁴ Соболевский А.И. Смоленско-Полоцкие грамоты в XIII-XV вв. - РФВ, 1881, XV, с. 12.

³⁵ Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика, с. 225.

³⁶ Там же, с. 231.

³⁷ Судник Т.М., Толстая С.М., Топоров В.Н. К характеристике южной части балто-славянского языкового союза. -

²⁴ Вайтович Н.Т. Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск, 1968, с. 37; Она же. Доўгія галосны ў беларускіх гаворках. - Беларуская лінгвістыка, 1973, № 4; Брок О.И. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, с. 201.

²⁵ Иллич-Свитич В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьбы акцентуационных парадигм. М., 1963; Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 233; Дибов В.А., Иллич-Свитич В.М. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. - В кн.: Славянское языкознание. М. 1963.

²⁶ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, особ. карта 44, с. 156; Аванесов Р.И., Орлова В.Г. Русская диалектология. М., 1965.

²⁷ Будде Е.Ф. К диалектологии великорусского наречия. - РФВ, 1892, XVII-XVIII; Он же. К истории великорусских говоров. Казань, 1896; Шахматов А.А. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров. Варшава, 1903; Бузук П.К. Характеристика северобелорусских диалектов. Минск, 1926, и т.д. Эта ситуация продолжается и сейчас, ср.: Висотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах. - В кн.: Исследования по русской грамматике. М., 1973; Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 165.

²⁸ Аванесов Р.И. Указ. соч., с. 163-164.

²⁹ Wijk van N. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje-Jakanje. - Slavica, 1934/1935, XIII; Аванесов Р.И.

Так, в деревнях Дайнава, Дайнишки, Стасилы и др. Эймилского района ЛитССР старики, говорившие в детстве по-литовски, в своем говоре "напросто" отличаются своеобразием предударного вокализма³⁸. Наблюдающееся здесь варьирование $e \sim i$, $e \sim a$, $i \sim e \sim a$, $o \sim u$, $o \sim a$, $u \sim o \sim a$ станет понятным, если учесть супrasegmentные отношения в литовском и белорусском говорах и предположить, что сначала происходит установление просодических соотношений, а потом в рамках этого соответствия проводится отождествление гласных по ингерентным признакам. Основное различие в супrasegmentных структурах литовского и славянского типа состоит в том, что в литовском система долгих гласных

$\bar{i}$ $\bar{u}$
 $\bar{e}$ $\bar{o}$
 $\bar{a}$

несимметрична системе краткого вокализма:

i u
 e a

в то время как в белорусском и польском говорах этих деревень квантитативные отношения оказались связанными с ударностью: ударные гласные здесь в два-три раза длительнее безударных³⁹. Поэтому o , $\hat{o}$, e , $\hat{e}$ под ударением передаются в славянских формах соответствующими долгими гласными: $xl'ēr$ 'хлеб', $l'akšēi$ 'легче', $bōr$ 'боб', $rōr'eų$ 'пепел'.

Когда же эти гласные оказываются в безударной позиции, ситуация оказывается парадоксальной: если они сохраняют свое качество, то они могут быть только долгими и называются как бы ударными (эффект "поющей речи". — *śpiewna mowa*, — отмеченной польскими путешественниками по Литве в прошлом веке⁴⁰): $bōt'án$ 'аист', $c'v'ēlā$ 'цвела'; если же сохраняется просодическая структура слова, то в предударном слоге должны быть краткие гласные, и e , o отождествляются со своими краткими соответствиями, т.е. i , $ā$, a , u : $c'v'alā$, $bat'án$, $z'il'v'íca$ ($\sim z'ēl'v'íca$) 'золовка', $hūdóvac'$ ($\sim hōdóvac'$) 'держат скотину'.

Интересно, что в это варьирование втягиваются и этимологические i , u : $p'ilūjīm$ $p'elūjīm$ 'пилим', $kur-čučk'i$ $\sim kōrčučk'í$ 'цыплята'. Это варьирование отражается и в литовском говоре ($r'it'ā:l'i$ $\sim r'et'ā:l'i$ 'ут-

Советское славяноведение, 1962, № 2; Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 250-251.

³⁸ Лекомцева М.И. О взаимодействии фонологических систем в районе балто-славянского пограничья. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 121-122, 126-128.

³⁹ Ср.: Галосныя беларускай мовы. Акустычныя даследаванні. Мінск, 1975.

⁴⁰ Так, путешествовавший в 1858 г. по реке Вилии К. Тышкевич отмечал, что от места впадения Жейманы в Вилию "каждый... старается говорить по-польски, но всегда искаженным языком, протяжно и мелодично, так как привык к литовской просодии..." (*Tyszkiewicz K. Wilija i jej brzegi*. Drezno, 1871, S. 160 "przeciągle i śpiewając").

ром', $syrd'al'e$: $\sim sērd'al'e$ 'сердечко', $surųjko$: $\sim sorųjko$: 'собрали'⁴¹.

При проекции этих наблюдаемых отношений на балто-славянское взаимодействие в VIII-XII вв. надо учитывать, что балтийский краткий вокализм может быть представлен и схемой

i u

e

a ,

как, напр., в большинстве современных латышских диалектов⁴² (и литературном латышском языке⁴³), в прусском языке⁴⁴ и в старолитовском⁴⁵.

Если славянские племена, участвовавшие в колонизации рассматриваемой территории (вятичи, кривичи, радимичи), сохраняли противопоставление по длительности в ударном и в предударном слогах, т.е. $\hat{e}$ и $\hat{a}$ были в этих позициях "долгими по природе и положению", а e и o — соответственно краткими, то под ударением отождествление e и o могло произойти только за счет удлинения этих гласных. И то, что в современных русских говорах (как и в литературном языке) этимологические e и o (в том числе и $e < b$, $o < v$) совпали в произношении с $\hat{e}$ и $\hat{o}$ ⁴⁶, говорит скорее в пользу удлинения кратких гласных под ударением аналогично соответствующему явлению в зоне современного балто-славянского контактирования.

Если балтийский говор характеризовался системой кратких гласных

i u

e

a ,

то эффект варьирования мог возникнуть только относительно гласных заднего ряда (варьирование i — e тогда может быть только вторичным): $o \sim u \sim a$, $o \sim a$, $u \sim o \sim a$.

⁴¹ Ср.: *Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija*. Vilnius, 1966, с. 464.

⁴² *Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija*. Rīgā, 1964.

⁴³ *Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika*. Rīga, 1951, с. 63, ср. с. 57.

⁴⁴ *Endzelīns J. Altpreussische Grammatik*. Rīga, 1944, S. 31-33; *Schmalstieg W.R. An old Prussian grammar*. The Pennsylvania University Press, 1974.

⁴⁵ *Palionis U. Lietuvių literatūrinė kalba XVI-XVII a.* Vilnius, 1967, с. 97-98; *Stang Ch.S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo, Bergen, Tromsø, 1966.

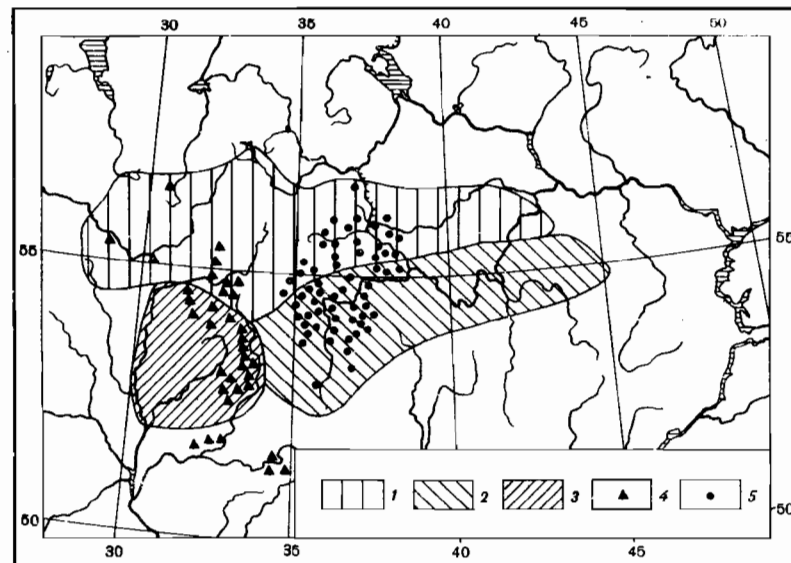
⁴⁶ Как заметил А.А. Зализняк (устное сообщение), в русском языке произошло не "совпадение $\hat{e}$ и e в e " или " $\hat{o}$ и o в o " — это утверждения, определяющиеся графической формой их представления, а, как свидетельствует фонетика современного русского языка, совпадение в закрытом или долгом (дифтонгиальном) звуке:

$\hat{e} \rightarrow \hat{e}$, $\hat{o} \rightarrow \hat{o}$.

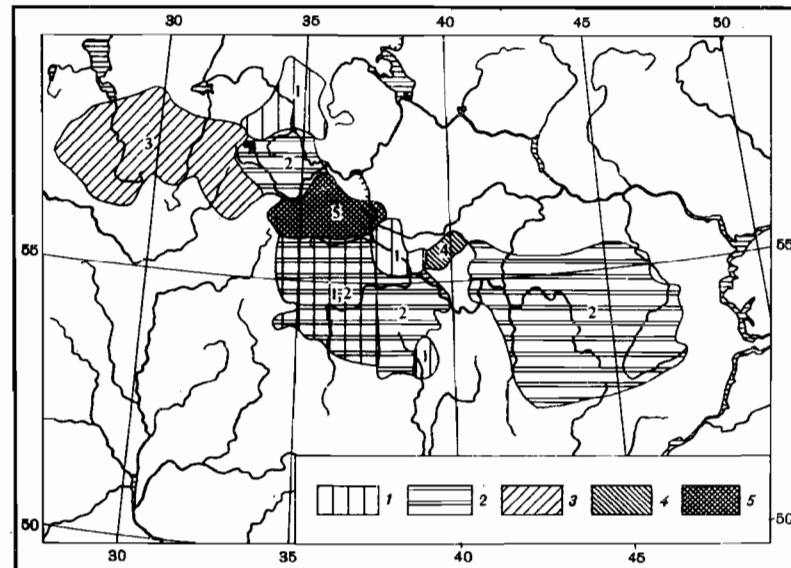
i	u
æ	a,

При всей сложности исторического процесса на территории акающих говоров в раннефеодальную эпоху в распределении современных говоров все же просвечивают как область балтийского субстрата, так и места расселения отдельных славянских племен (ср. карту 1 и 2). При этом видно, что радимичи оказались целиком в зоне балтийского субстрата, а кривичи и вятичи — частично на территории балтов, частично же вне сферы их воздействия. Последнее обстоятельство привело к тому, что кривичи и вятичи стали иллюстрацией несоответствия современных диалектов (окающих и акающих) каким-либо племенным языкам. При рассмотрении системы предударного вокализма потомков вятичей на территории балтов и вне ее прежде всего обращает внимание система умеренного яканья и ёкающие системы владимирско-положского типа.

Эта замена *o* на *a* на территории балтийского субстрата западной ветви⁵⁰ и сохранение *e* краткого дает возмож-

1 - область расселения кривичей; 2 - область расселения вятичей; 3 - область расселения радимичей; 4 - памятники днепровско-двинских балтов; 5 - памятники западных балтов

1 - иканье; 2 - умеренное яканье; 3 - сильное яканье, 4 - еканье; 5 - ассимилятивно-умеренное яканье

Западная и восточная ветви балтийского субстрата здесь определяются по данным археологии. См.: *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 38-53.

ность предположить взаимодействие балтийского краткого вокализма типа

i u

e

a

и системы, соответствующей ёканью владимирского типа:

i u

e o

a

Кроме замены *o* на *a* по всему этому ареалу наблюдается отражение *a* и *o* как *u* (*сунаги, тупора, куровод, бабуй*⁵¹, *за новуй*⁵²).

Потомки кривичей вне балтийского субстрата характеризуются также оканьем, а после мягких согласных в предударном слоге отмечаются варианты *e/o*, *e/i*, среди которых наиболее архаическими считаются отражения *ë* и *e* в *i* (*ë*): */s'êlô ~ s'ilô/*, */zw'êzdâ ~ zw'izdâ/*, */n'êsu ~ n'isú/*, */n'is'í/*, */g zwiz'd'ê/*⁵³.

Балтийский субстрат кривичей неоднороден: часть его соотносится с западной ветвью (голядь) — как и у вятичей, другая же его часть сопоставляется с восточной ветвью — днепровско-двинскими балтами.

На территории западной ветви балтов у кривичей наблюдается та же замена *o* на *a*, что и у вятичей, но здесь она ограничивается положением после твердых согласных — после мягких здесь представлены ёканье и иканье, которые можно считать продолжением исконного кривического типа (с общим сохранением предударных долгот приблизительно до XIV в.)

Здесь также наблюдаются лексикализованные формы типа */ugurêc/*, */čumudân/*, */uzarn'ík/*⁵⁴.

В области расселения балтов восточной ветви у потомков кривичей наблюдается замена не только *o* на *a*, но и *e* (и *ë*) на *a* или *i*. Хотя система предударного вокализма в основном регулируется принципами ассимиляции-диссимиляции или обобщения представления всех гласных неверхнего подъема в одном *a* (как в сильном яканье), важно отметить, что на всей этой территории в предударном слоге происходит замена как *o*, так и *e* на гласные нижнего или верхнего подъема. Так, при недиссимилятивном яканье и сильном яканье наблюдаются формы типа: */vadâ, vadû, r'akâ, r'akî, s'alô, f s'al'ê/*, при умеренном яканье — */s'alô, r'akâ, f s'il'ê/*, */k r'ik'ê/*, */yli'd'ât/* или */f s'êl'ê/*, */k r'êk'ê/*⁵⁵; при ассимилятивно-умеренном яканье: */yl'ad'at/*, */yl'id'i/*⁵⁶ и т.п.

На этом основании можно считать, что краткий вокализм днепровско-двинских балтов представлял собой систему типа

i u

ä a.

Если состав безударного вокализма на всей этой территории определяется как бы балтийским субстратом, то характер взаимодействия предударного гласного с ударным оказывается сложнее. Балтийский субстрат мог дать только свободное варьирование (*a* оно в дальнейшем могло бы привести к разным последствиям для различных говоров).

Данные гидронимии и целый ряд типологически сходных явлений, распространенных на территории верховьев Днепра, в области Западной Двины и в смежных районах... дают основание говорить о чертах, присущих определенному языковому союзу, компонентами которого являлись языки восточных балтов, финнов и северо-западной части восточных славян⁵⁷.

Угро-финский субстрат прослеживается и в окающей, и в акающей части русских говоров. На акающей территории можно вспомнить летописные упоминания мери, мордвы, води и других угро-финских племен.

В области вне интенсивных контактов с угро-финскими племенами в акающих говорах отмечаются реликты свободного варьирования гласных верхнего и нижнего ряда, лексикализованные и грамматикализованные формы, основанные на противоположном принципе (напр., с гласными верхнего подъема при сильном яканье). Для этой области можно предположить стохастическое происхождение диссимиляции и ассимиляции. Количество противоречащих основной системе примеров здесь так велико, что если допустить для исходной ситуации свободное варьирование и случайное закрепление какого-либо из вариантов за определенной словоформой, то разная частота употребления словоформ скоро приведет к кристаллизации определенной системы взаимодействия ударного и предударного гласного, которая будет дополняться значительным списком исключений⁵⁸.

В противоположность этому область воздействия угро-финского субстрата характеризуется строгими закономерностями вокалической структуры слова, связанными с принципом сингармонизма или его отрицания (гиперизма при интерференции), выражающимися в принципе ассимиляции или диссимиляции по ряду образования гласных или по признаку лабиальности.

Поэтому если различие в подсистемах гласных ударных и безударных слогов имеет смысл сопоставлять с балтийским субстратом, то принципы организации вокалической структуры слова — согласования гласных по ряду признаков в пределах слова — скорее стоит считать влиянием угро-финского субстрата.

Предполагаемый механизм возникновения аканья дает возможность сделать вывод о том, что развитие аканья шло не путем перенесения возникшей модели с места на место, а

⁵⁷ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч., с. 250.

⁵⁸ Леконцева М.И. Zum Problem des baltischen Substrats des Akanje. — ZfS, 1978, XXIII, 5, S. 632.

⁵¹ Захарова К.Ф. Указ. соч., с. 341.

⁵² Там же, с. 336.

⁵³ Орлова В.Г. Северное наречие русского языка. — В кн.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 157-160.

⁵⁴ Записано в д. Хлябово Икшинского р-на Московской обл.

⁵⁵ Лаванцев Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика, с. 150-151.

⁵⁶ Там же, с. 160.

осуществлялось на территории балто-славянского (угро-финского-балто-славянского) двуязычия в зависимости от конкретных взаимодействующих типов вокализма. Таким образом, здесь подтверждается догадка Р.О. Якобсона "о трех независимых путях развития аканья"⁵⁹.

Поскольку древнейшая область балто-славянского контакта сейчас реконструируется по реке Сож и средней и верхней Десне, и археологи датируют его VIII-IX вв., то это задает "верхнюю границу" начала балто-славянского взаимодействия на рассматриваемой территории. Дальнейшая славянская колонизация по Днепру к верховьям Оки и Волги (IX-XII вв.) указывает на основной период интенсивного балто-славянского двуязычия. В XIII в. балтийские племена уже не упоминаются на этих землях, но результаты интерференции обычно проявляются поздно, когда активный билингвизм сменяется одной результирующей системой. Процесс балто-славянского взаимодействия, начавшийся в доисторическое время и оставивший след уже в XIII в., продолжается до наших дней, - теперь этот ареал балто-славянских контактов проходит по землям Белоруссии, Литвы и Латвии, представляя редкую возможность наблюдать взаимодействие различных систем вокализма и других систем языка⁶⁰, во многом определившее особенности развития русских аканьющих говоров.

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

НАЗВАНИЯ ЯТВЯЖСКИХ СЕЛ НА -ИЩА В ГАЛИЦКОЙ ЧАСТИ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

0.1. Зимой 1254-1255 гг.¹ князь Даниил Галицкий вместе со своим братом Васильком и сыном Львом в союзе с рядом других князей предпринял поход на ятвягов, о котором в галицкой части Ипатьевской летописи сообщается, в частности, следующее: "И приѣхав же ко вси рекомѣ Болдикиша, посла Лѡа с братом. Левъ же тихо шѣхавъ село ишче все, единого же приведе, король же оупроси его; единому же рекышоу, яко во вси рекомѣ Привища собралися соуть *Итѡвази*. Слышавъ король, посла штрока Андрѣа рекыи дворяскому... не распустили люди и оудержати полкъ. *Шдиному* же *Итѡважину* гоньзновшоу изъ вѣсцѣ *Шлѡдикишѣ*, онѣм же вооружившимся стрѣлоша стрѣлци конѣцѣ вси рекомѣ Привища и возгнаша и" (Ипат. лет., л. 278-278 об.).

Из упоминаемых в этом отрывке названий ятвяжских сел на -ища только *Привища* обладают достаточной определенностью. Во-первых, данный ойконим упоминается дважды, так что можно быть уверенным в правильности записи, тем более, что он зафиксирован также и на страницах исторических источников на латинском и немецком языках². Во-вторых, известна локализация этого населенного пункта на современной карте - Prawdziszki Элкского повята Белостокского воеводства ПНР (подробнее об этом ниже).

Ничего подобного нельзя сказать о двух других названиях - *Болдикиша* и *Ольдикиша*: они зафиксированы только в одном источнике (Галицко-Волынская летопись, или, лучше сказать, галицкая часть Ипатьевской летописи), не повторяются и не локализируются. В связи со сказанным основное внимание в данной статье будет уделено именно этим малоизвестным географическим наименованиям на территории ятвяжских земель.

Прежде всего отметим, что составители ономастических указателей к летописям приводят оба названия как варианты одного и того же:

"Болдикиша (Ольдикишѣ), село ятвяжское..."³,

"Болдикиша (Ольдикиш), село в Ятвяжской земле"⁴.

¹ В связи с известной запутанностью хронологии в этой части летописи автор здесь и ниже воспользовался уточненной датировкой событий галицко-ятвяжских взаимоотношений в том виде, в каком она - в соответствии с историческими разысканиями - представлена в издании: Галицко-Волынский літопис, ч. 1, 2. Львів, 1936.

² Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. Įvadas. - In: Būga K. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, с. 147.

³ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел II. Имена географические. СПб., 1907, с. 14.

⁴ Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи. М., 1975, с. 75.

⁵⁹ Jakobson R.O. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. - TSLP, 1929, II, p. 93.

⁶⁰ Судник Т.М. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975.

Точно так же объединяет их и польский историк А. Каминьский, отдавая предпочтение первому⁵. Однако еще в 1924 г. К. Буга рассматривал летописную форму *Ольдикища* как самостоятельное название, которое следует читать *Ольдикища* (и, вм. ъ - ошибка в написании)⁶. Итак, возникает вопрос, об одном - *Болдикища*, или **Ольдикища*, либо двух - *Болдикища* и **Ольдикища* - селах идет речь в летописи?

0.2. Болдикища бесспорно были первым ятвяжским селом по маршруту похода Даниила и его союзников. В этом убеждает не только, так сказать, очередность упоминания данного названия в описании передвижения объединенных войск, но и то, что "Левъ же тихо шбѣхавъ село иѣще все" (л. 278 об.). Эта акция отчасти была вызвана опасением "подать знаменье" ятвягам и тем самым поставить под угрозу успех похода, как случилось с Даниилом за несколько лет до описываемых событий в конце 1248 - начале 1249 гг., когда "найдоша на страну ихъ (ятвягов. - А.Н.) не стерпѣвшимъ же Ляхомъ зажгоша ихъ первую в(е)сь тѣмъ бо зло створиша и знаменье имъ подаша" (л. 272). Ясно, что в этом же ключе следует оценивать и сообщение летописца о побеге ятвяга, плененного в первом селе (Болдикища): "Одиному же ятвѣжиному гонѣзновшю изъ вѣсѣ ѡльдикиши" - бежавший также мог "подать знаменье", т.е. предупредить противника. В пользу такого мнения свидетельствует и сам контекст, в котором находится только что процитированная фраза: с одной стороны, речь идет о том, что вследствие неправильно переданного приказа Даниил во время своего наступления остался без поддержки основных сил, а с другой - что авангард его отряда (стрѣлци) при подходе к Привичам был встречен "вооружившимися" ятвягами и отброшен ими.

Точно так же и то, что к Даниилу приводят "языка" из Болдикиш, имеет аналогию в том же самом походе на ятвягов, когда "не стерпѣвшимъ же Ляхомъ зажгоша ихъ первую в(е)сь". Вот отрывок из летописи о событиях конца 1248 - начала 1249 г.: "...два Варва оубьена быста, третьего живаша. роукама. и приведенъ бы(с) ко князю Данилови. ре(че) же емоу. изведи ма на поуть правыи. животь при-мещи. и вдасть емоу роукоу изведе его. и предоша рѣкоу Лѣкъ" (л. 272 об. - 273). Таким образом, исходя из этой параллели, следует предположить, что если после того, как пленный из Болдикиш сообщил о сосредоточении ятвягов в Привичах, ему была оставлена жизнь (а это так, поскольку он потом бежал), следовательно, как местный житель, хорошо знающий дорогу, этот безымянный ятвяг должен был выполнять роль еще одного проводника Даниила. До этого момента проводником галицкого князя был Анкад: "Анкадъ же вождь емоу бѣ, и шбѣща емоу. да село его не пожѣено боудеть" (л. 278).

Возвращаясь к той напряженной ситуации, в которой оказался Даниил во время наступления на Привича, следует думать, что общей динамичности рассказа летописца в большей мере соответствовало бы упоминание нового насе-

ленного пункта, чем возвращение к уже названному. Если пленный ятвяг еще не вошел в роль проводника, нужно ли было бы указывать место его побега?

0.3. Как сами формы рассматриваемых названий, так и словосочетания, в которых они выступают, не позволяют ставить знак равенства между *Болдикищами* и *Ольдикищами*. Напротив, ряд аргументов свидетельствует в пользу лингвистической самостоятельности каждого из этих ойконимов.

Прежде всего *Болдикища* и *Ольдикища* резко отличаются друг от друга по своему анлауту (B = : O =). Однако существенное расхождение наблюдается и внутри слова. Как уже отмечалось, по мнению К. Буги, *Ольдикища* - это ошибочная запись вместо **Ольдикища*, и в таком случае балт. 1, находящееся в обеих формах фактически в одной и той же позиции, получило в них различные интерпретации: ср. *Болдикища* и **Ольдикища*. Возникает вопрос: не связано ли это с тем, что Болдикища были первым населенным пунктом на окраине ятвяжских земель, а потому, возможно, и более известным по своему названию для летописца, чем расположенное где-то в глубине этого края село Ольдикища, впервые услышав и зафиксировав наименование которого, автор соответствующего отрывка не мог избежать ошибки? Во всяком случае, такое предположение не лишено оснований.

Далее, весьма показательно, что автор летописи употребляет по отношению к обоим ойконимам различные географические термины: Болдикища - это *весь* (ко вси) 'селение, деревня', село (шбѣхавъ село), тогда как **Ольдикища* (ѡльдикища) - *веска* (изъ вѣсѣ) 'деревушка, небольшое селение'⁷. Такое противопоставление является важным аргументом против отождествления Болдикиш и Ольдикиш, поскольку, например, Привича, упоминаемые в тексте как после первых, так и после вторых, в обоих случаях называются *весью* (и это действительно большое селение, если там смогло собраться ятвяжское войско). При этом характерно, что данное употребление термина *веска* является единственным во всей Галицко-Волынской летописи, в которой и само слово *весь* встречается исключительно в галицкой части, иногда чередуясь с его чисто волынским синонимом *село*⁸ (как в случае с Болдикищами).

Наконец, еще одним - и решающим - аргументом против отождествления обоих названий является факт существования для каждого из них своей самостоятельной исходной формы, о чем ниже и пойдет речь.

1.1. *Болдикища*. Еще К. Буга указал на происхождение этого названия из ятвяжск. **Baldikiskja-//*Baldikiskja-*, причем в словообразовательном отношении ближайшей параллелью к этой летописной форме стала литовская фамилия *Baldikis*, зафиксированная в Жемайтии (Тяльшай и Жаренай)⁹. Наиболее точным соответствием рассматриваемой форме в ойконимии современных славянских территорий являет-

⁷ Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 2. М., 1975, с. 113 (в данном случае цитируется обсуждаемый нами летописный отрывок).

⁸ Генсьорський А.І. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961, с. 67, 86.

⁹ Вѣжа К. Оп. cit., p. 142.

⁵ Kamiński A. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953, с. 167, 112, 95.

⁶ Буга К. Оп. cit., p. 146.

ся название с. Beldyki к северу от Нарева (Макувский повет Варшавского воеводства ПНР), фиксируемое под 1446 г. как Baldiky (de Baldiky) и возникшее, как справедливо считает К. Циргоффер, от антропонима *Baldyka балтийского происхождения¹⁰.

1.1.1. В настоящее время уже можно указать не только на реконструкцию, но и на действительную фиксацию искомого антропонима в исторических документах: под 1528 г. среди жителей с. Jemelki Mikołajewiata Соколовской пафании Бельской земли зарегистрированы Stanisław Baldyka и Mateu Baldycyszcz¹¹. По современному административно-территориальному делению это с. Ямелки (Jamiolki) громады Русь-Стара Высоко-Мазовецкого повета Белостокского воеводства ПНР¹². Таким образом, здесь мы и находим тот антропоним, от которого образовались названия сел - как Beldiky (1446 г.), так и Болдикища (1254-1255 гг.).

Антропонимическое словосочетание Stanisław Baldyka показывает, что последняя форма произошла с палатальным л. По сравнению с летописным ойконом Болдикища это личное название выглядит как еще не освоенное заимствование, поскольку в нем не произошло ни замены балт. а слав. о (ср. Болдикища), ни диспалатализации: Baldyka а не Bałdyka, как в основе только что упомянутого географического наименования. Кстати сказать, о том, что форма Болдикища уже фиксирует отверждение исходного l, говорит другое название - *Ольдикища, о чем уже шла речь выше.

Исходя из распространенности корня bald- в балтийском ономастике вообще и в прусском в частности¹³, с одной стороны, а также имея в виду название ятвяжского села Болдикища - с другой, следует считать антропоним Baldyka ятвяжским по своему происхождению. Реконструируемая форма *Baldik- помимо названного корня bald- содержит также уменьшительный суф. -ik-, достаточно широко представленный в прусской антропонимии¹⁴.

1.1.2. В той же Соколовской пафании, откуда происходит указанное дополнение к списку ятвяжских имен, под тем же 1528 г. встречаются параллели и к хорошо известной части летописного имени этого западнобалтийского этноса. Ср., например, антропоним Бороутъ (1248 г. - Ипат. лет., л. 269) и Nemera Boruticz (с. Truskolesy Woytkowiata¹⁵, которое, видимо, следует локализовать на территории громады Трусколясы-Ляхи в соседнем с Высоко-

Мазовецким повете Лапы). К этому необходимо добавить, что и в самом Высоко-Мазовецком повете, где локализуются интересующие нас формы Baldyka и Baldycyszcz, тогда же был записан Stanisław Boruta (с. Склады)¹⁶, а под 1580 г. - ойконом Choiane Boruthy, где Boruthy - ныне не существующая часть современного с. Хояне¹⁷. Антропоним Borutha (Jan B.) в тот же период был зарегистрирован и значительно севернее этих мест - в с. Бялосукня повета Моньки¹⁸, т.е. в том же самом повете, где с XVI в. фиксируется ойконом Jatwież (Mała, Wielka) как уже прямое указание на ятвягов¹⁹.

1.1.3. Что касается возможных географических ориентиров антропонимом Baldyka (как, впрочем, и Boruta), здесь следует обратить внимание на его локализацию вблизи с. Русь-Стара. Как известно, Гродненщина была одним из основных исходных районов движения восточнославянского населения на территорию современного Белостокского воеводства (ср. там названия села Horodniany от Horodno, т.е. Гродно)²⁰, и поэтому не исключено, что предшествующий этап в истории ятвяжского антропонима был связан с западными районами Белоруссии.

1.2. *Ольдикища. Так, согласно К. Буге, следует читать запись Ольдикища: изъ вѣсць Олыдыкищъ²¹. Собранные нами материалы подтверждают правильность этого мнения.

1.2.1. Искомое исходное имя встречается среди жителей местечка Пярлоя (польск. Przełaje, лит. Perloja - ныне Варенского р-на ЛитССР) в конце XVII - начале XVIII в. В метрических книгах бывшей Даугайской пафании, хранящихся в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета (ф. 102, JR, 5 и др.), а также в Центральном государственном историческом архиве ЛитССР в г. Вильнюсе (ф. 694, оп. 2, д. 2390), неоднократно упоминаются такие жители Пярлои (за небольшим исключением, ниже приводятся данные из ф. 102, поэтому, кроме года, указывается только лист; ф. 694 оговорен особо):

Thomas Ałdykas (1681, 1684 - с. 43, 80);

Andreas Oldyka (1687, 1691, 1693, 1695, 1696 - с. 78, 82, 93, 96-97, 102), Ołdyka (1692 - с. 88), Oldyk (1696 - с. 102);

Casimirus Oldyka (1687, 1691, 1692, 1693, 1701 - с. 80, 82, 88, 93; ф. 694, л. 296), Holdyk (1693 - с. 93), Holdica (1700 - с. 116), Aldik (1700 - с. 123), Ałdyka (1700 - с. 123, 245), Audika (1724 - с. 241), Ałdykiewicz (1725 - с. 248), Nałdykas (1726 - с. 258), Ałdyka (1728 - с. 260);

Anna Hołdykuwna (1716 - с. 217).

Не исключено, что в приведенных материалах под именем Casimirus Oldyka на протяжении 1687-1725 гг. вы-

¹⁶ Там же, с. 220.

¹⁷ Regestra poboru... w r. 1580. - In: Źródła dziejowe, t. XVII, cz. 1..., с. 101.

¹⁸ Там же, с. 117.

¹⁹ Здесь и выше см.: Halička I. Op. cit., p. 15, 72-73.

²⁰ См.: Kondratiuk M. Nazwy miejscowe południowo-wschodniej Białostoczczyzny. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, с. 9, 70.

²¹ Būga K. Op. cit., p. 146.

¹⁰ Zierhoffer K. Nazwy miejscowe północnego Mazowsza. Wrocław, 1957, с. 106.

¹¹ Popis wojenny ziemian województwa Podlaskiego. - Źródła dziejowe. T. XVII, cz. 1. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. VI, cz. 1, Podlasie (województwo). Warszawa, 1908, с. 206.

¹² Halička I. Nazwy miejscowe środkowej i zachodniej Białostoczczyzny dzierżawcze, patronimiczne i rodzinne. Warszawa, 1976, с. 69.

¹³ Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А-Д. М., 1975, с. 185.

¹⁴ Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen-Vandenhoeck - Ruprecht, 1925, S. 172.

¹⁵ Popis wojenny..., с. 205.

ступает не одно, а по меньшей мере два лица. Ведь согласно историческим источникам во время чумной эпидемии 1710 г. в Пярло и ее волости вымерло все население²². Вместе с тем то обстоятельство, что и после роковой для названного населенного пункта даты в нем продолжается употребление рассматриваемого нами антропонима (ср. *Hořdykuwna* - 1716, *Aidyka*, *Audyka* - 1724, *Aidykiewicz* - 1725, *Nařdykas* - 1726, *Aidyka* - 1728), позволяет усомниться в абсолютном характере катастрофических последствий эпидемии. Однако даже в том случае, если носители данного фамильного прозвища являются новыми жителями Пярло, поселившимися здесь после гибели их родственников, то и тогда это свидетельствует о распространенности антропонима *Oldyka* и под. пусть не в самой Пярло, так в ее ближайших, не пострадавших от эпидемии окрестностях. При любой интерпретации сообщенные антропонимические факты имеют самостоятельную ценность для истории известного с XIV в. местечка на юге Литвы.

1.2.2. Возвращаясь к собственно лингвистическим вопросам, отметим, что исходной основой балтийского антропонима, различные модификации которого представлены в приведенных выше записях, бесспорно была **Aldik-* (**Aldik-*).

Славянизация этого антропонима происходила в соответствии с теми правилами, которые наблюдаются при освоении славянами географических названий литовского происхождения как на территории самой Литвы, так и за ее пределами. Например, лит. *a* обычно передается польск. *o* (изредка - через *a*), причем в начале слова появляется протетический *h-*: *Adūtiškis* > *Hořuciszki*²³. Ср. *Aldik*, *Hol-duk* и под. Наряду с этим *al* иногда чередуется с *au*²⁴ (ср. *Audika*), что, впрочем, известно и в самих говорах литовского языка²⁵.

В отношении этимологической интерпретации антропонимического элемента *ald-* в настоящее время трудно дать определенный ответ. Здесь следует иметь в виду по крайней мере две возможности.

Указание на первое из двух возможных решений можно найти у К. Буги. В свое время классик литовского языковедения очень осторожно попытался связать *ald-* (из реконструируемой им на основе ятвяжского ойконима *Олдикища* формы **Aldik-iskia-*; при этом в качестве опоры на современный материал указывалась фамилия *Aldonas*) с *vald-*, однако сам же отбросил такое объяснение своим замечанием, что "вместо *Valdikiskiai* русские написали бы *Вольдикища*"²⁶.

Вместе с тем антропонимические материалы, как кажется, позволяют продолжать поиски возможного существования такой связи.

Прежде всего укажем, что в собрании прусской антропоники Р. Траутманна обращает на себя внимание такое соотношение форм, как прусск. *Aldewisse*, с одной стороны, и лит. *Wissewalde*²⁷ - с другой. Нельзя ли попытаться истолковать оба имени как сочетание одних и тех же компонентов, т.е. (в духе наметки К. Буги) *ald-* = *vald*? При этом попутно заметим, что форма *Aldewisse* не была проанализирована немецким балтистом.

В то же время антропоним *Aldegut* оказался расчлененным на *Al-* и *-degut*²⁸. Однако в последнее время В.Н. Топоров поставил под сомнение правомочность отнесения данного антропонима к производным от *al-*²⁹, а еще в конце 30-х годов К. Каспарсон делил эту форму на компоненты *Alde-gut*³⁰. Ориентируясь на уже рассмотренную нами форму *Aldewisse*, очевидно, и в данном случае можно - вслед за К. Каспарсоном - выделить *Ald(e)-*. Но подтверждается ли это со стороны последующего компонента *-gut*? Разумеется, речь идет о менее ясном примере, чем *Aldewisse*, поскольку такая антропонимическая основа в перечне Р. Траутмана отсутствует. И все же, исходя из употребления ономастических образований от *gaut-*, с одной стороны, и функционирования наряду с антропонимической основой *gaud-* ее аблаутной формы *gud-*, с другой³¹, можно считать, что, видимо, таким же чередовательным вариантом является и вычленяемый компонент *gut-* (*gaud-* : *-gud-* = *gaut-* : *gut-*). Таким образом, вторая часть антропонимической композиции *Aldegut* в известной мере также может быть опорой при выделении элемента *ald(e)-*. Тем самым появляется некоторое основание для утверждения, что в прусской антропоники действительно существовал именной компонент *ald-*, представленный в таких формах, как *Aldewisse* и *Aldegut*.

Участие компонента *ald-* в сочетании с таким полнозначным антропонимическим элементом, как *vis-*, указывает на то, что он (т.е. *ald-*) также не потерял своей семантики. Это вновь приводит нас к предположению, что здесь может быть связь с корнем *vald-*. Потеря аблаутного *v-*? Однако в балтийских языках такое явление известно только в позиции перед *u*, *ū*, *uo*³².

Вторая возможность - это выведение компонента *ald-* из корня *aud-* (ср. лит. *audrā* 'буря')³³, как это представлено в двух параллельных названиях одной и той же литовской реки *Audrā* и *Aldrā*³⁴. В фонетическом отношении

²² *Mažoji Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija*, t. II. Vilnius, 1968, с. 821.

²³ *Otrębski J. Slawizacja litewskich nazw wodnych i miejscowych*. - In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria druga. Warszawa, 1963, с. 269, 277.

²⁴ *Prinz J. Die Slavisierung baltischer und die Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwałki*. Wiesbaden, 1968, S. 266.

²⁵ *Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija*. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966, с. 164.

²⁶ *Būga K. Op. cit.*, p. 146.

²⁷ *Trautmann R. Op. cit.*, p. 12, 155.

²⁸ Там же, с. 11, 131.

²⁹ Топоров В.Н. Указ. соч., с. 71.

³⁰ Приводится по работе: *Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien*. I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, S. 15.

³¹ *Trautmann R. Op. cit.*, p. 137-138.

³² *Endzelynas J. Baltų kalbų garsai ir formos*. Vilnius, 1957, с. 46.

³³ Топоров В.Н. Указ. соч., с. 144.

³⁴ *Zinkevičius Z. Op. cit.*, p. 164.

таким путем, возможно, легче объяснить появление формы *Oīdyka*, но, с другой стороны, мы не располагаем примерами употребления производных от этого корня именно в антропонимии.

Итак, вопрос о происхождении антропонимического элемента *ald-* остается все же открытым.

1.2.3. Перлоя с ее антропонимом *Oīdyka* (а именно такую форму следует считать наиболее типичной) локализуется на восточной окраине ареала ятвяжских реликтов в современном литовском языке: в частности н.п. Нядинге (*Nėdingė*), которому в административном отношении подчинена Перлоя, в своем названии содержит суф. *-ingė*, относимый к словообразовательным признакам ятвяжского языка³⁵. Таким образом, это обстоятельство уже само по себе позволяет рассматривать исследуемую форму *Oīdyka* в общем контексте ятвяжского языкового наследия.

Однако не менее выразительным моментом — уже в собственном антропонимическом аспекте — является то, что в Перлое одновременно с *Ол(ь)дыками* жили и те, которые в своем имени продолжали традицию употребления ятвяжского антропонима *Юндиль*. Кстати сказать, это личное название упоминается в описании того же похода зимы 1254–1255 гг., с маршрутом которого связаны и интересующие нас ойконимы: "Наоутрѣм же приѣхаша шти Юдѣмъзъ Юндиль" (л. 279). Приведем необходимые свидетельства: *Casimirus Jundzelewicz* (1687 — ф. 102, JR, 5, с. 78); *Alina Jundzialowna* (1705 — ф. 694, оп. 2, д. 2390, л. 301 об.), *Cristina* (в записи также *Xtina*) *Jundzielowna* (1706 — там же, л. 306 об.; 1709/1710 — *Jundzielowiczowa* — там же, л. 630 и 318 об.) и др. И хотя К. Буга уже отметил целый ряд антропонимических соответствий имени *Юндиль* в более поздних памятниках³⁶, все же в данном случае особо ценной представляется роль данной формы в общем сосредоточении ятвяжских черт.

1.2.4. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что в антропонимии ятвягов существовало имя с основой *Aldik-* (*Aldik-*), от которого и было образовано летописное название села *Олдикища*.

Реальное существование антропонима *Oīdyka* и под. в территориальном сочетании с другими явлениями ятвяжского типа (прежде всего в ономастике — с лексической, словообразовательной и фонетической сторон) решительным образом свидетельствует в пользу правильности предложенной К. Бугой реконструкции исходной формы летописного названия села *Олдикища* как **Ольдикища*. С утверждением лингвистически самостоятельного характера последнего наименования тем самым устраняется основа для отождествления **Ольдикища* = *Болдикища*, которое до сих пор — в той или иной форме — имеет место в исторических трудах. Следовательно, в дальнейших как историко-лингвистических, так и историко-географических разысканиях необходимо исходить из реальности существования не одного *Бол-*

кища (*Олдикища*), а двух — *Болдикища* и **Ольдикища* — ятвяжских сел.

1.3. *Привища*. В самом начале статьи уже шла речь о том, что название *Привища* является наиболее определенным из всех. Действительно, уже в 1924 г. К. Буга указывал на прусский антропоним *Preiweis*, который соответствует исходной основе данного ойконима³⁷. С выходом в свет в 1925 г. книги Р. Траутманна число свидетельств типа *Preiweis*, *Preuwis* буквально удесятирилось³⁸. Таким образом, и с этой стороны рассматриваемое географическое название является "обеспеченным" уже в течение длительного времени. Едва ли ни единственное затруднение, связанное с данным ойконимом, — это отношение к нему формы *Правища*.

1.3.1. Уже К. Буга высказал предположение, что *Правища* — это ошибочное написание вместо *Привища*³⁹. По нашему мнению, это же подтверждается и со стороны сочетаемости ойконимов с географическими терминами. Так, дважды употребив словосочетание "(ко//конѣцъ) вси рекомѣи Привища" (л. 278 об.), летописец в дальнейшем сообщает: "ставши же на Правищих на ночь" (л. 279), т.е. не приводя географического термина, поскольку — надо так думать — речь идет об уже знакомом объекте. Ср. то, как сказано о последующих двух стоянках войска: "и ста на селѣ Корковичихъ", "тоу же ноци ста на болотѣхъ во Ѡстровиыхъ" (там же), т.е. с указанием на то, что именно обозначает название, а если оно совпадает с термином (как в последнем случае), то опять-таки его сопровождает и уточняет другой термин (на болотѣхъ). Итак, отсутствие слова *весь* (*село*) в сочетании "на Правищих" следует расценивать как аргумент в пользу того, что *Правища* и *Привища* — это одно и то же. При этом следует заметить, что совсем иной характер имеет отсутствие прямого указания на тип географического объекта при перечислении: "зажгоша Тамсевиче. и Боуралѣ и Раимоче и Комата. и Дора и града. плѣнѣ — хоуть" (там же). Противопоставление городам ("и града...") также свидетельствует о том, что речь идет о селах. Следовательно, и с этой стороны отсутствие географического термина в словосочетании "на Правищихъ" не теряет своей выразительности.

Таким образом, форма *Правища* является не самостоятельным географическим названием, а лишь искаженным написанием ойконима *Привища*. Это подтверждается, кстати сказать, и тем, что в латинских и немецких текстах отражена только форма с приставкой *prei-*⁴⁰.

2.0. В словообразовательном отношении *Болдикища*, **Ольдикища* и *Привища* относятся к одному и тому же ряду названий на *-ища* как плуриальной формы суф. *-ище*. Этот праславянский по своему происхождению формант бесспорно заменил западнобалтийский суф. *-isk-*, и данный способ славянизации представляется достаточно интересным с точки зрения тех словообразовательных процессов, которые в ту эпоху происходили в северославянском языковом ареале.

³⁵ Вацагас А. К вопросу о языковых ятвяжских реликтах в Литве. — *Acta Baltico-Slavica*, IX. Warszawa, 1976, с. 77.

³⁶ Буга К. *Op. cit.*, p. 137.

³⁷ Буга К. *Op. cit.*, p. 136.

³⁸ Trautmann R. *Op. cit.*, p. 80.

³⁹ Буга К. *Op. cit.*, p. 147.

⁴⁰ Там же.

2.1.1. В диалектах западных и отчасти восточных славян (в отличие от южных) в свое время появился новый суф. -isko, который уже в древнейших польских документах конкурировал с праславянским -iŝe и постепенно вытеснил его. Ср. формы географических названий из тех памятников, которые относятся к этому же десятилетию, что интересующий нас отрывок из Галицко-Волынской летописи: 1252 г. - Medvediscia, 1253 г. - Stanovischa, 1254 г. - Grodzyszcze (ныне Grodzisko)⁴¹. Кстати сказать, первые два названия можно рассматривать и как аналогичные в отношении множественного числа (-iszcz/-ища). Что же касается общей исторической перспективы функционирования -iszcz, то согласно В. Ташицкому, "по крайней мере для XIV в. уже трудно предположить широкую употребляемость этого суффикса. По всей вероятности, он был известен в этом веке уже только географическим названиям, но и они постепенно устранили его в пользу главным образом суффикса -isko-, чтобы на рубеже XIV-XV вв. полностью потерять его"⁴².

Если обратиться к восточнославянскому материалу, то окажется, например, что в памятниках староукраинского языка XIV-XV вв. отмечено только одно географическое название на -isko (*Точивско*), тогда как суф. -iŝe весьма активно участвовал в образовании ойконимов, выступавших как в единственном, так и во множественном числе: *Рожисче* и *кѣ Рожисчомъ*⁴³. Что же касается суф. -исько, то он известен только на территории ее западных областей⁴⁴.

В свете всего сказанного можно прийти к выводу, что поскольку интересующая нас часть летописи была написана в Холме и в ней прослеживается некоторое языковое влияние⁴⁵, следовательно, ее автор должен был ориентироваться в сосуществовании в современной ему польской речи параллельных слов и названий на -isko и -iŝe.

2.1.2. При встрече с названиями ятвяжских сел с западнобалтийским суф. -isk- летописец отождествил его с польским -isko и, исходя из соотношения -isko : -iŝe, славянизировал ятвяжские ойконимы с помощью общего для старопольского и древнерусского языков суф. -iszcz (-ище).

Таким образом, славянские факты подтверждают правильность реконструкции К. Бугоя западнобалтийского суф. -isk- в названиях ятвяжских сел *Болдикища*, **Ольдикища* и *Привища*⁴⁶.

Значение этих ятвяжских данных для истории балтийских языков определяется целым рядом моментов. Прежде всего, из всех известных примеров ономастических образований с -isk- у западных балтов фиксация в Галицко-Волынской

летописи является древнейшей: 1254-1255 гг. против 1326 г. - года самого раннего свидетельства употребления таких форм (*Prabiske*) в собрании Г. Геруллуса⁴⁷. Далее обращает на себя внимание то, что эти названия сел на -isk-, во-первых, локализируются на окраине ятвяжских земель середины XIII в., и во-вторых, упоминаются - по пути следования войска - подряд. Следовательно, можно думать о существовании в то время особого ойконимического ареала на -isk- вроде зоны родственных литовских образований на -iŝki на территории северо-западных районов Белоруссии⁴⁸. Это тем более интересно, что опять-таки в топонимических материалах Г. Геруллуса в составе форм с суф. -isk- преобладают названия водных объектов при незначительном количестве наименований населенных пунктов.

2.2. Важность свидетельств Галицко-Волынской летописи состоит еще и в том, что славянизация словообразовательного облика рассматриваемых названий ятвяжских сел в данном случае больше сохранила их первоначальную форму, нежели последующая литуанизация. В самом деле: *Привища* 1254-1255 гг., как уже говорилось выше, позволяют реконструировать ятвяжск. **Preiviskiai*. Но ведь те же самые *Привища* в описании "Пуши Перстуньской" (называемой также Гродненской) под 1559 г. уже называются *Превиишками*: "А отъ Пруски мили до вочисча *Превиишок...* А отъ *Превиишокъ* двѣ мили до вочисча Конопного"⁴⁹. Итак, исходное ятвяжское название **Preiviskiai* уже литуанизировалось, и если бы этот ойконим не попал раньше на страницы истории, то ему пришлось бы бесследно раствориться в многочисленных литовских наименованиях населенных пунктов на -ишки (-iŝki), распространенных на крайнем северо-востоке ПНР⁵⁰. Заметим, в частности, что к этому же ряду ойконимов на -iŝki относится и название села *Prawdżiszki* (Элкский повят Белостокского воеводства), т.е. того населенного пункта, который принято считать продолжением *Привищ-Превиишек*⁵¹.

2.2.1. В плане освоения славянской языковой системой названия ятвяжских сел на -ища имеют интересную параллель в белорусских и польских ойконимах на -iŝki/-iŝki. Как в свое время показал Я. Сафаревич, в этом одном рефлексе совпало несколько словообразовательных типов литовского языка, относящихся к формам мужского или женского родов в единственном или множественном числе (пре-

⁴⁷ Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin - Leipzig, 1922, S. 133.

⁴⁸ Бірыла М.В., Ваняга А.П. Літоўскія элементы ў беларускай анаместыцы. Мінск, 1968, с. 9-36.

⁴⁹ Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пуши и на земли, составленная старостой мстисловским Г.Б. Воловичем в 1559 году. Вильна, 1867, с. 50.

⁵⁰ Ср.: Prinz J. Op. cit., p. 112-114.

⁵¹ Kamiński A. Op. cit., p. 103; Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa w powiecie Suwalskim od XV wieku do połowy XVII wieku. - In: Studia i materiały do dziejów Suwalszczyzny. Białystok, 1965, с. 60, 65.

⁴¹ Tazvyski W. Przyrostek -isko, -iŝe w językach zachodniosłowiańskich. - Slavica, IV (2), 1925, с. 219, 221.

⁴² Там же, с. 222.

⁴³ Гумецька Л.Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV-XV ст. Київ, 1958, с. 47 и 55.

⁴⁴ Корепанова А.П. Словотворчі типи гідронімів басейну Нижньої Десни. Київ, 1969, с. 81.

⁴⁵ Генсворський А.І. Указ. соч., с. 99-101.

⁴⁶ Ваняга К. Op. cit., p. 142, 146, 147.

имущественно суф. *-isk-*io-*/*-isk-*iā*)⁵². Очевидно, следует предполагать не меньшее разнообразие и в исходных ятвяжских прототипах рассматриваемых названий. Таким образом, в свете данных о славянизации тождественных литовских форм решение задачи детальной (вплоть до окончания) реконструкции изучаемых ойконимов значительно усложняется. На помощь здесь может прийти только выяснение исходной основы каждого из рассматриваемых названий ятвяжских сел на -ица.

* * *

Один из тех основных выводов, к которым приводят рассмотренные материалы, относится как к названиям населенных пунктов, так и к личным именам ятвягов. Сравнительно короткий список ятвяжских личных имен, непосредственно представленных в исторических источниках, можно пополнить за счет реконструкции той части антропонимии, которая легла в основу географических названий ятвяжских земель. Необходимой опорой при таких "извлечениях" должны быть реально засвидетельствованные личные имена, выступающие в том или ином контексте с другими ятвяжскими языковыми элементами или же с западнобалтийскими (балтийскими) лингвистическими явлениями вообще. В данном случае таким дополнением к ятвяжскому антропонимикону стали имена Baldyka u Oľdyka.

Т. М. СУДНИК

К ИСТОРИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕЛЯСЫ

В юго-западной части Вороновского р-на Гродненской обл. БССР в междуречье Дитвы и Пелясы к югу от местечка Радунь лежит несколько деревень, образующих ныне остров литовско-белорусского двуязычия в белорусском окружении: Пеляса (лит. Pelesà) – самая большая из деревень острова (195 дворов в 1976 г.) и средоточие ведущих языковых тенденций этого ареала, Смильгини (лит. Smilgīnai), Виганцы (лит. Vigonys), Карговды (лит. Kargaudai), Клайши (лит. Klaišiai), Помедь (лит. Pamedė), Пилкнцы (лит. Piliūnai), Поволока (лит. Pavalakė), Подитва (лит. Padzityš/Padzvičys), Старые и Новые Друскиники (лит. Senieji ir Naujieji Druskininkai), Лелюши (лит. Leliūšiai).

В плане соотношения литовского и белорусского деревни, образующие остров, не представляют равномерности и единства. Напротив, здесь, на небольшом пространстве острова, как бы сошлись различные стадии преобразования во времени некогда единой языковой ситуации: и почти полное угасание литовского, когда, говоря о носителях двуязычия, приходится ссылаться лишь на старейших жителей деревни (Смильгини, Лелюши и особенно Помедь), и равновесие, количественное и качественное, обоих компонентов двуязычия (Пеляса, Пилкнцы, Дубинцы), и сохранение, едва ли не в нетронутом виде, исконного преобладания литовского (Поволока). И тем не менее, несмотря на разницу и контрасты, внутреннее единство пелясского острова продолжает осознаваться людьми через память о прошлом и пиетет к традиции.

Три четверти века назад вблизи Пелясы проходила литовско-белорусская этноязыковая граница: "... Далее граница идет по северной части Лидского уезда: в юго-западном направлении от Геранон почти до ст. Бастуны Полесской ж.д. и далее до Заболотья, оставляя к северу литовскую волость Радунь и д. Пелясу, затем граница резко поворачивает на северо-восток, захватывая Начу и Ейшишки в белорусскую область..."¹. Статистические данные конца прошлого века, из которых исходил Е.Ф. Карский, свидетельствуют о смешанном населении пелясских деревень того времени: в пелясской гмине из 1723 чел. значилось литовцев 1421, белорусов и поляков 302².

¹ Карский Е.Ф. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. – Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Ф.Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. Цит. по переизданию: Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 385–386.

² Anonim. Obszar języka litewskiego w gubernii wileńskiej. W Krakowie, 1898, с. 64. – Автор основывается на мате-

⁵² Safarewicz J. Litewskie nazwy miejscowe na -iškai. – Onomastica, II(1), 1956, с. 56–57.

Эти сведения, равно как и сами условия территориальной смежности, позволяют восстановить уже не менее чем столетнюю давность литовско-белорусского двуязычия в пелясских деревнях. В памяти старейших пелясцев, помнящих речь отцов и дедов, под знаком двуязычия предстает и еще более далекое прошлое.

В продолжение всего этого времени существовали условия, казалось бы, predisposing к быстрой ассимиляции литовского элемента — прежде всего, белорусское окружение пелясского острова и в связи с этим постоянное использование белорусского языка для внешних контактов (при том и тем более, что во всех остальных функциях литовский и белорусский полностью дублировали друг друга). Однако эта тенденция коснулась пелясского острова в гораздо меньшей степени, чем можно было ожидать (зная хотя бы судьбу литовских говоров в этом районе литовско-славянского пограничья).

Ассимилирующее влияние белорусского окружения сказалось, главным образом, в том, что в пределах острова распространилась ситуация п а с с и в н о г о литовско-белорусского двуязычия, охватив в некоторых случаях целые деревни. К последним относятся д. Смильгини, Лелюши, Помедь, где в настоящее время сохранились лишь единичные семьи, еще поддерживающие навык двуязычия, тогда как остальная часть населения уже полностью перешла на белорусский язык. Тем не менее, характеризуя в общем языковую ситуацию этих деревень, о моновязычии в чистом виде говорить не приходится, поскольку у всех возрастных групп (исключая, может быть, младшее поколение) до сих пор уцелела способность понимать литовскую речь.

Зато в других частях острова а к т и в н о е литовско-белорусское двуязычие безусловно преобладает, настолько, что практика обоих его компонентов пока, пожалуй, одинакова, а в некоторых случаях (например, в д. Поволока) за литовским остается едва ли не преимущество в употреблении. Разумеется, это равновесие и тем более перевес в сторону литовского не стабильны, поскольку белорусский язык, обслуживая ситуации быстро расширяющихся внешних контактов, и здесь все заметнее выдвигается на первый план. Попеременное использование литовского и белорусского обусловлено и нуждами повседневных контактов в пределах острова. Так, общепринятая норма речевого поведения обязует прибегать и белорусскому во всех неоднородных по языку ситуациях, иногда же выбор определяется не языковой характеристикой говорящих, но зависит просто от их числа или даже от темы разговора и т.д. Сквозностью нормой при этом не ощущается, говорящие легко и свободно ориентируются во всевозможных ситуациях, переключаясь, когда надо, с одного языка на другой естественно и незаметно для себя.

Спонтанность перехода с литовского на белорусский (и обратно) облегчается тем, что в речевой практике пелясцев вполне допустимы и "креолизированные" тексты, соединяющие в себе гетерогенные языковые элементы, ср. *atkryli okna — liepna iz'ė praz aknó, usó žyarála, cik kampaĩ*

lĩko, и т.п. Создается даже впечатление, что своеобразный языковый этикет не только не исключает, но скорее поощряет двойную ориентацию говорящих и с а м о п е р е в о д в расчете на разноязычных собеседников: *žyta marnaja, rasavana nadobraja byla — nağara rasavõna buvo; šac na žėrava abviša — arišala an mežagū* и т.п. Особенно часто практикуется в подобных случаях перевод если не целой фразы, то по крайней мере ключевого слова, ср. *žė žlugis rascė, nato bliska vadā — šmėla mōžna stūdna kapac, žė makryca važecca; katojai kazų byvāja vymčuk — tašmanukas — vėlki; žylki pacaynucca pa nēba — pa payodu gisly tūja; и т.п.* Очевидно, что иноязычный лексический эквивалент привлекается тут на правах синонима, поясняющего сказанное, и тем самым текстуально подтверждается свобода межязыковых ассоциаций, свойственная двуязычнм.

К такому же результату — хождению текстов гетерогенной структуры — ведет и обратная по видимости разговорная тенденция, а именно н е п е р е в о д прямой речи, в особенности стилистически маркированной, ср.: *sused toĩ kryčyc na jayó, klanė: kat tavi žyeminis parkūnas žumūšt!* или: *itai žiėvo bludālis — starýja lūžan'ki | kazāli; brangeĩ nory iš lūbino — trý rublĩ, kazāy.*

Речь двуязычных изобилует и другими образцами креолизированных текстов, среди них — макаронические фразы, которые здесь в порядке вещей: *janā mōka varažyc in sāko prādu, и т.п.;* фразеологические вставки: *sōnžynis natūry — a jak tryvōya to da bōya; частные случаи иноязычных подстановок при малейшем затруднении в слове (с синхронной морфологической обработкой разовых заимствований): zájac smāgly — jōn ža š ... vidurōy n'a māja; plōtu yaražic nā mōžna, pakam... gryn'ž'a trymāja, и т.п.*

Наблюдения такого рода над речевой практикой пелясцев как нельзя более очевидно свидетельствуют о взаимном притяжении литовского и белорусского в сознании двуязычных, знающих по существу один "смешанный язык с двумя терминами" (вполне аналогично тому, что наблюдал Л.В. Щерба у лужичан). Показательны в этом плане декларации самих носителей двуязычия, склонных не к противопоставлению, а скорее к сближению, вплоть до отождествления, языков, которыми они владеют: *pa prōstu (т.е. по-белорусски) vōuk, i pa litōysku tōja sāmaja — vilkas, éta takĩ sāmý jazýk, a žinākavy — prōsty, mašancy my — tāk sāmá yavorym pa litōysku i pa prōstu...*

Естественно, что длительные интимные контакты литовского и белорусского в условиях пелясского острова привели к их далеко зашедшей конвергенции, суть которой в том, что белорусская и литовская системы предстают как с у ж а ю щ и е с я языковые пространства, тяготеющие так или иначе к их о б щ е м у я д р у; расхождения же между языками опять-таки смыкаются в своеобразный континуум через связующее звено — единую и устойчивую систему пересчета от одного языка к другому, укорененную в сознании двуязычных. Конкретные пути и проявления этой конвергенции составляют тему самостоятельного исследования, здесь же важно заметить одно: по всей вероятности, сами по себе формы симбиоза литовского и белорусского говоров, сложившиеся в пелясских деревнях, способствуют передаче во времени модели двуязычия, выступая в роли

риалах, собранных в Виленской губернии сельскими старшинами по распоряжению графа Адама Плятера.

своего рода консервирующего механизма, в котором заключается одно из возможных объяснений поразительной жизнестойкости литовского говора в Пелясе, в давнем окружении белорусского этноязыкового элемента.

Однако главную причину и первоначальный импульс уникальной устойчивости литовского говора следует искать, вероятно, в предьстории языковой ситуации пелясского острова, а именно - в той роли, которую сыграл здесь западнобалтийский элемент. Причастность пруссов к истокам нынешней ситуации тем более достоверна, что она восстанавливается не только на основе лингвистических фактов, но подтверждается и историческими свидетельствами, наиболее ранние из которых относятся к концу XIV в.

К числу лингвистических аргументов в пользу этого предположения можно отнести, по-видимому, некоторые специфические особенности литовского говора Пелясы, по основным признакам смыкающегося с южноаукштайтским диалектным массивом³. В частности, здесь имеется в виду ряд фонетических архаизмов, соотносимых с чертами западнобалтийского типа.

1. Прежде всего в этой связи следует обратить внимание на несомненные следы в пелясском говоре так называемого саканья⁴, т.е. произношения *s*, *z* вместо *š*, *ž*. Если до сих пор это явление не было здесь отмечено⁵, то это объясняется его сугубо реликтовым характером: оно уцелело лишь в одном уголке пелясского острова - в д. Дубинцы. На фоне абсолютного преобладания нормы различения *š*, *ž* и *s*, *z* в пелясском говоре здесь сохраняются идиолекты, которые либо вообще не знают шипящих (речь идет о старейших носителях говора), либо допускают смешение *s*, *z* и *š*, *ž* (сплошь и рядом в речи людей старшего и среднего поколения, спорадически - у более молодых и даже у выходцев из Дубинцев, долгое время живущих в Вильнюсе). Вот некоторые записи: *āš pažnoū, naskaicoū - n'ajunkita*; *doūgel s'viēto parvazāvo is rōdiņos; anā vaikūs prylauza pazdārbus; spakaī tōcyjas pāliāzaru; tū rutāla, tū zaļāusa; sācis ispūola an papēvo; jaū zalūojas runīs; rasāl islīfzde joū; vējas n'ekūkštara, n'ebraukštara; snēgas snēko zvaigzdūtem - an sālcū; syrksnā; salnā; pāzagas; zyvis*; и т.п. (Дубинцы, 1976).

У тех же лиц аналогичное явление наблюдается и в белорусском говоре: *zyvōi zōnki ūdavēs; zōūtvyx, cyrvōnyx, burackōvyx jēst suravēskau; ōt zyta i urunēla - jaki harōsy palētacak*; и т.п. Однако существенно, что полного параллелизма здесь нет, поскольку в белорусском "шепеля-

вое" произношение не столь часто (это отмечают и сами пелясы: *janū i pa prōstu švapatlivē gavōras, a ūzō pa litōysku to ni dāi bōža*); к тому же в белорусской речи этого типа смешение *š*, *ž* и *s*, *z* нередко наблюдается в виде замены свистящих шипящими: *žaičyk perabēy darōyū; pa bēdnyū saldātu usē lōzy šumāt*; и т.п.

Соседние деревни прозывают жителей Дубинцев *švapēl'di* (швяпельди) (*švapēl'zai*): *ōt ētyja švapēl'zi dubīnskija! s pad adnauō kāmān'a vadū napilīsa ētyja dubincy švapatlivyja. mōža ēta lēs dubīnski jīm ētyju gavēndu našaptāy*. Выслушивая фонетику Дубинцев, пелясы не упускают случая привести комический диалог:

- *mās tai zo vūogu, zo grību ...*
- *o mās zo zuvū ir zo zuvū!*

Важно отметить, что раньше, как говорят, "швяпельди" встречались и по другим пеляским деревням, причем были семьи, где эта особенность произношения переходила из поколения в поколение (*usēnki jīx rōd būy taki švapatlivy*). Интересно также, что у некоторых жителей д. Друскиники наблюдается крайность, как бы обратная дубинской системе - на месте свистящих здесь звучат шипящие, вернее, краепалатальные (по О. Броку): *drūskiniki, šmilgini* и т.п. (это опять-таки подмечено и самими пелясами, которые называют таких людей *bezyazykimi*).

Таким образом, есть основания считать, что выступающая в части пелясского острова замена *š*, *ž* > *s*, *z* - не случайность и не дефект речи, а остаточное явление традиционной фонетики пелясского говора. О том, что это так, косвенно свидетельствует и еще один факт - наличие саканья и на соседнем литовском острове, в д. Складанцы (*Skladonys*) километрах в восьми к северо-востоку от Радунь. Там, в частности, от яркого носителя этой черты 74-летнего Феликса Журомского записаны следующие примеры: *vazūojam Sklodonisa; zūzyba ūgnis ir sviesū; skreñda zūsis syltañ krājīn; prie klavāl'z zyrgālis stovējo; kūr vupāla tākā, sakalēli nāsa, žvī mērgāles lalijāles baltu. zūsi pāsa*; и т.п. (лето 1977 г.). В речи этого информанта на фоне смешения шипящих и свистящих и спорадического выступления *š*, *ž* на месте *s*, *z* есть примеры лексикализованного саканья (напр., *zūsis*).

Следует, кроме того, иметь в виду, что не так далеки от пелясского острова д. *Ašašninkai, Musteika, Kabeliai, Švenčionėliai*, где также представлено неразличение *š*, *ž* и *s*, *z*⁶.

2. Пеляса, как уже отмечалось⁷, входит в группу южных и юго-восточных литовских деревень, где происходит замена *t'*, *d'* > *k'*, *g'* в позиции перед гласными *e*, *é*, *i*, *ie*. Это явление здесь наблюдается спорадически как у старшего поколения, так и у более молодых, причем выделяются идиолекты, где оно выступает более или менее регулярно (напр., в речи Доминика Ракутя 73 лет, д. Лелюши). При-

³ *Girdenis A., Zinkevičius Z. Dėl lietuvių kalbos tarmių klasifikacijos. - Kalbotyra, XIV. Vilnius, 1966; Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1963, c. 446, карта 1.*

⁴ *Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego, t. I. Warszawa, 1958, c. 352-354.*

⁵ Ср., напр., пеляские тексты в изданной Институтом литовского языка и литературы хрестоматии "Lietuvių kalbos tarmės" (Vilnius, 1970, c. 400-402); а также: *Zinkevičius Z. Op. cit., p. 147.*

⁶ См.: *Zinkevičius Z. Op. cit., p. 147*; а также: *Lietuvių kalbos tarmės, c. 349, 390.*

⁷ См. из последних работ: *Savičiūtė G., Vitkauskas V. Priebalsių t: k ir d: g maišymas Švendubrės šnekoje - Baltistica, 1976, XII (2), c. 146-149* и указанную там литературу.

водим некоторые записи: žyegālis; doūgel' vāngano; žiēvo blug'ālis; vuogāgā; kāmsta; mokārýške; kakéc' noréjo (позиция перед а < е); kevas" dukkē; tū zāsaŋku apkiso.

Обратной замены k', g' > t', d' и случаев смещения непалатальных t, d и k, g как будто бы не наблюдается, хотя это может объясняться пока недостаточностью материалов.

3. Среди фонетических архаизмов пелясского говора особого внимания заслуживает произношение слова žuvīs (и однокоренных) с i (и после твердого ž)⁸; žyvīs (и žūvis), žuvāc' (Дубинцы, Пеляса, Клайши). В такой огласовке эти слова отмечены в речи самых старших носителей говора, причем именно у тех, кто вообще отличается языковым консерватизмом (и в частности, в отношении фонетических особенностей, рассмотренных выше).

В связи с этим следует указать и на другие случаи мены и : i в пелясском говоре, и прежде всего, на преобладающее здесь произношение rōdina (Rodūnia): rōdina žizūla; važuošu rōdīnōn; eina rōdīnōi altōbusas (такое произношение отмечается и за пределами пелясского острова, в частности в Складанцах). Примечателен также вокализм приставок: nuvažuoš, nuvažic', župjāuc', žyrakīnc', syvārc', sysūkc' и т.п. (в речи стариков)⁹ наряду с nuvažuoš, nuvažic', župjāuc', žyrakīnc', suvārc', susūkc'. Неустойчивое соотношение u : i наблюдается и в некоторых других словах: ščupōkas/ščupōkas; grymōtnikas/grumōtnikas (Potentilla argentea L.); šnūras/šnīras (kmōros šnīrais); kanišynā/kanišynā; milūcyja/milicyja; sutānas /syātānas.

Диалектные материалы, приведенные здесь по необходимости кратко, разумеется, требуют более подробного изучения, но уже сейчас они дают основание предположить участие западнобалтийского элемента в судьбе пелясского говора, тем более, что с ними заодно идут и точные исторические свидетельства о поселении пруссов в районе Пелясы несколько столетий тому назад.

Указание на это содержит, в частности, орденский документ конца XIV в. "Die littauischen Wegeberichte" (приложение к Хронике Виганда из Марбурга), где в описании дороги под № 90 ("Weg von Przełom nach Eicziczki") упоминается Skalewo, расположенное между Заболотью и Радунью, и поясняется, что там живут скалови (люди из прусской земли Скаловии), взятые в плен при Рагнете: "... Von Waisilshken hat man abir czwu myle czu Sabalost, do czwuschen gut rum lant vnd dorffer. Von Sabalost hat man czwu myle bis czu Skalewo, do wonen ouch die Schalwen, die czu Rangnith wurden gefangen, von eyme dorffe czu dem andern als rum Weg; abir do ist eyn flies vnd heist Pellessa, und ist nicht breit; sie meinen, das is gebrucket sye. Von Skalewo vort hat man czwu cleyne mylen

⁸ Ср. žyvės, а также liežyvis, bryvaī в говоре зетелы: Vidugiris A. Kai kurios Zietelos tarmės ypatybės. - In: Lietuvių kalbotyros klausimai, II. Vilnius, 1959, с. 199.

⁹ Приставки пы-, žы-, сы- были записаны в радунских говорах О. Брокм (наблюдения относятся к концу XIX в.): žyspīrē, žymīšē и др. См.: Broch O. Zum litauischen südlich von Vilna. - Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1958, Bd. XIX, S. 1-71.

bis czu Radun, do czwuschen allis schone got rum lant wol besatzet..."¹⁰.

В западнорусской форме то же Skalewo известно и по привилею Ягайлы от 1387 г., определявшему владения князя Скиргайлы: "А около Троковъ тая мѣста: по Ваку по старый рубежъ, а по Вельи внизъ такожъ по старый рубежъ, только опроче Жеймовъ и Кулвы; а на сю сторону по С к о л в у город Радуня и вся тая волость..."¹¹.

Сводку источников, относящихся к истории этого прусского поселения, и их убедительную интерпретацию, проливающую свет на картину прошлого, содержит исследование Е. Охманьского "Skolwa i Borcie. Zachodniobałtyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej"¹². Skalewo - Скол-ва, как полагает автор, было общим названием прусской колонии (т.е. целой группы деревень) под Радунью, возникновение которой связывается с походом Кейстута и Ольгерда на Скаловию в 1365 г. (что не исключает, возможно, как предшествующей, так и последующей эмиграции). С этого времени прусские переселенцы из поколения в поколение несли повинность строительства и починки мостов, дававшую им и особые социальные привилегии (в частности, освобождение от тягла). По крайней мере до конца XVIII в. они образовывали самостоятельную административную единицу - Бортянское староство, в состав которого, согласно инвентарю 1765 г.¹³, входили четыре войтовства: П е л я с с к о е (д. Пеляса, Помедь, Подитва, Поволока, Пилюнцы, Лелюши), С к о л в е н с к о е (д. Виганцы, Смильгини, Дубинцы, Скирейки, Ворли, Полойкишки, Курки, Карговды), Г о р о д е н с к о е (Складанцы, Вайкунцы, Поройсте) и отдаленное от Радуня п о н е м а н с к о е (Турийск, Яселевичи, Толочки, Пипорони, Минейтовичи). Название староства указывает на связь с другой прусской землей - Бартой. Выходцы из этой земли - бортм (бортм-е) - часто привлекались к мостостроительной службе, так что, как заключает Е. Охманьский, "ich dawna nazwa plemienna stała się synonimem pełnionego na Litwie zawodu budowniczych mostów".

Рассматривая следы прошлого в нынешней языковой ситуации Пелясы, интересно привести свидетельства антропони-мической преемственности - в настоящее время в пелясских деревнях продолжают многие фамилии, упомянутые в Ин-

¹⁰ Scriptores Rerum Prussicarum, t. II. Leipzig, 1863, S. 703; Skalewo упоминается также в "Die Chronik Wiggands von Marburg", cap. 60 (ibid., p. 548). Фрагмент из "Wegeberichte" цитирует К. Бура с указанием соответствий: "Sabalost (= Заболоть), Rangnith (= Рагаин-нѣ), Radun (= Rodūnia > rus. Радуня ir atgal naujai iš rusų kalbos pasiskolintas vardas Rōduinia)", см.: Būga K. Rinktiniai raštai, III. Vilnius, 1961, с. 116.

¹¹ См.: Отечественные записки, изд. П. Свиньиным. Январь, № CV, 1892, ч. 37, с. 3-10; цит. по изд. Jakubowski J. Opis księstwa Trockiego z r. 1387. - In: Przegląd Historyczny, t. V. Warszawa, 1907, с. 45.

¹² См.: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Historia. Warszawa, 1972, с. 83-89.

¹³ Feodalinių žemės valdų Lietuvoje inventorių aprašymas. Vilnius, 1963, с. 242, N 688.

вентаре Бортянского староства 1765 г.: Radziulis, Vilbikas, Juška, Ladišius, Mindziulis, Kauza, Rakutis, Kruopis, Tunkelis, Doda.

Память о языковом прошлом Пелясы живет, возможно, и в некоторых лексических реликтах. В окрестных белорусских деревнях пелясцев называют *бартяками* или *бортями*: *barcák švaratlivų; barcákí gargėcuc; užaų žonku barcāku i šam zbarcācėu; usė bōrci pavylāzili, adny gudų astalīa u altōbuse; bylō u vāvarce* (д. Ваверка) *ludnōs-ci - i barcėi i našux lužėi*; литовский язык пелясцев называют *barcanskim*: *jā usėtki jix jazųk barcānski pānīmāju, tylko vāvarų pa barcānsku ni maų*; сохранилась память о прежнем названии деревни *Бартянская Пеляса* (в отличие от лежавших неподалеку небольших поселений *Старая Пеляса* и *Пеляса-Двор*). Естественно, что сами пелясцы связывают эти названия с тем, что раньше (и не так давно) здесь занимались бортничеством: *ci vėdajacā za štō nās barcākāmi nazyvājuc? ēta nām krūda nāvat. tēras mų užō bārcāi nā majam, i bārci užō tūja pānili. a nās i tēraz barcākāmi nazyvājuc, a za tōja, štō u nās u vōsca Pelasė byli lasų vėlkija, i pa tųx lasōx byli ogrōmnyja bārci, jag barėmami dvōmi abnāc. byli taki ja pšcōlniki mušcyzny, to ulėza u xvōju, ustrōjica rystavānā, i tām vūdabaja, u tēi bārci ulėi zrōbic, i tām pšcōly pūscic. tām pšcōly jaki ja trōji, čvōry. byli u adnōi bārci. to za tōja nās nazyvājuc barcākāmi, štō pa bārcax mōt padbirāli, i xavāli pšcōly pa bārcax. kalī ižamō mų, to tām, z za balōta ētyja: barcāk pašōu! u našym lėša da jakōja dvazėstajo pātao rōku bylā bārcā, jajė užō spilavāli lūji, tūju bārcu, tylko užō pāmātka tāja, štō nās nazyvājuc barcākāmi. Однако, если судить по не столь давнему прошлому, то эти занятия отнюдь не противопоставляли пелясцев соседним белорусским деревням, поскольку бортничеством занимались в этих краях, по-видимому, повсюду (в д. Кукли, *za balotam*, представляющим рубеж *barcākī - gudų*, и поныне сохранились старые *barci*, или *borci*).*

Интересно также слово *скалики* (*skalīkai*) - пренебрежительное прозвище жителей д. Друскиники, которым приписывали *skūpasč, oščėndnašč: skalik ty drúskinicki! skalili nāto drúskinickija - usayō jīm māla, pirōx s xlēbam jaduc; ganā tū skālic, skalikas tū!* Народная мотивировка (слияние со *skalikas* 'гончая собака'), как и в случае с *barcākī - bōrci*, скорее всего представляет позднейшее переосмысление. На это указывает употребление слов *barcāk, skalik* как прозвищ местных литовцев в д. Складанцы (северо-восточнее Радуня): *užō litvin to skalik; barcākī, skalikī - ličvakōu dražnili; dounėi bōlš skalikāmi nazyvāli, a tēras kāzuc barcākī, skalikas ēta glūpas žmogus - nigžė s tvaįjōi gavėndai nā pōižās*. Таким образом, (отправляясь еще и от письменных источников, касающихся Пелясы), в словах *skalik, barcāk* можно усматривать, вероятно, след старых этнонимов, уцелевших в пейоративной функции.

Наконец, на фоне этих лексических реликтов, сохранивших связь со *Скаловией* и *Бартой*, кажется правдоподобной еще одна ассоциация: название одной из деревень пелясского острова - *Помедь*, лит. *Pame-*

dė - точно соответствует названию прусской земли *Помезании*¹⁴.

Таким образом, на основании лингвистических и исторических свидетельств с несомненностью восстанавливается эпизод древних этноязыковых связей, который обусловил на протяжении длительного времени известную обособленность, замкнутость в остров пелясских деревень, выделявшихся среди окружения по этническому, языковому, профессиональному и административному признаку. По всей вероятности, в этой обособленности сыграли не последнюю роль еще и географические условия края - реки, леса, обилие болот¹⁵.

В это глубокое прошлое, очевидно, уходят корни нынешней языковой ситуации и, в частности, исключительной жизнестойкости литовского говора в Пелясе.

* * *

Приводим образцы пелясских диалектных текстов.

Литовский говор

būvo bō ba ir žiėdas. ā nis būvo žviesā. ir turėi jāutūku. važuoja žiėdas m'āzin su jāutūku. tas jāutūkas mārgas, tōkis gražus, šōka, raskācnas. važuoja m'āzin tas žiėdas mālkos. āzna susicigdo žiėdas vilku. vilkas : žiėdai-žiėdai, kuř tū tōki grāžu joutūku radai? žiėdas sākō : turū! ot, žiėdai, kat tu manī tōki grāžu padarītai kai itas joutūkas! ateik, padarīs u. nu, vilkas ir nuv'āi mājīn. žiėdas nuvažau mālkos prišidė jo važymu, parvažau namō ir an bō bos sākō : bō ba bō ba, prišlįzik kārsto vā ndenō smėlu puodu, ateis vilkas, mēs padarysim mągu jī. bō ba pakurė anduobės ūgni an prypacko ir puodu pastā te an trynōsku. ateido vilkas. žiėdas an vilko sākō : vilkai-vilkai, lišk vā iton kō dēn! vilkas šubuldūxc kō dēn! bō ba smėlu puodu vā ndenō kārsto ku lōm pūmc an tō vilko! tas vilkas kat šōks, kat skriš mājīn stāugdamas - yē-pa-pa, yē-pa-pa! žiėdas su bō bu juōkas abūdu stōvi durysā prymni! bō ba pariņko šeřsci jōu i š vā ndenō, pazdāre kuodāli vārpč. nuvažau m'āzin žiėdas, o bō ba vārpā vīlnu, juōkas - juōkas ku vilko apšukō jo! āžno ataido vilkas po durymī, jōu cāmsta :

*visos vištos miėkc',
visos žūsis miėkc',
cik māno bō ba nāmiėkc',
māno vīlnu vōēřpa-vōēřpa
sūka-sūka,
āš ju sujė su-sujė su!*

¹⁴ Заметим, что на территории Литвы именно эта форма не отмечена, там известны *Pāmedinciai, Pāmedinė, Pāmedinės* (см.: *Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas*, II. Vilnius, 1976, с. 223).

¹⁵ В "Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами генерального штаба. Виленская губерния" (Сост. А. Корева. СПб., 1861) значатся в Лидском уезде вблизи Пелясы *Пелясские* и *Радунские* болота, и далее - *Дитвовские, Заблоцкие* и др.

kloŭso bó'ba - viľkas atājis ... bó'ba greičā ū pā-
 čō šurūm-šurūm, šurūm-burūm ū pāčō, su kuodaľū su rat'-
 alū, sēdo ū pāčō, vārpa. āžno viľkas po kitū lā űgu,
 vē'l':

vīsoš vīstos miēkc',
 vīsoš žūsis miēkc',
 cik māno bó'ba nāmiēkc',
 māno vīľnu vārpa-vārpa
 sūka-sūka,
 āš ju sujē.su-sujē.su!

bó'ba drā'ba, bljo, nāt an pā ču su kuodaľū, su vārpsčū,
 ir vē'l' vārpa. āžno viľkas bāx-bāx durīсна ir vē'l':

vīsoš vīstos miēkc',
 vīsoš žūsis miēkc',
 cik māno bó'ba nāmiēkc',
 māno vīľnu vārpa-vārpa
 sūka-sūka,
 āš ju sujē.su-sujē.su!

bó'ba nāt an kāmīno, oukštaī, jōū strō'kas bó'bai āžno
 ataīdo viľkas : bó'ba, kuřtu! māno vīľnu vārpi, āš grī-
 nas vāikščosu, mán šālta, āš izgaišū, mán só pa! tū bó-
 ū pūmc' ausiņ, bó'bu žūmuše ir izgrāmže, izgrāmže vīdu-
 rus, žarnās tai bó'bai, priķimšo viřkšču ir pastā'ta
 nāgī'vu kampaņ. parvažūoja ziēdas namō : bó'ba-bó'ba,
 atramk durīs! bó'ba naatramžīnē'ja ... ziēdas ir vē'l':
 bó'ba-bó'ba, atramk durīs! bó'ba naatramžīnē'ja ...
 acīrame ā'nas durīs, taz ziēdas, ineīdo, āžno bó'ba viľ-
 ku sujestā, kampi stō'vē, ziēdas vērķa-vērķa ... vā
 kap su vilkū, nāreīka nīgdw su vilkū družyc', viľkas
 jirā žvierīs viso sviēto.

Белорусский говор

žy ū žēt i bāba. janý mēli rabōya byčká. tōi byčōk nātto
 býu raskōčnanki, pryvýkšy usō kala jix, janý iduc' i jōn
 usō za jimi. jēs'a žēt u lēs i za jīm l'acīc' byčōk s tý-
 lu. spatykājuc' janý vōukā. vōuk űl'ažic' : žēd-žēd,
 žē tū takōya byčká lādnaŷa uz'ā ű rabōya? ōt, kāza, mājū.
 ōt, žēt, kap tū min'ē takīm lādnyu zrabīu by jagēty
 byčōk! žēt kāza: pryž'i, zróbim, aby xōčas! žēt pryvōz
 droŷ i na bābu kāza : bāba-bāba, paűrēi vadý, pryž'a
 da nās vōuk, zróbimo jayō rabým jak nās byčōk! bāba va-
 dy sagān v'ēl' ki pastāvila, žēt prykaciŷ kadušku. pry-
 xōžic' vōuk. žēt kāza na vōukā : vōuk-vōuk, l'ēz' u
 yētū kadušku! vōuk šubuldūxc' u kadušku! a bāba n'asē-nā-
 sē sagān nad jīm - šūxc' na vōukā! a tōi vōuk ā-űu-űu,
 jak skōcyu, jak pal'ac'ēu u l'ēs vŷjucy! a bāba z' žē-
 dam u s'an'āx stajāc' na parōzi, s'm'ajūcca z vōukā,
 vōukā zapāryli! a vōuk u l'ēs - űōly. bāba paz'birāla
 jayō šērs'c', paz'birāla, zrabīla kuž'ēl' ku i praz'ē.
 a žēt iznō ű pajēxau u l'ēs. āžna pryxōžic' vōuk pad aknō
 i kāza:

us'ē űsi s'p'ac',
 us'ē kury s'p'ac',
 tōl'ki majā bāba n'a s'p'ic',
 majū vōnu praz'ē,

pa valōknu v'a ž'ē
 z'jem bābu, z'jem!

bāba spalōxalas' a - űi-jēi, vōuk! bāba za p'ēc paīšla
 s'ēla. āžna vōuk pad drūűōja aknō i znōu:

us'ē űsi s'p'ac',
 us'ē kury s'p'ac',
 tōl'ki majā bāba n'a s'p'ic',
 majū vōnu praz'ē,
 pa valōknu v'a ž'ē -
 z'jem bābu, z'jem!

bāba āž na p'ēc űžō! a vōuk pat trēc'a aknō:

us'ē űsi s'p'ac',
 us'ē kury s'p'ac',
 tōl'ki majā bāba n'a s'p'ic',
 majū vōnu praz'ē,
 pa valōknu v'a ž'ē -
 z'jem bābu, z'jem!

bāba āž na kōmīn s kuž'ēl'aju, dryžyc', bajīcca. a vōuk
 paz' ž'v'ēry, aččynīu, advalīu tām űžō jak i u xātu:
 žē tū, bāba! s'c'aynū űju bābu s kōmīna, pavaliu, vŷ-
 jau trybūx, napxnū s'ēna i pastāviu u kačarēžnik. a
 sām pašō ű l'ēs űōly. pryjažžaja žēt z k'ēsu : bāba-
 bāba, advali ž'v'ēry! bāba n'a advāl'uja, stajic'. jōn
 i drūyi rās: bāba-bāba, advali ž'v'ēry! n'a advāl'uja.
 jōn tām jak advalīu, tŷja ž'v'ēry, űl'ēs u xātu - kali
 dās'c' bābi pa űxu : čamū mn'ē ž'v'arēi n'a advāl'ujaš?
 pavaliľas' a tāja bāba. āžna žēt űl'ažic' što bāba vōukā
 z'jēžana ... plākau žēt plākau i paxavāu bābu, i us'ō -
 končylas' a bāika. ōt, katōk, jak z vōukōm družyc'.

(Записано в 1975 г.

от Р. Варанаскене 1932 г. рождения, д. Пеляса).

ГИДРОНИМИЯ ПЕЛЯСЫ

Территория, названия рек и озер которой анализируются, в гидрографическом отношении характеризуется прежде всего тем, что она находится почти в центре междуречья бассейнов Немана и Мяркуса. Этим объясняется то обстоятельство, что в окрестностях Пелясы много маленьких потоков и нет ни одной большой реки, причем эти потоки часто являются верховьями более солидных рек, которые таковыми становятся уже за пределами интересующего нас региона.

Эта особенность рассматриваемой территории в какой-то степени помогает объяснить причины довольно необычной неустойчивости и пестроты в наименовании гидрообъектов и неопределенности и расплывчатости в употреблении самих гидронимов.

Вторая гидрографическая особенность, на которую, как нам кажется, есть смысл обратить внимание, — это немногочисленность озер. Поэтому и лимнонимы в нашем обзоре будут встречаться только изредка.

Количество гидронимов, привлекаемых к обсуждению в данном случае, т.е. в рамках территории "окрестностей Пелясы", вряд ли может быть точно установлено. Дело прежде всего в том, что сами границы "окрестностей Пелясы" очень неопределенны, в особенности если иметь в виду общую лингвистическую ситуацию данного ареала в диахронном плане. Поэтому мы сочли возможным не ограничиваться лишь ближайшими окрестностями Пелясы, а взять территорию в радиусе 20–30 км от Пелясы.

В этом регионе зафиксировано около 40 названий рек и 6 названий озер. Источником этих гидронимов послужили в первую очередь полевые записи, сделанные в разное время разными исследователями у местного населения. Кроме того, были использованы некоторые письменные источники, в основном — картографические, среди которых особое положение занимает гидрографическая карта бассейнов Немана и Зап. Двины 1937 г.¹ И все же, несмотря на то, что среди обсуждаемых гидронимов встречаются и такие, которые не являются "полевыми записями", есть основание говорить, что анализируется в основном современная гидронимия окрестностей Пелясы.

Учитывая сравнительно небольшое количество гидронимов и маленький ареал их распространения, представляется наиболее целесообразным анализ проводить в такой последовательности: сначала дать "этимологический словарь" всех гидронимов, а в завершающей части статьи предложить несколько замечаний общего характера.

¹ Mapa hydrograficzna dorzeczy Niemna i Dźwiny. Opracowano w Instytucie Hydrograficznym Ministerstwa Komunikacji. Warszawa, 1937.

Antálka река, л. прит. Дитвы. Возможно, из *Ant-alka, где ant- — префикс (соответствующий русск. на-), а -alk- — корень (ср. лит. Alkas река, Aikus озеро, Aik-upis река и т.д. < лит. alkà 'небольшое болото, пруд', alkà 'место на горе, где совершались жертвоприношения; жертва', alkas 'небольшая гора, поросшая деревьями; место жертвоприношений; идол'). Но не исключено и другое толкование: Antalka < *Antelka < *Ant-el-ka. Форма *Ant-el-ka была бы суффиксальным дериватом от производной основы *ant-el-: ср. лит. Antė река, Añt-upis река, Antėlių brastà брод < лит. antis 'утка', antėlė 'уточка'.

Название реки Antálka имеет два варианта: Jūodelanka (диал. Jūodelanka) и Horodenka. Первый из них, Jūodelanka, является, по-видимому, производным (со славянским суф. -anka) от *Jūodelė, восходящим к лит. jūodas 'черный'. Второй, известный по письменным источникам, по-видимому, связан с названиями населенных пунктов Horodno, Horodenka, Podhorodno (Pagarodna).

Asavà река, л. прит. Дитвы. Ср. лит. Ąsavas озеро (Салакас). Попытки² связывать эти гидронимы с лит. As-alnai озеро, As-upys река и под. (< лит. asys, лтш. aši 'хвош') несостоятельны, так как Asavà и Ąsavas неотделимы от блр. Асоўцы деревня, Асавец деревня и т.п. и от блр. асавец 'сваленная земля на берегу, на косогоре; осинник', русск. осое, осовец 'рыхлый берег'³ и т.п.

Bartašunka, Bartušunka река, пр. прит. Пелясы. Производное от ойконима Bartašiūnai (польск. Bartaszuńce).

Butrimėika река, прит. Дитвы. Производное от антропонима Бутрамеев, Бутрамович, Бутрим⁴ или т.п., восходящего к литовскому сложному личному имени Butrimas⁵.

Didžiule река (Родуня, д. Дубиняя). От литовского местоименного имени прилагательного didžiulis, didžiulė 'большой'.

Ditvā (диал. Dzitvā) река, пр. прит. Немана. Ср. лит. Dīt-upė река. Более древняя форма этого гидронима была, по-видимому, *Dituva, о чем свидетельствует происшедший от данного гидронима ойконим Dituva и более ранние записи этого гидронима Dittua, Dittowa, Ditua и т.д.

Корень dit- возводится к и.-е. dei-: dī 'светиться, сиять', ср. фрак. Δτας, Δτα, алб. ditë 'день' (раньше, возможно, 'свет')⁶.

Dumblanka река, прит. Вярсяки. Производное (со славянским суф. -anka) от лит. dumblas 'ил'.

² Savukynas B. Ežerų vardai. — In: Lietuvių kalbotyros klausimai, III. Vilnius, 1960, с. 297.

³ Шире см.: Яшкін І.Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, с. 15; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, III. М., 1971, с. 162.

⁴ Бірла М.В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966, с. 38.

⁵ См.: Римша В. К вопросу о происхождении некоторых белорусских антропонимов. — Baltistica, 1974, X(2), с. 169.

⁶ Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. Erster Teil. Die Thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, S. 77, 90; Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 48–49.

Dunājus река, л. прит. Начи. Из литовского "фольклорного" апеллятива *dunājus* 'большая вода; всякая вода' и т.п., который в свою очередь является заимствованием из славянских языков⁷.

Gaujā река, пр. прит. Немана. Ср. лит. *Gaujā* ручей (Ужпалый), *Gaujā* луг (Плунге), лтш. *Gauja* река, *Gaujē-zei* деревня, *Gaujiņa* луг и др.⁸, прусск. *Gawgein*, *Gawgen*⁹. Дальнейшие связи не вполне ясны. Д. Земзаре сравнивала с лит. *gauja* 'свора, стая, банда', лтш. *gauja* 'толпа, куча, отряд'¹⁰. К. Буга предполагал, правда, очень осторожно, что *Gaujā* первоначально имело значение 'коровья река' и связывал этот гидроним с лтш. *govs* (*govs*) 'корова'¹¹. На наш взгляд, наиболее убедительными являются две близкие друг другу этимологии, предложенные в разное время Б. Савукиным и Я. Эндзелином. По мнению этих авторов, лит. *Gaujā*, лтш. *Gauja* восходят к лит. *gōti* 'быстро идти', *at-gōti* 'быстро прийти', *pu-gōti* 'быстро уйти', санскр. *džavate* 'торопится'¹².

Hoīynka река, пр. прит. Дитвы. Возможно, из блр. *го-лынка*, *голын*, *голын* 'пустырь, необлесенное место, иногда выжженное'¹³.

Hrebālka река (Родуна, д. Поцялунай). Возможно, следует возводить к блр. *гребля* 'топкое место, где трудно или нельзя проехать; гать; став' и т.д.¹⁴

Juodas озеро (к югу от д. Парамелис). Из лит. *juodas* 'черный'. Польский вариант этого названия *Szarne* является более поздним переводом с литовского.

Jodura река, л. прит. Дитвы. Это славянизированный вариант литовского гидронима **Juodurē*, ср. лит. *Juodurē* (15 рек), *Juodupis* (55 рек) и т.д. < лит. *juodas* 'черный' и *urē* 'река'. Вариант *Rojedubė* < **Pa-juod-urē*.

Kajūtis озеро (в д. Какюсис). Этимология не вполне ясна. Ср. лит. *Kajūtis* луг (Молетай). Возможно происхождение прямо от литовского антропонима (фамилии) *Kajūtis*. Но скорее всего форма *Kajūtis* является своеобразным диалектизмом из **kojutis*, ср. лит. *Koja* озеро (Вайгува), часть озера (Онушкис), *Kojėlė* река (Яшнонай, Вяпрай) < лит. *kója* 'нога'.

Katrā река, пр. прит. Немана. Ср. лит. *Katrėlka* озеро (Антазаве). Этот лимоним со славянским суф. -ка образо-

ван от более древней формы **Katrele*. Далее возможна связь с *Katārē* река (Шяуляй). По поводу *katr-*: *katar-* ср. лит. *katrās*: *kataras* 'который' - см. еще *Matarā*.

Гидронимы с *kat(a)r-* относятся к самому архаичному слою балтийских топонимов и возводятся к и.-е. **kataro-* 'ручей, канава, поток', ср. *Satarona* река, пр. прит. реки По, *Katarbātis* река в Либурнии и др.¹⁵

Kazakóuska *krinica* река (Пеляса, д. Памиде). Из антропонима блр. *Казакоўскі* и блр. *криніца* 'криница'.

Kraskowo озеро (к северо-западу от озера *Matarā*). По-видимому, от антропонима польск. *Kraska*, *Krasko* и т.д.¹⁶, блр. *Краска*, *Краско*, *Краскоў*¹⁷ или т.п.

Krupka река, л. прит. Дитвы. Происхождение неясно. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что *Krupka* протекает вблизи д. *Krupa*, что допускает объяснение формы *Krupka* как вторичной, производной от ойконима *Krupa*. С другой стороны, название *Krupka* имеет немало созвучных гидронимов в славянском топонимическом ареале, ср. польск. *Krupa* || *Krupka* || *Krup* || *Krupow* река¹⁸, *Krupka* || *Krupska Struga* река¹⁹, *Krupa* река²⁰, блр. *Крупка* река, л. прит. Прони²¹ и т.д. Для этих гидронимов, по крайней мере для блр. *Крупка*, можно предполагать связь с блр. *крупка* 'незамерзающий короткий приток реки'²².

Lebioda река, пр. прит. Немана. Блр. варианты *Лебедка*, *Лябедка*²³. Допускает двоякое объяснение. С одной стороны, не исключена связь с блр. *Лебедянка* деревня, *Лебединец* деревня и т.п., которые могут быть или из блр. *лебда* 'травянистое растение', или из *лебедзь* 'лебедь'²⁴. С другой, учитывая общую этнолингвистическую характеристику этого региона, кажется даже более вероятным сравнение с лит. *Lebedā* река (Дябейкяй), *Lebedā* река (Пабраде), *Lebedā* болото (Аникяй), *Lebedūnas* лес (Капчяместис) и др., которые, по-видимому, следует возводить к лит. *lebedā*, *lēbedā* 'вялый человек, размазня, мямля; увалень,

¹⁵ Krahe H. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil Adria. Wiesbaden, 1957, S. 10; Hubschmid J. Romance Philology, 8, 1954, p. 12 и след.

Иначе, но неубедительно, см.: Karaliūnas S. Lie. katālyti ir katāryti. - Baltistica, 1967, III(2), с. 221. Ср. еще: Schmid W.P. Zum litauischen Flußnamen Aitra. - Baltistica, 1971, VII(1), S. 40.

¹⁶ Słownik staropolskich nazw osobowych. Pod redakcją i ze wstępem W. Taszyckiego, III. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, с. 136.

¹⁷ Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія, ч. 2. Мінск, 1969, с. 217.

¹⁸ Hydronimia Wisły, cz. I. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, с. 36.

¹⁹ Там же, с. 190.

²⁰ Там же, с. 144.

²¹ Жучкевич В.А. Указ. соч., с. 186; Яшкін І.Я. Указ. соч., с. 98.

²² Яшкін І.Я. Указ. соч., с. 87.

²³ Жучкевич В.А. Указ. соч., с. 197.

²⁴ Там же.

⁷ Vanašas A. Dėl Lietuvos upių vardų *Dunojus* ir *Dniepras* kilmės. - In: Lietuvių kalbos leksikos raida (Lietuvių kalbotyros klausimai, VIII). Vilnius, 1966, с. 173 и след.

⁸ Endzelīns J. Latvijas PSR vietvārdi, I daļa, 1. sējums. Rīgā, 1956, с. 303-304.

⁹ Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig, 1922, S. 38.

¹⁰ См.: Padomju jaunatne, 8. XII 1968.

¹¹ Būga K. Rinktiniai raštai, III. Vilnius, 1961, с. 852

¹² Savukynas B. Ežerų vardai. - In: Lietuvių kalbos leksikos raida (Lietuvių kalbotyros klausimai, VIII). Vilnius, 1966, с. 188; Endzelīns J. Darbu izlase, II. Rīgā, 1974, с. 565.

¹³ См.: Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974, с. 75.

¹⁴ См.: Яшкін І.Я. Указ. соч., с. 54.

болван', lebedyti 'некрасиво что-нибудь делать, ляпать', lebedōti 'стлаться, тянуться низко над землей' и т.п.

Лу́чка река, л. прит. Барташунки. Ср. блр. *Лу́чка* поле, *Лу́чка* болото, *Лу́чка* сенокос, *Лу́чки* сенокос, *Лу́ка* сенокос и т.д.²⁵ - из блр. *лу́ка* 'побережье реки, изгиб реки' и т.п.²⁶

Matarà озеро. Варианты этого лимнонима: лит. *Matarōs* *ēžeras*, *Matarū* *ēžeras*, *Matarū* *ēžeras*, польск. *Motora*, *Motorka*. Производным с суф. -yčia от *Matarà* является название реки *Matarū* *čia*. Польский вариант *Motorka*. Составляется с лит. *Matrūnà* река (Девянишкес). По поводу *matar-* : *matr-* ср. *Katārē* : *Katrà*. Далее связывается с *Moterà* река (Пакуонис), *Moterà* река (Румшишкес). Сюда относится и *Mōteris* река (Алове)²⁷.

Гидронимы с *mat(a)r-*, *moter(t)-* являются частью соответствующего индоевропейского гидронимического ареала, ср. нем. *Matra*, франц. *Matrona*, ит. *Matrinus* и др. Эти гидронимы возводятся к и.-е. *mad-* 'влажный, мокрый', ср. др.-инд. *mattā-* 'пить', *mādati* 'волнуется', др.-греч. *μαβαρός* 'влажный', лат. *madeo*, -ēre 'быть влажным' и т.д.²⁸

Narva река, пр. прит. Немана. Этимология неясна. Возможно, что это образование с основой на *u-* от корня *nar-* : **Narṣ-*ā. Явление типа *nar* : *narṣ-* в литовской гидронимии общеизвестно, ср. *Parà* : *Parva*, *Sarià* : *Sārva*, *Vadà* : *Vadvà*, *Amālis* : *Amalvas*, *Smalà* : *Smalvas*, *Kuksà* : *Kūksvė*, *Nōsas* : *Nosvė* и т.д.²⁹ Балтийские гидронимы, имеющие корень *nar-*, тоже очень широко распространены: лит. *Narañtis*, *Narasà*, *Narinis*, *Narūtis*, *Nar-akys*, *Nar-ūpis*, лтш. *Naruža*, прусск. *Narge*, *Narige* (< **Narija*), *Narus*, *Narys*, *Narussa* и т.п. Этимологически эти гидронимы связаны с лит. *pāras* 'топкое место', *pāras* 'нырок (птица)', *nėrti* 'нырять; плыть'. Из области других и.-е. языков ср. рум. *Naruja* река, ит. *Naruvu* река, дак. *nara* 'река'³⁰.

Nieszkrupa река, л. прит. Дитвы. Это сложный гидроним (*Niesz-krupa*), второй компонент которого несомненно связан с вышеупомянутым названием реки *Krupka*. Р. Немшкрупка течет и впадает в Дитву немножко выше р. Крупки. При-

мечательно, что *Krupka* течет вблизи д. *Krupa*, а *Nieszkrupa* - вблизи д. *Krupowicze*. Начало эти две параллельные речки берут почти в одном месте. К сожалению, первый компонент *niesz-* абсолютно неясный. Вариант этого гидронима *Nem-krupa*, известный только по одному картографическому источнику, может быть вообще неаутентичным.

Nizianka река, впадает в оз. *Матара*. Ср. блр. *Ніз* поле, *Ніз* урочище, *Нізина* лесок, *Нізю́кі* урочище³¹, польск. *Nizia* река, *Nizina* пруд³². Вероятно, из блр. *ніз* 'местность у нижнего течения реки'³³, польск. *niz* 'низкое место, низина'³⁴ или т.п.

Nočia река, пр. прит. Пелясы. Вариант *Nāčka* является вторичным, со славянским суф. -ка, образованным от основн. формы.

Nočia < **Nātjā* имеет бесспорные соответствия в гидронимии современной Литвы: *Notà* река (Жасляй), *Nōtė*, *Notija* река (Салантай), *Nōtera*, *Noterà*, *Noteris* река (Панотья-ряй), *Nót-i-galė* озеро (Панделис). Этимология не вполне ясна. Существуют разные мнения по поводу происхождения гидронимов с **nat-*. Я. Отрембский пытался объяснить его якобы имевшим место праиндоевропейским варированием корня **nāt-* : *ant-*³⁵, ср. *Notà* : *Apčia* река³⁶. Ввиду своей искусственности эта реконструкция не является достоверной. Кроме того, необходимо учесть, что гидроним **Nātjā* многократно встречается на обширных территориях Восточной Европы: *Нача* л. прит. Березины, пр. прит. Бобра, л. прит. Березины, пр. прит. Лани, л. прит. Припя-ти, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев вслед за А.Л. Погодиным, К. Бугой, Т. Лер-Сплавинским обращают внимание на то, что этот гидроним за пределами Зап. Двины, Немана и верхнего Днепра неизвестен, и справедливо относят его к бесспорным балтизмам³⁷. Эти авторы присоединяются к мнению Я. Розвадовского, предложившего гидроним **Nātjā* возводить к корню, который скрывается в лтш. *pākt* 'идти', лит. *pókti* 'зреть'.

На наш взгляд, семантическая сторона этой этимологии сомнений не вызывает, но она сталкивается с очевидными трудностями фонетического характера. Имеется в виду корень **nāt-* (гидронимический) и корень **nāk-* (апеллятивный): корень **nāt-* трудно было бы выводить прямо из корня **nāk-*. Не вызывает доверия и попытка К.-О. Фалька выводить обсуждаемые гидронимы из литовского названия растения *notrė*, *noterė* 'Urtica'³⁸. Поэтому представляют-

²⁵ См.: Микратапанімія Беларусі. Мінск, 1974, с. 144.

²⁶ Жучкевич В.А. Указ. соч., с. 211, 214; Яшкін І.А. Указ. соч., с. 108.

²⁷ Отношение *moter-* : *motert-* является для литовского языка регулярным - см.: Eekert R. Baltische Studien. Berlin, 1971, S. 70-72.

²⁸ Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen, Wiesbaden, 1964, S. 100; Idem. Die Gewässernamen im alten Illyrien. - Beiträge zur Namenforschung, 1963, H. 2, S. 116.

²⁹ Шпе см.: Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970, с. 213-214.

³⁰ Krahe H. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen..., S. 8; Idem. Niers. - Beiträge zur Namenforschung, 1961, H. 1, S. 31-34; Idem. Über einige Flussnamen - Komposita. - Ibid., 1964, H. 1, S. 5; Zamboni A. I nomi locali della Sicilia antica in relazione col problema della lingue e dei popoli dell'isola. - Actes du XIe Congrès international des sciences onomastiques, 2. Sofia, 1975, p. 478-479; Duridanov I. Op. cit., p. 92.

³¹ Микратапанімія Беларусі, с. 166.

³² Hydronymia Wisły, стр. соответственно 143, 111.

³³ Яшкін І.А. Указ. соч., с. 122.

³⁴ Nitsche P. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964, S. 69.

³⁵ Otrębski J. Beiträge zur baltisch-slavisches Namenkunde. - Beiträge zur Namenforschung, 1962, H. 3, S. 266.

³⁶ Ср. еще: *Antė* река (Петавас), *Ant-upis* река (Чякишке) и др. < лит. *antis* 'утка'.

³⁷ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 197.

³⁸ Falk K.-O. Streszczenie niektórych części pracy "Ze studiów nad nazwami wód suwalskich" (машинопись). Lund, 1973, с. 28.

ся возможными дальнейшие поиски этимологии этих гидронимов. Среди нам кажущихся более надежными связей хотелось бы обратить внимание на лат. *paṭō*, *-āre* 'плыть, течь', дак. *net-* 'течь', др.-инд. *snāti*, *snāyatē* 'купает(ся)', дак. *net-δαν*³⁹, др.-греч. *νότος*, *νοτός* 'мокрый, влажный' и т.п.⁴⁰ Возможность таких связей подтверждается и тем, что другой гидроним, название реки юго-западной Литвы *Snietalā*, с достаточной очевидностью возводится к и.-е. **sna-*, **snə-(t)*, **snāu-*, **sn-eu-*, **sn-et-* 'течь, влага'⁴¹.

Padejka река, л. прит. Пелясы. Возможно, из ойконима *Padejki*.

Pānasuniškis, *Panasuniškis* река (Родуня, д. Варляй). По-видимому, новое название преобразовано из **Panasuviškis* < **Pa-nasuviškis*, где *pa-* - префикс. Основа **nasuviškis* произведена от ойконима *Nasowicze*.

Paraduńka, *Poraduńka* река, пр. прит. Радунки. Префиксальный дериват от *Raduńka* река.

Pelesā река, *Pelesā*, *Pelesōs ēžeras* озеро. Несомненная связь с лит. *Pelā* река (Скаудвиле), *Pelyšā* река (Шимонис, Трошкунай), лтш. *Pēla* река *Pelite* река. Далее возможно сравнивать с лит. *Palā* река (Пакруойс), *Palēja* река (Нямакдия), *Palōnas* река (Арēгала), лтш. *Palā* река, *Palejas* луг. Не вызывает сомнений и апеллативный уровень этимологии данных гидронимов - их следует возводить к лит. *pālios* 'большие болота на месте заросших озер', лтш. *palas*, *paļas* 'болотистый берег озера', *raleja* 'низина, долина', *pali* 'наводнение, половодье'. Из других и.-е. языков ср. фрак.-дак. *pala* 'болото', лат. *palus* 'болото' и т.д.⁴²

Platūké река (Родуня). Из лит. *platūs* 'широкий'.

Raudanka река, л. прит. Начи. Производное со славянским суф. *-ka* от лит. *raudōnas* 'красный'.

Rōdūnia, *Rōdūnē* река, пр. прит. Дитвы. Отношение к ойкониму *Rōdūnia*, *Rōdūnē* проблематично в том смысле, что неясно, который из этих топонимов - гидроним или ойконим - является более древним, первичным, который - новым, вторичным. Теоретически кажется весьма возможным, что ойконим свое название перенял у гидронима. В литовской ойконимии такие случаи очень часты, ср. *Dysnā* деревня < *Dysnā* река, *Jūrē* деревня < *Jūrē* река, *Lēnas* деревня < *Lēnas* озеро, *Rūsnē* город < *Rūsnē* река и т.д.⁴³

³⁹ *Duridanov J.* Op. cit., p. 92.

⁴⁰ Шире см.: *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Hrsg. und bearb. von J. Pokorny. II. Berlin und Leipzig, 1927, S. 692.

⁴¹ *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949 и след., S. 971.

⁴² *Schmid W.P.* Zur primären -u- Ableitung in einigen Baltischen Gewässernamen. - In: *Donum Balticum*. Stockholm, 1970, S. 474; *Krahe H.* Unsere ältesten Flussnamen, S. 48-49; *Duridanov I.* Op. cit., p. 53; *Otrębski J.* Über die Vervollkommenung der Forschungsmethoden in der indoeuropäischen Sprachwissenschaft. - *Lingua Posnaniensis*, IX. Poznań, 1963, S. 18.

⁴³ Шире см.: *Вальчиконис Я.* Названия литовских населенных пунктов, образованные от названий рек и озер - In: *Lingua Posnaniensis*, VII. Poznań, 1959, с. 240-241.

Но такое отвлеченное предположение, на наш взгляд, в данном случае не имеет основания. Дело в том, что официальные формы названия реки *Rōdūnia*, *Rōdūnē*⁴⁴, по-видимому, новые, искусственные, реконструированные из *Rādunka*, *Rōdunka*, *Rōdūnios ūpis* или под. В живой речи известны только эти формы названия реки. Они по своему словообразовательному значению являются посессивными, что свидетельствует об их вторичности, производности. Это предположение подтверждает и этимология ойконима *Rōdūnia*, *Rōdūnē* (польск. *Raduń*, блр. *Радунь*).

Ойконим *Rōdūnia*, *Rōdūnē* нельзя этимологизировать в отрыве от многих других аналогичных ойконимов. В современной Польше семь населенных пунктов носит название *Raduń*⁴⁵. В Польше много исторических ойконимов *Raduń*, *Radoń*, *Raduhn*, *Radonia* и под.⁴⁶ Все эти польские ойконимы, а вместе с ними и интересующее нас название города *Rōdūnia*, *Rōdūnē*, происходят из антропонима польск. *Radun* < *Radosław*⁴⁷.

Ruža, *Ruzvā* река (Родуня, д. Пузяляй). Оба варианта, возможно, являются сравнительно новыми преобразованиями из **Rūza*, **Rūzva*, ср. лит. *Rūžas* озеро (Римше), *Rūžis* озеро (Мяркине) < лит. *rūžas* 'краска красного цвета'.

Siaurukūtė, *Mažiukūtė* река (Родуня, д. Дубиняй). Первый вариант из лит. *siaūras* 'узкий, тесный', второй - из *māžas* 'маленький'.

Ślepica река, пр. прит. Пелясы. Ср. польск. *Ślepa* река⁴⁸, *Ślepe* озеро⁴⁹, *Ślepian* озеро⁵⁰ и др. Возможно, из польск. *ślepy* 'глухой, слепой' или из блр. *слепыя*, ср. блр. *Слепня* река, *Слепянка* деревня, река⁵¹.

Stojų ēžeras озеро (к югу от оз. Пеляса). Генитивная конструкция *Stojų ēžeras*, по-видимому, является результатом такой эволюции: **Stojus* озеро > *Stojai* деревня > *Stojų ēžeras*. Польский вариант этого названия *Staj* нам известен только по картографическим источникам. Этимология неясна. Возможна связь с польск. *stój* 'каменный барьер в реке'⁵². Но ср. блр. *Стай* деревня, *Стай-кі* деревня, возводимые к блр. *стая* 'конюшня'⁵³.

Straūtas река, прит. Пелясы. Из лит. *straūtas* 'поток, ручей'.

Tekmė река (Пеляса). Из лит. *tekmė* 'поток, ручей'.

Upelė река (Родуня, деревня Клайшяй). Из лит. *upelė* 'ручей'.

Wawiórka, *Wawerka*, *Wawiorka* река, л. прит. Лебяды. Вероятнее всего, славянизированный литовский гидроним

⁴⁴ *Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas*. Vilnius, 1963, с. 222.

⁴⁵ *Spis miejscowości Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej*. Warszawa, 1967, с. 952.

⁴⁶ См.: *Breza E.* Toponimia powiatu kościerskiego. Gdańsk, 1974. с. 98-99.

⁴⁷ Там же, с. 99.

⁴⁸ *Hydronimia Wisły*, с. 1.

⁴⁹ Там же, с. 176.

⁵⁰ Там же, с. 177.

⁵¹ *Жучкевич В.А.* Указ. соч., с. 348.

⁵² *Nitsche P.* Op. cit., p. 175.

⁵³ *Жучкевич В.А.* Указ. соч., с. 358-359.

*Voveris или *Voverē, ср. лит. Voverà, Voverė река (Таурагнай), Voveris, Voverė река (Вилькия), Vóverės поле (Эндрейвас) и т.д. Из лит. voverė, voveris 'белка' Возможность такого рода славизации подтверждается еще и тем, что название реки Швянчёнского р-на Voverė в устах говорящего по-польски местного населения превратилось в Vaviùrka (польск. Wawiórka).

Žižmà река, пр. прит. Гауи. Ср. лит. Žižmà река (Онушкис), Žižmà река (Шальчининкай), Žižmà, Žiužmà (< Žižmà) река (Пауденай), лтш. Zizma река, Zizmas болото. Эти гидронимы, возможно, надо возводить к лит. žižė 'злюка, злющий', žiùžė то же, žiùžis "связанное полотенце для битья". Далее гидронимы с žižm- можно сравнивать с гидронимами, имеющими апофонический вариант того же корня, а именно žiežm-, ср. лит. Žiežmuo озеро (Онушкис), Žiežmėjus река (Пагиряй). Название реки Žiežmėjus имеет параллельную форму Žižmėjus, что подтверждает этимологическую общность гидронимов с žižm- и с žiežm-.

Гидронимы с žiežm- следует выводить из лит. žiežti 'злиться; ворчать', žiežara 'злюка, злющий; ведьма' и т.д.

К этой группе относятся и гидронимы Žiežmarà река (Жежмаряй), Žiežmaris озеро (Таурагнай), этимологически связанные с лит. žiežmara 'ведьма' и с žiùžė, žiežti и т.п.

Гидронимы с zizm-, ziez- по своему первоначальному значению относятся к категории имен, обозначающих 'элые воды'.

Župelis река (Родуня, д. Вигонис). Из *Žu-upelis, где žu- - префикс (žu- < ažu- || užu 'за'), а -upelis - это лит. upėlis 'ручей, речка'.

Наш перечень включает 38 названий рек (не считая вариантов) и 6 названий озер. За счет увеличения территории и за счет включения в список разных "окказиональных" названий (ср., напр., Galų Kėlio река, д. Вигонис; Añ Jánščų река, д. Вигонис и др.), названий типа Ручай, Роўчак, Роў, Стаў и под., этот перечень можно расширить. Но такое расширение нежелательно в том отношении, что упомянутые названия более или менее случайного характера часто могут повторять уже рассмотренные нами гидронимы - они могут быть своеобразными вариантами других гидронимов. Неопределенность в употреблении микрогидронимов, о которой говорилось выше, не всегда позволяет проверить, о чем идет речь - о новом гидрообъекте или же, например, об истоках какой-нибудь реки, имеющей другое название.

Перечисленные гидронимы делятся на две группы: балтийские гидронимы (Antálka || Júodelanka, Didžiùle, Ditvā, Dumblanka, Dunājus, Gaujā, Jūodas, Jodupa, Kajūtis, Katrā, Lebioda, Matarā река, Matarā озеро, Narwa, Nočiā, Pānasunlškis, Pelesā, Pelesōs ēžeras, Platūkė, Raudanķa, Ružā || Ruzvā, Siaurukūtė || Mažiukūtė, Straūtas, Tekmė, Upėlė, Wawiórka, Žižmā, Župelis) и славянские гидронимы (Asavā, Bartašūnka, Butrimėika, Hołynka, Hrebálka, Krakouska krinica, Kraskowo, Krupka, Luczka, Nieszkrupa, Nizianka, Padejka, Paraduńka, Ródūnia, Ślepica, Stójca ēžeras). Что касается первой группы гидронимов, то следует отметить, что большинство из них являются "гидро-

нимами по происхождению", специальными именами гидрообъектов. Некоторые из них отличаются исключительной архаичностью (Ditvā, Gaujā, Katrā, Matarā, Narwa, Nočiā, Pelesā).

Вторую группу составляют в основном гидронимы, происходящие из географических терминов (Asavā, Hołynka, Hrebálka, Luczka, Nizianka, Ślepica) и гидронимы посесивного значения - отойконимические или отантропонимические (Bartašūnka, Butrimėika, Krakouska krinica, Kraskowo, Padejka, Ródūnia).

Такое соотношение балтийского и славянского элементов свидетельствует о том, что балтийский слой гидронимии Пелясы является и господствующим, и более архаичным.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТОВСКОГО ГОВОРА В ОКРЕСТНОСТЯХ РАДУНИ

Жители деревень к юго-западу от Радунь - Карговды (Kargaudai), Виганцы (Vigónys), Старые Смильгини (Smilginiai) - говорят на двух языках - белорусском и литовском (большинство владеет также русским и польским; последний - язык церковный).

Литовский язык употребляется здесь преимущественно в домашнем быту (особенно в д. Карговды); лучше всего сохранили его люди старшего возраста. Носителей литовского говора названных деревень условно можно разделить на две группы: во-первых, это старожилы, люди, родившиеся и выросшие здесь, обучавшиеся грамоте до 1939 г. у "дараторов" (сельских учителей) или в литовских школах и сохранившие традиционный говор южных аукштайтов (западных дзуков); во-вторых, молодые люди (до 35 лет) и школьники, для общения между собой и в общественной жизни употребляющие главным образом белорусский язык.

Старожилы, носители традиционного южноаукштайтского говора, хорошо сохранили его особенности¹. Важнейшим признаком вокализма данного говора является наличие дифтонгического сочетания an (kánda 'кусает, -ют', dañci's 'зубы'), а a (< an) > u' (žu'sis 'гусь', tu'sis 'таскать', trū'so's 'удобрения')². Современный говор трех названных деревень характеризуется следующими чертами.

Здесь сохранено качество кратких ударяемых и безударных гласных: visas 'весь', kici 'другие', lūrē 'драть', rāsē 'находить', pāsē 'нести'. Младшее поколение из-за контактов здесь часто произносит удлиненные гласные (ki.tas, vi.sas, или даже ki.tu.s 'других', pešy. 'носишь') или несколько расширяет ударяемые i, u (vē.sas, lē.re-lipē 'лез, -ла, -ли'). Это новое явление, пока что не отмеченное нашими диалектологами.

Долгие гласные старожилы произносят так же, как и все южные аукштайты, т.е. не укорачивают: jú.nki.tu.s 'учился, -лась, -лись бы', pjo.vacis 'кролики', sto.vēs 'стоять', so.pulī's 'боль', ru.kštūs 'кислый' (Карговды), vi.zdē.č 'смотреть', su.nai' 'сыновья', qiv.ānimas 'жизнь', bo.bā.le 'бабка', svo.gū.nas 'лук' (Ст. Смильгини), vē.li.vā 'поздняя', rati.sēk 'подтяни', lo.pšī's 'колыбель' (Виганцы). В окончаниях также сохраняются долгие гласные, кроме безударного o и иногда ē, которые у старожилов иногда произносятся как ujo или eilile: tūšcō lō.pšō 'пустой колыбели', žu.sē.lā 'гусенка', ātrieke 'отрезал

(хлеб)' (Смильгини), klōpāū 'ниже', raudōnikis 'подосиновик', žinu 'знает', vi.ru 'мужчины', žumiř.su 'забыл', utelī 'вошь', bāreš 'бранился', giesmis 'песни', prağā - le 'попали' (Карговды). Данная особенность наиболее характерна для молодежи, которая произносит žusis 'гусь', virukas (< vi.rukas) 'паренек', pā.rnu 'парня', žū.si 'гусь' (вин. п. ед. ч.), žinu, vi.ri 'варил' и мн. др. Это совершенно новое явление в говоре (и старшие уже иногда так произносят), почти не изученное в нашей диалектологии³.

Судьба дифтонгов в местном говоре обращает на себя особое внимание в одном аспекте, характерном исключительно для литовских говоров БССР. Иногда (не закономерно!), ie, uo произносятся здесь как дифтонгоиды ie, uo⁴: giedō.č 'петь', pieskā 'песок', duōdzinē.č 'давать', vienō.s dziēnō.s 'одного дня', žūspiegē 'завизжал' (Карговды), dzviejuōsa 'вдвоем', parvažuo.dzinē.i 'часто приезжал', piētū.ič 'обедать', liētuvi's 'литовец' (Виганцы), riebaluotas 'вымазанный жиром', vidūdziēni 'в полдень', žūsjuke 'засмеялся' (Ст. Смильгини)⁵. Для молодежи вообще труднопроизносимы дифтонги ie, uo (даже в ударном положении), и в их языке слышны только дифтонгоиды: dūok 'дай', pīemenai 'пастухи'. Такие случаи в окрестностях Радунь (в д. Складанцы) отмечены еще до войны: gorupōjus (< goripenōjus) 'листья репы' (картотека "Словаря литовского языка"). Это является результатом тесных литовско-белорусских языковых контактов, что подтверждает и следующий пример. При изучении говора д. Швендубре (1974-1976 гг.) подобное явление не отмечено; в то же время одна здешняя старушка (92 лет), 65 лет прожившая замужем в Белоруссии, после возвращения в родные места произносит piēmū'o 'пастух', dziēvu 'богу' (у ее брата, 78 лет, этой особенности не замечено). Подобные случаи и факты представляются весьма показательными для изучения белорусских и смежных с белорусской говоров литовского языка.

Особенности консонантизма в основном схожи с большинством южноаукштайтских говоров. Прежде всего, это закономерное отверждение l перед e, ē, ei; t, d > c, dz перед i (i.), ie и č, dž > c, dz. Эти согласные наблюдаются и в заимствованных словах: cātā 'тётя', džē.ku 'спасибо'. Можно наблюдать и немотивированное "дзуканье": scenğāi's (нов.?) 'пытался', apsiči.se (< apsiče.sē) 'надел', paklō.ci' вин. п. ед.ч. 'простыню' (им. п. paklō.te) и некоторые другие, но это случаи довольно редкие.

Для системы говора особенно важно отверждение согласных

³ LD, карты: с. 477, 487, 489. Иногда молодежь гласные e, o произносит как дифтонгоиды ie, uo: nīcē 'нет', qūove 'получил'.

⁴ Здесь слышны и чистые гласные i., u.: qi.smīē 'песнь', pu.dā.lis (у детей, молодежи даже pu.dā.lis).

⁵ Эта особенность переходит и в белорусский говор, см.: Гринявецкая Э., Мацкевич Ю.Ф., Романович Е.М., Чеберис Е.Н. Бытовая лексика литовского происхождения в западной Белоруссии. - Lietuvių kalbotyros klausimai, t. XVI. Vilnius, 1975, с. 164, 183.

¹ Примеры см.: Grinaveckienė E. Tarmių medžiagos rinkimas lietuvių kalbos atlasui. - Lietuvių kalbotyros klausimai, t. III. Vilnius, 1960, с. 192-194; Lietuvių kalbos tarmės. Vilnius, 1970, с. 398-400.

² Grinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, с. 15 (далее LD).

г, š, ž и аффрикат č, dž. Теперь трудно определить происхождение этого явления. В связи с отвердением появились гласные i, i', e', т.е. приблизившиеся к заднему ряду i, e, но отличающиеся от белорусских и, э). Например: rī'tas 'утро', rī'sa 'связывает', rakī'si 'подсунувшие', šē're 'кормил' (и šāra 'кормит'), žī'dzi 'цветет', baž-nī'ča 'костел', vakarī'kščo' i 'во вчерашней', niššči 'несется', važuo'jæ 'едет', mažāu' 'менее' (Карговды), lo'pšī's 'колыбель', šlter 'так', šil'ta 'тепло', prā-rī'jæ 'проглатывает', džir'žas 'ремень', ankščī 'тесные' (С. Смильгини), apšir'do 'рассердился', žinu 'знает', žimæte⁶ 'забросил', žē're 'сыпал' (Виганцы) и др. Дифтонг ie в этих случаях также качественно изменяется: šīēnas 'сено', žīēdas 'кольцо', žīemā 'зима', glebūs 'жирный'. Молодежь, как правило, произносит здесь белорусское э: žyā 'зима', gēbūs 'жирный'. В данном случае необходимо отметить, что молодое поколение вместо i, i' произносит белорусское и, и это очень ясно заметно: žydzi 'цветет', gyša 'связывает', žymtas 'сто' и мн. др. Это дальнейшее сближение с белорусским языком.

Важной фонетической особенностью является чередование согласных k : t - d : g, наиболее частое в д. Виганцы, но ясно выраженное и в других деревнях. Это чередование наблюдается здесь перед гласными переднего ряда i, i', e, e', дифтонгом ie, дифтонгоидами iē, iē: kekē'i 'выходила замуж', dē'læ 'болит': dē'læ cīcās | neiš'turu 'болят груди, не вытерплю', kē'vas (и kīē'vas) 'отец', kō-jā'ikle 'ножка', mō'ki'na 'мать' (Виганцы), dač'kē's 'сейчас', kē'væ'li эват. уменьш. к 'отец', sē'gē'damas 'сидя', gē'lč' (т.е. dēlē) 'пиявка', pagē'k 'помоги', sæpčī'næzgæ' šim 'семьдесят' (Карговды) kæ'ta 'течет', pagē'i 'помог', ki'lē'k 'молчи', mō'kina 'мать' (Ст. Смильгини; здесь говорят и ketratkā 'тетрадь', но это, возможно, диссимиляция).

Немаловажный момент - произношение интонации. Нисходящая и восходящая интонации хорошо различаются в двугласных и в смешанных дифтонгах, а в слитных дифтонгах (ie, uo) и долгих гласных, как правило, не особенно различаются. Восходящая интонация уподобляется нисходящей, как и во многих южноаукштайтских говорах⁸. По этой причине можно наблюдать случаи акцентуации, совершенно непривычные с точки зрения норм литературного языка: só'dus 'сады' (вин. п. мн.ч.), só'dzas 'деревни' (вин. п. мн.ч.), grú'stu 'сверлом', júoku 'смехом', kúolu 'колом', ré'ki 'кричишь', cí'li 'молчишь', maló'nus 'милый' и др. Молодое поколение главный акцент восходящей интонации сосредоточивает на первом компоненте, особенно избегая интонационного выделения сонантов: pī'rštas

(< pīr'štas) 'палец', šā'ukæ (< šāu'kæ) 'кричит', džir'žas (< džir'žas) 'ремень'.

Наиболее интересные морфологические особенности данного говора (обобщение окончания -i для дат. п. ед.ч. всех основ имени существительного, употребляемого с предлогом: ik vā'karī 'до вечера', po tē'vi 'после смерти отца', po raŋki 'под рукой'; формы им. п. существительных с основой на согласный: vanduvā 'вода', sæ'suvā 'сестра', aktivā 'камень'; обобщение формы мн. ч. им. п. причастия действительного залога прошедшего времени для всех чисел и родов: ā'nas, anā, ā'nī's, ā'nos žlno'ji; склонение деепричастия: næ raī'kæ žo'psó'č ai'damam 'не надо зевать идя' и др.) подробно рассматриваются в "Литовской диалектологии" З. Зинкявичюса, а также в различных статьях⁹, поэтому нет необходимости на них останавливаться специально.

⁶ В говоре иногда вместо гласного u произносится i.

⁷ Исторические заметки и обзор литературы см.: Savičiū-tė G., Vitkauskas V. Priebalsių t : k i r d : g maišymas Svendubrės šnekoje. - Baltistica, 1976, XII (2), с. 146-149.

⁸ Grinaveckis V. Nauji duomenys apie vakarų dzukų tarmes kirčiavimą. - Lietuvos TSR Mokslių Akad. darbai, 1972, ser. A, 4(41), с. 181-185.

⁹ Напр.: Grinaveckienė E. Tarmių medžiagos rinkimas ... и др.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕЛЯСЕ

0. В статье анализируются фонетические особенности ударных гласных в речи двуязычных носителей литовского говора Пелясы. По особой методике определяются нейтральные (эталонные) длительности кратких и долгих монофтонов литовского говора и ударных гласных белорусского. Показано, что ударные в белорусской речи литовцев Пелясы по качеству (за исключением блр. *ѐ*) подобны литовским долгим; по количеству же блр. *á* равно лит. *à*, а блр. *і*, *й*, *у* являются более краткими, чем лит. *і*, *й*, *у*. Предложено объяснение причин сокращения блр. *і*, *й*, *у* относительно кратких лит. *і*, *й*, *у* и показано, что вследствие краткости *і*, *й*, *у* предударные гласные неверхнего подъема в белорусском говоре обычно длительнее этих ударных.

1. Магнитофонные записи литовской и белорусской речи, на которых основаны наши наблюдения, сделаны в 1974 и 1976 гг. от Теофилии Шимялевичене (Т.Ш.). Ее речь является типичной для среднего поколения жителей Пелясы. Т.Ш. обладает тонким чувством родного говора. Выбор Т.Ш. в качестве основного информатора и диктора обусловлен еще и тем, что у нее хорошая дикция и нормальный (средний) для данного говора темп речи, что, как выяснится далее, было особенно важным для наших целей.

В литовской речи части пелясцев, к числу которых принадлежит и Т.Ш., гласный *á* под ударением является звуком заднего ряда, т.е. он более глубокий, чем соответствующие орфоэпические лит. *ā* и блр. *á*. Краткий *à* у этих же носителей говора реализуется как обычный звук среднего ряда нижнего подъема. Следовательно, долгий и краткий лит. *á* — *à* различаются, видимо, у данной части носителей говора Пелясы качественно. В соседних деревнях глубокое *á* не отмечено.

Пары *í* (*ĩ*) — *ì* (*ĩ*), *ú* — *ù* различаются по качеству у всех носителей литовского говора Пелясы. Краткое *ì* несколько слабее лабиализовано, чем *ú*, а также, кажется, несколько более переднее и низкое, чем его долгое соответствие. Краткие *ĩ* (*ĩ* после твердых) менее всего разнятся по качеству от *í* (*ĩ*); по сравнению с долгими они несколько обнижены и оттянуты назад.

Гласный *o* литовского говора представляет собой долгий звук средневысокого подъема, заднего ряда, непарный по долготе-краткости. По звучанию *o* близко к *o* литовского орфоэпического произношения, но пеляское *o* несколько менее огублено и менее напряженное, чем *o*.

Долгий гласный *ē* в говоре Пелясы соотносим по подъему с *o*. После мягких *ē* звучит очень близко к русскому или белорусскому *е* между мягких (например, в словах *p'ei'*, *dž'ei'* и под.). По сравнению с литературным лит. *ē* звук *ē* является менее узким. После твердых *l*, *š*, *ž*, *č* и в начале слова *ē* остается узким, но, естественно,

несколько обнижается и оттягивается назад; в записях мы отмечали этот звук с помощью знака *ē* (*šm'ē*, *išlėiō*, *žėbu*, *lėly*).

Некоторые трудности возникают при характеристике гласного нижнего подъема *æ*, генетически соотносимого с лит. *e*, *ę*. В Пелясе они встречаются только после мягких согласных (*m'ėdu*, *p'ėša*, *g'ėras*), а в начальной позиции слова и после твердых на их месте выступает *a*, ср. *lādas*, *šāsata*, *žāmas*, *žām'ē*, *g'ėlāžē*. Следовательно, с фонологической точки зрения *æ* является вариантом фонемы /a/ после мягких. В речи Т.Ш. на месте *æ* звучит глубокое *a*, и, значит, по крайней мере у части жителей Пелясы звуки *a* и *æ* фактически не различаются, т.е. здесь произносится, как и в большинстве литовских говоров, *dum'ális*, *sun'ális*, *s'ápas*, *p'álys* и т.д.¹ По длительности это *á* не отличается от *ā* в иных позициях, и поэтому оба эти звука рассматривались вместе. Можно думать, однако, что в речи старшего поколения носителей литовского говора Пелясы *ā* и *æ* различаются фонетически, т.е. *æ* является у них более передним, чем *ā*.

Таким образом, ударный вокализм нашего информатора представлен следующими гласными монофтонгами:

долгие		краткие	
<i>í</i> (<i>ĩ</i>)	<i>ú</i>	<i>ì</i> (<i>ĩ</i>)	<i>ù</i>
<i>ē</i>	<i>o</i>	<i>ā</i>	

У тех носителей литовского говора, у которых *á* среднего ряда, и которые, возможно, фонетически различают *æ* и *ā*, система гласных имеет такой вид:

долгие		краткие	
<i>í</i> (<i>ĩ</i>)	<i>ú</i>	<i>ì</i> (<i>ĩ</i>)	<i>ù</i>
<i>ē</i>	<i>o</i>	<i>ā</i>	

В белорусской речи Т.Ш., как и у остальных жителей Пелясы, ударные *і*, *й*, *у* по качеству тождественны долгим лит. *і*, *й*, *у*. Ударный блр. *á* звучит у Т.Ш. подобно *ā* литовскому, т.е. он является задним звуком. Блр. *é* если и не совпадает по качеству с лит. *ę*, то отличается от него очень незначительно, являясь менее напряженным. Белорусский ударный заднего ряда, соотносимый с *é* по подъему, представляет собой слаблабиализованный звук *ǝ*, отличающийся как от *o*, так и от *o* русского и белорусского языков. По всей видимости, для слуха носителей литовского говора Пелясы блр. *o* представляется очень открытым по сравнению с *o*. Это качество звука, чуждого литовской речи, явно усилено в их произношении, поскольку объективно *o* и *o* различаются гораздо меньше, чем *o* и *ǝ*. Два самых частых звука белорусской речи пелясцев — *á* глубокое и *ǝ* — придают ей очень своеобразный колорит, легко улавливаемый носителями белорусского литературного языка.

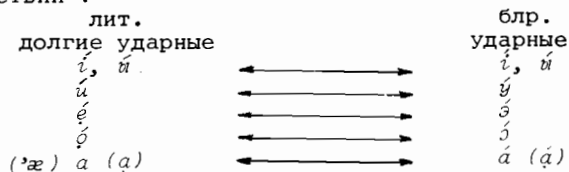
Как видим, белорусская речь воспроизводится носителями литовского говора Пелясы не просто с помощью обычных

¹ Girdenis A. [Рец.] Lietuvių kalbos tarmės. Vilnius, 1970. — Baltistica, 1971, VII (2), с. 203-204.

для них звуков родного языка, как это бывает при дискриминативном двуязычии. Белорусская фонетика в определенной степени независима от литовской в их произношении. Очевидно, ее особенности сложились в результате действия двух факторов — влияния характеристик звуков распространявшегося белорусского говора и восприятия (интерпретации) этих характеристик носителями литовского языка с точки зрения их фонетики и фонологии. Иными словами, усваивая белорусский, носители литовского говора как бы адаптировали свою фонетику для передачи чуждой им речи. С возрастанием интенсивности белорусского влияния белорусское произношение билингвов совершенствовалось, становилось все более независимым от литовского. На этом интерференция не останавливается, со временем начинается обратное влияние белорусского на литовский, но сейчас это пока не будет нас интересовать.

Особый интерес представляют возможные пути "свертывания" характерных для литовского говора противопоставлений гласных по долготе — краткости при переходе билингва на белорусский. Прежде всего это "свертывание" может послужить в некоторых отношениях моделью процессов, происходящих при разрушении таких противопоставлений в диакронии. Результаты его также не могут не сказаться на особенностях фонетики белорусских говоров, возникших и возникающих на белорусском субстрате.

Если литовские $i(\acute{i})$, $\acute{u}$, $\acute{a}$ — $i(\grave{i})$, $\grave{u}$, $\grave{a}$ различаются только по качеству, то фонетическое подобие лит. $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{a}$ и ударных блр. $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{a}$ должно свидетельствовать о том, что белорусские ударные отождествляются исконно литовскоязычным населением с литовскими долгими монофтонгами. Фонетическая близость лит. $\acute{e}$ и блр. $\acute{e}$ также указывает на это. Следовательно, открывается возможность предположить такую схему литовско-белорусских "звуковых соответствий":

Поскольку двуязычие — живое состояние, и жители Пелясы часто разговаривают по-белорусски не только между собой, но и с белорусами из окружающих деревень, то эти соответствия следует рассматривать как оценку литовцами-билингвами степени подобия близких звуков литовской и белорусской речи и как оценку ими звучания белорусских гласных с точки зрения носителей литовского говора. В перспективе, при разрушении двуязычия и переходе к моноязычию, они могут стать историческими, представляя собой сущность механизма субстратного воздействия.

Внимательный слуховой анализ показал, что установленные рассмотренных соответствий не исчерпывает всю проблему адаптации литовской фонетики для передачи ударных гласных белорусской речи. Для того, чтобы представить ее более полно, необходимо оказалось более глубоко исследовать характеристики литовских долгих и кратких моно-

фтонгов и длительность ударных гласных белорусской речи Пелясы, чему и посвящено дальнейшее изложение.

2.0. Прежде чем перейти к обсуждению конкретных данных, необходимо коротко остановиться на некоторых проблемах изучения длительности гласных.

Длительность звуков измеряется обычно в единицах реального времени (в мсек), но пока не исследовано, как они соотносятся с единицами восприятия длительности человеком. Неизвестен также относительный вес реального времени в тех комплексных параметрах, на основании которых при восприятии речи формируется представление о тембре, громкости и степени ударности гласных. Большинство фонетистов просто соглашались с тем, что реальное время — весьма важная характеристика звука, и, следовательно, картина распределения длительностей в рамках слова и фразы в общем отражает некоторые существенные особенности как строения речевого потока, так и структуры восприятия его человеком.

По интересующим нас вопросам существует богатая литература²; не вдаваясь в рассмотрение многочисленных аспектов этой проблемы, особенно соотношения абсолютных и относительных длительностей гласных, отметим, что наиболее рациональным представляется следующий подход к ее изучению.

У носителей каждого языка существуют, видимо, достаточно четкие представления о ритмической структуре родного слова³, т.е. о таком распределении длительностей гласных в рамках слова, когда оно кажется естественным и звучит "правильно". Во фразе ритмическая структура слова видоизменяется в соответствии с рисунком интонации. Чем сложнее интонация, чем она выразительнее, тем сильнее модифицируется собственная ритмическая структура слова. Насколько значительными могут быть эти модификации, легко понять, прослушивая отдельные слова, вырезанные из естественных фраз.

При полном стиле речи реализуется представление носителя языка о "хорошей, правильной" речи на данном языке. Очевидно, при этом выдается максимальное количество акустической информации, что и обеспечивает правильность речи⁴. Можно допустить поэтому, что в полном стиле речи при нейтральной интонации создаются самые благоприятные условия для реализации характерной для данного языка ритмической структуры слова. Фраза при этом остается фразой, т.е. в ее составе обязательно будут слова разной степени выделенности⁵, но, во-первых, контрасты между слабо- и сильновыделенными слогами несколько сгладятся, а во-вто-

² Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976, с. 63-65, 100-157.

³ Речь. Артикуляция и восприятие. М.-Л., 1965, с. 85-86, 199; Болла Н. Некоторые вопросы соотношения длительности гласных звуков русской речи. — Вестник МГУ, 1968, сер. X, № 3, с. 20; Висотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 17-41.

⁴ Бондарко Л.В. и др. Стили произношения и типы произношения. — ВЯ, 1974, № 2, с. 65 и след.

⁵ Там же, с. 64-65.

рых, большинство слов в ней будут нормально- или среднесударными.

Об эталонной ("идеальной") ритмической структуре слова в данном языке можно составить представление, учитывая и соотношения длительностей в средневыделенных (под "нейтральной" интонацией) словах, и те абсолютные длительности, в которых они реализуются. Фраза, естественно, не может состоять из одних эталонных структур, иначе она просто распадается. Каждая конкретная реализация слова может рассматриваться как отклонение от эталона по абсолютным длительностям или же от эталонных отношений длительностей⁶.

В соответствии со сказанным была использована следующая методика для получения данных об эталонных длительностях ударных гласных в литовском и белорусском говорах Пелясы. Прежде всего, был отобран информатор, который, по нашему мнению и по мнению его односельчан, говорит на данных говорах "хорошо". Под этим имелось в виду, что этот информатор свободно владеет обоими говорами, у него четкое и ясное произношение, речь его не быстрая, не медленная⁷, не слишком эмоциональная и не слишком вялая. Информатором, удовлетворяющим этим требованиям, была, как уже говорилось, Т.Ш. (45 лет, родной язык литовский, родилась и жила безвыездно в Пелясе, родители местные).

Для записи на магнитофон были составлены короткие предложения (3-8 слов) на литовском и белорусском языках, в которых содержались слова со всеми ударными гласными во всех возможных позициях; предполагалось, что каждая гласная встретится под ударением не менее 70 раз. Эти предложения Т.Ш. наговаривала в микрофон в контексте такой полуигровой ситуации: "Я (т.е. эксплоратор) первый раз в ваших краях и хочу научиться говорить по-вашему. Я вам буду по-белорусски говорить то, что хочу узнать по-литовски" (и наоборот, "буду по-литовски говорить то, что хочу узнать по-белорусски"). Информатору разрешалось обдумывать ответы, делать несколько вариантов перевода, поправляться и т.д. до тех пор, пока произнесенная фраза не удовлетворяла ее. Громкость произношения была произвольной, и единственное, что не поощрялось, это слишком эмоциональные интонации.

В течение недели было записано 600 литовских и 340 белорусских фраз. Через два года, летом 1976 г., были сделаны дополнительные записи (около 50 отдельных фраз и монологов). Сопоставление длительностей гласных во фразах, записанных в разные дни и через два года, не показало существенных расхождений между ними, что свидетельствует о постоянстве темпа произнесения во время записи и о том, что этот темп не был случайным для Т.Ш.

⁶ Чэжман В.М. Да характарыстыкі даўжыні галосных у паўночна-ўсходніх беларускіх гаворках. Галосныя беларускай мовы. Мінск, 1975, с. 150-177.

⁷ Ср. наблюдение Р.Ф. Пауфогимы о существовании таких носителей говора, речь которых "характеризуется средними значениями темпа данного говора"; см. ее работу "О темпе речи в некоторых русских говорах" в кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 146-150.

Нужно сказать, что высокая степень владения Т.Ш. обоими языками значительно облегчала работу. Почти не было случаев, когда бы она затруднялась в переводе с белорусского на литовский и наоборот. К выполнению задания Т.Ш. относилась очень серьезно; бывали случаи, когда она просила еще раз записать в исправленном варианте фразу, которая, по ее мнению, не совсем удачно была произнесена во время прошлой записи.

Полученные фразы были переписаны на магнитофонную ленту со скоростью 381 см/с, а с этой записи изготавливались осциллограммы на шлейфовом осциллографе Н 102 со скоростью 100 мм/с. Осциллограммы обрабатывались и расшифровывались в обычном порядке; по ним и были измерены длительности всех гласных.

2.1. Результаты измерений в виде гистограмм длительностей ударных гласных представлены на рис. 1 (литовский говор) и рис. 2 (белорусский говор). Ни на одной гистограмме значения длительностей не дали нормального распределения. Это означает, что вывести средние значения $\bar{x}$ для каждой гласной по всем зафиксированным ее длительностям не имеет смысла, поскольку $\bar{x}$ характеризует только нормальное распределение. Для того, чтобы обработать полученные данные, необходимо проанализировать возможные причины наблюдаемых полимодальных (многовершинных) распределений.

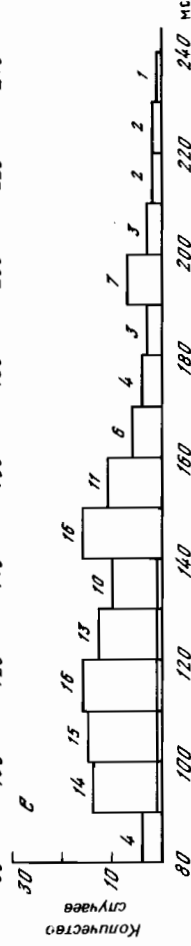
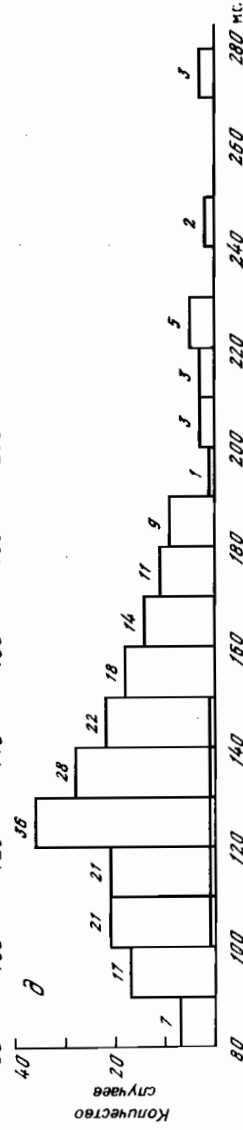
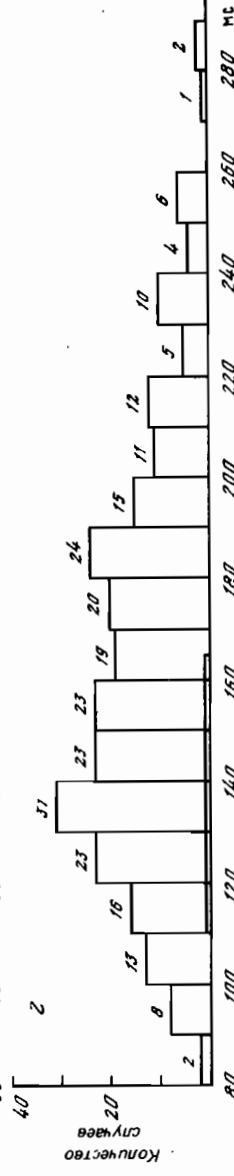
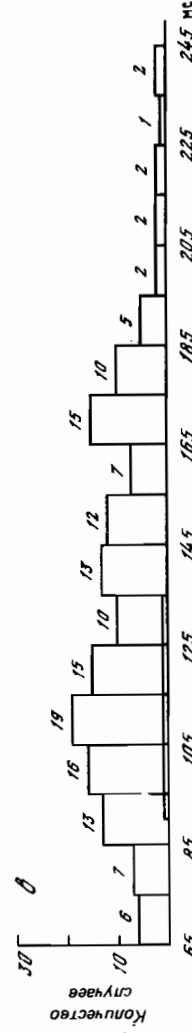
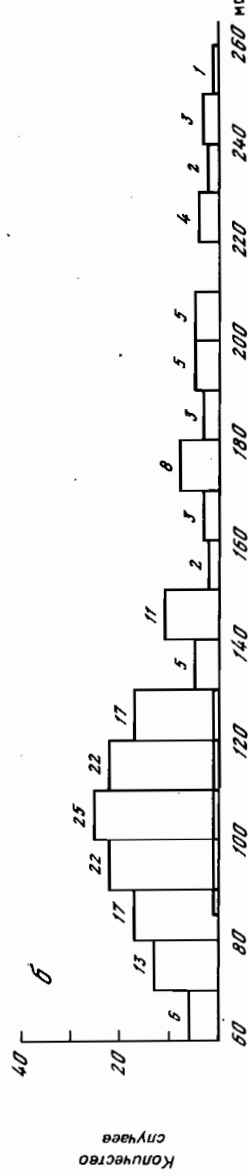
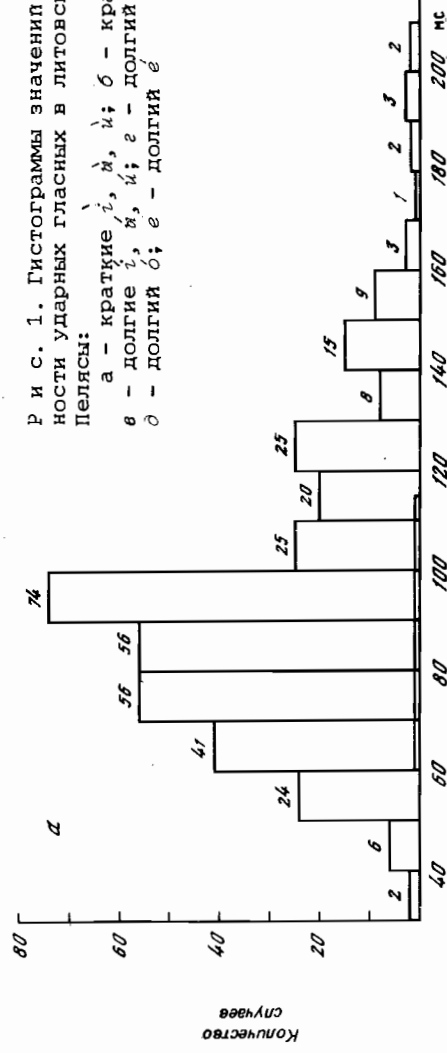
На рис. 1а представлена гистограмма значений длительности кратких $\dot{i}$, $\dot{u}$, $\dot{y}$ литовского говора. По ней видно, что абсолютное большинство зафиксированных длительностей ($\approx 75\%$) сосредоточено в интервале 50-120 мс. На этом отрезке они нормально распределены, образуя вершину в области 90-100 мс. Это нормальное распределение несколько асимметрично, слева оно нарастает плавно, справа же круто обрывается. Вторая вершина на этой гистограмме наблюдается в промежутке 130-140 мс, третья обозначена в области 180-210 мс.

Остальные гистограммы на рис. 1, 2 или выглядят совершенно аналогично рассмотренной, или очень похожи на нее. В двух случаях (рис. 1д и 2а) вторая вершина оказалась сглаженной, в иных нарастание и спад в окрестности основной вершины могут быть более или менее крутыми и т.д. Однако факт общего изоморфизма в строении полученных гистограмм очень знаменателен. Он свидетельствует о том, что материал, из которого сделана выборка измерений каждой гласной, однороден, т.е. все ударные гласные в нем поставлены в приблизительно одинаковые условия.

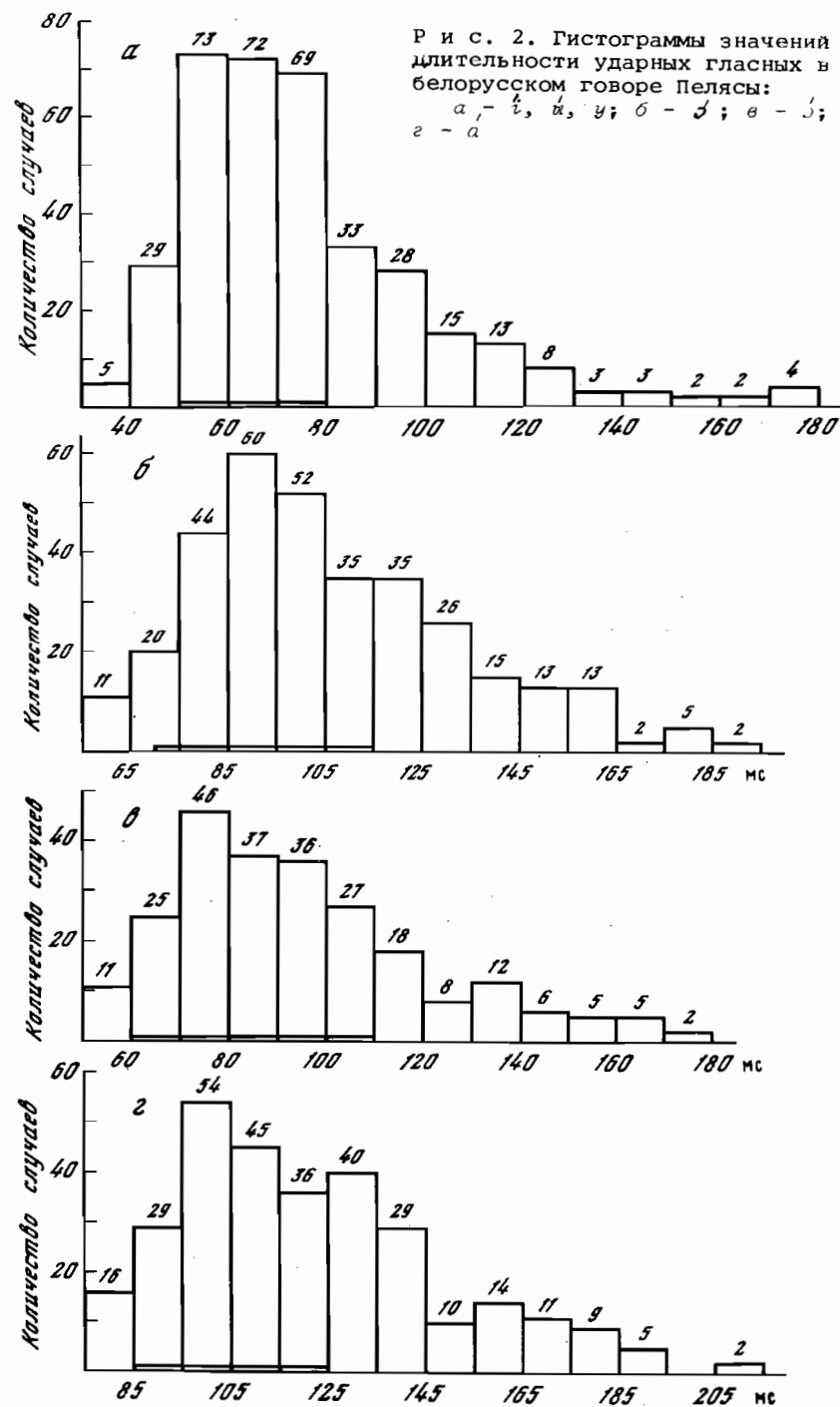
Легко было понять, что пики на гистограммах соотносимы с разной степенью ударности гласного. Если, например, выписывались отдельно длительности гласных под логическим (фразовым) ударением, то все они располагались на правой стороне гистограмм, и чем сильнее было выделено слово, тем ближе, как правило, к правому краю оказывалось значение длительности гласного в нем⁸. Наоборот,

⁸ Аналогичные наблюдения приведены в книге "Речь. Артикуляция и восприятие", с. 85, ср.: "... звуки, входящие в слово, на которое падает логическое ударение, имеют большую длительность, чем соответствующие им звуки других слов синтагмы".

Р и с. 1. Гистограммы значений длительности ударных гласных в литовском говоре
 Пелясы:
 а - краткие *i, u, y*; б - краткий *a*;
 в - долгие *i, u, y*; г - долгий *a* (**a*);
 д - долгий *o*; е - долгий *e*

Р и с. 2. Гистограммы значений длительности ударных гласных в белорусском говоре Пелясы:
а - *і, ы, у*; б - *э*; в - *о*;
г - *а*

в слабоударных словах длительности ударных гласных тяготеи к левому краю гистограмм.

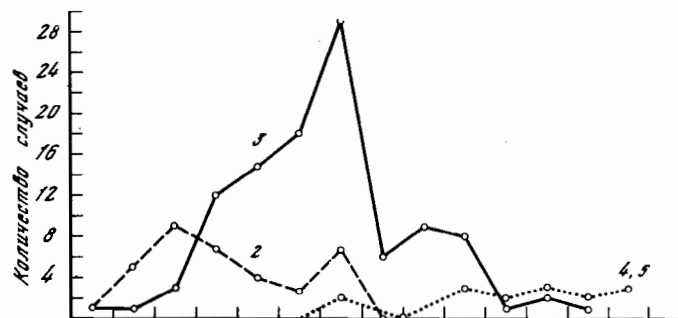
Это наблюдение подсказало следующий эксперимент, единственным участником которого, к сожалению, был автор данной статьи. При прослушивании фраз слову приписывалась условная оценка степени выделенности. Средняя, или нейтральная, выделенность оценивалась в три балла, слабая - в два и один, сильная - в четыре и более баллов. Естественно, на восприятие выделенности влияли как рядом стоящие слова, так и слова услышанных ранее фраз. Поскольку весь материал приблизительно однороден, то это не приводило к особым противоречиям в оценках.

Результаты эксперимента оказались весьма интересными. Например, при оценке выделенности слов с ударными *і, ы, у* около 75% троек пришлось на интервал 60-110 мс (рис. 3 и 4). Слова, в которых длительности ударных была менее 60 мс, оценивались, как правило, в два и один балла, а слова с длительностью гласного в 120 мс и более - в четыре и пять баллов. Слову с длительным ударным приписывалась двойка, если оно находилось на отрезках с падающим тоном, особенно в конце слов, где длительность ударных принадлежит больше фразе, чем им самим. И наоборот, слово с относительно кратким гласным оценивалось тройкой или изредка четверкой, если ударный в нем выделялся резким движением основного тона.

Сопоставление гистограммы длительностей *і, ы, у* и распределения оценок степени выделенности слов, в которых они находятся, показало, что тройки группируются в интервале основного пика длительностей *і, ы, у* - 60-120 мс. Следовательно, существуют основания заключить, что длительности этих гласных при нейтральном (среднем) ударении реализуются именно в данном интервале.

Ранее было сказано, что мы стремились получить экспериментальные фразы с нейтральной для данного говора интонацией, произнесенные полным стилем и в среднем темпе. Предполагалось, что при выполнении перечисленных условий ритмическая структура слова менее всего модифицируется под влиянием фразовой интонации. Поэтому полученные данные, например, о длительностях *і, ы, у* можно интерпретировать, видимо, следующим образом. Интервал большинства значений длительностей *і, ы, у* (зона основного пика) является в то же время интервалом среднеударных гласных. Следовательно, можно считать, что в этом нейтральном интервале располагаются те значения длительностей ударных, когда влияние интонации на них сводится к возможному минимуму, т.е. когда они делятся столько, сколько это необходимо для правильного оформления ритмической структуры слова в данном говоре.

Нормальное распределение, наблюдаемое в нейтральном интервале, позволяет высчитать среднюю длительность ударных *і, ы, у*, свойственную эталонной ритмической структуре слова в литовском говоре Пелясы. Еще раз обращаем внимание на то, что, оперируя абсолютными значениями длительности ударных гласных, мы вовсе не считаем, что, произнося фразу, носитель говора стремится выдержать именно эти длительности во всех случаях. Во-первых, средняя величина $\bar{x}$ характеризует множество значений, которые нормально распределены. Во-вторых, предполагается, что этот

Р и с. 3. Оценки степени выделенности слов с *i*, *y* в литовском говоре Пелясы

Р и с. 4. Оценки степени выделенности слов с *u*, *o* в литовском говоре Пелясы

интервал содержит длительности ударных, минимально модифицированные фразовой интонацией. Следовательно, среднее значение $\bar{x}$ характеризует область рассеяния значений ударных, свойственных эталонной ритмической структуре слова. Не лишним будет напомнить, что именно отношение длительностей, являющихся эталонными для всех позиций в слове, представляет собой важнейший параметр ритмической структуры слова.

Графики степени ударности, подобно приведенным на рис. 3 и 4, были составлены для каждой гласной. Ими мы руководствовались при определении нейтральных интервалов на гистограммах распределения длительностей всех исследованных гласных. В работе эти графики не приводятся, чтобы не перегружать ее иллюстративным материалом. Можно отметить только, что некоторые трудности возникали при определении правых крайних значений нейтральных интервалов. Обычно область троек захватывала и второй пик, самый близкий к основному (ср. рис. 3 и гистограмму 1а). По-видимому, несколько усиленное ударение воспринимается как нейтральное, но включить второй пик в нейтральный интервал нельзя, поскольку станет невозможным определение $\bar{x}$. Обычно граница нейтрального интервала справа проводилась в зоне провала между первым и вторым пиками; иногда приходилось строить гистограммы с более дробным шагом (5 мс), чтобы точнее найти искомое решение.

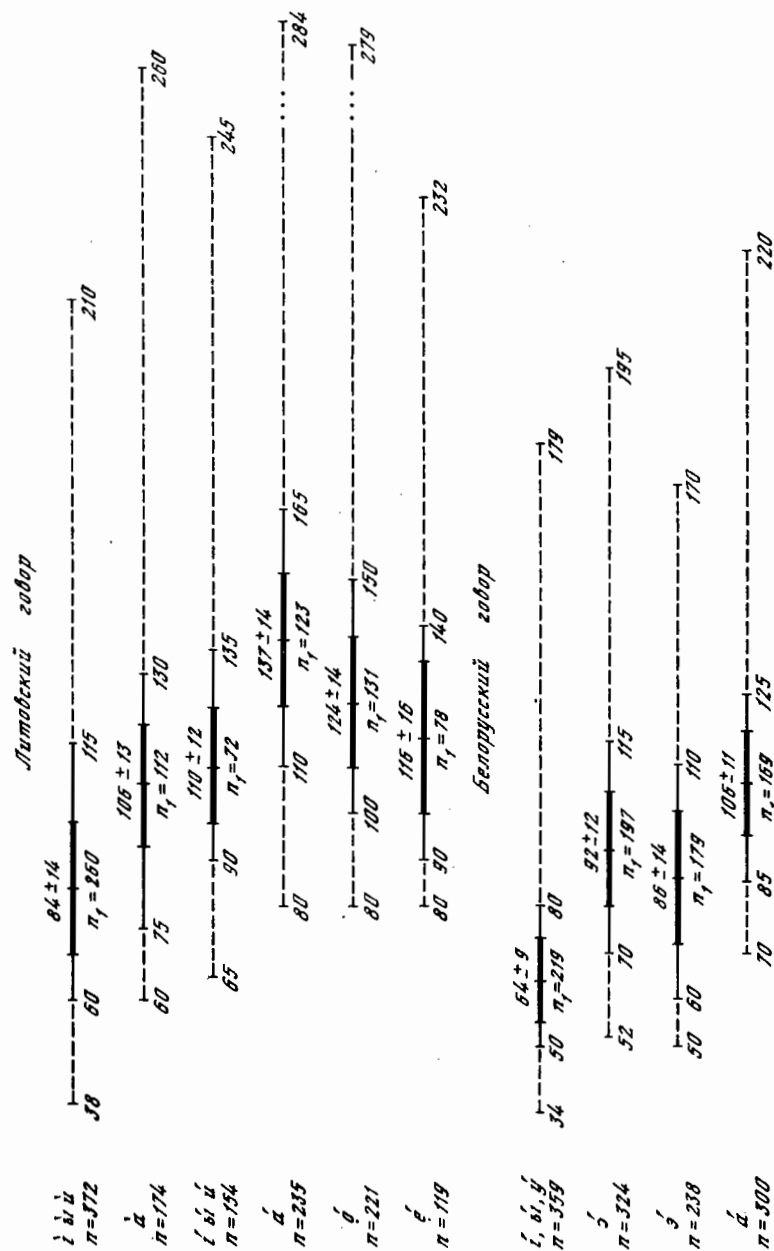
3. Средние длительности $\bar{x}$ ударных гласных литовского говора Пелясы, величины нейтральных интервалов, в которых они определялись, крайние (наименьшее и наибольшее) значения длительностей, зафиксированные для каждой гласной, приведены на рис. 5.

Первоначально $\bar{x}$ вычислялось для *i*, *y*, и *u* отдельно; оказалось, что $\bar{x}_i$, $\bar{x}_y$ равно 83,9 мс, а $\bar{x}_u$ - 83,6 мс и поэтому было возможно принять $\bar{x}_i$, $\bar{x}_y$, $\bar{x}_u$ равным 84 мс. Соответствующие им долгие *i*, *y*, *u* по этому показателю в 1,3 раза продолжительнее - их $\bar{x}$ равно 110 мс.

Отношения между *i*, *y*, *u* и *i*, *y*, *u* не являются случайными, поскольку средняя длительность $\bar{x}$ в нейтральном интервале оказалась равной 106 мс, а $\bar{x}_a$ - 137 мс, т.е. долгое *a* опять же в 1,3 раза длиннее своего краткого соответствия. Таким образом, можно считать, что в эталонных ритмических структурах слова в литовском говоре Пелясы парные долгие и краткие гласные достаточно четко различаются по собственным длительностям. Иными словами, находясь в совершенно идентичных условиях (в данном случае - под нейтральным ударением) долгие и краткие в сериях реализаций будут различаться по абсолютным длительностям в среднем в 1,3 раза.

По данным на рис. 5 видно, что, теряя ударение, краткие сокращаются в единичных случаях до ≈ 40 мс, а долгие - до ≈ 60 мс. Минимальная длительность $\bar{x}$ в наших текстах равна 60 мс, а $\bar{x}_a$ долгого - 80 мс, т.е. и по этим показателям долгие и краткие различаются в 1,5 - 1,3 раза. Крайние значения нейтральных интервалов у *i*, *y*, *u* - 60-110 мс, у *i*, *y*, *u* - 90-135, т.е. они перекрываются, хотя их средние значения с дисперсией (ср. 8414 мс и 110 ± 12 мс у долгих и кратких верхнего подъема, 106 ± 13 мс и 137 ± 14 мс у $\bar{x}$ и $\bar{x}_a$ соответственно) лежат в разных интервалах. Это означает, что в серии испытаний в одинаковых условиях долгие и краткие будут четко различаться по длительностям, однако даже под нейтральным ударением долгие и краткие в отдельных случаях могут быть и равными по длительности, и краткие могут быть длиннее соответствующих долгих. Следовательно, собственная длительность ударных, являясь важным фонетическим параметром, служащим различению долгих и кратких гласных, не представляет собой, однако, решающей характеристики ударного, на основании которой выносится решение о его фонематическом количестве в каждом отдельном случае.

Изучение осцилограмм позволило, как нам кажется, обнаружить такую характеристику. Невозможно было не заметить, что амплитудный рисунок кратких имеет очень своеобразную прямоугольную форму, указывающую на то, что их звучание резко начинается и так же резко обрывается. Долгие гласные, в том числе и *e*, *o*, имеют, как правило, двух- или трехвершинную амплитуду, их звучание нарастает и заканчивается постепенно, плавно. В то же время совершенно ясно, что на долгих монофтонгах в Пелясе нисходящая и нисходящая интонации не различаются. Сильноначальными и сильноконечными могут быть одни и те же гласные в зависимости от их положения в интонационном контуре фразы. Например, в предложении / tərəsa man' i tís' a ir tís' a / *i* в первом случае реализуется как *i*, а во втором - как *ī*. Закключаем поэтому, что, по всей видимости,

для литовцев Пелясы длинные и краткие монофтонги различаются как интонированные и неинтонированные гласные. И те, и другие, естественно, нормально вписываются в рисунок фразовой интонации, и в этом смысле все монофтонги являются интонированными. Но если во время звучания долгого гласного требуется та или иная модуляция амплитуды и, видимо, основного тона, то краткие лишены этих дополнительных признаков.

Затронутая проблема нуждается в дальнейшем исследовании и освещении, которое увело бы нас далеко в сторону от основной темы. Сейчас отметим только, что пелясское состояние (известное, наверное, и другим литовским говорам) косвенно свидетельствует о более раннем различении интонаций на монофтонгах. В настоящее время в говоре Пелясы оно нивелировано, а его реликтом, свернутым состоянием является отмеченная интонированность долгих.

По гистограммам видно, что краткие по абсолютной длительности в некоторых случаях могут быть такими же протяженными, как и длинные, или даже значительно превосходить их. Следует отметить, что при произнесении кратких протяженных ударных наблюдается очень характерное явление. Именно, гласные высокого подъема $\dot{i}$, $\dot{u}$, $\ddot{a}$, начиная где-то со 130-140 мс, а краткий $\dot{a}$ - со 150-160 мс, постепенно переходят в звук, близкий к $\dot{a}$ - по крайней мере, так звучит этот участок, вырезанный на сегментаторе отдельно. В транскрипции звучание протяженных кратких можно передать с помощью знаков $\dot{i}^a$, $\dot{u}^a$, $\ddot{a}^a$. После этого становится понятным, почему молодые люди, уже не владеющие литовским, слово *laška*, например, могут произнести как *laškə*: они улавливают, видимо, особое звучание $\dot{a}$ в наиболее сильных положениях и стремятся с помощью доступных им средств - белорусской фонетики - передать необычный для них звук. Для подлинных же носителей литовского говора эта $\dot{a}$ -прибавка к краткому является сигналом того, что большая абсолютная длительность ударного в данном случае требуется интонационным рисунком фразы, и она не принадлежит гласному. Особенно ярко и наглядно роль $\dot{a}$ -прибавки проявляется в конце фразы под восходящей интонацией (*akmuva^a, v'ed^a, s'c'ipr^a*).

Таким образом, краткие $\dot{i}$, $\dot{u}$, $\ddot{a}$, $\dot{a}$ в литовском говоре Пелясы отличаются от соответствующих долгих $\dot{i}$, $\dot{u}$, $\ddot{a}$, $\dot{a}$ неинтонированностью, количеством и качеством. В речи нашего информатора, за редкими исключениями, эти различия соблюдаются, причем этимологическим кратким соответствуют краткие говора, а этимологическим долгим - длинные. Только изредка бывает трудно определить фонологическое количество звука, когда он, например, имеет форму амплитуды и длительность краткого, но является нормальноогубленным, как *u* (*kaz'ul'is*), или же на месте этимологического долгого произносится четкий краткий (*po ras'ù langù, m'edl* и некот. др.). Эти примеры свидетельствуют, видимо, о

Р и с. 5. Крайние значения длительностей литовских и белорусских гласных, отмеченные в тексте (пунктир), их средние значения $\bar{x}$ ($\pm\sigma$), размах нейтральных интервалов (непрерывная линия), общее количество реализаций (n) и количество реализаций в нейтральных интервалах (n_1).

начале деградации противопоставлений по долготе-краткости под влиянием белорусской речи, даже если они являются своеобразными гипернормализмами.

Гласные $\acute{e}$ и $\acute{o}$ в литовском говоре Пелясы несколько отличаются по $\bar{x}$: $\bar{x}_{\acute{e}}$ -116 мс, а $\bar{x}_{\acute{o}}$ -124 мс. Объяснить это различие мы пока не можем. По форме амплитуды $\acute{e}$ и $\acute{o}$ - типичные долгие интонированные звуки. Соотношение эталонных длительностей как долгих, так и кратких безударных подчиняется в говоре давно установленной закономерности, согласно которой с увеличением подъема уменьшается собственная длительность гласных⁹, ср.:

долгие		краткие	
$\acute{i}$ ($\acute{u}$)	$\acute{y}$	$\grave{i}$ ($\grave{u}$)	$\grave{y}$
110 мс	110 мс	84 мс	84 мс
$\acute{e}$	$\acute{o}$	$\grave{a}$	
116 мс	124 мс	106 мс	
($\acute{a}$) $\acute{a}$			
137 мс			

Нельзя не отметить правильных, гармоничных отношений между длительностями внутри подсистем, ср.: 116 : 110 = 1,064 (малая секунда); 124 : 110 = 1,137 (большая секунда); 137 : 116 = 1,181 (малая терция); 137 : 124 = 1,104 (большая секунда). Кроме того, длительности $\acute{a}$ и $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{y}$ соотносятся как 137 : 110 = 1,256 (большая терция), подобные отношения и между соответствующими краткими: 104 : 84 = 1,26 (большая терция). Видимо, можно говорить о гармоничности этих подсистем и, следовательно, об их устойчивости, хотя обычно критерий гармоничности в нашем понимании для оценки состояния системы не используется.

4. При анализе ударных гласных белорусского говора Т.Ш. в первую очередь обращает на себя внимание форма их амплитуды. Если они не являются очень краткими, то это обязательно интонированные с точки зрения литовской фонетики гласные, т.е. амплитуды у них двух- и трехвершинные, как и у долгих литовских. Если же это одновершинные гласные, то нарастание и спад звучности при их реализации происходит постепенно, тоже как у интонированных литовских долгих. Таким образом, в белорусской речи Т.Ш. неинтонированные с точки зрения ее литовской фонетики гласные практически исключены.

Теперь обратимся к рассмотрению длительностей ударных белорусского говора. Данные о средних значениях $\bar{x}$ их длительностей, нейтральные интервалы, в которых $\bar{x}$ вычислены, и крайние значения длительностей блр. $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{y}$, $\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{a}$ представлены на рис. 5. Как и следовало ожидать, с увеличением подъема $\bar{x}$ гласных уменьшается, ср.:

$\acute{i}$ ($\acute{u}$)	$\acute{y}$
64 мс	64 мс
$\acute{e}$	$\acute{o}$
86 мс	92 мс
$\acute{a}$	
106 мс	

Но неожиданностей здесь больше, чем можно было предвидеть. Как выяснилось ранее, по качеству и интонированности белорусские ударные близки подобным долгим звукам литовского говора, и только блр. $\acute{e}$ выразительно отличается по качеству от лит. $\acute{o}$. Теперь же оказывается, что по длительностям все белорусские гласные резко отличаются от литовских долгих.

Так, эталонное блр. $\acute{a}$ ($\bar{x}$ =106 мс) точно соответствует краткому литовскому $\acute{a}$ ($\bar{x}$ =106 мс). Поскольку по качеству это не лит. $\acute{a}$, но именно $\acute{a}$ (т.е. $\acute{a}$ глубокого у нашего информатора), то можно считать, что блр. $\acute{a}$ в 1,3 раза (137 : 106 = 1,294) короче лит. $\acute{a}$.

Выводяется, что и блр. $\acute{e}$ в $\approx 1,3$ раза короче лит. $\acute{e}$ (116 : 86 = 1,348), и блр. $\acute{o}$ в $\approx 1,3$ раза короче лит. $\acute{o}$ (124 : 92 = 1,347). Здесь бесспорное сокращение длительностей $\acute{e}$ и $\acute{o}$ при передаче белорусских $\acute{e}$ и $\acute{o}$.

Наконец, самое неожиданное: блр. $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{y}$ оказываются сокращенными не только в сравнении с лит. $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{y}$, но и в сравнении с краткими лит. $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{y}$, причем они не просто короче литовских кратких, но короче именно в 1,3 раза (84 : 64 = 1,312).

Таким образом, белорусские ударные гласные, по интонированности и качеству близкие к ударным долгим литовского говора, по количеству являются по сравнению с ними краткими звуками. Следовательно, процесс адаптации литовской фонетики для передачи белорусской речи действительно не является таким простым, как это кажется вначале. Хотя долгота в белорусской системе гласных с фонологической точки зрения нерелевантна, при передаче, воспроизведении их носитель литовского говора четко ориентируется на краткие своего родного говора. Замечательно, что на этом субфонемном уровне прослеживаются не менее четкие закономерности, чем на фонемном. Как было показано, эталонные краткие в литовском говоре в 1,3 раза короче долгих:

$$\frac{\bar{x}_{\acute{i}, \acute{u}, \acute{y}}}{\bar{x}_{\acute{i}, \acute{u}, \acute{y}}} = \frac{110 \text{ мс}}{84 \text{ мс}} = 1,301;$$

$$\frac{\bar{x}_{\acute{a}}}{\bar{x}_{\acute{a}}} = \frac{137 \text{ мс}}{106 \text{ мс}} = 1,294.$$

В белорусском языке $\acute{e}$ и $\acute{o}$ должны быть звуками единой пятичленной системы гласных; по сравнению с лит. $\acute{e}$, $\acute{o}$ они должны быть краткими звуками. Поскольку таких звуков нет в литовской речи, то лит. $\acute{e}$, $\acute{o}$ можно "приспособить" для этой цели, сократив их настолько, насколько иные краткие короче соответствующих долгих. Действительно, блр. $\acute{e}$ и $\acute{o}$ именно в 1,3 раза короче лит. $\acute{e}$, $\acute{o}$:

$$\frac{\bar{x}_{\acute{e}}}{\bar{x}_{\acute{e}}} = \frac{116 \text{ мс}}{86 \text{ мс}} = 1,348; \quad \frac{\bar{x}_{\acute{o}}}{\bar{x}_{\acute{o}}} = \frac{124 \text{ мс}}{92 \text{ мс}} = 1,347.$$

Просто поражает, что и в литовской, и в белорусской речи гласные переднего ряда оказываются несколько более короткими, чем противопоставленные им $\acute{o}$ и $\acute{e}$, и в то же

⁹ Nemecklowsky G. Spezifische Dauer und spezifische Tonhöhe der Vokal. - *Phonetica*, 1975, 32(1), S. 38-60.

время отношения между $\acute{e}$ и $\acute{e}$, $\acute{o}$ и $\acute{o}$ выдержаны с точностью фактически до третьего знака. Трудно поверить, что это простое совпадение и за "магией чисел" ничего не стоит.

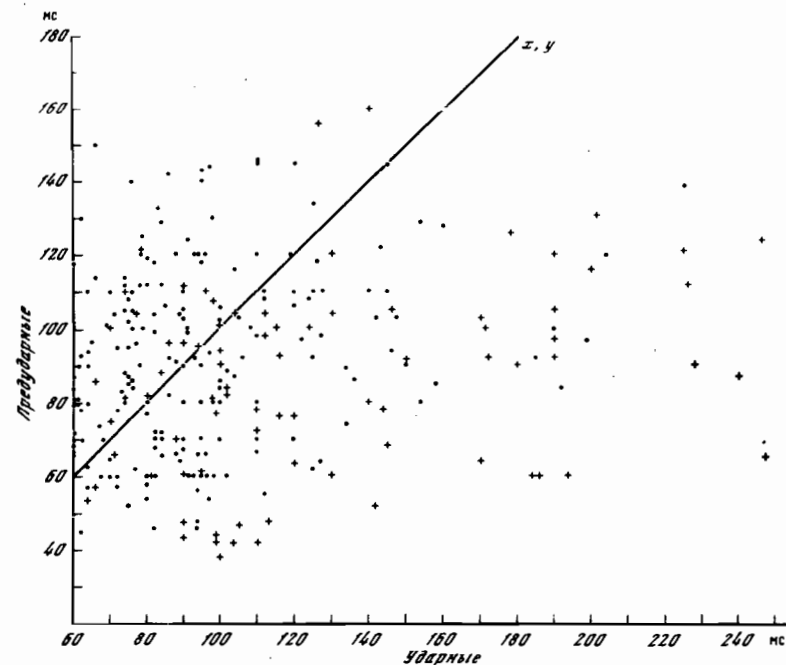
И все же попробуем объяснить, опираясь на эту "магию", длительности блр. $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$. Представим, что их необходимо сконструировать, выполняя два условия. Во-первых, они должны быть краткими по отношению к долгим литовским $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$, а во-вторых, в пятичленной системе белорусских гласных они должны быть, как более высокие по подъему, короче $\acute{e}$ и $\acute{o}$. Если сократить лит. $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$ в 1,3 раза, то получим средние значения предполагаемых блр. $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$ равными ≈ 86 мс. Но тогда окажется, что эти гласные высокого подъема совпадут по длительности с гласными среднего подъема, у которых $\bar{x}$ равно 86 (для $\acute{e}$) и 92 (для $\acute{o}$) мс. Тогда, видимо, "принимается решение" сделать блр. $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$ также в 1,3 раза короче, поскольку отношение это интуитивно хорошо знакомо носителям говора, но уже сравнительно не с литовскими долгими, а с литовскими краткими, ср.:

$$\frac{\bar{x}_{\acute{i}, \acute{y}, \acute{y}}}{\bar{x}_{\acute{i}, \acute{y}, \acute{y}}} = \frac{86 \text{ мс}}{64 \text{ мс}} = 1,312.$$

Разумеется, предложенная интерпретация не претендует на статус единственно возможной. Она логична, но логика в данном случае касается таких малоисследованных и таких тонких процессов интерференции, что полностью полагаться на нее было бы опрометчивым. И все же главное в данном случае кажется почти очевидным: система гласных белорусского говора, а точнее, фонетические характеристики этих гласных, не существуют сами по себе; по определенным правилам они соотносятся с подобными гласными искомого литовского говора, которые являются своеобразной точкой отсчета для построения белорусской фонетики. В частности, отношения между долгими и краткими литовского говора, интуитивно усвоенные его носителями, активно используются при усвоении новой системы гласных в процессе перехода на неродную речь. Кроме всего прочего, поразительно логичная "магия чисел", обнаруженная нами, может свидетельствовать о том, что гипотеза о существовании у носителей говора (или языка) представления об эталонных длительностях гласных не является беспочвенной.

Характерно, что отношения средних длительностей белорусских гласных в говоре нашего информатора, за исключением одного, неправильные, негармоничные ($86 : 64 = 1,343$, кварта). Следовательно, по сравнению с литовскими подсистемами гласных белорусская является негармоничной и неустойчивой. Если обнаружится, что она становится более гармоничной у монолингвов, носителей белорусского говора в данном ареале, то высказанное предположение о важности гармонических отношений для устойчивости системы можно будет считать достойным внимания.

5. Чрезвычайно интересная картина вырисовывается при сравнении длительностей безударных гласных в литовском и белорусском говорах Пелясы. Полностью привести имеющиеся у нас данные сейчас невозможно — это была бы уже самостоятельная работа. Остановимся только на самом интересном, с нашей точки зрения, явлении.

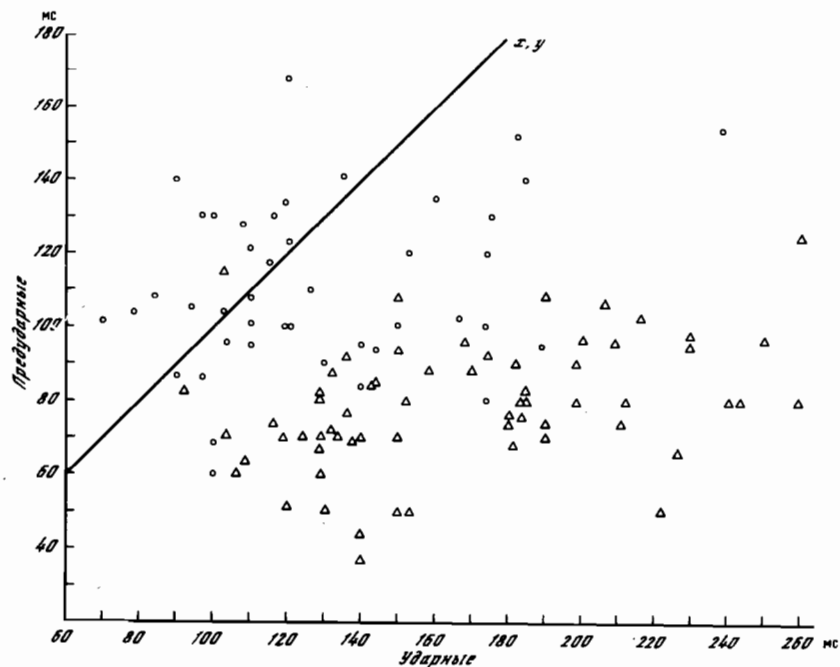

Р и с. 6. Длительности ударных кратких и предшествующих им предударных в литовском говоре Пелясы ($\cdot$ $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$; $+$ $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$)

На рис. 6 показано соотношение длительностей ударных $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$ и предшествующих им предударных в литовском говоре. Если точка или крестик лежат выше линии x, y , то это означает, что предударный гласный длиннее последующего ударного краткого; положение знаков $\cdot$ и $+$ на самой линии свидетельствует о равенстве ударного и предударного. Нетрудно заметить, что предударные редко превосходят по длительности последующие ударные, если последние длиннее ≈ 110 мсек. Если же длительность ударного 80 мс и меньше, то предударный будет, как правило, длиннее последующего ударного.

Поскольку долгие ударные $\acute{i}$, $\acute{y}$, $\acute{y}$ в литовском говоре обычно длиннее 100–110 мс, то предударные перед ними очень редко бывают длиннее, чем они (рис. 7).

Легко было установить, что перед последующими ударными наиболее длительными оказываются обычно гласные неверхнего подъема, особенно в тех случаях, когда ударными являются гласные верхнего подъема. Например, перед ударным $\acute{i}$ зафиксировано 50 последовательностей типа $\bar{C}\bar{V}\bar{C}\bar{i}$ (где $\bar{C}$ — консонант, $\bar{V}$ — гласный, по длительности превосходящий ударный); из них только однажды место $\bar{V}$ занимал $\acute{i}$. Аналогично в 61 последовательности типа $\bar{C}\bar{V}\bar{C}\bar{y}$ на месте $\bar{V}$ только дважды обнаружен $\acute{i}$. Перед ударным $\acute{y}$ ни в одном случае предударные $\acute{i}$, $\acute{y}$ не превосходили его по длительности, в то время как гласные среднего и нижнего подъема могли быть длиннее его. Точно так же в тех немногих

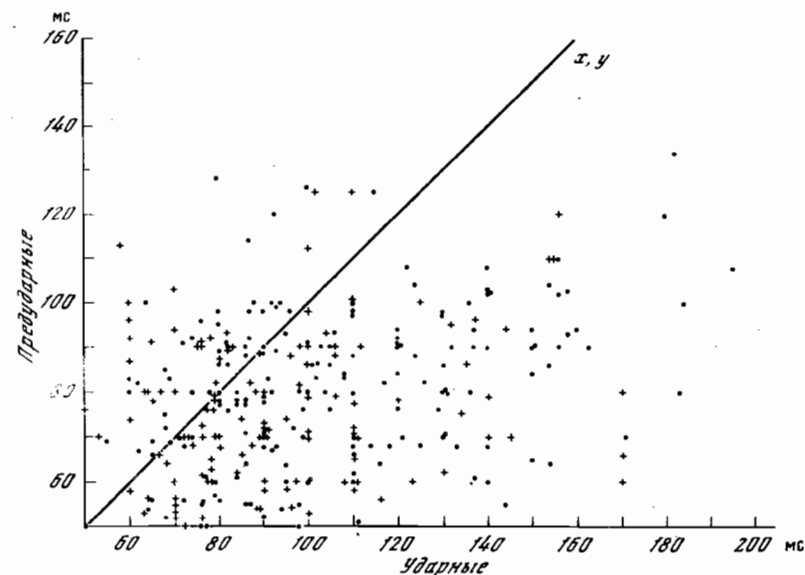

Р и с. 7. Длительности ударных долгих и предшествующих им предударных в литовском говоре Пелясы ($\circ$ i , y , u ; Δ $\acute{a}$)

численных случаях, когда предударные были длительнее последующих ударных i , y , u , это были именно гласные не-верхнего подъема, например $dar'ic'$ (113 и 119 мс), $vo-ris$ (118 и 119 мс), $m'ed\acute{i}$ (105 и 94 мс), $vag'i$ (128 и 108 мс) и под.

Обнаруживаемые закономерности в белорусском говоре Т.Ш. оказываются выраженными гораздо ярче. Прежде всего, не было ни одного случая, когда бы предударный был длительнее последующего ударного $\acute{a}$. Перед ударными $\acute{e}$, $\acute{o}$ это возможно, но случается редко. По рис. 8 это видно достаточно наглядно. Интересно, что длительности ударных $\acute{e}$, $\acute{o}$ расположены в зоне длительностей литовских кратких (ср. рис. 8 и 6). Как же поведут себя предударные в белорусском говоре перед сокращенными относительно литовских ударными $\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{u}$?

На рис. 9 содержится ответ на этот вопрос. Оказывается, гласные верхнего подъема i , y , u обычно короче, чем последующие ударные $\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{u}$ (в 35 случаях из 48). Предударные гласные неверхнего подъема (a и его варианты) ведут себя по-иному — они обычно длительнее, чем последующие ударные. На рис. 9 очень хорошо видно, что предударные a ($\acute{a}$), $\acute{e}$ ($\acute{a}$) становятся короче последующих i , y , u только тогда, когда последние достигают длительности 90 и более мсек; если же длительность ударного меньше 90 мс, то вероятность того, что предударный будет более длительным, чем ударный, достигает 92%. Таким об-

Р и с. 8. Длительности ударных $\acute{e}$, $\acute{o}$, и предшествующих им предударных в белорусском говоре Пелясы ($+$ $\acute{e}$, $+$ $\acute{o}$)

разом, явление, которое в литовском говоре можно считать только тенденцией, в белорусском становится почти закономерностью. Почему так происходит?

Дать уверенный ответ на этот вопрос пока трудно. Ясно, что оно связано со значительной краткостью белорусских ударных $\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{u}$. Но только ли в этом причина появления структур $CVCi$, $\acute{e}$, $\acute{o}$? Может, они обусловлены закономерностями строения ритмической структуры в окружающих белорусских говорах? Но ведь и сами эти говоры не свободны от влияния балтийского (литовского) субстрата. Конечно, заманчивее всего было бы предположить, что мы наблюдаем механизм зарождения и порождения той характерной ритмической структуры слова, которая обнаруживается в иных белорусских говорах¹⁰, но выносить окончательное суждение еще рано.

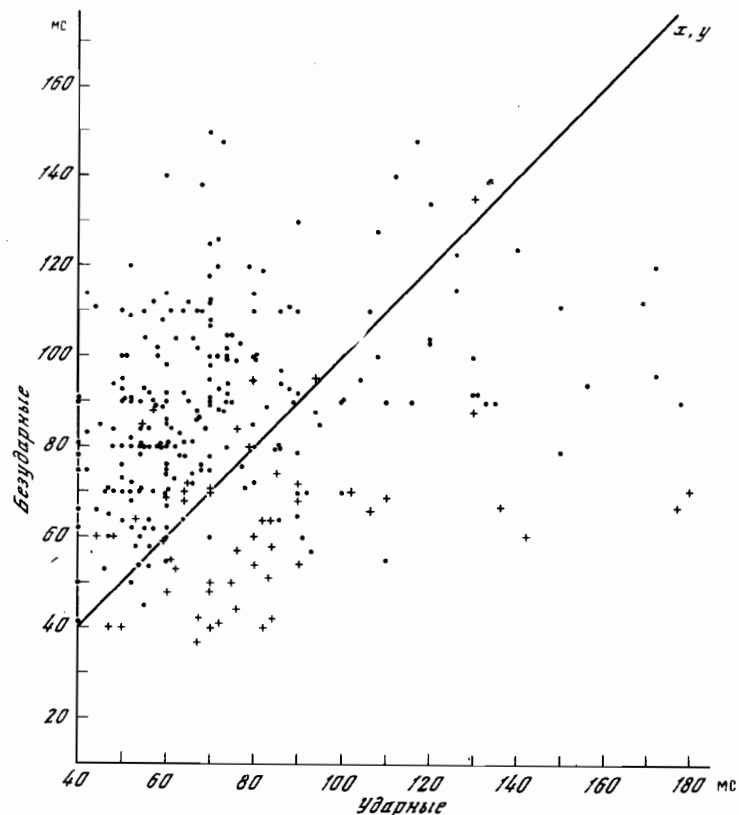
6. Заканчивая статью, считаем необходимым несколько слов сказать о том значении, которое мы придаем изучению литовско-белорусской интерференции в Пелясе и других островных говорах.

Как известно, эти говоры подвергаются сильному белорусскому влиянию¹¹; степень их сохранности колеблется в широких пределах¹². Регион Пелясы-Радунь-Начи интересен тем, что в нем представлены фактически все возможные ступени перехода от литовского к белорусскому. Типологически изучить взаимоотношения контактирующих говоров и их осо-

¹⁰ Чэжман В.М. Указ. соч., с. 150-153.

¹¹ Судник Т.М. Диалекты литовско-славянского пограничья. (Очерки фонологических систем). М., 1975, с. 3-17 и др.

¹² Там же, с. 19-24, 102-104, 122-124, 143-146.

Р и с. 9. Длительности ударных i, u, y и предшествующих им гласных неверхнего подъема в белорусском говоре Пелясы (• безударные $a('a), 'э('a)$; + безударные i, u, y)

бенности во всех возможных ситуациях – значит познать динамику становления белорусских говоров данного региона. И не только данного. В Пелясе и окружающих ее деревнях осуществляются процессы, которые в прошлые времена происходили и в других районах Белорусии – ведь положение о том, что значительный массив белорусских говоров сформировался на балтийском (литовском) субстрате, глубоко и всесторонне обосновано. Поэтому литовско-белорусское взаимодействие в островных говорах можно считать во многих отношениях моделью процессов, уже закончившихся на других территориях. Замечание жителя д. Поволоки А. Канывичуса "pas mūs tīs'as s'ėn'i laikai" 'у нас продолжают старые времена' очень точно характеризует ситуацию. Изучение закономерностей наблюдаемого взаимодействия и его промежуточных этапов может оказаться чрезвычайно полезным для исторической диалектологии белорусского и литовского языков, а также для познания механизмов диахронических изменений.

НАЗВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ В ПЕЛЯССКОМ ЛИТОВСКОМ ГОВОРЕ

Сравнительно небольшой и, однако, весьма важный пласт диалектной лексики составляют слова, относящиеся к области ботаники, а в этом пласте наиболее ярко выделяются названия растений. Так как названия тесно связаны с историей самих растений, то изучение названий растений дает возможность проследить весь процесс развития этой группы лексики, определить ее архаизмы и новообразования, выявить контакты с другими говорами, с литературным языком, а также с другими языками и т.д. Поэтому исследование ботанической лексики говора обычно начинается именно с изучения названий растений.

В статье исследуются названия растений в пелясском говоре. Автора прежде всего интересовали названия растений в литовском говоре Пелясы и окрестных деревень. Однако в настоящее время здесь наблюдается почти сплошное двуязычие – местные литовцы говорят на литовском и белорусском языках¹, оба эти языка находятся в постоянной взаимосвязи, подвергаются взаимному влиянию. Поэтому подробное и объективное исследование названий растений в литовском говоре совершенно невозможно без привлечения фактов белорусского говора, без выяснения взаимосвязи и взаимодействия говоров обоих языков. Разумеется, для полного освещения вопроса необходимо располагать достаточно богатым материалом и остальных литовских и белорусских говоров, чтобы пелясские названия растений вписались в более широкий контекст, чтобы можно было установить, как они соотносятся со всей номенклатурой названий растений в литовском и в белорусском языках. К сожалению, неполнота материала из других говоров, особенно белорусских, эту проблему делает пока почти неразрешимой².

¹ Довольно часто наблюдается и трехязычие: люди старшего поколения, как правило, знают и польский, а молодежь – русский язык.

² Даже в диалектологических атласах литовского и белорусского языков названия растений посвящено только по несколько карт: в литовском 11, из них три двойные (см.: Lietuvių kalbos atlasas, t. I. Leksika. Vilnius, 1977, карты № 87–98), в белорусском – три (см.: Дзялекталогічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карты № 276–277, 283).

Кстати, диалектные названия растений довольно широко представлены в Словаре литовского языка (Lietuvių kalbos žodynas, t. I–X. Vilnius, 1941–1976, далее LKŽ) и в его картотеке, однако там их записи обычно бывают случайными, и по ним невозможно определить хотя бы приблизительную географию того или иного названия. Кроме того, часто не указано точное значение слова, и поэтому неясно, к какому конкретному растению относится за-

Во время экспедиции 1974 г. и нескольких кратковременных последующих поездок в окрестностях Пелясы были записаны диалектные литовские и белорусские названия свыше 260 растений³. При этом преследовалась цель охватить различные группы культурных и дикорастущих растений, характерных для этой местности. Поэтому записывались названия плодовых деревьев и кустарников, овощей, хлебов, кормовых и технических культур, декоративных садовых и комнатных растений, паразитных и полупаразитных растений, различных сорняков, растений песчаных мест, луговых, болотных и водных растений, деревьев, кустарников и полукустарников, ягодных растений, лесных травянистых растений, грибов и т.д.

Собирание материала началось с записывания названий растений, хорошо знакомых каждому сельскому жителю, распространенных на всей территории Литвы и в соседних районах других республик. Во время работы первоначальный список растений расширялся и уточнялся уже местными жителями: ими указаны многие растения, характерные для окрестностей Пелясы.

Кроме самой Пелясы, названия растений записывались также в соседних деревнях: в Дубинцах (Dubiniai), Лялюшах (Leliušiai), Пилюнцах (Piliūnai), Поволоке (Pavalakė).

Материал в основном собирался среди людей старшего поколения, так как в наши дни только они более или менее полно сохранили исконные диалектные названия растений, в то время как молодежь, а отчасти и среднее поколение уже нередко их заменяют названиями литовского литературного языка (как и во всех остальных литовских говорах) или белорусскими заимствованиями.

Учитывая билингвизм представителей говора, от каждого информатора записывались как литовские, так и белорусские названия. В каждом конкретном случае это помогает точнее установить их взаимосвязь и взаимовлияние, а также проследить колебание и варьирование соотношения между литовскими и белорусскими элементами.

Основным информатором была семидесятилетняя Мария Ладжишова (Marija Ladišienė) из д. Лялюши, в настоящее

время проживающая в Пелясе, прекрасный знаток местных растений, особенно лекарственных. Многие названия записаны также от Б. Лукашевича (B. Lukoševičius) и М. Ковзовой (M. Kauzienė) в Дубинцах, от М. Круопене (M. Krupienė) в Пелясе и др.

В данной статье мы ограничиваемся анализом названий культурных растений, так как для большинства дикорастущих растений не хватает сопоставительного материала из других литовских и белорусских говоров.

Названия плодовых деревьев и кустарников

ā·g·r·a·s·t·a·s⁴ 'крыжовник'; имеет точные соответствия в некоторых соседних литовских говорах, от лит. литер. отличается акцентуацией (agrāstas); пеляское белорусское название āgrast || āgrast, мн. ч. āgrasty вокализмом и местом ударения связано с местной литовской формой и отличается от формы белорусск. литер. яз. (агрэст).

č·e·r·ė·š·n·ė || čerėšna || čerėsnė 'черешня'; близкие варианты этого названия употребляются также и в соседних литовских говорах. В местном белорусском говоре записано два варианта: čarėšna || čarėšna. Первый из них соответствует форме белорусск. литер. яз. (чарэшня). Как литовский, так и белорусский варианты с согласным s могли образоваться под влиянием польского языка (ср. czereśnia); появление лит. формы с окончанием на -ia скорее всего обусловлено белорусской и польской формами.

g·r·u·š·à || gru·šė || gru·šà || grū·sa 'груша'. Форма gru·šà бытует во многих соседних и пространственно более отдаленных литовских говорах, реже в них зафиксирована форма gru·šà⁵. Местное белорусское название grušà по месту ударения отличается от формы белорусск. литер. яз. (груша) и связана с местной лит. формой. Лит. форма с твердым š в пеляском говоре могла возникнуть на почве литовского языка (как результат депалатализации согласных⁶), но при этом скорее всего приходится учитывать также влияние белорусского языка.

o·b·e·l·i·s || o·bellis 'яблоня'. Пеляская форма названия имеет точные соответствия в лит. литер. яз. и в соседних говорах. Местное белорусское название jáblyna отличается от белорусск. литер. формы (яблоня) твердостью согласного n.

Как и во многих других литовских говорах, в пеляском по существу нет общего названия для смородины: для красной смородины имеется одно название, а для черной - другое. Исконное название красной смородины - s·ė·r·b·e·n·c·i·s || seřbencis || sərbentė; наряду с ним в наше время некоторые носители говора переходят к заимствованию из местного белорусск. говора parėška (ср. белорусск.

⁴ В тех случаях, когда пеляское название растения по происхождению не отличается от соответствующего названия лит. литер. яз. или других литовских говоров, в данной статье оно не указывается.

⁵ LKŽ III, 679.

⁶ См.: Žinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, с. 168-169, карта № 74.

писанное название, тем более, что одно и то же название в говорах означает совершенно различные растения. Несмотря на указанные недостатки, материал словаря своей ценности не теряет, так как он довольно хорошо отражает самые характерные черты образования названий растений в говорах литовского языка.

Много ценного материала содержится также в литовском ботаническом словаре (Lietuviškas botanikos žodynas, I dalis. Sudarė Botanikos žodyno komisija, vad. L. Vailionio. Red. J. Dagys. Kaunas, 1938).

Приблизительную географию названий свыше 30 растений можно установить по материалу анкеты 1942 г. (Lietuvių kalbos institutas. Dialektologijos sekcija. Apklausa I žodžių geografijai. Vilnius, 1942).

³ За запись белорусских названий автор статьи приносит глубокую благодарность сотруднице Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР Т.М. Судник.

parėski, мн. ч.). Черную смородину пеляские литовцы называют k u m ė · l' a v u o g ė || kumėlinės vūogos (мн. ч.). Кроме Пелясы, подобные названия черной смородины записаны еще в двух соседних литовских говорах: эйшишском (kumėliena) и бутримонском (kumėlinė, мн. ч. kumėlines || kumėlinės vūogos). Ни в одном из остальных литовских говоров такое название черной смородины пока не зафиксировано⁷. Однако точно такие или с тем же первым компонентом слова в части литовских говоров употребляются как названия различных других растений, напр. kumeluogės 'вороний глаз (Paris quadrifolia)', kumelmėt-(r)ė, kumelrūgštė, kumelžolė и т.д.⁸.

В пеляском белорусском говоре черную смородину называют smuródzina. Кроме Пелясы, такое название черной смородины употребляется и в некоторых соседних говорах, напр., в окрестностях Начи (Nočia) в деревне Белюнцы (Bieliūnai). Вариант smrozina бытует также в некоторых местных польских говорах⁹. В белорусск. литер. яз. имеется общее название смородины *парб́чка* || *парб́чки* (чире́б-ния п. 'красная смородина', чор́няя п. 'черная смородина').

Пеляские названия сливы и вишни (лит. s l i · v à || slī·va, vi·šnà || vi·šnà, белорусск. sliva, višna) по существу соответствуют норме литер. яз. в обоих языках (лит. slivà, vyšnià, белорусск. *сли́ва*, *ви́шня*). Параллельные лит. формы с ударением на первом слоге, судя по аналогичным случаям в некоторых других говорах Южной Литвы, могли образоваться на почве литовского языка, но языковая ситуация в Пелясе не исключает и влияния белорусского языка.

Названия овощей

a g u o n à || aguona || агу́она 'мак'. Основная форма названия имеет точные соответствия в тех литовских говорах, которые не переносят ударения с конца слова на его начало, и в литер. языке (aguona). Форма aguona, в отличие от тех говоров, которым свойственна ретракция ударения, в Пелясе скорее всего образовалась в результате обобщения ударения на том слоге слова, на котором оно бывает в большинстве падежей парадигмы. Влияние местного белорусского говора проявляется в произношении согласного g.

Местное белорусское название ма́к соответствует норме белорусск. литер. яз. (*ма́к*).

a g u ĭ k a s 'огурец' соответствует названию этого растения во многих других литовских говорах и в литер. яз. (aguĩkas). Местное белорусское название агу́рок по существу соответствует форме белорусск. литер. яз. (*агу́рок*).

b r u ĩ š k à || brūška 'брюква'. Название брюквы в

пеляском литовском говоре связано с местным белорусским названием того же растения brūška¹⁰.

Совершенно одинаково в пеляском литовском (b ū · l' b a) и белорусском (búlba) говорах называется также и картофель¹¹.

с h r i ė n a s 'хрен' в других литовских говорах и в литер. яз. произносится с согласным k. В пеляском лит. говоре в консонантизме этого названия явно чувствуется влияние местного белорусского говора (xřén), ср. также форму белорусск. литер. яз. *хрѐн*.

č e s n ā k a s || časnākas 'чеснок'. Основная форма названия чеснока имеет точные соответствия во многих других литовских говорах и в литер. языке. Форма časnākas является новой, скорее всего она возникла под влиянием формы местного белорусского говора časnók, точно соответствующей норме белорусск. литер. яз. (*ча́снóк*), хотя могла образоваться и на почве литовского языка, в результате депалатализации согласных¹².

f a s ó l i s 'фасоль'. Такое название этого растения зафиксировано лишь в немногих говорах литовского языка. Причем там оно произносится с согласным p¹³. С согласным f, кроме Пелясы, оно записано в окрестностях Тракай, где местный литовский говор подвергается сильному влиянию славянских - польского и отчасти белорусского языков. Пеляское лит. название фасоли тесно связано с названием местного белорусского говора fasól' (норма белорусск. литер. яз. *фа́соль*).

g a r b ū · z a s || garbūzas 'тыква'; с таким консонантизмом начала слова это название, кроме Пелясы, записано лишь в окрестностях Тракай (garbūzas). В обоих говорах согласный g в начале слова появился под влиянием белорусского языка. Влиянием славянских языков скорее всего объясняется также появление краткого u. В пеляском белорусском говоре записана форма им. п. мн. ч. arbuzų (норма белорусск. литер. яз. *гарбу́з*). Такое спорадическое исчезновение согласного g(γ) в начале слова является характерной чертой говора.

Пеляские названия капусты (k ų p ū · s t a s) и укро́па (k r ė · p a s) соответствуют названиям этих растений в других литовских говорах и в литер. яз. Местные белорусские названия kapūsta и krōp также соответствуют норме белорусск. литер. яз. (*капу́ста*, *кро́п*).

m o r k v à || mōrkva || mōrka 'морковь'; название моркови в пеляском лит. говоре отчасти связано с местным белорусским названием mōrkva (в белорусск. литер. яз. -

¹⁰ Более подробно о названиях брюквы в литовском и белорусском языках см.: Lietuvių kalbos atlasas, т. I, карта № 89 и ее комментарии; Дialectaгiчны атлас беларускай мовы, карта № 276 и ее комментарии.

¹¹ Подробнее о названиях картофеля см.: Lietuvių kalbos atlasas, т. I, карта № 87 и ее комментарии; Дialectaгiчны атлас беларускай мовы, карта № 277 и ее комментарии.

¹² См.: Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, с. 168-169 и карта № 74.

¹³ См. LKŽ IX, 518.

⁷ Более подробно см.: Lietuvių kalbos atlasas, I, карта № 96 и ее комментарии.

⁸ LKŽ VI, 871, 872.

⁹ См.: Zdanukiewicz A.A. Gwara Łopatowszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972, с. 203.

морква)¹⁴. Влияние белорусской формы могло способствовать обобщению ударения на первом слоге. Вариант без согласного *v* в говор пришел из литовского литер. яз.¹⁵

Пелясские лит. названия боба (*p u p à*) и репы (*r ó - p é*) соответствуют названиям этих овощей в других литовских говорах и в литер. яз. Местные белорусские названия *bób* и *gépa* тоже соответствуют норме белорусского литер. яз. (*боб*, *репа*).

r u d z i k a s 'редька'; такой вариант названия редьки записан в основном в отдельных говорах Восточной Литвы. Почти по соседству с Пелясой он зафиксирован в окрестностях Девянишкес¹⁶, для остальных литовских говоров и литер. яз. характерна форма с двумя *i* (*ridikas*). Местное белорусское название *récka* соответствует норме белорусск. литер. яз. (*редька*).

s a u l é g r u ž i s || *saulė-gru-žis* || *saulė-gri-žis* 'подсолнечник'; все варианты этого названия встречаются и в других литовских говорах. Норме лит. литер. яз. (*saulėgrąža*) соответствует первый из них. Основной вариант местного белорусского говора - *slaněčnik* - также соответствует норме белорусск. литер. яз. (*сланечник*). Вокализм варианта *sloněčnik* скорее всего объясняется влиянием польского языка.

s v o g ŭ ŋ a s 'лук'; такое название лука употребляется в части литовских говоров (в том числе и во многих западнодзукских говорах Южной Литвы) и в литер. яз.¹⁷ Местное белорусское название *sybŭla* соответствует норме белорусск. литер. яз. (*цибуля*).

Названия хлебных злаков, кормовых и технических культур

a v i ž à 'овёс'; название овса является общим для всех литовских говоров и литер. яз. Пелясское белорусское название *avós* также соответствует норме белорусск. литер. яз. (*авёс*).

b a r k ŭ ŋ a s 'донник' имеет точные соответствия в некоторых близлежащих дзукских говорах Южной Литвы и в литер. яз. (*barkūnas* || *barkūnas*)¹⁸. Местное

¹⁴ Появление согласного *x* в этом слове, возможно, объясняется влиянием польского языка (ср. *marchew* в польск. литер. яз., *marchwia* в некоторых польских говорах Виленщины; см., напр.: *Źdaniukiewicz* A.A. Op. cit., p. 170), хотя спорадический переход согласного *k* в *x* наблюдается и в некоторых других словах местного белорусского говора, напр. *barxūn*.

¹⁵ Более подробно о названиях моркови в литовском языке см.: *Lietuvių kalbos atlasas*, t. I, карта № 89 и ее комментарии.

¹⁶ Относительно происхождения гласного *u* в этом слове см.: *Fraenkel* E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, t. II. Göttingen, 1965, S. 728.

¹⁷ Относительно происхождения этого названия см.: *Saba-liauskas* A. *Dėl baltų kalbų svogūno pavadinimų kilmės*. - Труды АН ЛитССР. Сер. А, 2(15), 1958, с. 174.

¹⁸ См. еще *LKŽ* I, 661.

белорусское название *barkūn* также совпадает с нормой белорусск. литер. яз.; кажется, реже встречается вариант с незначительным изменением консонантизма - *barxūn*.

g r i k i s 'гречиха'; идентичное название гречихи имеется в соседних и не только соседних литовских говорах, а также в лит. литер. яз. (*grikis*). Местное белорусское название *grŭka* отличается от формы белорусск. литер. яз. (*грѣчка*) и имеет соответствие в польском языке (ср. польск. *gryka*).

k a ŋ ā r ē 'конопля'; такое название этого растения свойственно большинству литовских говоров и литер. яз. Местное белорусское название *kaŋópli* (мн. ч.) также соответствует форме белорусск. литер. яз. (*коно́пли*). Пока только в пелясском литовском говоре записано название покоса ('мужской' конопля) *r i n k s i n e s* (мн. ч.). Семантически это название связано с местным белорусским названием покоса *brāņicu* (мн. ч.), которое тоже зафиксировано лишь на небольшой части территории белорусского языка¹⁹.

Как название кормового посевного клевера в пелясском литовском говоре распространено заимствование *k a ŋ ū š i n ā*, ср. местное белорусское название *kaŋušyna* (|| *kaŋušyna*) и форму белорусск. литер. яз. *канюшина*. За дикорастущими сортами клевера сохранилось исконное балтийское название *d ó b i l a s* || *dúobilas* (напр., *mādzinis baltas dóbilas, geltónas dúobilas, raudónas dúobilas*)²⁰. В местном белорусском говоре для дикорасту-

¹⁹ См.: *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*, карта № 283 и ее комментарии.

²⁰ Следует подчеркнуть, что подобное явление, когда исконное название сохраняется за дикорастущим сортом растения, а за более поздними культурными его сортами закрепляется совершенно новое название, пришедшее из литературного языка (в настоящее время и в недалеком прошлом) или (обычно в прошлом) из других языков, носители которых знакомят с "новым" растением, наблюдается также и в других литовских говорах. Напр., точно такая же дифференциация названий кормового посевного (*kaŋušina*) и дикорастущего (*dóbilas*) клевера зафиксирована в восточнодзукском говоре окрестностей Струнайтис (Швянчёнский р-н), тоже граничащем с ареалом распространения белорусского языка.

Еще одним характерным примером являются названия лесной садовой земляники. Для лесной земляники в пелясском говоре существуют два названия: исконное литовское *z a m i n ' a v u o g é* || *zamlėnavuogė* || *žemina-vuogė* (в д. Дубинчы) и более позднее, заимствованное из местного белорусского говора *raziemka*. Для названия садовой земляники используется польское заимствование *t r a s k á u k a* (ср. польск. *truskawka*). Подобное разграничение названий лесной и садовой земляники наблюдается почти во всех литовских говорах, с тем только различием, что там обычно названия садовой земляники, заимствованные из других языков (*klubnika, truskauka* и др.), в наши дни вытесняются словом лит. литер. яз. *brāškė*. Оно утвердилось и в тех говорах, в которых эти названия раньше дифференци-

щего клевера тоже имеется другое название - žācalnica (bēla žācalnica, čurvonā žācalnica...).

Свои исконные названия сохранили в говоре пшеница (k v i e s t i's), лен (l i n a s), чечевица (мн. ч. l i š e i ~ l e š iai), ячмень (m i e ž i's || m i e ž i s, в лит. литер. яз. - m i e ž i s), рожь (r u g i's, яровая рожь - v a s a r i n e i r u g e i, мн. ч.), а также горох (ž i r n i s)²¹.

За исключением чечевицы (в белорусск. литер. яз. ч а ч е в и ц а, в Пелясе - са́сэўка, ср. польск. soczewka?), местные белорусские названия этих растений тоже соответствуют норме белорусск. литер. яз.

t i m a f e i k a || timafiějeŭka 'timoфеевка'; ос-

ровались лишь с помощью соответствующих определений, напр. в самых северных западноукштайтских говорах лесная - (miškinė) žemuoģė, садовая - (naminė) žemuoģė.

В пелясском белорусском говоре названия этих сор- тов земляники тоже дифференцируются. Для названия са- довой земляники (traskūčki, мн. ч.) используется то же польское заимствование, что и в местном литовском говоре, для лесной существует название pažėmkī (мн. ч.), отличающееся от нормы белорусск. литер. яз. (су- н и ц ы, мн. ч.) и имеющее соответствие в польском языке (ср. польск. poziomka).

- ²¹ Различные сорта гороха в говоре обычно имеют свои собственные названия. Напр., горох полевой (Pisum arvense), как и в большинстве других литовских гово- ров, имеет заимствованное название p e l' ū š k a (ср. польск. pieluszk "gatunek grochu o modrawych liściach kwiatowych, których ogonki są czerwone", см.: Słownik języka polskiego, ułoż. pod red. Adama Kryńskiego i Władysława Niedoźwiedzkiego, t. IV. Warszawa, 1908, с. 149). Тем же заимствованием для названия полевого гороха пользуется и местный бело- русский говор (paľuška). Славянским заимствованием bōbikai (мн. ч.) называется сорт какого-то очень крупного, круглого гороха (в местном белорусском го- воре - bōbik). Так как это слово записано в некото- рым других говорах южной и юго-восточной Литвы (в .ом же значении, напр., в окрестностях Лаздий и Лишкявы; в значении фасоли, напр., в окрестностях Молейта; как название сорта какого-то мелкого боба - в окрестнос- тях Лукигаса), не имеющих непосредственных контактов с белорусским языком, можно допускать, что и в пеляс- ский литовский говор оно пришло не из местного бело- русского говора, а получено обоими этими говорами из какого-то общего источника, возможно - из польского языка (ср. польск. bobik "bób o ziarnkach mniejszych od zwykłego bobu" - Słownik języka polskiego..., t. I. Warszawa, 1900, с. 178).

Кстати, сохраненное исконно литовское общее назва- ние гороха и заимствованные названия различных более поздних его сортов напоминают различие, характерное для названий дикорастущих и культурных сортов расте- ний (напр., клевера).

новой вариант лит. названия заимствован из местного бе- лорусского говора (ср. simafėjka), второй - из белорусск. литер. яз. (ср. т i m a ф e e в к а).

t u t ū n a s - 'табак'; такое название табака, кро- ме Пелясы, записано также в некоторых островных (Лазуны, Нача) и в уже не островных южных дзукских говорах (Руда- мина, Дусмянис, Нямянчине). Оно заимствовано из белорус- ского языка, ср. пелясское белорусское название tutūn, форму белорусск. литер. яз. т у т у н ь || т и т у н ь.

Названия декоративных садовых растений

ā's t r i j a 'астра'; ни в одном другом литовском говоре такая форма не зафиксирована, зато она имеет точ- ное соответствие в пелясском белорусском говоре - āstryja (в белорусск. литер. яз. а́стра), скорее всего, в пеляс- ский литовский говор она пришла из местного белорусского говора.

b è z a s || b è z a s || bēzas || bāzas 'сирень'; та- кая форма названия сирени характерна для многих, особен- но пограничных, говоров южной Литвы. То же название это- го растения употребляется и в пелясском белорусском го- воре - bēs, род. п. bėzu (в белорусск. литер. яз. бэ́з). Сходство лит. и белорусск. названий объясняется тем, что они восходят к общему источнику (ср. польск. bez).

b r o' l' ā' l i s 'анютины глазки'; названием этого растения пелясский говор не отличается от других говоров южной и юго-восточной Литвы. Принимая во внимание польс- кое (bratek) и белорусское (в литер. яз. б́ратки, в пеляс- ском говоре brátki) названия, а также географию семанти- чески такого же названия в литовском языке, лит. brolē- lis / broliūkas скорее всего следует считать калькой.

Водосбор в Пелясе по отдаленному сходству листьев путают с чистотелом, а из-за сходства окраски цветов - с посевной живокостью. Отсюда почти одинаковые названия этих растений как в литовском, так и в белорусском гово- рах: лит. c i n c a l i ē j u s 'водосбор; чистотел', белорусск. cyncalėi 'то же' лит. r a g u ō l e i 'во- досбор; живокость', белорусск. raŭiŭčuki 'то же'. Как наз- вание водосбора вариант cincilija известен и в некоторых других литовских говорах. Самый близкий к Пелясе пункт, в котором отмечен этот вариант, - окрестности Варены²². Название raguoliai в значении 'водосбор' пока в других литовских говорах не зафиксировано²³.

c' u l p ā' n a s || tulpānas || tulpė (из лит. литер. яз.) 'тюльпан'; традиционное название этого растения в пелясском литовском говоре заимствовано из белорусского языка (ср. ц у л ь п а н в белорусск. литер. яз., cūlpān в пелясском говоре).

č e b a t ū k a i || cebatōkai 'борец синий'; это название борца (или его варианты) известно и в части других литовских говоров как в южной, так и в северной Литве²⁴. Отдельные представители пелясского говора для

²² См. LKŽ II, 33.

²³ По данным картотеки Словаря литовского языка.

²⁴ См. LKŽ II, 57.

называния борца пользуются названием посевной живокости (или водосбора) *gaublei*, возможно, из-за отдаленного сходства цветов этих растений по форме и окраске²⁵. Название борца в лит. литер. яз. *kurpėle* семантически точно соответствует пелясскому названию *šebatukai*. Местное белорусское название *bóiki* соответствует форме белорусск. литер. яз. (*бóуікі*).

d e b e s i l a s 'девясил'; это растение почти во всех литовских говорах и в литер. яз. называется одинаково, и лишь в отдельных случаях зафиксированы близкие варианты²⁶. В пелясском белорусском говоре имеется название *ževasil*.

d u r n a g o r e 'скополия карниолийская'. В других литовских говорах это слово записано как название дурмана обыкновенного²⁷ или изредка - белены черной, напр., в окрестностях Гринкишкиса (Радвилишкский р-н, западные аукштайты), Йосвайняй (Кедайнский р-н, средне-аукштайтский диалект). Местное белорусское название скополии *durnája gėra* является калькой с литовского.

d z i e m e d ž i s || *dziemėdžis* 'божье деревце, святое дерево', *Artemisia abrotanum*²⁸; такое же название или близкие его варианты употребляются почти во всех литовских говорах и литер. яз. В местном белорусском говоре имеется семантически близкое название *boža drėčka*.

g o š t a u t a s || *gōštautas* 'гвоздика турецкая'; в том же значении это слово записано и в некоторых других дзукских говорах, напр., в окрестностях Струнайтиса (Швянченский р-н), Швянченеляй (вариант *gōštautas*), а по соседству с Пелясой - в окрестностях Начи. Такое название гвоздики турецкой зафиксировано и в части говоров восточной и северной Литвы, напр., в укмяргском говоре восточных аукштайтов, куршенском (Шяуляйский р-н) говоре жемайтов-дунининков (в окрестностях д. Уркувеная вар. *gōštauta*), в рауденском (Шяуляйский р-н) и акмянском говорах даунииников, в круояйском (Акмянский р-н) говоре западных аукштайтов. В части остальных литовских говоров, среди них и в соседних с пеляским, это слово или его варианты записаны как названия различных других декоративных растений, а иногда точное значение слова не установлено²⁹.

Это же слово с добавлением определения *baltas* 'белый' в Пелясе используется и для названия мыльнянки лекарственной (*baltas gōštautas*). В отдельных случаях такое

значение слова *gōštautas* зафиксировано и в других литовских говорах, напр. в акмянском, вар. *gōštauta* в дукштасском.

В пелясском белорусском говоре соответственно имеются заимствованные названия *gāštauty* (мн. ч.) || *gāštauka* 'гвоздика турецкая' и *bėlyja gāštauty* (мн. ч.) 'мыльнянка лекарственная'³⁰.

g v a i z d i k a s || *gvazdikas* (из лит. литер. яз.) 'бархатец прямостоячий'; в таком значении это слово зафиксировано и в некоторых других литовских говорах, напр., в акмянском, в западноаукштайтском гринкишкском (Радвилишкский р-н). Формой *gvaidikiukas* иногда называется бархатец раскидистый, напр., в окрестностях Шакины (Шяуляйский р-н), Гринкишкиса, Йосвайняй (Кедайнский р-н). В значении 'гвоздика' вариант *gvazdikas* отмечен во многих литовских говорах³¹. В местном белорусском говоре название этого растения - *gvaižikis* - своим вокализмом и семантикой связано с литовским названием (ср. название белорусск. литер. яз. *аксаміткі*).

j ā z m i n a s || *jāzmenis* || *jāzminis* 'жасмин'; вариант этого названия *jāzminas* известен также в части других литовских говоров, в том числе и в дзукских. В других говорах, а также в литер. яз., имеется вариант *jazminas*. Остальные пеляские варианты в других литовских говорах не зафиксированы. Но они связаны с соответствующими вариантами названия жасмина в местном белорусском говоре: *jāzmin* || *jāzmin* || *jāzvan* || *jāzmin* (ср. форму белорусск. литер. яз. *язмін*). При возникновении как местных литовских, так и белорусских вариантов известную роль мог сыграть польский язык (ср. польск. *jaśmin*).

j u r g i n i s 'георгин'; такой вариант названия георгина, кроме Пелясы, зафиксирован и в некоторых других литовских говорах, но чаще там употребляются иные варианты этого названия³². В местном белорусском говоре употребляется название *jurgina*, отчасти соответствующее норме белорусск. литер. яз. (*вяргіня* || *юргіня*).

k a s o c i s || *kasocis* 'лилейник, красоднев'; кроме Пелясы, такое название записано только в Гervятах (БССР) - *margūcis kasocis* 'сорт пестролистного декоративного растения, отчасти похожего на осок'. В обоих говорах оно заимствовано из белорусского языка, ср. название лилейника в пелясском белорусском говоре *kasac* (в белорусск. литер. яз. словом *касач* называется ирис).

k o l š i k a s, чаще мн. ч. *k o l š i k a i* 'дицентра, дицентра, разбитое сердце'; кроме Пелясы, такое название дицентры отмечено и в некоторых других дзукских говорах, напр., в окрестностях Пярлои (Варенский р-н), Пивашюнай (Алитусский р-н), Дукштаса, Швянченеляй, а также в отдельных южных говорах восточных аукштайтов, напр., в окрестностях Гялвонай (Ширвинтский р-н), Видянишкис (Молетский р-н). Кроме того, слово *kōlšikas* в го-

²⁵ Такое явление особенно характерно для некоторых других литовских говоров. Напр., в самых северных западноаукштайтских говорах эти два растения называются одинаково - *šebačiukai*, а для четкого их различения в название вводятся соответствующие определения: *daržėlio* || *darželiniai* (для борца) и *laukiniai* или *rugiai* (для живокости).

²⁶ См. ЛКЖ II, 349.

²⁷ См. ЛКЖ II, 903.

²⁸ Некоторые носители говора словом *dziemėdžis* называют также тую. В других литовских говорах это слово в значении 'туя' не зафиксировано.

²⁹ Ср. ЛКЖ III, 151, 486-487.

³⁰ О происхождении и географии вариантов этого названия в славянских говорах см.: Непокупный А.П. Балто-славянские языковые связи. Киев, 1976, с. 185.

³¹ В ЛКЖ III, 775 география слова представлена крайне неполно.

³² См. ЛКЖ III, 432-433.

ворах южной Литвы довольно часто встречается в значении 'серьга, сережка'³³. В местном белорусском говоре дицентра тоже называется kólčuki. Как литовское, так и белорусское названия восходят к польск. kolczyk 'серьга, сережка', (ср. еще польское название какого-то растения kolczyki N. Panienki³⁴). Но так как белорусский язык в Пелясе является языком вторичным, правомочно предположить, что это название в местный белорусский говор пришло при посредничестве литовского говора.

k a n v ā l i j a || lāndysas 'ландыш'; название kanvālija³⁵ (или его вариант konvālija³⁶) известно также и в части других литовских говоров. Название lāndysas в других литовских говорах не зафиксировано. Оба эти названия известны и пелясскому белорусскому говору: lāndys || kanvālija (в белорусск. литер. яз. лāндыш). Название kanvālija пеляским лит. говором, как и другими литовскими говорами, заимствовано из польского языка (ср. konwalia), а в пелясский белорусский говор перенесено скорее всего из пелясского литовского говора; и наоборот, в пелясский литовский говор lāndysas пришло из местного белорусского говора³⁷.

l e l i j a || leliēja 'лилия'; вариант названия лилии lelija бытует во многих литовских говорах (в остальных говорах и в лит. литер. яз. - lelija). Вариант leliēja пока записан только в Пелясе. Он связан с местным белорусским вариантом названия лилии lilėja³⁸ и, возможно, со старинной белорусской формой lilėja. Остальные местные белорусские варианты - lilija || lelija - отчасти связаны как с польским (ср. польск. lilja, lilija, lelija), так и с литовским языками (в белорусск. литер. яз. lilija).

m ē t ā || mēta 'мята'; названием мяты пелясский говор не отличается от большинства других литовских говоров и лит. литер. языка. Акцентуация варианта mēta, возможно, отчасти связана с акцентуацией названия местного белорусского говора māta, соответствующего форме белорусск. литер. яз. (мята). Под названием лит. mēta || mēta, белорусск. māta обычно понимается мята перечная. Иногда это название расширяется специальным определением: лит. rągrāvės mētos (мн. ч.), белорусск. rągráva māta. В других литовских говорах такое определение не зафиксировано³⁹, как не зафиксировано там и пелясское

название какого-то сорта дикорастущей речной мяты - m ā s e r d u š k o s (мн. ч.). В пелясский литовский говор это название пришло из местного белорусского говора, ср. mācarduška. Белорусском литер. яз. форма ма-цярдышка известна в значении 'душица'.

n a r c i s z a s 'нарцисс'; название этого растения как в местном литовском, так и в белорусском (narcyzu, мн. ч.) говорах соответствует норме литер. яз. обоих языков (лит. narcizas, белорусск. нарцыз). В пелясский литовский говор название нарцисса пришло из славянских (польского, ср. narcyz, или белорусского) языков⁴⁰. Иногда носители говора, обычно старые или пожилые люди, нарцисс считают своеобразным сортом лилии и его называют так же, как и лилию, часто с добавлением определений baltā 'белая' или geltona 'желтая'. Характерно, что подобное явление отмечено и в части других литовских говоров, в том числе, напр., в говорах самых северных западных аукштайтов⁴¹. Это объясняется тем, что оба эти растения относятся к луковичным, отчасти сходны по окраске и форме цветов; но нарцисс в палисадниках крестьян появился гораздо позже лилии, и поэтому для названия нового растения было использовано название всем хорошо знакомой лилии.

n a s t ū r k a || nastūrka 'настурция'; основная форма названия (nastūrka) употребляется и в некоторых других литовских говорах⁴², а в части остальных имеется ее вариант nastūrkas (муж. р.)⁴³. Пелясский вариант nastūrka восходит к основной форме nastūrka (ср. еще спорадический переход гласного а в э или о, напр., в словах grūbūzdas 'борщевик сибирский?'; rąrārcis || rąrārcis или rąrārcis || rąrārcis 'папоротник'. Кроме Пелясы, такое явление отмечено в Тракайском литовском говоре, ср., напр., atžolės 'побеги, отростки', sprigėna 'клюква'). В лит. литер. яз. и во многих говорах имеются различные другие варианты, образованные от этого же корня: narstūtis, nasturcija, nastūrta, nastūrtė, nastūrtis и др.⁴⁴

По мнению Э. Френкеля, все эти варианты, в том числе и nastūrka, образованы от основной формы nastūrcija уже на почве литовского языка⁴⁵. Однако наличие формы настур-ка в белорусск. литер. яз., кажется, указывает на то, что лит. nastūrka (nastūrkas) все же является заимствованием из белорусского языка (в пелясском белорусском говоре тоже nastūrka).

n o t k ā || nōtka (мн. ч. nōtkos) 'ноготок'; такая форма названия этого растения в других литовских говорах не зафиксирована, там обнаружены различные другие варианты: medatkā, medetkā (так же и в лит. литер. яз.), па-

⁴⁰ Не располагая исчерпывающими данными по истории распространения нарцисса в этих окрестностях, точно определить источник литовского названия невозможно.

⁴¹ См. еще LKŽ VII, 316.

⁴² См. LKŽ VIII, 567.

⁴³ См. там же; Vitkauskas V. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. Vilnius, 1976, с. 210.

⁴⁴ См. LKŽ VIII, 560, 567, 568.

⁴⁵ Fraenkel E. Op. cit., t. I, s. 485.

³³ Ср. LKŽ VI, 307.

³⁴ Słownik języka polskiego..., t. II. Warszawa, 1902, с. 397.

³⁵ Хотя в LKŽ этот вариант не представлен, он имеется, напр., в самых северных говорах западных аукштайтов.

³⁶ См. LKŽ VI, 342-343.

³⁷ Следует указать, что в этом случае выбор синонима названия растения прежде всего зависит от человека, а не от языка, т.е., напр., если человек предпочитает синоним kanvālija тогда, когда говорит по-литовски, то и тогда, когда он говорит по-белорусски, для названия ландыша он употребляет слово kanvālija, а не lāndys.

³⁸ Ср. также польскую диалектную форму lilijka, см.: Słownik języka polskiego..., t. II, с. 742.

³⁹ См. LKŽ VIII, 98.

datkā, nagatkā, nagetka⁴⁶, в самых северных говорах западных аукштайтов – naudatkā, naudātkē, snaudatkā (<naudatka + snausti 'дремать'; такое изменение названия вызвано тем, что цветы ноготков под вечер закрываются, "засыпают"). Пеляское лит. название ноготка заимствовано из местных белорусских говоров, ср. пеляское белорусск. *nátki* || *naátki* (<*nayatki*). Некоторые люди, говоря по-белорусски, употребляют форму *nagėtki*, т.е. в белорусский говор переносят слово польского языка (ср. польск. *nagietka*, *nagietek*, мн. ч. *nagietki*). В белорусск. литер. яз. имеется форма *нагётка*.

p e t e l i š k á i t e s (мн. ч.) || *mušā* || *saulūtė* (новое) 'космея'; в других литовских говорах ни одно из этих названий в значении 'космея' не зафиксировано. Однако там изредка они используются для названия других растений⁴⁷. Тем не менее в отдельных говорах при наименовании космеи наблюдается точная семантическая параллель с пеляским литовским говором, т.е. в них тоже для этой цели используется соответствующее диалектное название бабочки. Такое явление отмечено, напр., в окрестностях Шакины (Шяуляйский р-н), т.е. в одном из северных говоров западных аукштайтов (ср. *plastākė* 1. 'бабочка', 2. 'космея'). Название космеи в пеляском белорусском говоре – *matylāški*, возможно, является калькой с литовского названия.

p i v ō n i j a || *pinavijjs* мн. ч. (новое) 'пион'; форма *pivonija* свойственна также многим говорам литовского языка⁴⁸, в том числе и "островным", напр. гервятскому, лаздунскому. В остальных говорах и в литер. языке распространены различные другие образования от того же самого корня (*bijūnas*, *panavija*, *pinavija* и др.). В пеляском белорусском говоре записано *pivónija* || *pivóna*. Форма белорусск. литер. яз. *півоня*, а также польское название *piwonja* как будто дают основание предполагать, что в пеляский белорусский говор форма *pivónija* могла перейти из местного литовского говора. Однако без учета данных других белорусских говоров нельзя более определенно судить о взаимоотношении названия пиона в пеляском литовском и белорусском говорах.

r ō ž e. 'мальва, шток-роза'; такое название этого растения известно также и в части других литовских говоров, напр., в восточнодзукских говорах Струнайтиса (Швянченский р-н), Дукштаса (Игналинский р-н), в самых северных говорах западных аукштайтов в окрестностях Жагаре (Йонишкский р-н), Круопяй (Акмянский р-н), Груздзяй (Шяуляйский р-н) и др. В лит. литер. яз. и в некоторых говорах употребляются названия, в состав которых тоже входит компонент *-rožė*, напр. *piliarožė*, *pilrožė*, *kiaūliarožė*⁴⁹. Название местного белорусского говора

ružu (мн. ч.) семантически связано с местным литовским названием (в белорусск. литер. яз. – *мáльва*).

r u t ā || *rūta* 'рута'; название руты одинаково во всех литовских говорах. Форма *ru:tā* соответствует норме лит. литер. яз., при возникновении акцентуационного варианта *rūta* кроме факторов самого литовского говора известную роль могла сыграть также форма местного белорусского говора *rūta*, соответствующая норме белорусск. литер. яз. (*рута*).

s a ū s a ž i d i s (<*saūsažiedis*?)⁵⁰ || *suchaveĩkas* 'иммортель'; точно такая форма названия иммортели пока в других литовских говорах не зафиксирована; в картотеке словаря записано лишь имя прилагательное *sausažiedis* ('с сухими цветами'). Однако в некоторых других литовских говорах, в том числе и в соседних пеляскому, местные диалектные названия иммортели тоже содержат корень *saus-*, напр., по соседству с Пелясой в окрестностях Начи (*sausūkė*), Дубичяй (*sausūkas*), в более отдаленных местностях, напр., в окрестностях Швянченеляй, Дукштаса (*sausūtis*), *sausakviėtkis* – в Гринкишкис (Радвилишкский р-н), *sauskvietkis* – в Йосвайняй (Кедайнский р-н). Норма лит. литер. яз. – *sausiūkas*. В самой Пелясе форма *sausūkas* употребляется для названия цмина песчаного. Другое название иммортели – *suchaveĩka* || *suchaveĩkas* – заимствовано из местного белорусского говора, ср. *suxavėjka*. Кстати, этим названием как в пеляском литовском, так и в белорусском говоре кроме иммортели обозначается также и цмин песчаный (ср. еще польск. диалектное название этого растения *suchowiejka*)⁵¹. В белорусск. литер. яз. для обоих этих растений имеется название *бясмертнік*. *š p a r ā g a s* || *šparāgas* || *dūmas* || *jėglis* 'спаржа'; основное название спаржи имеет точные соответствия в некоторых других литовских говорах и в литер. яз. (*šparāgas* || *smīdras*). Форма *šparāgas* возникла в результате sporadического перехода гласного *a* в *ə*, *o* (ср. еще пеляское название настурции). Название спаржи *dūmas*, а также название *jėglis* в этом значении в других литовских говорах не зафиксированы. Зато оба названия имеют точные семантические соответствия в местном белорусском говоре – *dym* и *jadlavėc* (в белорусск. литер.

тем или другим причинам подвергающиеся более сильному влиянию лит. литер. яз. или хорошо знающие польский язык, к названию *rōžė* еще прибавляют лит. литер. форму названия мальвы – *rōžė. pilarožė* или литуанизированное польское название – *rōžė. málvas*.

⁵⁰ Надо полагать, что *sausažiedis* является результатом монофтонгизации дифтонга *ie*. Монофтонгизация *ie*, *uo*, весьма характерная для некоторых соседних говоров (см.: *Šukys J. Būdinesnės Ramaškonių tarmės ypatybės*. – In: *Lietuvių kalbotyros klausimai*, t. III. Vilnius, 1960, c. 178; *Lipskienė J., Vidugiris A. Dieveniškų tarmė*. – In: *Lietuvių kalbos gramatinė sandara*. Vilnius, 1967, c. 187–188), изредка наблюдается и в Пелясе.

⁵¹ *Słownik języka polskiego...*, t. VI. Warszawa, 1915, c. 502.

⁴⁶ См. LKŽ VII, 983–984; VIII, 496, 500–501.

⁴⁷ Ср.: *pėteliškė* 'ирис пестрый; цикламен персидский' (LKŽ IX, 879); *musėlė* 'какой-то сорт полевицы' (LKŽ VIII, 436); *saulūtė* 'маргаритка' (картотека Словаря литовского языка).

⁴⁸ См. LKŽ X, 46.

⁴⁹ См. LKŽ IX, 982, 1003; V, 694. Кстати, некоторые отдельные носители пеляского литовского говора, по

яз. *спаржа*), причем выбор этих названий, как и в других аналогичных случаях, зависит от говорящего, т.е. люди, которые по-литовски предпочитают название *dūmas*, когда переходят на белорусский язык, пользуются названием *дўм*, а те, которые по-литовски спаржу называют *jėglis*, по-белорусски ее называют *jadlavės*. Последнее название в обоих языках связано с названием можжевельника (ср. лит. *jėglis*, белорусск. *jadlavės*).

večerņik || *večeņikas* || *vecarņikas* || *večornikas* 'флокс'; такое название флокса в других литовских говорах не зафиксировано⁵². Оно связано с названием флокса в местном белорусском говоре *vačernik* (в белорусск. литер. яз. - *флѣкс*). Названия флокса в обоих говорах восходят к польскому названию ночной фиалки, *вечерницы*, ср. польск. *wieczornik*, *wieczernik*⁵³. Можно отметить, что литовский вариант названия *večeņikas* записан от тех людей, у которых уже преобладает белорусский язык, а вариант *večornikas* - от тех, кто кроме местных литовского и белорусского говоров более или менее хорошо знает также белорусский и польский литературные языки.

Названия комнатных растений

alijōšius 'алоэ, столетник'; кроме Пелясы такое название алоэ известно в части других литовских говоров⁵⁴, а также в лит. литер. яз. (*alijōšius* || *alavi-jas*). В некоторых говорах употребляются различные варианты этого названия, напр. *elijōšius*⁵⁵, *āliasas* в окрестностях Смильгяй (Паневежский р-н) и др. Пеляское белорусское название *alijaš* связано с местным литовским названием алоэ и отличается от нормы белорусск. литер. яз. (*альяс*).

ašarėlis || *slōska* 'фуксия'; такое название фуксии, кроме Пелясы, пока записано лишь в окрестностях Таурагнай⁵⁶. В некоторых говорах им пользуются для названия различных других растений, как дикорастущих⁵⁷, так и комнатных; напр., в Куршанай (Шяуляйский р-н) так иногда называют какой-то сорт бальзамина из-за того, что на концах листьев растения часто висят капли воды - "слезы". Кроме того, в литовском языке это слово нередко встречается в составных названиях различных растений, напр. *dangaūs ašarėlė* 'незабудка', *kiškio ašarėlė* 'трясунка', *Briza media* и др.⁵⁸ В Акмяне фуксию называют *āšara*. Составное название *lāngo āšara* зафиксировано там же, *paliōko āšara* записано в окрестностях Йосвайняй, вар. *paliōko āšaros* в окрестностях Гринкишкиса и в восточно-

аукштайтском говоре местечка Вяпряй (Укмяргский р-н). В последних трех говорах наряду с фуксией так называют и дицентру (дикликтру). Название фуксии в пеляском белорусском говоре - *slōska* - семантически точно соответствует местному литовскому названию этого растения. Небезынтересно отметить, что в пеляском литовском говоре заимствование *slōska* в 1976 г. было записано от того же информанта, который в 1974 г. фуксию называл только *ašarėle*.

palargōnija || *faīargōnija* || *pavargōnija* 'пеларгония зональная'; основная пелясская форма названия этого растения известна и в части других литовских говоров⁵⁹. Иногда, напр., в говорах самых северных западных аукштайтов так называют только пеларгонию крупноцветковую. Пеляские варианты *faīargōnija* и *pavargōnija* возникли на почве говора в результате переделки основной формы; в других литовских говорах они не отмечены. Нормой лит. литер. яз. является вариант *pelargōnija*. Пеляское белорусское название этого растения - *palargōna* - связано с основной формой местного литовского названия.

pararācis || *prārācis* 'аспарагус перистый'; кроме Пелясы такое название этого растения известно и в некоторых других литовских говорах, напр., в окрестностях Дукштаса (Игналинский р-н), Швянчёнелай и в самых северных говорах западных аукштайтов⁶⁰. Пеляское белорусское название *parartničók* семантически точно соответствует местному литовскому названию аспарагуса (*ср.* местное белорусское название папоротника *parartnik* || *pāparnik*). Что касается второго местного белорусского названия этого растения - *дўмók*, то ср. белорусское название спаржи *дўм*.

šparāgās || *jėglis* || *jėglus* 'аспарагус Шпренгера'; этот сорт аспарагуса в пеляском литовском говоре по существу называется так же, как и спаржа. В других литовских говорах слово *šparagas* в этом значении тоже изредка встречается, напр., в окрестностях Дукштаса, Швянчёнелай, Видишкяй (Укмяргский р-н); однако, кажется, чаще там встречаются названия, перенесенные от диалектных названий можжевельника. В значении 'аспарагус Шпренгера' обычно употребляются уменьшительные формы этих названий, напр. *egliukas* (Дукштас), *kadagiukas* (северные говоры западных аукштайтов) и др. В пеляском белорусском говоре записана форма *šparagus*.

При разборе названий различных культурных растений постепенно выявляются некоторые общие закономерности, характерные для этого пласта лексики в пеляском говоре.

Среди них прежде всего следует упомянуть сильное фонетическое варьирование названий. Оно в основном обусловлено постепенным распадом традиционной фонетической системы литовского говора и возрастающим влиянием белорусского языка, местного его диалекта. В отдельных случаях обнаруживается воздействие также литовского литературного языка.

В говоре сравнительно немного морфологических вариан-

⁵² По данным картотеки Словаря литовского языка.

⁵³ См.: *Słownik języka polskiego...*, t. VII. Warszawa, 1919, с. 557.

⁵⁴ См. LKŽ I, 99 (хотя география этого слова отражена там крайне отрывочно).

⁵⁵ См.: *Lietuviškas botanikos žodynas*. I. dalis..., с. 16.

⁵⁶ См. LKŽ I, 334-335.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ См. LKŽ I, 335.

⁵⁹ См. LKŽ IX, 254.

⁶⁰ В Словаре литовского языка такое значение слова *parartis* совершенно не отмечено, см. LKŽ IX, 349.

тов названий и синонимов, причем характерно, что в большинстве случаев синонимы появились лишь в наше время: обычно это заимствования из белорусского языка, кальки, реже — слова, пришедшие из литовского литературного языка. Кроме того, такие синонимы еще не стали общепринятой "нормой" говора и фиксируются лишь в речи отдельных групп его представителей: заимствования и кальки — у тех, для кого основным языком уже стал белорусский, а слова литовского литературного языка — у тех, кто читает литовские книги и газеты, слушает радио.

Не все группы названий культурных растений в пелясском литовском говоре в одинаковой степени подвергаются влиянию местного белорусского говора. Меньше всего это влияние прослеживается в названиях древнейших сельскохозяйственных растений — хлебных злаков, некоторых овощей, плодовых деревьев и т.д., и наоборот — оно очень явно проступает в названиях сравнительно новых растений, напр. отдельных кормовых культур, декоративных растений.

В силу исторически сложившихся обстоятельств в формировании системы названий культурных растений пелясского литовского говора известную роль сыграл также и польский язык. Со временем отдельные полонизмы из литовского говора попали в местный белорусский говор.

Сопоставление местных литовских и белорусских названий позволяет установить многие параллельные явления, характерные для этого пласта лексики обоих говоров, а также показывает, что пелясский белорусский говор в свою очередь находится под довольно сильным воздействием местного литовского говора.

В заключение можно констатировать, что несмотря на влияние славянских (белорусского и отчасти польского) языков названия культурных растений пелясского литовского говора по своему происхождению, принципам словообразования, сходству мотивации названия, некоторым тенденциям развития и многим другим признакам все же неразрывно связаны с соответствующими названиями в остальных литовских говорах и являются составной частью этого пласта лексики литовского языка в целом. Тем не менее этот пласт лексики пелясского литовского говора в наши дни находится в такой тесной взаимосвязи с соответствующим пластом лексики местного белорусского говора, что изучение названий растений литовского говора уже невозможно без учета данных белорусского говора.

Л. Г. НЕВСКАЯ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В ПЕЛЯСЕ (структура и терминология)

Погребальный обряд составляет существенный фрагмент духовной культуры, построенный как последовательность действий, сопровождающихся словесными текстами, в котором отражено отношение к смерти, актуальное и архаическое, осознаваемое и бессознательное.

Возможно двоякое представление обрядовых фактов: выявление максимального их набора, относящегося к одной традиции — в данном случае литовской или славянской, или же выяснение структуры обряда и сопровождающих его представлений как они функционируют в одном микросоциуме. В предлагаемом описании избран второй подход.

Выяснение деталей обряда проводилось с помощью анкеты, предварительное составление на основе славянских и балтийских этнографических, фольклорных и языковых материалов, что позволяет пелясский обряд представить как сепаратный фрагмент на широком фоне совокупных фактов.

Погребальная обрядность при всей своей сложности и множественности деталей подчиняется строгой системе правил. Это обстоятельство позволяет проанализировать каждый эпизод обряда с учетом основных семиотических оппозиций, что в свою очередь помогает выявить существенные дополнительные элементы. Такой подход к описанию обряда в значительной степени сформировался под влиянием работ В.Н. Топорова, связанных с реконструкцией и анализом набора универсальных противопоставлений, определяющих модель мира. Метод оппозиции не только является инструментальным исследовательским приемом, но, как становится особенно очевидно при непосредственной полевой работе, отражает способ организации основных представлений, лежащих в основе обряда.

Набор обрядовых элементов при кажущейся безграничности деталей, обусловленной относительной свободой ритуала, в действительности оказывается ограниченным, как и репертуар быличек, которые при всем разнообразии и фантастичности сюжетов строятся в соответствии с общими представлениями, пронизывающими обряд.

Языковая ситуация Пелясы характеризуется интенсивным взаимодействием литовского и белорусского компонентов. Казалось бы, в этом случае следует ожидать, что в итоге будет получен текст обряда с одним планом содержания при двух планах выражения. Однако высокая степень сходства в обрядовой терминологии и почти полное совпадение во фразеологии позволяют рассматривать пелясский обряд как текст с одним планом содержания при едином плане выражения.

Пелясский погребальный ритуал поражает сохранностью структуры и богатством деталей. Желание передать их в "первозданном" виде и побудило нас включить в статью столь большое количество диалектных текстов.

1. Совокупная система примет и сновидений, предвещающих смерть, построена на нескольких основополагающих образах. В первую очередь следует отметить здесь актуальную для носителей описываемого социума и восходящую еще к индоевропейской древности связь коня (белого) с представлением о смерти: *кал'и прис'н'йц' б'елаца кан'а - сл'уц' падаје же памрэ, прис'н'йла: б'елы кон' ц'ач'уц' чалав'у у акно - ц'би'а у т'уц'у н'оч' ч'уц' н'е пам'эрла*; более отдаленная связь этих же представлений отражена в сновидении-примете: *јес'л'и јехац' конна - ц'и кре'уны, ц'и знајомы памрэ, јак конна с'н'иш - на дрэнна, на кваробу*.

Многообразно проявляющаяся взаимозависимость человека и дома/хозяйства² (что еще не раз будет отмечаться при описании обряда) в системе примет о смерти конкретизируется следующим образом: (в сновидении) *пастав'ил'и н'бм дом без окнац' јак хл'еу - то уж' н'е на дабр'б*³; всякий новый дом видеть во сне - *б'удз'а н'аб'ощик*; *с'н'иш же ц'у'ан'а выпадз'е ц'и стал'аван'н'а - верные приметы приближающейся смерти: стал'аван'н'а траш'иц' - кап н'е пам'бр би ж'б. Прорубать окно в старом доме - примета смерти з радн'й кац'б ал'бб с свац'б б'ому*.

Вода в системе примет, предвещающих смерть, выступает в форме звенящей (= сигнализирющей): *вад'а з'в'ин'иц' на разл'уц'у; в'ад'рб з'в'ин'иц' ; вад'а з'в'ин'иц' јак с'и'нал'чик так'и ц'и'ж'и - ж'б аддал'иц'ца ц'и памрэ; в'ад'рб н'е ц'и'х'ала, гл'ад'ж'у вад'а н'е ц'и'х'н'е, в'ик'инула в'ад'рб - мама пам'арла*.

Пеласской системе примет релевантны представления о кукушке - птице смерти и пауке, ее вестнике: *кукава'ла з'аз'ул'ка, на аст'атн'у чал'инку с'ела и чл'адз'иц' у акно - с'аст'ра пам'арла у т'м чад'у; навук' сп'у'ц'ица у н'бч, па дван'астај, на н'иц'ца свајб' - уж'б на дрэнна, ж'б памрэ з радн'й*⁴. Однако самым "надежным" вестником смерти является здесь небольшая белая (иногда голубая) бабочка - *см'ертан'ка*, лит. *sm'ert'ail'a*: *дз'е'у'чина акно атчин'йла: ах см'ерт'ис; кал'а чалав'ека чалав'и кру'жац' н'е ад'бн'иш*.

Формирующее весь погребальный обряд представление о разделенности сфер жизни и смерти в системе примет реализуется в виде смертоносности встречи с покойным/похоронной процессией, будь эта встреча реальной или увиденной во сне: *в'й'ахал'и падв'одај, спати'кну'и дру'у'ју падв'оду - дру'и н'аб'ощик б'удз'е*⁵.

Соответственно этим представлениям видеть во сне ж и в н х родственников - хорошая примета: *жив'аја мац'и прис'н'йц' добра; жив'х свајх бл'йск'их д'ббра сн'иц'*. Сновидения об у м е р ш и х родственниках интерпретируются двояко в зависимости от того, какой аспект для носителя соответствующих представлений главенствует: 1) вредоносность всего неживого: *мамка м'брт-ваја с'н'иц' на дрэнна зац'с'ад'а, на кваробу; дз'иц'а с'н'иц' на н'адабрб*; 2) мертвый в системе представлений о смерти как бы теряет; нейтрализует опасную для живых силу, в чем можно видеть переход к несколько более подробно рассмотренному ниже представлению о благодатности смерти, распространяющейся на живых, о добродетельности умерших по отношению к оставшимся: *мамка в'ес'иц' н'ас'е с тац'б с'в'е'ту, (во время начавшегося пожара ночью) мамка накл'йкала: ма'н'а!*

Из актуальных примет следует указать еще следующие: *ја прис'н'йла пш'б'и - на н'аб'ощикца ц'и на накра'жу; заржав'еја пал'ец' на л'евај руц'е, ж'бута пл'ама зр'б'ица - захвар'еја мама, ж'б з радн'й памрэ; каш'ана н'е м'бжа сабз'иц' кал'а ж'атн, јес'л'и јбн п'арарастаја в'й'ај чалав'ека - памрэ, ал'е у сус'еда н'и'ж'б н'е пам'бр; видеть во сне пахоту или вывоз навоза на поле - к покойнику: чар'е - на н'аб'ощикца⁶; к'урн с'п'ав'аја, јак п'ат'у'х лап'бча скр'идлам'и и крич'иц' - прац'ваја јак'у'ју б'ад'у; к'урница с'п'ав'аја, јак п'ат'у'х ц'а'ч'н'е - на н'аб'ощикца; пат н'е'чај⁷ зас'п'ав'аја к'урница - на с'м'е'риц'. Неоконченная работа (во сне) - примета смерти: *сабз'им б'ул'бу ц'и ж'ита и н'е дас'адз'им - на с'м'е'риц'*.*

Несмотря на то, что смерть в описываемом социуме не табуируется, прямые вопросы об ипостасях смерти не получали, как правило, конкретного ответа. Несомненна только женская природа смерти: *н'ев'идз'имаја, да чалав'ека на-д'ббна, у ж'енск'им р'бдз'е, дакран'иц'ца јбј тр'еба да чалав'ека*. Доказательством именно женской природы смерти пеласская поэтесса Мария Круопене, чуткая к языковым свидетельствам, считает женский род соответствующих существительных: лит. *sm'értis, g'il't'in'e*, блр. *см'е'риц'*. В многочисленных быличках о том, как смерть приходит, тексты которых будут опубликованы в другом месте, смерть предстает женщиной или девушкой в белом одеянии (и лишь

баб'ицка прис'н'йла - б'удз'е јак'аја слат'а, д'бщик ц'и дн'еж. Н'е на'тта хара'шб н'аб'ощикца в'идз'ец'.

6 Эту примету можно интерпретировать как уподобление характера действия смерти запахиванию в землю; ср. более обычное представление о смерти как о косье. В плачах же смерть сравнивается с переселением в новый дом - без окон и дверей.

7 Печь и печная труба осознаются здесь как сакральное пространство смерти: запрещается *м'ас'иц'и при'п'е'чак в'ен'икам, т'ил'ка ач'у'кају, с опосредствованной интерпретацией: вим'атаја'еца скац'и'на* (см. ниже о взаимодействии смерти и дома/хозяйства). Известен случай, когда хозяева не решились затопить печь и разбирали дымоходную трубу, когда туда залетела бабочка (см. к этому об ипостасях смерти и воплощениях души).

¹ Для описываемого микросоциума не характерно широко распространенное в других литовских регионах представление смерти в виде всадника на белой (или черной) кобыле.

² Косвенно эта связь проявляется также в убеждении, что больной, глядящий в стену, непременно умрет, а глядящий внутрь комнаты может поправиться.

³ См. к этому представлению типичную литовскую загадку о гробе: *namelis be durelių, langelis be stiklų* 'домок без дверей, окошко без стекол'.

⁴ Как и во многих приметах, в данном случае фактор времени (до и после полудня/полуночи) может менять значение приметы на противоположное: *ув'идз'ец' навук'а да н'б-лудн'а - м'бжа д'ббра*.

⁵ Ср. существующую параллельно иную интерпретацию: *н'а-*

в одном случае это "две черные бабы"). Любопытна также современная модификация, подтверждающая стойкость и постоянство характеризующих смерть признаков 'женский' и 'белый': *дакторка у б'елым халац'е зашла у друўуу налату - там јуџ закричал'и [так как умер больной], то с'м'ерц' заход'ила*. Человеческий облик смерти конкритизируется речью: *ш'е п'ча с'м'ерц' за пл'ачима (о безнадежно больном)*.

Еще более неопределенны здесь представления о душе (лит. *žmogaus dūšė*; известна, но активно не употребляется в этом значении лексема *velės*), что противопоставляет данный регион большей части остальной литовской территории, где отмечены различные зооморфные воплощения души (мышь, бабочка и т.п.). Здесь же душа - *тил'ко дүх так'и; пака у ўрб' ульжа, ус'б ц'ела чўја, пас'ла душа атхоб'а у друўб'а м'ејсца; јак пам'бр - н'има н'ичога, душа н'евид'а'имаја, ц'ишк'ом вијд'е; душа саб'е вијшла и пашла, а ц'ела н'е м'а ј'а, застај'еца*. И более подробно: *на тр'ец'и дз'ен' јак чалав'ек пакав'ни ц'ишц'и ц'обли дошч' најд'е, слон'ца зајш'ошч', [из могилы появился] вијши јак чалав'ек, точна п'д'обни да чалав'ека и л'иц'о м'ожна узн'ац'; праз ј'ац'о в'ид'ац', јак чуст'и чуст'и туман' б'ели*.

Современные пеляские представления о посмертном пребывании души находятся в сильной зависимости от католических картин загробного мира: *на в'арх'у над абл'окам'и - тој с'в'ет; у л'ев'и бок' ур'ешнија, у прав'и бок' - добрија. тој рај - сад в'ел'к'и, ч'иста, пахн'а, круж'ом кв'етк'и; с'п'еў н'е с'ц'их'аја, н'е бив'аја х'оладу, н'очи, старас' - ц'и, зл'ос'ц'и у л'удз'еј, чалав'ек чалав'ека так' л'у-б'иц'и, јак на з'амл'е аднац'о кац'б-та*. Костельно-языческий дуализм современных представлений выражается в том, что здесь актуальны и иные представления области смерти (о печке, где "душа пакутуја", говорилась выше): *у пр'ос-тих л'удз'ах спат'икала: душа, с'ела (<лит. siela) пера-ход'е'иц' у сук' в'етк'и на маўил'ках. Душа перајшла свајим ж'иц'ем у з'аб'у, кат'ора скрип'иц'и, наје'в'енцеј при бароз'е; б'ароза з'уласам чир'икаја, ак'азив'аја, л'удз'и припа-дабл'ал'и, - душа ж'ије там*. И, наконец, известно в Пелясе и опосредствованное представление о месте посмертного пребывания души - блр. *daūšm*, лит. *dausus* 'место, куда улетают зимовать ласточки'. Но деликатность темы, сложность славянских и неславянских ассоциаций не позволяют остановиться здесь на этом подробно.

Один и тот же элемент погребального обряда или сопровождающее его представление в пределах только литовского ареала может иметь разную интерпретацию, вплоть до противоположной. Подобную антиномию можно видеть в представлении о трудной смерти, которой, наказывается нечестивый (так, в нашем пункте: *др'енни чалав'ек пам'ираў у нашај в'осца, с'ил'на м'ич'иц'с'а праз т'идз'ен ...*, а на другой территории записаны былички, свидетельствующие о том, что нечестивый умирает легкой смертью, а праведный - трудной). Отметим здесь же представление о нечестивости убитого в грозу: *с'п'аруном ж'иў, п'аруи ј'ац'о и заб'иў и глухие отголоски обычая ставить на могиле неправедного человека крест с ужами*.

Для облегчения трудной смерти прибегают к широко рас-

пространенному также и на славянской территории действию - разбирают потолок, открывают окна: *прач'ин'аја ц'и акн'о ц'и дз'в'ер' каб душа тут н'е калац'илас'а б, ска-р'еј вијшла б' за дз'в'ер', но чаще поступают следующим образом: в'ек был даўн'еј: на з'амл'и разл'ож'ац' свајо палатн'о с'ц'елаца сваја, палб'жац' [умирающего], приц'-ицн'е, ум'ирац' стан'е*.

Уже отмечавшаяся неразделенность человека и дома/хозяйства получает подтверждение в тех изменениях, которые происходят после смерти хозяина: *јес'л'и памр'е з'дб-му ч'аспадр' ц'и ч'аспадр'и'а, то бив'ајуц' в'ел'к'ија з'м'ани: ц'и ус'б идз'е на д'абр'о, скац'и'на п'л'обз'ица, на п'бл'у ус'б р'обз'ица, в'адз'еца скац'и'на, а бив'аја ус'б пазд'их'аја и нав'ат н'ива западз'е; у такој'а ком'енча зап'ала н'ива, шнур' п'бл'а, на дз'в'е п'адз'и ап'ала н'ива, с'ем 'адб'у такија н'епав'оди. Па мајб'ј дз'адз'и'нај ('же-на дяди') с'м'ерц'и два 'ад'и ц'ал'уц' и зди'кал'и; п'осл'е шва'г'ера с'м'ерц'и ц'ал'ушка утап'илас'а ў ј'амце*.

Присутствие покойного в доме опасно и равносильно присутствию смерти. Профилактическими действиями живые и хозяйство ограждаются от влияния смерти: будят спящих, особенно детей, открывают дверь хлева (то же делают в момент прохождения похоронной процессии мимо дома), будят пчел: *пш'обли ид'уц' будз'иц', бо на в'асн'у замр'уц'; п'бждз'е наст'укаја у в'ул'еј каб адаз'вал'ис'а, шум'ец' стан'уц' у дом'ику; тут н'е варажб'а, тут прак'тика, ус'-им изв'есна*⁸.

К охранительным актам следует отнести обыкновение связывать покойнику перед похоронами руки и ноги особой повязкой. Характерная для многих фрагментов погребального обряда амбивалентность, проявляющаяся в одновременной противоположной интерпретации его элементов, в данном случае состоит в том, что охранительная тенденция диктует, что вещи покойного опасны, противоположная же тенденция приписывает им различные полезные и целительные свойства, в частности эта повязка используется при лечении ревматизма (*сух'и бол'*). Ср. также: *м'идла б'аруц' [часто тайком] ад рауматизма м'ица, јес'л'и јес'и' пл'-ам'и на ц'ел'е, л'удз'и пр'ос'ац' такој'а м'идла*. Одни правили предписывают выливать "мертвую воду" (т.е. ту, которой обмывали покойника) подальше не только от людей, но и от деревьев, в соответствии с другими - ею моют ноги, "чтобы не бояться". Лечебная магия связывается также со свежей могилкой. В Пелясе следующим образом избавляются от эпилепсии - *абм'ираи'н'а: на св'аж'ејшују ма-ўил'ку најс'ц'и, наўл'адз'еи' п'аск'у, з'најстар'ејшаца криж'а м'ошч', у ч'арачу вад'у и пам'ица на в'асх'от слон'ца и на зах'от слон'ца три раза*.

Снаряжение покойного и изготовление гроба определяется системой строгих правил, в основе которых лежат более глубокие представления, какими бы реальными и актуальными соображениями ни объясняли теперь эти правила: гроб (блр. *truná*, лит. *rakštis*) изготавливает ч у-

⁸ Тема пчелы сложно отражена в различных литовских представлениях, имеющих архаическую основу. Здесь отметим только, что в Пелясе про пчелу не говорят *здб'хла*, но *адм'арли*.

ж о й⁹: [родные] тъл'аца да тѣх, с каторѣм'и добра жм-
жѣи' - бо ужб грѣшај н'е б'арѣц', жаднај нагрѣди; в не
д о м а: у друѣбѣ жѣи е, у жл'ав'ѣ, пат нав'ѣц'ај с ак-
туальной интерпретацией: каб н'е м'ашѣл'и. Материалом
гроба служит непременно сосна¹⁰. Деревянными гвоздями
прибивают полотно внутри гроба и, наконец, воском так
называемой громничной свечи капают крестом в каждый угол
гроба. Со стружками, образующимися при изготовлении гроб-
а, поступают следующим образом: частично их кладут в
гроб, делают из них подушку для покойника¹¹, остальные
н'асѣц' на дарѣцу, на стѣчку, гран'ицу, чалав'ѣк памал'-
ѣц'а за жаѣб [покойного]. Как и другие предметы, исполь-
зуемые в обряде, стружка может употребляться в магичес-
ких действиях, в частности подожженной стружкой мать мо-
жет приворожить жениха для дочери.

Все другие работы по обряжению покойного также выпол-
няют чужие и бесплатно (иногда - за угощение). Чужие
также кладут покойного в гроб, выносят гроб из дома и
копают могилу: свѣж н'е капѣја, навѣт стрѣчни ('двоюрод-
ный') н'е капѣја.

Строгие правила диктуют не только поведение своих/чу-
жих, но и мужчин/женщин в обряде. Так, сугубо мужским де-
лом (чужих, не из семьи) до последнего времени было опла-
кивание покойного: укл'ѣнчац', памѣл'аца, с'адѣ'ац'
на старан'е чужѣја, с'п'авѣжѣц' с'в'атѣја н'ѣс'н'и.
Мушѣжнѣ тѣл'ко с'п'авѣја, гѣз'е н'имѣ мушѣжнѣ, там то
самѣја жѣнѣжмѣжнѣ.

В сознании исполнителей погребального обряда призна-
ки мужской/женский актуализируются на разных этапах. В
частности, вещи умершей женщины подвергаются специальной
обработке, мужские же вещи в ней не нуждаются: жак пам'-
ираја каб'ѣта, шѣб жајѣ рѣжам'и зрѣбл'ана ус'ѣб трѣба
прамѣц', прац'аѣнѣц' тоц' праз ваѣц', прапаласкѣц' и нав'-

⁹ Известен в истории Пелясы только один случай, когда
гроб был заранее изготовлен для себя живым человеком,
а обычно н'и хѣб н'е хѣбѣ раб'иц', бајѣца тѣнѣ. В про-
тивоположность этому смертную одежду (адѣ'ѣн'е на
с'м'ѣрц', лит. an s'm'ertis аз'ѣжѣ) готовят заранее
(длинную и темную: синюю или черную, допускается белый
цвет, но категорически запрещен красный). Обратная
ориентация пространства жизни и смерти диктует особые спо-
собы изготовления смертной одежды: ее шьют намеренно не-
брежно, на аѣс'ѣнѣ шѣжѣ, на тандѣт, не дѣжѣвѣ до конца,
надевают наизнанку (см. здесь лексическую оппозицию
л'ѣжѣ бѣк - дѣбѣ бѣк 'изнаночная и лицевая сторона').
Не допускаются узлы в одежде; покойнице не надевают
бус: жак пасѣп'аца тѣја карѣл'и, так ус'ѣб фам'ѣл'ѣја
пасѣп'аца, перамѣрѣ.

¹⁰ Сосна в Пелясе - дерево со многими обрядовыми функци-
ями. Ее высаживают на кладбище. В кладбищенскую или
придорожную сосну переселяется душа покойного, и тог-
да дерево скрипит.

¹¹ В подушку кладут также набор (произвольный) цветов,
освященных в костеле 15 августа, в праздник, называе-
мый З'ѣл'на, лит. Žol'ín'en'a и, что, особенно су-
щественно, добавляют овес, лен, капусту, морковь и
т.п. (см. выше о плодотворяющей силе смерти).

ѣс'иц', за тѣбе же жакѣ н'е зѣтн'ѣла, на дѣ'ѣру пѣдѣз'ѣ.
Нѣша ц'ѣц'а пам'ѣрѣла, ус'ѣб зѣтн'ѣшѣ.

Хлеб впервые появляется в обряде как дар приходящих
смотреть покойного, что на глубинном уровне соответствую-
ет очистительной жертве, равно как и одновременно с хле-
бом приносимые свечи и цветы (непреренно четное число,
чаще всего шесть): даѣн'ѣж нас'ѣл'и жл'ѣп; на стѣл клѣ-
дѣц' на кусѣчку, а тѣја, каторѣја с'п'авѣја, тѣја жаѣц'.
С'п'авѣжѣ тѣл'ко добра частѣжѣц'; грѣшај н'е дајѣц',
тѣл'ко што на стал'ѣ. Далее роль хлеба в обряде все ус-
ложняется: жак тѣнѣц' надѣмѣц', тѣнѣц' вѣжѣс'ѣц', жл'ѣба
кусѣчка са сталѣ палѣжѣц' на тѣжѣ нас'ѣц'ѣл' [место по-
койного]; жак нав'азѣц', што тѣжѣ нас'ѣц'ѣл' парѣтѣжѣја,
то жл'ѣп на дѣбѣна палѣм'ѣ, а потѣм вѣж'ѣс'ѣ на пѣл'ѣ
и нас'ѣже жак жѣта, жѣбѣ з ѣѣтѣм н'абѣшѣжѣком н'е пам'ѣрѣ
ураѣжѣц' у дѣм'ѣ и зѣбѣ бѣжѣ бѣ.

Для опускания гроба в могилу используется домотканое
полотно: тѣл'ко нѣваја, чѣстаја, бѣлаја, ус'ѣм приѣжѣт-
н'ѣж ѣл'адѣ'ѣц', [после погребения] зѣ'арѣ'ѣл'и и заб-
рѣл'и да кѣтѣ, тѣја палѣтѣ прапаласкѣл'и ѣ ваѣз'ѣѣ.

Обычай кидать в могилу горсть земли понимается как
оказание почести умершему (услѣжѣ жаѣмѣ): тѣжѣ жѣ'ѣн'и
з'амл'и н'абѣшѣжѣком на бѣжѣ к'ѣнѣц'. Н'абѣшѣжѣком на бѣжѣ
з'амл'и н'е к'ѣн'ѣш - н'е л'ѣжѣжѣца што тѣ жаѣмѣ услѣжѣжѣс'ѣа.
Если случается, что не хватает земли закопать могилу и
сделать подобающий могильный холм, это относят за счет
скупого характера умершего: жѣ н'ѣ вѣем кудѣ тѣја з'амл'-
л'ѣбѣ накавалѣс'ѣа, камѣ н'ѣ квѣтѣја на бѣжѣ з'амл'и - то
ѣ'ѣл'ѣм'и сѣжѣл'и. Категорически запрещено оправлять моги-
лу ударами лопаты, ее можно только оглаживать.

2. Погребальный обряд является связующим звеном двух
противоположных сфер - жизни и смерти. Переходный харак-
тер обряда ярко выражается в образе дороги¹², пронизы-
вающим его на всех уровнях, что позволяет говорить об
изоморфизме словесных и предметно-действенных планов об-
ряда. Так, символически образ дороги представлен четка-
ми, непреренным атрибутом снаряжения покойного, или -
в случае смерти ребенка - пояском, полученным при рожде-
нии в подарок от крестной матери¹³. Язык консервирует эти
же представления во фразеологии. Про находящегося в агонии
говорят: стаѣц' на дарѣз'ѣ на вѣжѣт (лит. stov'e ant
k'al'o isėic' i šito sv'ėto). Такого умирающего запре-
щено трогать и сильно по нему плакать: н'ѣ мѣжѣна зѣдѣз'-
иц' з дарѣцѣ, так как это затягивает агонию и приносит
новые сильные муки¹⁴. В случае, когда удастся спасти без-

¹² Здесь нецелесообразно останавливаться на далеко иду-
щей параллели дорога - дерево (см. выше о сосне в об-
ряде) вплоть до этимологического сближения этих слов.

¹³ В других литовских регионах, в частности в Жемайтии,
где предполагается, что душа обитает вблизи своего
земного местопребывания в течение 40 дней, у дома на
деревьях все это время висят полотенца. За эту и дру-
гую информацию сердечно благодарю Брониславу Кербели-
те.

¹⁴ Сильное, неутешное и продолжительное оплакивание по-
койного, препятствующее окончательному разъединению

15 К идее "гощения", "гостыи" и т.п., пронизывающей погребальный обряд, см. также следующую фразеологию: *поу ѥ ѡбсѣи* (лит. *eiñu sv'eic'os pas mǎmu*) 'иду на могилу матери'.

252

Днем поминовения всех усопших является здесь отправляемый под эгидой ксендза задушны дз'ён' (лит. *gažušn' - eji*)¹⁷. Перед задушным днём друуба л'истапада идуц' напай'л'ац' мау'ил'и, н'асуц' с'в'ечк'и, як с'в'ата зрб'б'ац'. Коллективное поминовение всех умерших происходит на кладбище: на задушны дз'ён запал'уја с'в'ечк'и, флау'и жалббн'ја ('траурные'), мол'аца на адном рауу, на п'ёршым куц'ё - за радз'иц'ел'еу, на друуим - за брау'ау и за с'обстрау, на трэу'им - за фам'ил'ију, на четвертом углу поминаются все, похороненные на этом кладбище. Современный задушный день впитал в себя некоторые элементы в начале века еще справлявшегося внекостельного праздника дз'адй: кбнчил'ис'а дз'адй у ас'м'йм, у дз'е-с'атим уббз'е. В содержании праздника существенно выделить два момента: 1) обильная семейная трапеза с обязательным поминовением всех умерших родственников, 2) щедрое одаривание нищих: на задушны жабрак'у налажб'ушм торбу и, как отголосок поминального жертвоприношения: давај да-дс'ім жабрак' п'ёршм с'ыр за твај'х бац'кб'у. Прежде для нищих устраивался специальный обед: тама на тых дз'адб'у б'иу. Их же просили за обильное подавание молиться за умерших: з'авар'и за мауб' таму пай'ар'и. У нищих была еще одна функция - оповещать о покойнике: жабрак'и зван'ил'и; дац' трэба на назббн (лит. *razvonaĩ*). Есть некоторые основания, в том числе и языковые свидетельства, предполагать, что нищие воспринимались как заместители умерших: во-первых, синонимическое употребление глаголов жабра-вац' и дз'адавац', во-вторых, прямое утверждение, что жабракб'у называл'и дз'адам'и. Катбры жабруја, тауб [называли] дз'ёдам-жабраком. Кал'ис' уавар'ил'и дз'адбм дац', ц'ап'ёр жабракбм. Детей пугали словами: дз'и'едас-жабрумас заб'арэ и аб'ё.

4. Сепаратный сюжет погребения умерших неестественной смертью сильно редуцирован в пелясском обряде. На языковом уровне получает выражение лишь представление о жизненном пределе, не достигнутом таким покойным: *б'ес пари пажшбў на тб́ж с'в'ёт, н'е дачакаў парі*. (См. к этому же такую примету смерти, как видеть во сне неоконченную работу). То же представление о пределе и конце определяет внутреннюю форму периферийного, впрочем, здесь глагола *кана́ц' 'умирать'*.

Еще на памяти живущих стариков людей, погибших в грозу, убитых и умерших от несчастного случая хоронили на месте их смерти и ставили над могилой высокий поминальный крест. Теперь их хоронят по общим правилам, и прежние запреты распространяются только на самоубийц, захоронения которых находятся на *b'ëraçy maýlak*, 'на краю кладбища'.

253

ОДИН РАЗРУШЕННЫЙ ВАРИАНТ СКАЗКИ И ЕГО СВЯЗИ С ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИЕЙ

(Заметки о методе описания структуры текста)

В задачу настоящей работы не входит анализ всей терминологии погребального обряда и словесного выражения его элементов. Литовские и белорусские лексемы иногда указывались при описании отдельных фрагментов обряда, и в большинстве случаев они оказывались общими для обоих языков. Это позволяет с некоторым приближением говорить о едином языке обряда. Более подробно о нем и о влиянии на него польского языка будет сказано в другом месте, здесь же в заключение будет приведена одна белорусско-литовская параллельная фразеологическая конструкция. Широко распространенное эвфемистическое определение смерти *даты дуба* употребляется в Пелясе для выражения, во-первых, сильного чувства гнева: *ал'бб жтб на кауб злы, уримас'иц'на кауб, кажа: уримас'иц'жак дуба даје*; во-вторых, так говорят про сильное кипение: *к'ип'иц'жак дуба даје, аж видја с саганя, кул'ом идз'е саган, и, наконец, про страстное желание жениться: чалав'ек задумаў, м'ејсца н'е маја, так јуш падаја жан'ица, кажа: аж дуба даје*. Литовский эквивалент последнему употреблению *pat úgn'ies dūoda žanīt'is* — позволяет установить интересную параллель: **д у б - о г о н ь**.

Общеизвестно важное значение вариантов при изучении фольклорных произведений: они дополняют и уточняют друг друга, при их сопоставлении заметнее становятся пропуски и переосмысления, яснее идейное содержание произведения. Если же исследователь располагает единственным текстом, в котором к тому же встречаются неувязки и противоречия, то иногда трудно с уверенностью судить даже о его принадлежности к фольклорной традиции. Такие тексты нередко остаются за пределами фольклористических исследований как "нетипичные", далеко не всегда включаются они и в каталоги. Между тем не исключено, что перед нами — не импровизации отдельных исполнителей, а варианты весьма архаичных произведений, пассивно хранящиеся в памяти сказочников.

Отсутствие близких вариантов подчас оказывается только мнимым. На материале литовского фольклора мы не раз убеждались в том, что наиболее устойчивы по вариантам самые популярные произведения, а полузабытые, почти исчезнувшие из живого бытования сказки, предания, песни даже исполнителями из одного села интерпретируются по-разному: вместо традиционных эпизодов включаются элементы из других произведений, различные импровизационные связки. Подвергшиеся таким изменениям родственные тексты очень трудно, а порой невозможно опознать по каким-то внешним признакам — они воспринимаются как совершенно разные произведения.

На наш взгляд, изучение фольклорных текстов, не имеющих близких вариантов или имеющих их крайне мало, окажется плодотворным, если его связывать с разработкой более точных, основанных на глубинном анализе произведений методов установления родства между текстами, выделения типа произведения, его подтипов и версий. Решению этих проблем может способствовать изучение и описание структуры текстов. Выявление структуры позволит также установить древнюю основу произведения и проследить, как оно приспособлялось к изменениям социальных условий, какие этапы прошло в своем развитии.

Данная статья представляет собой заметки о разрабатываемом нами методе описания структуры текста и попытку продемонстрировать некоторые его возможности на примере изучения одного "нетипичного" текста и родственных ему вариантов, обнаруженных благодаря описанию структуры. При разработке предлагаемого метода учитывался накопленный в науке (и прежде всего в советской) опыт изучения структуры сказок и классификации произведений (работы В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, Е.А. Тудоровской и др.). Избранный метод описания структуры текста, видимо, применим к произведениям различных эпических жанров фольклора, но на данном этапе рассчитан лишь на волшебные сказки.

Анализ текстов и описание их структур проводится поэтапно.

1. Тексты сказок расчленяются на действия и ситуации (упорядоченные множества совместимых состояний объектов). Таким образом выявляется событийная основа произведения — его сюжет.

2. Последовательность действий и ситуаций разбивается на отрезки — элементарные сюжеты (ЭС) и части ЭС. Членение сюжета сказок фольклористами применяется довольно широко (выделяются подготовительная, основная и заключительная части сказки; сюжеты делятся на "ходы", а внутри их — на отрезки по функциям персонажей; выделяются мотивы, т.е. более или менее мелкие значимые единицы текста и т.п.). Но обычно исследователи исходят из предположения, что сюжет строится по одной линии. Нами в один ЭС соединяются все действия и ситуации, которые связаны с достижением одним героем (герой может быть и коллективным, напр., члены семьи, члены рода, герой и его волшебные помощники) одной цели (она зачастую проявляется лишь при учете достигнутого позитивного или негативного результата), независимо от их места в тексте. Таким образом, ЭС начинается с возникновения какой-то цели, появления недостачи, несоответствия и кончается достижением цели (или неудачей), ликвидацией недостачи или несоответствия. ЭС (иногда в минимальной контексте) можно представить в качестве основы какого-то законченного повествования.

Многие ЭС распадаются на части. В частях ЭС изображается или только возникновение цели, появление недостачи, подготовка предпосылок для достижения цели и т.п., или только достижение намеченной цели, ликвидация недостачи. Обычно между частями одного ЭС существуют причинно-следственные связи (напр., зов о помощи влечет за собой получение помощи или отказ помочь). Отдельные части ЭС в текстах могут быть пропущенными, каждая часть ЭС может быть заменена эквивалентной по смыслу частью, они могут удваиваться, утраиваться, пересекаться с другими ЭС и их частями и т.п.

ЭС и их части могут следовать один за другим, пересекаться и иметь общие элементы, один ЭС включается в другой как его часть и т.д.

3. Поскольку в конкретных текстах бывают пропуски, различные индивидуальные преобразования и т.п., выделенные ЭС и их части сопоставляются с аналогичными отрезками сюжета более или менее родственных текстов (вариантов одного и того же произведения или любых сказок, изображающих те же действия и ситуации). На основе сопоставления выделяются типы ЭС и типы частей ЭС, которые группируются в классы и подклассы.

При выделении типов ЭС использовался Каталог литовского повествовательного фольклора (картотека, в дальнейшем ЛРТК), составляемый одним из авторов данной статьи в Институте литовского языка и литературы АН ЛитССР. В настоящее время в нем учтено свыше 50 000 текстов, в том числе около 8000 записей волшебных сказок.

4. Основой для деления ЭС и частей ЭС на классы служат изображаемые в них цели действий героев. На протяжении всей сказки персонажи могут меняться ролями, поэто-

му герой, антипод и другие персонажи определяются в рамках одного ЭС. Поскольку цели действий обуславливаются не только желаниями и возможностями самого героя, но и характером его отношений с антиподом, при выяснении целей учитываются некоторые признаки этих персонажей (герой — член рода, член семьи или индивидуальный, антипод по отношению к герою — член рода, член семьи, свой территориально, чужой).

Нами выделяются пять классов ЭС: 1) стремление к свободе от "чужих" или к господству над ними, 2) добывание средств существования или объектов, создающих удобство, 3) стремление к равноправному или высокому положению в семье и обществе, 4) поиски невесты или жениха, 5) стремление к целостности и полноценности семьи. В эти классы входят ЭС как с позитивным, так и с негативным исходом.

Классы делятся на подклассы. В классах 1, 2 и 3 подклассы выделяются по характеру поведения человека ("правильное поведение" и "неправильное поведение"), в 4-м классе — по характеру свадебных испытаний и условий, которые зависят от типа заключаемого брака (подклассы "матрилокальный брак", "переходная форма брака", "патрилокальный брак"), в 5-м классе подклассы выделяются по характеру семейных конфликтов ("восстановление контактов членов рода", "нарушения семейных обычаев", "укрепление семьи", "разрушение семьи", "восстановление семьи").

Из-за различных переосмыслений, возникавших в процессе длительного бытования сказок, некоторые ЭС невозможно отнести к одному классу — приходится относить их сразу к двум или даже к трем классам, т.е. использовать комбинативную классификацию.

5. Тексты сказок описываются через ЭС. Это описание должно отражать не только классы ЭС, но и характер связей между ними. Связи между ЭС в большинстве случаев являются логическими, но бывают также ассоциативными (при взаимодействии родственных произведений) и механическими (при взаимодействии лишь внешне похожих произведений).

Описание текста через ЭС является иерархическим: выделяется основной ЭС, отмечается характер связи с другими ЭС или их частями (причинно-следственная связь, мотивировка, пояснение мотивировки).

6. На основе описания структуры текста строится представление о родственных ему текстах. Родственными текстами будем считать те, в которых ЭС того же типа является основным, независимо от того, с какими ЭС он сочетается. Тот же основной ЭС может сочетаться причинно-следственной связью с различными типами ЭС определенной группы (напр., ЭС о гибели героя требует какого-либо ЭС об оживлении погибшего). Одна степень родства между несколькими текстами будет в том случае, когда тот же основной ЭС в различных текстах сочетается лишь с близкими по смыслу ЭС, другая — когда он сочетается с тем же типом ЭС. Самыми близкими текстами будут те, структура которых на сюжетном уровне (набор ЭС и характер связей между ними) совпадает. Нередко именно такие степени родства наблюдаем между текстами, которые фольклористы интуитивно, на основе сюжетного сходства, относят к определенным сюжетным типам, подтипам, версиям и группам вариантов.

Перейдем к описанию структуры текста, записанного в

1934 г. в окрестностях Пелясы. Текст даем в переводе; на литовском языке он опубликован в Ltt III, 175, рукопись хранится в LTR 662 (189).

"Были мать, отец, и у них было трое сыновей, а четвертая дочь. Мать умерла. Отец взял мачеху с дочерью. Эта мачехина дочь взяла верх над дедовой дочкой: куда ни повернется, все ее обижает. Та жалуется отцу - отец не слушает. Братья за свою сестру заступились. Ругались, ругались, а наконец и драться начали. Возьми и прогони сыновья отца с мачехой: здесь, батко, было материнское место.

Живут они год, живут они другой без отца. Ну, мачеха и говорит своему мужу:

- Давай позовем мы всех троих в гости.

Отец ничего:

- Давай позовем.

И так, и сак, и через людей просили, велели - сыновья не едут. Приехал отец звать:

- Приезжайте хоть разок в три года, хоть я на вас порадуясь, что вы мои сыновья, а я ваш отец.

Они обещали приехать. А сестре очень беспокойно, все она их ругает - не езжайте. И предостерегла их от поездки. Раз они было собрались, уже вот-вот поедут - она отговаривать, и отговорила. Сестра была старше них. Так и в другой раз. В третий раз она уходила на поденную работу, а те собрались и уж вот поедут. Она вернулась с поденщины - они уже выезжают.

- Куда же вы едете? Пускай раньше они к нам приезжают.

Они и так, и сак:

- Уже третий год - поедем.

- Ну, так смотрите, если отец не нарадуется на вас за день, так третью ночь не ночуйте.

И уехали они, сестрица одна осталась. А этой мачехе уж лихой в ухо нашептал. Они приехали - как принялась их мачеха поить, угощать. А отца уж в путь послала.

Сестра дома. Созвала она вечерять, повесила полотенце на крюк:

- Если полотенце с ночи будет чистое, незапятнанное, мои братья встанут с ночи, а если запятнанное, то будут слезы по моим братьям.

Встала утром - чистое.

- Мои братья будут любезными гостями.

Ждет она, ждет - и не возвращаются братья. Уже другой вечер. Она побежала, позвала вечерять.

- Ну, уж повешу ленту: если с братьями что-то недоброе случится, лента будет скрученной.

Они вечеряли, вечеряли и легли.

- Вставай, сестрица, посмотрим, скрученная ли лента. Смотрит - не скрученная.

- Но зачем они так долго гостят? Мое сердце что-то чувствует. В сумерки приходите, сестрицы: мое сердце щемит, плакать хочется - случится что-то плохое с моими братьями.

Опять все собрались. Они ждут-ждут, уже вечер. Повесила плат:

- Если плат будет чистым, значит, хорошо. Уже что будет... Я им наказывала лишь одну ночь ночевать, а ночуют уж и другую, и третью...

Мачеха принимает, всего дает, - а отца нет дома, в дороге, - дает спирт с медом пить:

- Лишь только ночуйте третью ночь.

А их целует, ласкает - только ночуйте. Споила их, уложила на землю и со своей дочкой всех троих зарезала. Ртутью залила, залила эти раны - и не течет кровь, и не узнать.

А сестре, боженки, не спится. Встала:

- Вставайте, вставайте, почему-то не спится мне покойно. Уж теперь, может быть, моих братьев нет в живых.

Заглянула сестрица огонь, глядя на плат - с кистей кровь капает. Тут она и заголосила:

- Уже нет моих братьев...

Эти смотрят - ну, правда, с кистей кровь капает.

А отец приехал - те лежат. Она уж будит, будит, не может разбудить - шей белыми лоскутками завязала. А у отца сердце и защемило. И жаль, и плакать стал:

- Что с моими сыновьями случилось?

А мачеха:

- А, как раньше холера ходила, может, и теперь поверх деревьев прилетела, пала на них и задушила всех троих...

Отец ее слушает и плачет, пошел просить людей, чтобы гробы сделали.

- Ну, что с ними сделаем: позовем людей, сделают гробы и похороним.

И мыть не надо, и одевать не надо - они в хороших одеждах в гости приехали. Уж и певчие сели за стол, пьют, едят, отпевают братьев.

А та сестрица пригласила подруг, чтоб дом караулили.

- А я превращусь в кукушку и полечу к своим братьям - что же там с ними случилось?

Полетела. Окна открыты. Спустилась на окно и кукует:

- Ку-ку, мои братики,

Ку-ку, разве я вам

Ку-ку не говорила

Ку-ку третью ночь

Ку-ку не ночевать:

Ку-ку ведь вас эта

Ку-ку ведьма-мачеха

Ку-ку ведь зарежет.

То на одном окне, то на другом - все кукует:

- Ку-ку... (формула-обращение повторяется).

А та выбежала с метлой:

- Что ты, сука, лаешь?

Прогнала эту кукушку. Так раз, и другой. Уже гробовщики принесли три гроба, положили братьев и поставили всех трех братьев гроб ко гробу. Уже отец понял, что мачеха их зарезала, но не хочет свою жену обижать - ничего не говорит, только вертится по избе, как землю продаши.

А кукушка - двери в сени открыты, двери в избу открыты - влетела, кинулась на гробы: то на один, то на другой, то на третий:

- Ку-ку... (формула повторяется).

Уже видят люди, что неладное что-то, уже и не поют, смотрят. А мачеха беспокойная - то туда кинется, то сюда. А люди судачат:

- Раз она в стекла бьется, в гробы бьется - уж есть что-то.

- Откуда кукушке быть около всех святых? Это видано ли? Это не простая кукушка.

Нашелся человек еще, сказал:

- Нальем дегтю на гробы. Как она бьется об них - может быть, поймает кукушку.

Они дверь закрыли, чтобы она не видела, налили дегтю на один гроб, на другой и на третий. Дверь открыли. Она влетела в избу, кинулась на один гроб, на другой, на третий - прилипло крылышко. И бьется кукушечка, рвется... Бежать - а крылышко ее держит. Так нашелся старичок, схватил ее, через одно плечо кинул - половина девушки, через другое кинул - вся как есть сестрица. Отец смотрит, аж жутко. Всем диво! Отец узнал свою дочь, а дочь - отца.

- Откуда ты здесь, доченька?

Она стала рассказывать, что так и так:

- Я им наказывала на третью ночь не оставаться - мое сердце чуяло, что недоброе с ними будет.

- А как ты поняла? - спросил отец.

- В третий раз повесила плат, смотрю - с кистей кровь капает. Так и поняла, что нет наших братьев.

Тогда мужчины схватили мачеху с дочерью и давай бить. Били-били - те признались:

- Уж не бейте больше, это мы сделали.

Тогда их похоронили, а мачеху с дочерью отдали палачам".

По внешним признакам этот текст больше всего походит на импровизированный рассказ, в котором используются архаичные мотивы волшебных сказок (узнавание о судьбе человека по виду предмета, превращение человека в кукушку, превращение кукушки в человека перебрасыванием через плечо). В тексте очень много чисто бытовых подробностей, ситуации и действия персонажей описываются слишком детально, заметно стремление бытовизировать даже типичные для волшебной сказки эпизоды (напр., ловля кукушки). Кроме того, композиция текста отличается параллельностью изображения событий в доме сестры и в доме мачехи, что для сказок не характерно и обнаруживается лишь в некоторых весьма поздних контаминациях.

Все же мы не отбрасываем предположения, что приведенный текст может быть весьма разрушенной волшебной сказкой. По описанной выше методике проанализируем текст, вычленим его сюжет, одновременно отбрасывая бытовые подробности и импровизационные связки (к таковым прежде всего относится повествование о раздорах в семье с приходом мачехи, которое мотивирует разъединение отца с детьми). Сюжет текста разделим на части, которые могут оказаться частями ЭС и могут быть объединены в ряд ЭС.

1. Жена разлучается с мужем и детьми из-за смерти.

2. После смерти жены отец женится вторично и изгоняется из дому детьми первой жены.

3. Мачеха через людей и отца зовет пасынков в гости; те, несмотря на предостережение сестры, едут и не возвращаются.

4. По виду повешенного ею полотенца, ленты, плата сестра трижды узнает о судьбе братьев; после третьей ночи предмет сообщает об их гибели.

5. Братья нарушают запрет сестры не ночевать в гостях

третью ночь, мачеха их спаивает, усыпляет и тайком от отца убивает.

6. Узнав о смерти братьев, сестра превращается в кукушку, летит в дом мачехи и в форме обращения к мертвым демаскирует убийцу.

7. Люди догадываются, что кукушка - человек, ловят ее, и перебрасыванием через плечо старик возвращает ей человеческий облик.

8. Отец убеждается в злодействе своей второй жены и отдаст ее палачам.

В выделенных частях сюжета замечаем ряд противоречий и отклонений от соответствующих частей ЭС, встречающихся в других литовских волшебных сказках. Во второй части не обычно мотивируется разлука отца с детьми, в третьей - поездка братьев к отцу по инициативе мачехи. В сказках отец сам уходит из дому (напр., на заработки) или же члены семьи разлучаются из-за козней ведьмы и устранения первой жены, а дети идут искать отца, чтобы восстановить семью.

В пятой части упоминается запрет не ночевать третью ночь (чуть дальше в тексте сказано, что братьям разрешено ночевать лишь одну ночь), но не поясняется, почему они вне опасности две ночи (или одну ночь). В свою очередь характер запрета противоречит действиям сестры, следящей за судьбой братьев после каждой ночи. Кроме того, сильно деформирован способ узнавания о судьбе ушедших из дому. Обычно в сказках предмет, сообщающий о гибели членов рода, является условным знаком, оставленным уходящим дома или при разлуке в определенном месте. В нашем тексте условный знак превратился в магические предметы. Троекратное повторение магического узнавания о братьях скорее всего вызвано подражанием излюбленному композиционному приему сказок, а не логикой повествования.

Обычно в сказках за получением вести о гибели члена рода или о грозящей ему опасности следуют поиски погибшего и его оживление или же говорится о помощи в беде (иногда - о нежелании или боязни помочь в трудной борьбе). В нашем тексте братья не оживляются, а лишь демаскируется убийца. Демаскировка мачехи нужна в тех сказках, в которых повествуется о восстановлении разрушенной ею семьи. Хотя в пеласском тексте эта цель ярко не выражена (намерком на нее служит лишь стремление детей возобновить контакты с отцом), демаскировка мачехи здесь мотивирована: она является поводом для разрушения основанной на несоответствии второй семьи. Необычно лишь то, что вторую жену демаскирует не первая жена (в облике птицы), а дочь, для которой закономерна другая цель - помочь братьям. Поэтому выделенная нами шестая часть сюжета могла образоваться из-за соединения частей двух ЭС, имеющих общий элемент ("свой" в облике птицы), пропуска действия (оживления) и перестановки героев (матери и сестры).

Текст становится еще более противоречивым из-за введения седьмой части: здесь изображается помощь извне при возвращении сестре прежнего облика, тогда как в шестой части она сама превратилась в кукушку. Значит, в начале текста должен быть ЭС или его часть (о потере членом семьи - женщиной человеческого облика). Потеря облика (превращение в птицу или животное) в сказках мыслится

как переход человека в иной мир и равноценна его смерти. Поэтому сообщение о смерти матери (первая часть сюжета нашего текста) эквивалентно части любого ЭС о потере матерью прежнего облика, так что и в седьмой части закономерно должна фигурировать не сестра, а мать.

Однако указанное противоречие нельзя снять простой заменой действующего лица. Герои сказок никогда не общаются с существами иного мира посредством оставленного условного знака; так заручаются поддержкой членов рода — живых людей, а умершие вызываются другими способами или сами приходят на помощь. Замена сестры умершей (потерявшей человеческий облик) матерью неизбежно должна повлечь за собой изъятие части ЭС об оставлении знака — сообщения. Эти противоречия в тексте — явные следы переосмысления сказки в процессе ее развития.

Выделенные части сюжета пелясского текста оказались типичными, но деформированными и противоречащими друг другу ЭС и их частями. Некоторые действия в 3-й части сюжета (желание братьев отправиться в гости, предостережение сестры и запрет ночевать в гостях третью ночь), а также 5-я часть сюжета образуют ЭС об убийстве спящего без охраны героя (братьев). Этот ЭС в сюжете текста является основным, так как только после убийства братьев разрешаются намеченные в начале текста конфликты.

Третья часть сюжета, имеющая общие действия с основным ЭС, является несколько деформированной частью ЭС о восстановлении контактов членов рода (сыновей и отца). Она мотивирует отправку героя основного ЭС на чужую территорию и обуславливает отношения героя и антипода: члены рода сталкиваются с чужим, но членом семьи отца.

ЭС об убийстве пасынков мачехой относится к 5-му классу ЭС. Но в этом ЭС не выявляется цель героя жить в семье, а обнаруживается другая цель — вернуться живым на свою территорию. Эта цель характерна для ЭС 1-го класса

<< Стремление к независимости от "чужих" или к господству над ними >>. Значит, можно предположить, что в пелясском тексте основной ЭС является трансформацией ЭС об убийстве "чужим" героя, спящего без охраны на чужой территории. Поэтому основной ЭС мы относим также и к 1-му классу, к подклассу "Неправильное поведение".

Правомерность такого понимания смысла основного ЭС подкрепляет наличие в тексте деформированной части ЭС — узнавание о гибели ушедшего на чужую территорию (пропущено действие — оживление погибшего). Эта часть ЭС 1-го класса подкласса "Правильное поведение" связана с основным ЭС как причина и следствие.

Таким образом, ядро сюжета составляют ЭС о взаимоотношениях семьи (или рода) с мифическими существами, а семейные конфликты являются более поздним наслоением (в этой связи становится понятным стремление рассказчицы пелясского варианта обосновать территориальное разделение мачехи и пасынков).

При помощи части ЭС, мотивирующей цель похода на чужую территорию, и частей о демаскировке и наказании убийцы смысл произведения преобразован; его можно выразить как восстановление разрушенной семьи путем демаскировки и устранения разрушителя.

Цели похода к "чужим" могут быть и другими. Герой

обычно попадает на чужую территорию, когда а) стремится к независимости от "чужих"; б) идет добывать жизненные средства или преимущества; в) отправляется на поиски невесты; г) идет искать недостающего члена семьи; д) отлучается из-за притеснений в семье; е) попадает случайно на чужую территорию.

Таким образом, текстами, родственными пелясскому варианту, т.е. относящимися к одному сюжетному типу, будем считать такие, которые в качестве основного ЭС имеют ЭС << Герой спит неохранный среди "чужих" и погибает >>. Мотивирующие поход к "чужим" части ЭС могут быть различными; от их замены меняется смысл и образуются группы в различной степени родственных между собой текстов.

Имея представление о сюжетном типе и предполагаемой группировке относящихся к нему текстов, мы просмотрели записи волшебных сказок, в которых есть общие с пелясским текстом ЭС. В каталоге, составленном И. Балисом, выделен тип "Лауме-ведьма убивает мальчика. Оживляется при помощи кукушки" (LPK, *455). К нему отнесены два варианта, которые оказались родственными нашему тексту. Родство обнаружено и с четырьмя вариантами типа "Волшебные предметы отвечают ведьме за спящих", выделенного в картотеке LPK; два близких варианта в LPK отнесены к типу AT 403 A, так как в них развиты эпизоды, характерные для этой сказки; два варианта найдены среди текстов, которые, как и пелясский, И. Балисом не были включены в каталог как нетрадиционные; один вариант в каталоге И. Балиса по ассоциации (героиня — лебедь) отнесен к типу AT 400*. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось еще одиннадцать вариантов (источники см. в таблице), из-за разрушения и различной степени полноты отдельных ЭС внешне заметно отличающихся друг от друга, но родственных по внутренней структуре, т.е. отвечающих требованиям для отнесения их к одному сюжетному типу.

Все тексты записаны от руки (один — фольклористом, четыре — опытными собирателями, шесть — учащимися и другими лицами) в различных районах Литвы (большинство родственных пелясскому текстов записано в восточной и юго-восточной Литве). Самая ранняя запись конца XIX в., самая поздняя — 1958 г.

Учитывая отмеченные выше противоречия и искажения в пелясском тексте, опишем этот текст и сходные с ним тексты через ЭС и их части. Варьирование действий и ситуаций будем указывать лишь с учетом родственных нашему тексту вариантов; интересные детали, имеющиеся в соответствующих отрезках текстов, но не меняющие сущности ЭС, отмечаются в круглых скобках. ЭС и части ЭС, отсутствующие в пелясском тексте и восстанавливаемые по аналогии с родственными текстами, заключены в квадратные скобки. Части одного и того же ЭС помечаем той же буквой алфавита.

А'. [Герой купается (в реке, в бане) в присутствии "чужого", не охраняет свою одежду — лишается одежды, превращается в птицу (лебедь, утку).]

Б. Герой разлучается а) с первой женой и детьми, б) с первой женой и а) женится вторично, б) живет со второй женой, принимая ее за первую.

В. [Герой в облике птицы ищет контактов со "своими":

а) хочет быть пойманным, б) подстреленным, в) оставляет свои приметы (рассыпанное золото), г) посещает детей.]

Г. Герой идет искать отца, попадает к его второй жене, ночует, погибает.

Д. [Уходящий на поиск чего-либо герой оставляет дома предмет (полотенце, стакан с водой, ленту, платок), по которому члены семьи могут узнать о его судьбе.]

Е. Герой, отправляющийся на чужую территорию, получает запрет а) ночевать у "чужого", б) ночевать после истечения определенного срока.

Е'. Герой ночует у "чужого", спит а) без охраны, б) некоторое время охраняемый взятыми из дому предметами (три луковицы и платок; кольцо, огонь и желтый волос; яички, снесенные матерью-уткой; брат величиной с пальчик), но страха устраняется: а) предмет лишь один раз отвечает антиподу вместо спящего, б) предмет после ответа сгорает, в) герой по неосторожности сжигает предмет, г) антипод портит предмет, д) антипод разлучает предмет с охраняемым. Герой спит без охраны, антипод его убивает спящим.

Д'. Герой (сестра, мать) по оставленному знаку узнает о гибели ушедшего в поиск, а) отправляется на помощь в облике птицы, б) посылает другого члена семьи в его собственном облике, [и оживает: а) сам магическим способом, б) принуждает антипода.]

Г'. Герой в облике птицы демаскирует антипода а) информирует отца об убийстве детей, б) раскрывает подмену первой жены антиподом. Первая семья восстанавливается.

В'. Герой в облике птицы контактирует со "своим", птицу превращают в человека: а) перебрасывают через плечо, б) разрывают на части, в) принуждают антипода вернуть герою прежний облик, г) герой сам превращается в человека.

Б'. Герой узнает об убийстве сыновей: а) получает информацию от члена первой семьи, б) догадывается сам, убеждается, что вторая жена несовместима с его интересами, устраняет ее.

В родственных с пеляским текстом вариантах обнаружены и некоторые другие ЭС и их части.

А. Герой поддается на провокацию "чужого" искупаться в его присутствии без охраны.

Ж. Герой идет к "чужим" искать жизненных средств (лыко), находит их, но не возвращается: убит антиподом.

Ж'. Член семьи (отец) находит добытое героем средство и его самого, ликвидирует антипода, возвращается с героем.

З. Герой отправляется из дому в поисках невесты, находит ее, но погибает.

З'. Оживленный "своим" герой женится.

И. Герой ловит рыбу и по ее просьбе отпускает, получив обещание исполнить желания.

И'. Герой желает идеальной внешности - получает ее.

К. Героиня с идеальной внешностью привлекает жениха.

К'. Героиня выходит замуж за идеального жениха.

Л. Героиня добывает предмет (слону мужчины, пули, яички).

Л'. Из добытых предметов героиня высиживает детей.

М. Антипод (вторая жена) убивает детей первой жены и их мясом хочет накормить героя (отца).

М'. Герой догадывается, что его угощают мясом сыновей, и не ест.

Таким образом, в найденных родственных текстах обнаружено большинство ЭС и частей ЭС, которые выделены в пеляском тексте (или могут в нем быть, если учесть пропуски, искажения, замену эквивалентными сообщениями). Набор ЭС в различных текстах несколько меняется (см. таблицу), но повторяемость многих из них, а также способа их соединения в сюжет очевидна. За исключением некоторых ЭС (об их роли в сюжете речь пойдет ниже), части каждого ЭС расположены почти симметрично по отношению к части основного ЭС Е'. ЭС ЕЕ' (независимо от того, сколько мест оно занимает в тексте) связывает воедино все элементы более или менее сложного сюжета сказки.

Т а б л и ц а

№ текста	Группа текстов	Подгруппа текстов	Источник текста, район и время записи	Последовательность ЭС и частей ЭС
1	I		LTR 474(26). Игналина, 1934 г.	ЖЕД Е' Д'(Г')Ж'
2	II		LTR 495(51). Аникич, 1933 г.	(А')ВЗ Е' Д'Б'З'
3	III	а	LTR 1824(493). Игналина, 1935 г.	ДБГ Е' Д'Г'Д'Б'
4			LTR 3118(148). Шальчининкай, 1958 г.	БГ Е' Г'В'Д'Б'
5			LTR 278(1). Шауляй, ок. 1922 г.	В начале АТ 511 + АА'БВЕГ Е' Г'Д'В'Б'
6			LTR 368(166). Аникич, 1932 г.	А'БГ Е' Г'В'Б'
7			LTt 111, 175; LTR 662(189). Пеляса, 1934 г.	(А')БГЕД Е' (Д')Г'В'Б'
8		б	LTR 260(261). Зарасай, ок. 1926 г.	ИИ'КК'А'БВЛЛ' (Г)Е' ВВ'Б'
9			LTR 1359(51). Паневежис, 1937 г.	А' (Б) (Л') Е'ВГ'В'Д'
10			SIŠLP, 113; LMD 1 1062(46). Шауляй, около 1895 г.	ИИ'КК'АА'БЛЛ' (Г)Е' В' (Б')
11			LTR 1641(1). Шакай, 1938 г.	ИИ'КК'А'ЛЛ'Е' ВД' В' (Г')Б'
12	IV		LTR 2750(201). Игналина, 1949 г.	(А')Б Е' ММ'Б'

Примечание. В скобках отмечены части ЭС, которые в данном тексте обнаружены лишь в рудиментном состоянии или заменены эквивалентной информацией.

Основной ЭС об убийстве во время сна в двух вариантах, как и в пеласском тексте, не развит (лишь сообщается, что ведьма или служанка убила спящих детей), а во всех остальных он доминирует: вводится обращение антипода к спящим (чаще всего — песенной формулой) и ответ вместо них волшебных предметов; диалог обычно повторяется (2 + 1, 3 + 1, даже 4 + 1 раза). Встречаются некоторые неувязки: запрещено ночевать три ночи, но дети погибают лишь на четвертую, так как три ночи их охраняют три предмета; лаума понимает, что вместо человека отвечает кольцо, и убивает гостя.

ЭС об убийстве во время неохранный сна имеется в литовских сказках и в сказках других народов и не в качестве основного (АТ 300, 550 и др.). В других литовских сказках волшебные предметы, охраняющие сон, не обнаружены. ЭС из выделенного нами 1-го класса (стремление к независимости от "чужих") часто имеют как негативную, так и позитивную разнородность. Элементарному сюжету об убийстве во время сна в подклассе "Правильное поведение" частично соответствует ЭС << Герой не спит в том месте, которое указано ему "чужим", и спасается >> (АТ 327 В) или ЭС << Герой не спит в нужный момент и достигает цели >> (АТ 531, 550 и др.). В литовских сказках обнаруживаем ЭС, изображающий умелое нарушение правила не спать (АТ 813*). Значит, ЭС о неохранный сне сам по себе в сказках не является редким. Редок лишь сюжетный тип, возникший на основе этого ЭС. Он известен латышам (см. LPTR *403D) и русским (см. некоторые варианты, отнесенные В.Я. Проппом к типу 403В), в международном каталоге А. Аарне-С. Томпсона его нет.

Смысл сказки выражается единством всех ее компонентов, в первую очередь — через соотношение ЭС и частей ЭС. Поскольку основной ЭС как бы скрепляет остальные ЭС, смысл произведения во многом зависит от смысла основного ЭС вне контекста и в соотношении с другими ЭС. В изолированном виде (и без запрета или предостережения) ЭС ЕЕ' означает лишь стремление человека к удовлетворению одной из насущных потребностей своего организма (выспаться) вне дома и незнание, что при этом его могут застигнуть врасплох и убить, если хотя бы часть времени кто-то не будет бодрствовать вместо него. По-видимому, это древнейший смысл ЭС ЕЕ', поскольку совершение действия является целью этого действия (спать, чтобы выспаться).

Даже минимальный контекст может изменить цель действий героя и тем самым — смысл ЭС. В одном тексте, записанном от сказочницы с большим репертуаром (см. таблицу — текст № 1), герою сообщено, что он отправляется в такое место, где в с е во время ночлега погибают, но тем не менее он остается ночевать у мифического существа. В таком контексте ЕЕ' выражается стремление человека опровергнуть опыт старших и найти средство, ограждающее от гибели во время сна. В этой связи показательное, что в тексте № 1 герой сам позаботился об охране. Он был близок к достижению цели — выспаться в заведомо опасном месте, но не учел лишь продолжительности сна.

Сочетание с ЭС ДД' еще больше усиливает тот же смысл, смелость героя получает дополнительное обоснование: зная о грозящей опасности (Е), он позаботился о своевременной

помощи членов рода (Д). Смерть и оживление героя помогают роду получить знание, как спокойно переночевать среди "чужих". Оживленный герой даже думает, что цели он достиг самостоятельно: он произносит известную формулу сказки "Ах, как хорошо я спал!" Эта формула со временем стала стереотипной и обнаруживается в сказках, где изображается оживление героя, убитого не только во время сна (кстати, она крайне редка в литовских сказках), но в тексте № 1 она выступает в своем первоначальном смысле: герой субъективно оценивает результаты своих действий. Этот контекст предположительно можно считать ЭС << Герой ставит перед собой цель выспаться в заведомо опасном месте. Оживленный "своими", он думает, что достиг цели >>, некогда обрамлявшим ЭС ЕДЕ'Д'.

Между ЭС ЕЕ' и ДД' — сильные логические причинно-следственные связи, причем части обоих ЭС переплетаются: Е (знание об опасности) вызывает Д (стремление получить помощь "своих"), а Е' (гибель героя) — Д' (сигнал о гибели героя и помощь ему членов семьи). От обрамления ЭС ЖЖ' отмеченный нами смысл ЕДЕ'Д' лишь усиливается: поиски безопасности во время сна среди "чужих" необходимы, так как от этого зависит благополучие рода (будет ли добыто нужное жизненное средство). Связи обрамления с ядром сюжета логические, но менее сильные — ЖЖ' мотивирует ЕЕ'.

В тексте № 1 имеется часть ЭС Г', связанная с остальными ЭС лишь ассоциативно и, по всей вероятности, появившаяся под влиянием родственного текста.

Когда цель похода к "чужим" мотивирует ЭС ЗЗ' (текст № 2), т.е. герой отправляется на поиски личного счастья, достижение которого означает отрыв от своего рода (в тексте изображается матрилокальный брак), тема единства "своих" несколько приглушается. Видимо, не случайно в тексте нет Д, и "свой" приходит на помощь (Д') по собственной инициативе. Поскольку предупреждение об опасности в этом тексте перенесено в ЭС З, часть ЭС Е пропущена, а в Е' выступает на первый план неосторожность в поведении героя. Благодаря присутствию лишь ассоциативно связанного с ядром сюжета ЭС ЕЕ', в тексте появляется вторая смысловая линия (разрушение основанной на несоответствии семьи), несколько затемняющая основную.

В тексте № 2 тема поисков невесты представлена на уровне ЭС, но можно предположить, что основной ЭС ЕЕ' может стать ядром сложного сюжета о длительных поисках и свадебных испытаниях. Нам известен один такой текст литовской сказки, записанный в конце XIX в. (Dv PSO, 99), в котором убийство во время неохранный сна является необходимым условием достижения цели. Только ценою жизни герой может вызвать волшебного помощника и после оживления получить знание, как выдержать испытание. В настоящее время мы не имеем возможности полностью раскрыть степень родства этого текста с исследуемыми вариантами (для этого пришлось бы привлечь и другие тексты), а приводим его как доказательство больших возможностей переосмысления первоначально очень простого ЭС.

В тех вариантах, где, как и в пеласском тексте, сыновья идут к "чужим", чтобы вернуть семье отца (тексты № 3-7), основной ЭС ЕЕ' чаще всего не имеет первой час-

ти, а смысл Е' в основном сводится к неосторожности в поведении среди "чужих". Однако последствия этой неосторожности — смерть сыновей — необходимы для разрешения конфликтов ЭС ГГ' и ББ'. Убийство сыновей используется членом первой семьи для демаскировки второй жены и возвращения отца в первую семью, а для отца то же событие является мотивировкой отказа от цели иметь вторую жену. Таким образом, сильные логические связи появились между Е' и ГГ', между Е' и ББ', а связи с частью ЭС Д' заметно ослабли. Неслучайно в текстах убитых оживают после демаскировки антипода или же о них совсем забывают. Значит, рудиментарность Д' в пеляском тексте закономерна; она вызвана изменением смысла произведения и перестройкой связей между ЭС.

Первоначальный смысл ЭС ЕЕ' еще больше изменен в тех вариантах, в которых явственнее ощущается стремление восстановить права первой жены, а не вернуть отца к жене и детям. В этих вариантах (тексты № 8–11) появляется ЭС АА' (или его часть А'), который призван оправдать действия отца, имеющего вторую жену: оказывается, что первая жена разлучилась с семьей из-за неправильного поведения, а ее подменила ведьма. ЭС АА' сам по себе очень древний, его первоначальный смысл (потеря облика из-за купания без охраны) близок к древнейшему смыслу ЭС ЕЕ', но он включен в трансформированном виде как ЭС о разрушении семьи. Со всем сюжетом этот ЭС соединен еле заметным контекстом: неосторожность при купании проявляет ни кто иной, как жена короля. Поэтому потеря человеческого облика неизбежно ведет к потере мужа. Сильными логическими причинно-следственными связями ЭС АА' связан с ЭС ВВ' (о возвращении прежнего облика и восстановлении семьи). Гибель детей (Е') в этом контексте является своего рода провокацией, из ряда вон выходящим событием, долженствующим обеспечить встречу первой жены с мужем. Связь Е' с Д' или очень слаба, или же Д' вовсе отсутствует.

В сущности ЭС В (поиски превращенным в птицу героем контактов со "своим") в текстах пересекается с Д', как бы удваивает эту часть ЭС, а иногда даже ее заменяет. Введением поясняющего ЭС ЛЛ' (тоже весьма архаичного) несколько сглаживается парадоксальность того, что мать, желая вновь обрести мужа, посылает на гибель своих детей. В этом контексте на первый план выступает "искусственность" детей, а не первоначальный смысл ЛЛ' (стремление человека продолжить свой род). Имеющиеся в начале ряда текстов (№ 8, 10, 11) ЭС ИИ' и КК' еще больше подчеркивают, что защищаются права идеальной жены, но с Е' они почти не связаны.

Особняком стоит один вариант, в котором конфликт полностью перенесен в семью (текст № 12). Возможно, этот текст (кстати, он сильнее других разрушен) появился в результате дальнейшего развития сюжета о борьбе за восстановление семьи. Но не исключено, что его необычность объясняется контаминацией.

Таким образом, найденные двенадцать вариантов одного типа сказки по степени родства можно разбить на четыре группы (см. таблицу), а III группу — еще и на две подгруппы. Видимо, после изучения многих типов сказок эти

группы и подгруппы можно будет назвать подтипами и версиями или же версиями и группами вариантов.

Группы текстов отражают этапы развития произведения, его приспособление к изменениям социальных условий. Мы расположили их по архаичности не только на основе сопоставления выраженного в них смысла с развитием человеческого общества, но и опираясь на изменение связей ЭС ЕЕ' с ДД' и другими ЭС. Самый ранний из известных нам текстов сказки (№ 1) отражает осознанную людьми зависимость от природы, которая изображается как зависимость от мифических существ. В нем подчеркивается необходимость единства рода как непереносимое условие успеха, причем явное предпочтение отдается родственным отношениям по материнской линии. Текст, отнесенный ко второй группе, в сущности, повторяет эти мысли, но в нем появляется тема брачных взаимоотношений между различными родами. Как и во многих архаичных сказках, брак здесь матрилокальный. В этом, как и в мотивах получения помощи героем от членов рода — женщин, можно усмотреть отголоски эпохи матриархата. Смысл текстов III группы, по всей вероятности, актуален для начального периода распада матриархальной семьи: сказка образными средствами борется за становление моногамной семьи. Подгруппа (б) является развитием того же смысла людьми, которые семью представляли уже как моногамную. Сложившиеся разновидности одного произведения, видимо, длительное время бытовали в фольклорной традиции одновременно и влияли друг на друга: следы влияния текстов III группы, смысл которой был более актуальным в позднейший период жизни сказки, мы обнаружили в текстах первых двух групп.

Итак, произведение, в котором изображались отношения человека с мифической средой, было переосмыслено и стало выражать насущные семейные проблемы. Это переосмысление отразилось и на эволюции образа вредителя. В текстах I и II групп и в некоторых вариантах III изображается мифическое существо лауме или лауме-рагана (т.е. ведьма). В других текстах ведьма воспринимается как человек (употребляется термин мачеха-ведьма), но ее действия (напр., она едет верхом на козе, не понимает, что ей отвечает предмет — охранитель, а не сам гость) роднят ее с мифическим существом.

* * *

Описание структуры текста, внешне похожего на импровизацию отдельного сказочника, позволило найти родственные менее разрушенные варианты и выделить самостоятельный тип древней сказки. Как показывает географическое распространение вариантов, этот сюжетный тип некогда был широко представлен в литовской фольклорной традиции, но ко времени интенсивного собирания сказок стал достоянием лишь отдельных исполнителей.

В фольклоре разных народов сходное идейное содержание выражается различными произведениями. Борьба за восстановление разрушенной семьи, т.е. утверждение моногамной семьи, стала пафосом целого ряда сказок. Некоторые из них (АТ 450, 707 и др.) были очень популярными в литовской традиции конца XIX — начала XX в., бытуют они и по-

ныне; а другие сказки (АТ 405, 409 и т.п.), как и исследуемый нами тип, отошли в прошлое.

Можно надеяться, что будут обнаружены другие варианты этой сказки как в литовском фольклоре, так и в фольклоре других народов: еще далеко не все имеющиеся записи учтены в национальных каталогах сказок, не все их данные сведены в международный каталог АТ.

Опираясь на изучение структуры и смысла текстов одного типа и имея в виду наблюдения над другими литовскими сказками, можно выдвинуть и некоторые более общие положения.

Проведенный нами анализ структуры нескольких родственных текстов показал, что архаичные ЭС не всегда выражают архаичный смысл. С другой стороны, ядро очень древнего произведения внешне может выглядеть вовсе не архаично. Таким образом, суждения о древности или о новизне произведения следует обосновывать не наличием или отсутствием архаичных мотивов, а изучением их положения в тексте — являются ли они ядром повествования или привнесениями.

Родственные по происхождению и структуре и относящиеся к одному сюжетному типу тексты далеко не всегда являются адекватными по смыслу, так как смысл произведения меняется в процессе его длительного бытования из-за изменения социальных условий; нюансы смысла также зависят от интерпретации произведения, т.е. от индивидуальности рассказчика. Поэтому нецелесообразна классификация сюжетных типов сказок, учитывающая лишь одну сторону идейного содержания произведений. Поскольку родственные связи между произведениями проявляются на разных уровнях, классификация, стремящаяся учитывать эти связи, также должна быть весьма сложной. Эта задача фольклористики, очевидно, может успешнее решаться на основе глубокого анализа структуры и смысла всего массива сказок и прежде всего — на основе более точных методов выделения типов, подтипов и версий произведений.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АТ — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and enlarged by Stith Thompson. — FF Communications, № 184. Helsinki, 1961.
- DvPSO — Pasakos, sakmės, oracijos. Surinko M. Davainis-Silvestraitis. Paruošė B. Kerbelytė ir K. Viščinis, red. K. Aleksynas. Vilnius, 1973.
- LMD — Фольклорные фонды Литовского научного общества в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР.
- LPK — Balyš J. Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas. — In: Tautosakos darbai, II. Kaunas, 1936.
- LPK — Каталог литовского повествовательного фольклора (картотека) в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР.
- LPTR — Arajš K., Medne A. Latviešu pasaku tipu rādītājs. Rīga, 1977.
- LTR — Рукописные фонды литовского фольклора в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР.
- LTt III — Lietuvių tautosaka, III. Parengė L. Sauka ir A. Seselskytė, red. L. Sauka, vyr. red. K. Korsakas. Vilnius, 1965.
- SlŠLP — Šiaurės Lietuvos pasakos. Surinko M. Slančiauskas. Parengė N. Vėlius ir A. Seselskytė, red. K. Aleksynas. Vilnius, 1974.

Н. ВЕЛЮС

О СТРУКТУРЕ ЛИТОВСКИХ ЭТИОЛОГИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

Материал. Постановка вопроса. Более или менее интенсивное собирание литовских этиологических сказаний началось только во второй половине XIX в., когда золотой век этого жанра уже давно был позади. К тому времени множество сюжетов было забыто, а те, что остались, бытовали лишь в форме неясных реминисценций или фрагментов. Сами собиратели не уделили этим произведениям того внимания, какого удостоились, например, волшебные сказки или некоторые другие жанры. Они, как правило, не стремились к точной фиксации, передаче всех особенностей стиля этиологических сказаний, не говоря уже о выявлении характера и условий их бытования; иногда ограничивались лишь сугубо коротким изложением их содержания или пересказом отдельных мотивов. Поэтому материал литовских этиологических сказаний, которым мы располагаем, количественно сравнительно невелик (около 1000 записей) и качественно неоднороден.

Этиологические сказания в литовской фольклористике изучались лишь в самых общих чертах¹. Поэтому до сих пор не установлены их главные жанровые особенности, происхождение, условия бытования, не исследованы их семантика и форма. Недостаточно изучены этиологические сказания других народов. В связи с этим при распределении несказочной прозы по жанрам и их характеристике существует еще ряд неточностей и неясных вопросов. Так, утвердилось мнение, что все несказочные жанры повествовательного фольклора не имеют постоянной формы, что "форма здесь целиком зависит от контекста общения рассказчика и его слушателей, от коммуникативной ситуации, возникшей в данный момент"².

Цель этой статьи — установить, имеют ли литовские этиологические сказания как один из жанров несказочной прозы постоянную форму, а если да, то какова эта форма. Автор статьи поставил себе задачу описать структуру литовских этиологических сказаний на уровне сюжета.

С этой целью были проанализированы 300 литовских этиологических сказаний по сборнику "Литовские народные сказания"³ — материал, по-видимому, вполне достаточный для обобщающих выводов, тем более, что в этом издании

¹ Jonynas Amb. Sakmės, padavimai, legendos. — In: Lietuvių tautosakos apybraiža. Vilnius, 1963, с. 366-386; Pasakojamoji lietuvių tautosaka. — In: Lietuvių tautosaka, t. IV. Vilnius, 1967, с. 7-66.

² См.: Прозаические жанры фольклора народов СССР (тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции). Минск, 1974, с. 25.

³ Lietuvių liaudies sakmės. I. Paruošė J. Balyš. Kaunas, 1940, с. 1-112.

представлены едва ли не все образцы сюжетов литовских этиологических сказаний. Поскольку же литовские этиологические сказания во многом схожи с аналогичными сказаниями других европейских и даже азиатских народов, то и к ним в известной мере приложимы выводы этой статьи.

Описание структуры этиологических сказаний на уровне сюжета – первый шаг на пути систематического изучения этого жанра. Сопоставление данной структуры со структурами произведений родственных жанров (преданий, мифических сказаний) позволит более четко очертить границы этих жанров и сделать существенные выводы об их возрасте, происхождении, художественной самобытности.

Персонажи. Постоянными элементами литовских этиологических сказаний, как и волшебных сказок⁴, являются функции, выполняемые действующими лицами. Однако персонажи этиологических сказаний отличаются от персонажей сказок, из-за чего создается обманчивое впечатление, что различаются и сами постоянные элементы. Поэтому, предвзяв главную цель – описание функций, необходимо кратко охарактеризовать основные категории персонажей литовских этиологических сказаний.

Выделяются три категории персонажей: **активные** (которые что-либо создают), **адресаты** (для которых предназначено творчество) и **пассивные** персонажи или объекты (которые находятся в процессе создания).

Активных персонажей в литовских этиологических сказаниях немного, они составляют строго ограниченный круг. По функциям их можно разделить на положительных, трикстеров и отрицательных. Положительные персонажи создают все красивое, хорошее, полезное, трикстеры – все уродливое, плохое, вредное, а отрицательные просто вредят, мешают положительным. Поскольку в литовских этиологических сказаниях в роли трикстера и отрицательного персонажа чаще всего выступает один и тот же персонаж – черт, то обе эти категории героев имеют и общие черты. Отрицательный персонаж можно трактовать и как разновидность трикстера.

Главный положительный герой – бог. В 1/5 всех сказаний его заменяют другие персонажи христианской религии (Христос, апостол Петр, Мария, ангел), а в исключительных случаях – литовские мифические существа (Перкунас, Калвис, мертвецы).

Адресатов в литовских этиологических сказаниях великое множество и разнообразие. Это не только люди, но и животные, птицы, рыбы, растения и даже сама земля. Причем все они – коллективные персонажи, представляющие весь класс, род, разновидность. Например, женщина, не показавшая богу дороги (74-77)⁵, представляет всех женщин; ленивый крот, не пожелавший чинить дороги (183-190), – всех кротов, и т.д. Поэтому свойства, им присущие, переходят ко всему классу, роду, разновидности, которые они репрезентируют. Адресат не всегда в равной

степени тождествен своему классу. В идеале (как в художественном, так и в логическом смысле) совпадение получается тогда, когда речь идет о формировании физиологических и духовных свойств предков (первых людей, первых животных, птиц и т.д.). Все свойства первого творения логически передаются всем его потомкам. Но когда в сказаниях изображается более поздний этап развития мира, это совпадение проявляется только формально.

Пассивных персонажей, как и адресатов, очень много. Это: первые люди, животные, птицы, земля, солнце, звезды – весь окружающий человека мир.

В литовских этиологических сказаниях упоминаются и эпизодические персонажи, которые со структурной точки зрения не играют никакой роли. По всей видимости, они появились уже тогда, когда в сферу этиологических сказаний оказались втянутыми персонажи из других систем. Вместе с тем как ненужный рудимент из прежней системы перекочевали и им сопутствующие персонажи. Например, когда в сказаниях вместо старого традиционного бога появился Христос, то вместе с ним иногда стали упоминаться и все его апостолы, хотя функции выполняет только один апостол, чаще всего Петр.

По установившейся традиции, персонажами той или иной категории могут быть только представители определенных групп. В роли положительного героя всегда выступает верховное божество той или иной религиозной системы, глава всего пантеона; трикстером и отрицательным героем могут быть божества низшего порядка, в данной системе занимающие противоположные позиции (напр., бог – черт); адресатом и пассивным персонажем – весь окружающий нас мир. Одни и те же объекты могут быть и адресатами и пассивными персонажами. Например, в сказаниях о сотворении земли (7-14) земля является пассивным персонажем, а в сказаниях, где сама земля просит бога об облегчении, она уже адресат. Когда положительный персонаж творит первых людей (33), то они – пассивные персонажи, когда же он для них творит лошадей (153-160), они становятся адресатами. Иногда пассивный персонаж становится адресатом в одном и том же сказании. Например, когда положительный герой творит Адама, то Адам – пассивный персонаж; когда же, сотворив его, он создает для него женщину, Адам делается уже адресатом (133). Когда положительный герой творит первого ангела Люциуса, то в этом случае ангел – пассивный персонаж, а когда Люциус в тех же самых сказаниях пытается подражать положительному герою, он становится трикстером. Как правило, трикстер или адресат в роли пассивного действующего лица всегда появляются во вступлении к сказанию, где излагается вся предыстория действия.

Функции и их распределение между персонажами. Большинство функций в литовских этиологических сказаниях являются парными: одна функция обязательно предполагает другую. Наиболее популярной парой является **Недостаток** – **Ликвидирование недостатка** (Н-Л) – сознание, что всему миру или отдельным его объектам чего-то не хватает, и затем устранение этой недостатка тем или иным способом. Противоположная недостатку форма – избыток. Если избыток несет пользу адресату, то в

⁴ См.: Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969, с. 23-25.

⁵ Цифры указывают номера сказаний в упоминавшемся издании "Lietuvių liaudies sakmės".

этиологических сказаниях он обычно трактуется как результат деятельности активного положительного героя. Например, первые люди сотворены с ногтяной кожей (45-49); они заранее знали час своей смерти (115-120); хлебные колосья были по всему стеблю и т.д. Если же избыток не несет никакой пользы, то он является результатом деятельности отрицательного персонажа. Например, черт засеял землю камнями, которые, разрастаясь, грозили занять всю земную поверхность (16).

Чаще всего недостатку испытывает положительный герой, реже - трикстер, адресат. Например, положительный герой ощущает недостаток ангелов (1, 2, 3), земли (7-10, 12, 13), людей (34); сотворив людей, осознает, что среди них надо распределить ремесла (107), научить их работать (110, 111), дать им огонь (27), определить, сколько кому лет жить (113) и т.д. Адресат-земля чувствует, что на ней слишком много скопилось людей (15), Адам - что ему не хватает подруги (37, 38), все люди - что чересчур много расплодилось разных гадов (233, 236, 238, 239, 242), окунь - что ему нечем защищаться от врагов.

Независимо от того, кто ощущает недостаток, она всегда является свойством пассивного, создаваемого персонажа, присущим не ему одному, но всему представляемому им роду, классу или разновидности, и носит этиологический характер, т.е. показывает, чего нехватало или что было в избытке у изображаемого объекта по сравнению с современным, привычным для нас его состоянием. Если иногда кажется, что недостаток свойственна не пассивному, а положительному персонажу, - например, он не знает дороги (74, 77), хочет переправиться через реку или перебраться на другое место (163-172, 286), - то при более тщательном рассмотрении почти всегда оказывается, что мы имеем дело уже с другими функциями, а именно: с Испытанием и Реакцией. Правда, в некоторых сказаниях недостаток свойственна и положительному герою: ему не хватает животных (134-137), орудий для сенокоса (138). Однако недостаток в таких случаях этиологичен: пока животных или орудий нет у положительного героя, их нет и у людей. Таким образом, положительный герой в этих сказаниях выступает в качестве посредника, который разными хитростями выманивает у трикстера плоды цивилизации и передает их адресату.

Недостатку ликвидирует положительный герой. Он создает ангелов (1, 2, 3, 11), землю (7-13), людей (32-41), учит их выполнять работу (110-112), определяет их век (113, 114), распределяет ремесла (107), творит птиц (124, 125, 129), лошадей (153) и т.д. За проступки он также устраняет избыток - делает так, что люди больше не знают часа своей смерти (115-120), их дети долго не ходят (43, 44), колосья больше не растут по всему стеблю, деревья не могут говорить и т.д. Положительному герою помогает трикстер (1, 2, 7-13, 27). Иногда при помощи положительного героя недостаток ликвидирует адресат (70, 154, 158, 159, 176-191, 193, 229-231 и др.); кроме того, недостаток в некоторых случаях устраняют действия положительного героя и трикстера. Так создаются, например, волки (139-146), козы (149-152).

Другой весьма распространенной парой функций, встречающейся едва ли не в половине всех литовских этиологи-

ческих сказаний, является Задача-Выполнение задачи (3-3̄). Роль этих функций в этиологических сказаниях - ликвидирование сложившейся нехватки.

Задачу трикстеру или адресату ставит активный положительный герой. Трикстеру он велит принести со дна морского два камешка (1), пены (2), песку (7), семян земли (8), просто земли (9-13), вылепить человека (39), дворянину (105). Адресату он поручает отстегать ужа (154, 158), разорвать его (159), бросить в огонь перчатку (221), сделать доброе дело (229, 230), бежать наперегонки (107).

Задача может выражаться не повелением, а позволением, советом. Положительный герой разрешает трикстеру создать комаров (131), волка (140, 142, 143).

Задачу выполняет трикстер, адресат, а иногда и сам положительный герой.

Популярной является и пара функций Испытание-Реакция (И-Р), встречающаяся примерно в 35% этиологических сказаний. Перед тем как наделить адресата какими-либо свойствами, положительный герой испытывает его. Испытание чаще всего выражается просьбой. Положительный герой просит мужчину и женщину показать ему дорогу (74-78), лошадь, волка или рыбу - перенести через реку (163-175, 286), или, обучив людей работать, просит их затем рассказать, кто их этому научил (110, 111). Реакция адресата бывает положительной или отрицательной, что вызывает соответствующие последствия. Мужчины показывают положительному герою дорогу, правильно отвечают, как выучились работать, женщины же не могут этого сделать (74-78, 110, 111); вол и щука переносят его через реку, а лошадь и окунь не переносят (163-175, 286) и т.д. Сюжеты сказаний с функциями И-Р обыкновенно komponуются параллельным способом: лицо, чья реакция была положительной, наделяется полезными для него свойствами, тогда как лицо, ответившее отрицательной реакцией, наказывается.

Функциональная пара Запрет-Нарушение запрета (Зп-Зп̄) встречается примерно в 30% литовских этиологических сказаний. Запрет в сказаниях чаще всего основывается на древних верованиях и выражает общую норму коллективного поведения, обязательную для всех членов данной общности в конкретный исторический период. Это коллективное табу, нарушение которого вызывает нежелательные результаты. Ограничения и разного рода запреты играют важную роль в жизни и в фольклоре примитивных народов. В то же время в практике цивилизованных народов они значительно приглушены. В литовских этиологических сказаниях строгий запрет или приказ что-либо делать встречается редко. Запрет чаще всего подразумевается или же воспринимается как общепринятая, регламентированная обществом норма поведения, отклонение от которой и является нарушением запрета. Поскольку запрет в этиологических сказаниях часто лишь подразумевается, то и неясно, кто его налагает. Неизвестно, кто запретил женщинам хвалиться, что их дети, едва родившись, уже ходят (44), а всем людям - бездельничать, грешить (45-49), перед смертью завидовать другим из-за наследства (115-120), жаловаться на избыток зерна (305-308), блинами подтирать детей (311-314) и т.д. Однако логика распределения функций этиологических сказ-

ний по персонажам показывает, что запрет в них налагает положительный герой, ибо он и наказывает за нарушение запрета. Это тем более верно, что в ряде сказаний запрет ясно выражает сам положительный герой. К примеру, он запрещает черту касаться камешков, при помощи которых были сотворены ангелы (1), Адаму - трогать одну из райских яблонь (34), человеку - развязывать мешок (232-244). Иногда запрет выражается намеками. Например, положительный герой приказывает трикстеру принести только "горсть земли" (131), тем самым запрещая трикстеру набить ею рот.

Запрет нарушается адресатом, иногда трикстером - персонажами, на которые он был направлен.

Функции Вредительство-Пресечение вредительства (В-В̄) встречаются реже. В качестве вредителя выступает отрицательный персонаж или адресат. Отрицательный персонаж мешает положительному сотворить женщину (36-38), здорового человека (140), чужеземцев и дворян (97, 104, 105). Иногда отрицательный персонаж вредит и адресату (например, первым людям мешает обрабатывать землю) (153-159). В ряде случаев адресат пытается повредить персонажам той же категории. Кукушка пытается помешать деревьям спрятать святое семейство (188, 199, 206), жаба и девушка - спрятать Христа (201, 202), уж хочет прогрызть Ноев ковчег (192-195), лягушки пытаются помешать солнцу выйти замуж (288). Попытку отрицательного персонажа вредить пресекает положительный герой, а адресата - положительный герой или адресат же.

Одна из самых редких функциональных пар - Хитрость-Обман (Х-О). Хитрит положительный герой, желая обмануть трикстера. Трикстер обманут. Положительный герой переманивает скотину трикстера (134-137), косяк трикстера косит свои луга (138). Трикстер убежден, что скотина не его, и оставляет ее положительному герою (134-137), выменивает свою косу на долото (138).

При помощи этих функций ликвидируется существующая недовосполненность.

Итак, в литовских этимологических сказаниях представлено 12 главных парных функций, которые по степени популярности располагаются в следующем порядке:

Недовосполненность-Ликвидирование недовосполненности (Н-Н̄)

Задача-Выполнение задачи (З-З̄)

Испытание-Реакция (И-Р̄)

Запрет-Нарушение запрета (Зп-З̄п)

Вредительство-Пресечение вредительства (В-В̄)

Хитрость-Обман (Х-О̄).

Распределение этих функций между главными персонажами представлено в табл. 1.

Второстепенные элементы. Наряду с главными, устойчивыми элементами - функциями, в литовских этимологических сказаниях есть и второстепенные, переменные элементы, которые, однако, играют определенную морфологическую роль. Самые существенные из них - просьба (пр), следствие (сл), вводные (α) и заключительные (ω) замечания.

П р о сь б а (пр) встречается примерно в 25% литовских этимологических сказаний, когда недовосполненность ощущает адресат или трикстер, которые хотят, чтобы положительный герой ее ликвидировал. Это сигнал для положительного героя приступить к действию. Просьбу можно рассматривать

Т а б л и ц а 1

Персонажи	Функции										
	Недовосполненность	Ликвидирование недовосполненности	Задача	Выполнение задачи	Испытание	Реакция	Запрет	Нарушение запрета	Вредительство	Пресечение вредительства	Хитрость
Положительный	+	+	+	(+)	+	-	+	-	-	+	-
Трикстер	+	(+)	(+)	+	-	-	-	+	-	-	+
Адресат	+	(+)	(+)	+	-	+	-	+	(+)	-	-
Отрицательный	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-

и как парную функцию, так как положительный герой всегда реагирует на нее. Коррелят этой функции - удовлетворение просьбы. Но по сути дела это не что иное, как ликвидирование недовосполненности. С просьбой всегда обращается адресат или трикстер. Адресат-земля просит об облегчении (15), Адам - о том, чтобы ему была создана подруга (37, 38), женщины - чтобы их дети после рождения долго не ходили, и они, ухаживая за ними, могли отдохнуть (43), лошадь просит работы полегче (227), щегленок хочет, чтобы у него была красная шея (229), куропатка просит красных перьев (261), аист - жалованье побольше (245) и т.д. Трикстер просит, чтобы положительный герой вылепил человека (39), позволил ему создать волка (140, 142, 143), отдал ему человека, который не умывается перед едой (122). Если просьба обязательна для удовлетворения нужд просителя, то положительный герой ее удовлетворяет. На землю насылаются потоп (15), для Адама создается женщина (37, 38), щегленок получает красную шею (229) и т.д. Однако, если просьба неприемлема, то она приравнивается к нарушению запрета, и проситель наказывается, или же просьба удовлетворяется так, что самому просителю от этого становится хуже. Аиста бьют головешкой по крыльям (245), женщины еще больше устают, нянча своих детей (43), ястреб вылавливает всех куропаток с красивыми перьями (261) и т.д.

Весьма характерной чертой литовских этимологических сказаний является с л е д с т в и е (сл) - наделение объекта такими чертами, какими он до этого не обладал. Новые черты объекту чаще всего придает положительный персонаж, иногда трикстер, отрицательный персонаж; они появляются и в результате действий нескольких персонажей. Положительный герой делает так, что у женщин никогда нет свободного времени, а у мужчин оно есть (74-78), хмель вьется вверх, а рак пятится назад (273) и т.д. Отрицательный персонаж делает грача черным, выстригает хвост у ласточки (27, 28), трикстер создает горы, пропасти и болота (12, 13)... В результате действий положительного героя и трикстера появляются черты, ад (1, 2, 4, 7); в результате действий трикстера, положительного и пассивного персонажа черт остался без пятака, у волка на лбу появились волосы черта, а ольха стала красной (139-143). Следствие всегда наступает после функций И-Р, В-В̄, З-З̄ в том случае, когда запрет нарушается при выполнении задачи. Оно принадлежит не индивиду, но всему классу, роду, разновидности.

Вводные замечания (α), которые, как правило, располагаются в самом начале сказания, знакомят нас с главными героями, их предысторией, местом действия и с ситуацией в целом, существовавшей до начала действия. Например: "Бог, сотворив землю, решил заселить ее разными птицами. И сотворил разных птиц. Аист и грач тогда были белыми, а у ласточки не было красной шеи и раздвоенного хвоста. Тогда бог сотворил и человека..." (27). И только после этих вводных замечаний начинается действие: людям не хватает огня, и бог заботится, чтобы они его получили. Или же: "Итак, всем известно, что бог сотворил первых людей Адама и Еву и поселил их в счастливом раю, и они там жили. Долго ли, коротко ли - этого мы не знаем. Когда Адам и Ева согрешили, бог изгнал их из рая в пустыню и там, говорят, они должны были жить..." (70). Только после этого следует завязка действия: Адам и Ева не знают, кто из них старше, и пытаются это выяснить.

В заключительных замечаниях (ω), которые располагаются в конце сказания или отдельных его ходов, объекты или их качества связываются с нашим современным миром. Например: "Так и остались камни по сей день" (10); "с тех пор женщины вечно работают, спешат, суетятся, и никогда у них нет времени" (94); "черт с того времени остался без пятка. И до сих пор среди старых людей существует поговорка, будто у волка на лбу чертovy волосы, отчего, завидев волка, невозможно бывает закричать" (140) и т.д.

Ассимиляция функций, их удвоение, опущение, повторение. Выделение функций вызывает затруднения, связанные как с закономерностями внутри самих сказаний, так и с воздействием всевозможных внешних факторов.

Случается, что разные функции выполняются похожим или даже однотипным образом. Аналогичное явление в сказках В.Я. Пропп назвал ассимиляцией⁶. Иногда одна и та же функция имеет двойственное значение - другими словами, две функции сливаются в одну. Отдельные функции могут опускаться. Особенно часто опускаются функции Запрет и Задача. Функция Запрет опускается более чем в 3/4 всех сказаний, модель которых содержит в себе пару Запрет-Нарушение запрета. В таких случаях обе эти функции как бы сливаются в одну - Проступок. Задача часто опускается тогда, когда ее назначает и выполняет сам положительный герой или трикстер. Как и какие функции опускаются, яснее всего показывают разные варианты одного сказания. Например, только в одном варианте сказания о сотворении ангелов (1) выражается запрет положительного героя трикстеру - имитировать его действия, а в других вариантах (2-4) подобного словесного запрета нет, он только подразумевается согласно коррелятам Нарушение запрета, следствие. Иногда функции опускаются закономерно (пропуск не разрушает всей структуры сказания), а иногда механически.

Одни и те же функции, их пары, группы, даже отдельные ходы могут повторяться. Они повторяются по два, иногда по три раза. В последний раз результат всегда меняется. Например, положительный герой трижды приказывает триксте-

ру нырнуть в море и принести земли (8, 11). Дважды трикстер возвращается с пустыми руками и только на третий раз приносит землю (повторяется пара функций 3-3̄). Или: положительный герой посылает грача, аиста и ласточку в ад за огнем; черт всем им противодействует, хочет их убить (из-за чего возникают соответствующие следствия), все они счастливо избегают опасностей, но только одной ласточке удается принести огонь (повторяется группа функций 3-3̄-В-В̄-сл.). Целые ходы обычно повторяются в сказаниях с функциями Испытание-Реакция. Например, положительный герой просит у лошади, чтобы та перенесла его через реку. Лошадь его не переносит. За это она наказывается. Затем положительный герой о том же просит вола. Вол его переносит. За это он награждается (163) (повторяется ход И-Р-сл.).

Последовательность функций. Расположение функций в литовских этиологических сказаниях подчинено определенным закономерностям, действующим как на протяжении всего сказания, так и в отдельных группах функций. Благодаря этому и можно установить отдельные модели.

Не во всех сказаниях порядок следования функций одинаков. Одни из них всегда занимают постоянное место во всей композиционной схеме или в отдельной группе функций, другие могут менять свое место или, по крайней мере, допускают исключения. Наиболее устойчиво место функций в парах - в той последовательности, в какой они были описаны: Недостача-Ликвидирование недостачи, Запрет-Нарушение запрета и т.д. (и никогда в обратном порядке).

Первое место в композиционной схеме литовских этиологических сказаний чаще всего занимает Недостача. Недостача с ее коррелятом (Ликвидирование недостачи) - это две главные, ядерные функции; другие функции располагаются между ними. Но есть сказания, модель которых сводится к этим двум функциям: Н-Н̄.

Недостача в этиологических сказаниях ликвидируется разными способами. Если недостачу ощущает положительный герой, он, прежде чем ее ликвидировать, назначает задачу или хитрит (тогда после Недостачи следует Задача или Хитрость). Избыток ликвидируется нарушением запрета (после Недостачи следует Запрет). После указанных функций следуют их корреляты. Модели таких сказаний состоят из четырех членов:

Н-3-3̄-Н̄
Н-Х-О-Н̄
Н-3п-3̄п-Н̄.

В более сложных сказаниях с назначением задачи уславливается запрет, который потом нарушается. Возможно, что во время выполнения задачи кто-нибудь вредит. Модели этих сказаний состоят из шести членов:

Н-3-3п-3̄-3̄п-Н̄
Н-3-3̄-В-В̄-Н̄.

Немало литовских этиологических сказаний начинается и другой функцией - Испытание. Как правило, между этой функцией и ее коррелятом - Реакцией - другие функции не вклиниваются. За Реакцией непосредственно идет следствие. Таким образом, получается простая модель:

И-Р.

⁶ Пропп В.Я. Указ. соч., с. 61.

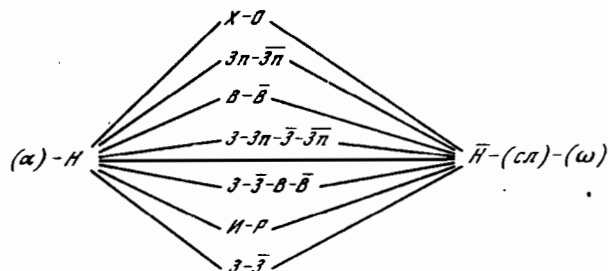
Очень редко литовские этиологические сказания начинаются Запретом, Задачей, Вредительством. Модели этих сказаний таковы:

Зп-Зп
З-З
В-В.

Однако почти всегда в подобных случаях можно предполагать, что существует и недостача, которая лишь не выражена словами, и потому модели этих сказаний следует трактовать как уже описанные модели, начинающиеся недостачей.

Последней функцией в композиционной схеме литовских этиологических сказаний является коррелят первой функции - Ликвидирование недостачи. Объект или его свойства, созданные во время Ликвидирования недостачи, всегда представляет не отдельный индивид, а весь класс, род, разновидность.

Все рассмотренные модели литовских этиологических сказаний могут быть представлены в общей схеме (см. рис.).

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство литовских этиологических сказаний создано по строгим моделям.

Модели сюжетов литовских этиологических сказаний по сравнению с моделями сказок Евразии (установленными В.Я. Проппом⁷) менее сложны и почти соответствуют установленным А. Дандисом⁸ моделям сказок народов, находящихся на более ранних ступенях экономического развития (напр., индейцев Северной Америки).

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

ЗАБЫТЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ТРУД Й.ЮШКИ

В перечне печатных работ известного литовского языковеда XIX в. Й. Юшки (И.В. Юшкевича) не упоминается одна его рецензия, опубликованная в 1860 г.¹ Речь идет о рецензии на книгу в трех частях датского ученого К.Г. Смита² (C.G. Smith = C.W. Smith) "De locis quibusdam grammaticae linguarum Balticarum et Slavonicarum. Particula I - III" (Havniae, 1857-1859, p. 130, 83, 65). Рецензия эта включена в "Библиографические записки" И.И. Срезневского, опубликованные в "Известиях Академии наук по Отделению русского языка и словесности" (ИОРЯС), 1860, т. IX, вып. 2, где занимает стб. 103-106. То, что данная

¹ См., например: Boudoin de Courtenay J. Jan Juszkiewicz. - Prace filologiczne, t. I. Warszawa, 1885, с. 765 и след.; Tolutienė B. Antanas Juška leksikografas. - In: Literatūra ir kalba, t. V. Vilnius, 1961, с. 123 и след.

² С именем К. Смита связан один эпизод из деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук, касающийся помощи, которую Отделение оказало библиотеке Копенгагенского университета в комплектовании ее славянской литературой. Вероятно, в начале 1860 г. К. Смит обратился к Я.К. Гроту с письмом, в котором сообщил о своем назначении на должность доцента славянских языков и литератур в Копенгагенском университете и просил оказать ему содействие в получении трудов по славянской филологии. На одном из заседаний Отделения, состоявшемся в марте 1860 г., Грот доложил об этой просьбе Отделению, которое и приняло соответствующее решение. В выписке из протоколов заседаний Отделения за март 1860 г. по этому поводу сказано: "Академик Я.К. Грот прочитал Отделению извлечение из письма, полученного им от датчанина г. Смита, автора известной польской грамматики (из Копенгагена): г. Смит, извещая, что он получил при тамошнем Университете место доцента славянских языков и литератур, просит о доставлении ему сведений относительно разных касающихся этого предмета сочинений. Вместе с тем он пишет, что новая отрасль преподавания встречает сочувствие со стороны копенгагенских студентов. Отделение, приняв это известие с особым участием, определило отправить в библиотеку Копенгагенского университета по экземпляру изданных им словарей, Известий, Ученых записок, а также, по возможности, и отдельных трудов г.г. академиков" (ИОРЯС, 1860, т. IX, вып. 2, стб. 112). Просьбу К. Смита Отделение обсуждало и на одном из заседаний в апреле того же года, на котором было принято, вероятно, уже более определенное решение. В выписке из протоколов заседаний об этом сказано следующее: "По случаю открытия кафедры

⁷ Пропп В.Я. Указ. соч.

⁸ Dundes A. The Morphology of North American Indian Folktales. - FF Communications, № 195. Helsinki, 1964.

рецензия принадлежит перу не Срезневского, а Юшки, ясно видно из предваряющих замечания об этой книге слов самого Срезневского. "Д-р К.Г. Смит, — пишет Срезневский, — памятен как автор грамматики польской, в научном отношении бесспорно лучшей из всех, доселе изданных. Ряд новых его трудов не менее замечателен: это — ряд исследований, имеющих целью определить степень родства и различия языков славянского и литовского, как они представляются в своих разнообразных местных видоизменениях. Из трех вышедших исследований одно посвящено разбору гласных звуков, другое — разбору склонений именных, третье — разбору первообразных местоимений. Сравнения вообще любопытны, но к сожалению отрывочны. Касательно его взгляда на язык литовский представляю замечания, сообщенные И.В. Юшкевичем"³. Так как фамилия Юшки в конце этих "замечаний" не указана, а сам текст их от предваряющих их слов Срезневского не отделен, то этим, надо полагать, и объясняется тот факт, что авторство Юшки в данном случае осталось незамеченным, тем более, что оно не зафиксировано и в оглавлении к данному выпуску "Известий".

Свои заметки (так называет сам Юшка эту рецензию на книгу Смита в одном из писем Срезневскому; см. ниже), как и некоторые другие труды, Юшка написал по предложению Срезневского. В этом нас убеждает выписка из протокола одного из заседаний Отделения в октябре 1860 г., в которой сказано: "Появление 3-й книжки сочинения копенгагенского профессора Смита *"De locis quibusdam grammaticae linguarum Balticarum et Slavicarum" (sic! — Г.В.)* побудило того же академика (Срезневского. — Г.В.) предложить г. Юшкевичу как специалисту по части литовских наречий сообщить в Отделение замечания его на исследование г. Смита"⁴. Срезневский же послал Юшке и книги Смита, которые Юшка возвратил в конце сентября 1860 г. Об этом мы узнаем из письма Юшки русскому ученому от 27 сентября 1860 г. В нем говорится: "Честь имею покорнейше благодарить Вас, высокоуважаемый Измаил Иванович, за сообщение мне филологических исследований Касп. Вильг. Смита⁵; я их нашел для себя весьма полезными. Посылая их у [слово

неразборчиво. — Г.В.], честь имею присоединить и свои об них заметки"⁶. Так как в самом письме этих заметок нет, следует заключить, что они были написаны на отдельных листах (ср. и в письме: "честь имею присоединить"). В коллекции писем Юшки к Срезневскому за 1860 г., хранящихся ныне в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ), листов с этими заметками тоже нет. Надо полагать, что, получив эти листы, Срезневский сопроводил их приведенными выше вводными словами и сразу же отправил в типографию.

Не совсем ясно здесь следующее: как получилось, что рецензия ("заметки") Юшки на книгу Смита оказалась непечатанной в "Известиях" раньше (вып. 2), чем выписка из протокола заседания Отделения, на котором она была зачитана (вып. 3)? Цитируемое выше письмо от 27 сентября 1860 г. с приложением "заметок" было отправлено Юшкой из Петербурга. Следовательно, Срезневский получил их через день-другой и уже в октябре на ближайшем (или на одном из ближайших) заседаниях доложил о них Отделению, что и нашло отражение в выписках из протоколов заседаний за этот месяц, опубликованных в вып. 3 "Известий"⁷. Хронологическая "непоследовательность" в публикации сначала рецензии ("заметок") Юшки, а затем уже протокольной записи о зачитании ее на заседании Отделения объясняется, видимо, тем, что рецензия сразу же по представлении ее членам Отделения была включена в готовившийся в то время (т.е. в октябре, следовательно, с большой задержкой, если учесть, что за 1860 г. было издано четыре выпуска "Известий") 2-й выпуск, между тем как выписки из протоколов заседаний, состоявшихся в октябре, еще надо было подготовить для публикации. В вып. 2 были включены только выписки из протоколов заседаний, состоявшихся гораздо раньше — в марте, апреле и мае 1860 г.⁸

Рассматриваемая здесь рецензия — вторая рецензия⁹ Юшки на литуанистические труды его современников, опубликованная в изданиях Отделения русского языка и словесности Академии наук. В ней Юшка излагает свои замечания по некоторым положениям работы Смита, касающимся литовского языка. В описании звуков грамматических явлений этого языка Смит опирался в основном на древние источники, к тому же принадлежащие почти исключительно "литовско-прусскому говору", что, по мнению Юшки, недостаточно, ибо эти источники отражают некоторые особенности, уже не свойственные живой речи литовцев, но не отражают других, живых ее особенностей. Юшка справедливо указывает, что "более близкое ознакомление Касп. Вильг. Смида с местными говорами живой литовской речи придало бы несколько новый оттенок его взгляду на некоторые проявления не только литовской фонетики, но и некоторых грамматичес-

⁶ ЦГАЛИ, ф. 436 (Срезневских), оп. 1, ед. хр. 1433, л. 55.

⁷ ИОРЯС, 1860, т. IX, вып. 3, стб. 181.

⁸ Там же, вып. 2, стб. 110-114.

⁹ Первой была его известная рецензия на книгу "Handbuch der litauischen Sprache", I (Prag, 1856) А. Шлейхера, вышедшая сначала в ИОРЯС, 1856, т. V, а затем, в 1857 г., и отдельной брошюрой.

славянской филологии в Копенгагенском университете и надобности умножить славянские запасы библиотеки этого университета сочлены согласились отправить в ону не только издания Отделения, но и свои отдельные издания" (там же, стб. 113). Книги К. Смида были посланы, и он вскоре выразил благодарность в письме к Гроту, о чем тот сообщил Отделению на одном из заседаний в ноябре того же года. В выписке из протоколов заседаний об этом читаем: "Чтения академика Я.К. Грота были... 1) Письмо из Копенгагена от г. Смита, доцента славянских наречий при тамошнем университете, с изъявлением благодарности за присылку ему изданий Отделения" (там же, вып. 4, стб. 256).

³ Там же, вып. 2, стб. 103.

⁴ Там же, вып. 3, стб. 181.

⁵ Так же, т.е. "Касп. Вильг. Смида" (но не: Смит), раскрыт второй инициал и в опубликованной рецензии Юшки (там же, вып. 2, стб. 106).

ких форм литовского языка"¹⁰. В этой связи Юшка правильно отмечает и то, что "как ни верен язык древнейшей литовской письменности, все-таки нельзя не предположить, даже в довольно значительной степени, влияния на него иностранных элементов, а именно: латинского, немецкого и польского языков"¹¹.

Конкретные замечания Юшки касаются прежде всего особенностей живой речи литовцев и потому представляют интерес для истории литовской диалектологии, тем более, что они увидели свет несколько раньше его известной работы "Ape kalbas lėtuviszko lėžuvo" ("О говорах литовского языка")¹².

Больше всего замечаний относится к звуковым особенностям литовского языка (его отдельных наречий). Юшка, в частности, отметил, что в "живой речи литовцев многих местностей" носовые гласные *a* и *e* "не совсем потеряли свой носовой характер" и что в некоторых жемайтских ("жмудских") говорах "они сохранили полную силу", а бывшие носовые *į*, *ų* произносятся теперь как "чистые звуки"¹³. Далее Юшка указал на различное произношение дифтонга *uo* в литовских говорах, на "полугласный" характер *i* в звукосочетаниях *'ai*, *ei* и "полную силу" обоих элементов дифтонга *au*, на "весьма развитое употребление" в литовском (особенно в "восточнолитовском", т.е. аукштайтском, говоре) твердого *l(ž)*, на присущие живой речи случаи перехода *o < a* и *a < o*, некоторые позиции сохранения и утраты согласного *n* (в частности, в жемайтском наречии). Юшка отметил также, что переход *an > un* "принадлежит к обыкновенным диалектическим отличиям", а "взаимный переход литовских звуков *an*, *en*, *in*, *un*, *e(=ie)*, *eј*, *aj*... кажется, требует более основательного исследования"¹⁴.

Из замечаний по грамматике укажем констатацию Юшкой того, что приведенные Смитом формы дательного (в рецензии, видимо, опечатка: местного) падежа *margamui* 'пестрому', *margėjus* 'пестрый', *žodžiamus* 'словам', *namus* 'нам', *jumus* 'вам' встречаются "только в полавенском говоре и то очень редко"¹⁵.

Целый ряд замечаний Юшки касается произношения и значений отдельных слов. Юшка отмечает, что произношение личного местоимения *aš* 'я' (в его написании: *asz*) как *eš* (*esz*) ему неизвестно и что произношение союза *ar* 'или' вместо *ar* "в живой речи не употребляется". В связи с этим он делает и важное замечание о необходимости критического отношения к литовской орфографии XVI в. при описании живой речи литовцев¹⁶. О словах *orė* 'aratio' (стб. 104) и *mote* 'matrona' (стб. 106) Юшка замечает, что они ныне не употребляются. Он высказывает сомнение в употреблении в современном литовском языке и слов *naktigonė*, *plokis*, а об *ūda* 'cutis', *sive*, *oda*, *udis* 'textura', *smurtinas*

'letalis', *maita* 'cadaver' замечает, что они ему неизвестны¹⁷. Юшка приводит и ряд слов с ошибочно указанным в работе Смита значением: *moiku*, *mokėti* - не 'могу, мочь', *possum*, *posse*, а 'знаю, знать' и 'плачу, платить'; *ganyti* - не 'servare', а 'пастись'; *ūga* - не 'bacca', а 'ягода, uva'; *kėkė* значит 'кисть (орехов)', *mąjinti* - не 'penitus defatigare', совсем утомить', а 'кормить, прокормить'¹⁸. О словах *suika*, *ruida*, *pribuitis*, *ne-buitė*, *buisza*, которыми Смит иллюстрирует произношение звукосочетания *ui*, Юшка пишет, что они "принадлежат к разряду слов малоизвестных"¹⁹.

Общее же заключение, к которому пришел Юшка, таково, что Смит "правильно понимает литовский язык и изучил его глубоко"²⁰.

Заслушав на одном из заседаний в октябре 1860 г. рецензию Юшки на названный труд Смита, Отделение русского языка и словесности Академии наук сделало вывод о том, что общее суждение о литовском языке должно базироваться на данных не одного, а всех его наречий. "Из прочитанной (Срезневским) записки (Юшки) по этому предмету усматривается, - говорится в выписке из протокола этого заседания, - что для составления общих выводов о литовском языке необходимы соображения, которые основывались бы на основании данных, представляющих во всех наречиях литовских, а не какого-либо одного из них"²¹.

* * *

Оставшаяся вне поля зрения исследователей, по существу - забытая рецензия И. Юшки, о которой идет речь выше, свидетельствует о том, что Юшка за несколько лет научных занятий родным языком сумел основательно, насколько это было доступно в то время, изучить состояние литовских говоров, так что он мог уже вполне профессионально судить о достоинствах и недостатках труда датского ученого. Данная рецензия служит вместе с тем и новым подтверждением активного сотрудничества литовского языковеда с Отделением русского языка и словесности Академии наук, к которому его неизменно побуждал И.И. Срезневский.

¹⁰ ИОРЯС, 1860, т. IX, вып. 2, стб. 106.

¹¹ Там же.

¹² См.: "Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики", т. V. СПб., 1861.

¹³ ИОРЯС, 1860, т. IX, вып. 2, стб. 103-104.

¹⁴ Там же, стб. 104-105.

¹⁵ Там же, стб. 106.

¹⁶ Там же, стб. 105.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стб. 104-105.

¹⁹ Там же, стб. 106.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, вып. 3, стб. 181.

С именем выдающегося языковеда - теоретика языкознания, индоевропеиста и семитолога Ю. Куриловича связан целый этап в развитии языкознания, начавшийся около полувека назад. Общетеоретические идеи Куриловича сложились под влиянием Мейе, Бюлера, Малиновского, Пражского и Копенгагенского кружков. Мейе, у которого он учился в Париже вместе с Бенвенистом, Шантреном, Рену, Шестедт, передал ему не только основные принципы современной (постмладограмматической) индоевропеистики, но и идеи Соссюра, относящиеся к языку как системе знаков и к языкознанию как части семиологии. Этим последним Курилович оставался предан в течение всего своего научного пути, и было бы большой ошибкой недооценивать именно эту сторону его деятельности. Его работы в области сравнительно-исторического языкознания всегда предполагали эти идеи как общий план и как предпосылки общей техники анализа. В частности, он последовательно исходит из анализа синхронного состояния языка, в котором выясняются разного рода зависимости между языковыми элементами - отношения производности; понятие трансформационных категорий, выводимых из элементарных; разграничение фонологического и морфонологического уровней, при котором специально исследуются условия первоначального появления лингвистической инновации, ее распространения в других условиях по аналогии и использования фонологических результатов в морфологических категориях; пристальное внимание к проблемам относительной хронологии в историческом языкознании, где она контролирует системность анализа, ориентированного на внутренние структурные отношения. Воздействию идей Бюлера и Малиновского Курилович был обязан все увеличивавшимся интересом к проблеме зависимости языковых категорий от структуры акта коммуникации, которая в свою очередь отражает основные связи внутри социума. Куриловича характеризовало стремление к разработке аксиоматики языкознания - как синхронного (в частности, трансформационной грамматики), так и диахронического, в котором каждая специальная задача сводится к некоторым элементарным положениям (в связи с этим им был сформулирован ряд правил, определяющих направление изменений по аналогии и выяснение глубинных собственно лингвистических причин языковых изменений).

Торжеством теоретических установок Куриловича в сравнительно-историческом языкознании было подтверждение блестящей гипотезы Соссюра о сонантических коэффициентах, выдвинутой почти за полвека до этого. В одной из ранних статей Куриловича в 1927 г. было установлено тождество постулируемых Соссюром элементов в индоевропейском с хеттской ларингальной фонемой. Именно это открытие дало начало многочисленным работам в области ларингальной те-

рии, преобразовавшим наши представления об индоевропейской фонологической системе. Новый взгляд на структуру индоевропейского праязыка и относительную хронологию его развития был разработан уже в первой монографии Куриловича - "Études indo-européennes" (1935), вышедшей одновременно с "Origines" Бенвениста и во многом созвучной с концепцией, в них изложенной.

Для дальнейших книг Куриловича - "L'accentuation des langues indo-européennes" (1952) и "L'apophonie en indo-européen" (1956), позднее переработанных в том "Akzent. Ablaut" издававшейся под его редакцией сравнительной грамматики индоевропейских языков, - характерно стремление заполнить лакуну между чистой схемой реконструкции праязыка и древнейшим историческим периодом в развитии отдельных групп языков. Даже если в отдельных случаях и можно спорить относительно степени самостоятельности и независимости тех или иных процессов в отдельных группах языков, в частности интонаций и некоторых типов огласовок в балтийском и славянском, тем не менее большое положительное значение имела сама установка на выявление результатов позднейшего развития внутри данной конкретной системы, во-первых, и постановка задачи реконструкции праязыка по данным каждой из отдельных языковых групп, во-вторых.

При сопоставлении разных образов индоевропейского праязыка, реконструированного таким способом, осуществляется переход к типологии родственных языковых систем. По сути дела, она и составляет основной предмет книги "The inflectional categories of Indo-European" (1964). Сходные задачи Курилович ставит перед собой и на семитском материале в книгах "L'apophonie en sémitique" (1960) и "Studies in Semitic grammar and metrics" (1972).

С самого начала своей научной деятельности Курилович уделял большое внимание балтийским и славянским языкам, прежде всего фонологии и особенно акцентуации и морфологии глагола, в значительной степени строящейся вокруг проблем огласовки и ударения. Куриловича интересовали не только частные вопросы балтийского и славянского языкознания, но и проблема древнейшей связи этих двух языковых семейств. Сначала в 1934 г., а позднее в 1958 г. в статье "О балто-славянском языковом единстве", вышедшей в "Вопросах славянского языкознания", Курилович предлагает положительное решение вопроса о балто-славянском единстве, причем определяющим он считает наличие характерных новообразований, объединяющих обе ветви. Курилович разработал значительный фрагмент балтийской морфологии. В его работах специально рассмотрены судьба индоевропейских *ō и *ā в балтийском, происхождение долгой ступени в балто-славянском, двойное отражение дифтонгов *ei, *oi в восточнобалтийском, преобразование апофонии "полная ступень : нулевая ступень", образование двух типов противопоставления "е + сонант : i + сонант", "е + сонант : u + сонант"; возникновение балто-славянских интонаций и различные типы их морфологического использования. В области морфологии имени им рассмотрены следы основ среднего рода в литовском и основы на -ē в балтийском, а также развитие флексии прилагательных в балтийском и славянском. Особое внимание (в частности, в последнее де-

сятилетие своей жизни) Курилович уделяет истории балтийского глагола. Им исследовано отражение индоевропейского перфекта в формах типа лит. *mini*, слав. **mъniti*, презентные основы на *-sta* в литовском, итеративы на **-eio-*, глаголы на *-uoti* и т.д. Исследования Куриловича в области балтийских и славянских языков, проводившиеся в значительной степени параллельно, заложили реальные основы для создания фундаментальной сравнительной грамматики этих языковых групп, начиная от их далеких индоевропейских истоков.

Научным завещанием Куриловича явилась его последняя книга "Problèmes de linguistique indo-européenne" (1977), вышедшая перед самой его смертью (он умер 28 января 1978 г.). В предисловии к этой книге Курилович сетовал на медленность создания задуманной им и начавшей выходить под его редакцией коллективной новой сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, в которой он хотел видеть воплощенным применение новых методов структурной лингвистики к сравнительному языкознанию. Книга в сжатой, иногда предельно лапидарной форме излагает результаты этого нового подхода в фонологии, морфонологии, структуре глагола, системе падежей и других категорий имени. В целом ряде новых вопросов (например, при характеристике раннего индо-иранского инъюнктива) Курилович возвращается к темам своих ранних работ, предлагая новые решения.

В последние годы жизни, когда Курилович интенсивно работает над метрикой индоевропейских традиций и ее языковыми предпосылками, он посвящает особую главу своей последней книги "Metrik und Sprachgeschichte" (1975) метрам литовских дайн.

Для нашего поколения лингвистов Курилович был одним из тех немногих, кто полнее других определял горизонты будущих исследований как в теоретическом языкознании, так и в индоевропеистике, связав оба эти круга дисциплин воедино.

* * *

Научный путь крупнейшего ученого в области балтийского, славянского и индоевропейского языкознания Хр. Станга начался более полувека тому назад. Станг еще застал в живых Бугу, с которым (как и с Яблонским) поддерживал связи, и еще мог в Риге слушать лекции у Эндзелина. Он усвоил уроки младограмматического подхода к изучению балтийских языков. Вместе с тем, как и Курилович, он внимательно отнесся к новым идеям не только в лингвистике, но и в более широкой сфере гуманитарных наук, в частности культурной антропологии. В начале 20-х годов он занимается в Париже у Мейе, в середине 30-х годов - в Лондоне у Малиновского и в Вене у Трубецкого. Первые работы Станга сразу обозначили весь масштаб его будущей деятельности: в 1929 г. выходит обстоятельное монографическое исследование самого раннего памятника литовской письменности - Катехизиса Мажвидаса. В этой монографии заложен первый камень фундамента истории литовского языка. В 1933 г. совместно с Герулисом Станг дает одно из первых полных описаний живого балтийского диалекта - речи ли-

товских рыбаков в Пруссии. Уже в выборе этой темы скаталось веяние новых идей. Вместе с тем эта работа как бы возвращает к проблеме литовского языка и его судеб в Восточной Пруссии. В период войны Станг создает монументальный труд по истории балтийского и славянского глагола, послуживший отправным пунктом для последующего пересмотра классических представлений ("Das Slavische und Baltische Verbum". Oslo, 1942). Глагол был наименее разработанной частью сравнительной грамматики балтийских и славянских языков. Здесь на первый взгляд больше всего были видны расхождения между этими языками. Книга Станга позволила увидеть за этими внешними расхождениями единство плана. В то же время написанием этой книги был подготовлен существенный фрагмент сравнительной грамматики балтийских языков. Большое внимание, которое Станг в этой книге уделяет морфонологии, сближает его труд с работами тех компаративистов, которые планомерно используют структурные методы, в частности, для установления связей между разными уровнями языка. Дальнейшее развитие этот подход находит в книге Станга по сравнительной акцентологии славянских языков - "Slavonic accentuation" (Oslo, 1957), получившей очень высокую оценку представителей следующего поколения лингвистов. В послевоенные годы Станг публикует целый ряд исследований по конкретным вопросам балтийского языкознания, в том числе по литовской диалектологии (описание говора Засечай), которые позволили ему приступить к созданию завершающего труда его жизни - "Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen" (1966). Следует подчеркнуть, что такая задача была связана с большими трудностями: речь идет о языках, известных по памятникам с относительно недавнего времени, и сама база сравнения ограничивается тремя, а часто и двумя языками, в одних случаях достаточно различными, в других - практически совпадающими друг с другом. Соответственно реконструкция или чрезвычайно затруднительна и предполагает обилие вариантов, или оказывается предельно близкой к реально засвидетельствованным формам. Стангу удалось сделать решающий шаг на пути к преодолению этих трудностей благодаря выбору разумного масштаба сравнения и широкому использованию (даже не всегда явному) ряда новых идей в индоевропеистике, в частности, принадлежащих самому Стангу (достаточно напомнить, что он одновременно с Куриловичем в начале 30-х годов открыл общее происхождение индоевропейского перфекта и медиопассива). "Сравнительная грамматика балтийских языков" Станга подвела итоги многих десятилетий сравнительно-исторических исследований балтийских языков и наметила пути будущих ее продолжений. В известной степени дополнением к этой грамматике служит его последняя небольшая книга, посвященная общей диалектной лексике балтийских, славянских и германских языков - "Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen" (Oslo-Bergen-Tromsø, 1972).

Богатейшее творческое наследие Станга составляет неохватимый фонд современной балтистики (как и славяноведения и индоевропеистики в целом).

Со смертью Станга и Куриловича завершился существенный этап истории индоевропейского и балтийского языко-

знания, следующий за младограмматическим и знаменующийся тенденцией к явной связи с достижениями новейшего теоретического и структурного языкознания. Идеи и результаты исследований Куриловича и Станга — одно из надежных звеньев современной индоевропеистики. Несомненно, в этом направлении пойдут и следующее поколение исследователей.

Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Топоров. <i>Vilnius, Wilno, Вильна</i> : город и миф . . .	3
Р. Эккерт. По поводу некоторых производных от корня *ed- 'есть' в балтийских и славянских языках	72
Вяч. Вс. Иванов. Проблема происхождения и в начальном слове в балтийском в свете этимологических данных	77
В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента	91
З. Зинкявичюс. К истории литовских личных имен восточнославянского происхождения	151
М. И. Лекомцева. Проблема балтийского субстрата аканья	157
А. П. Непокупный. Названия ятвяжских сел на -ища в галицкой части Ипатьевской летописи	169
Т. М. Судник. К истории языковой ситуации Пелясы	181
А. П. Ванакас. Гидронимия Пелясы	192
В. Виткаускас. Некоторые особенности литовского говора в окрестностях Радуни	202
В. Н. Чекман. К проблеме литовско-белорусской фонетической интерференции в Пелясе	206
А. Йочайтите. Названия культурных растений в пелясском литовском говоре	227
Л. Г. Певская. Погребальный обряд в Пелясе (структура и терминология)	245
Б. Кербелите, А. Валужис. Один разрушенный вариант сказки и его связи с древней традицией. (Заметки о методе описания структуры текста)	255
Н. Велюс. О структуре литовских этимологических сказаний	271
Г. К. Венедиктов. Забытый печатный труд И. Юшки	281
Наследие Куриловича и Станга (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров)	286

**БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Художник *Н.А. Седельников*
Редактор издательства *Н.Н. Барская*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*
Технический редактор *Т.М. Нагишкина*

ИБ № 18128

Подписано к печати 24.01.80
Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. печ.л. 18,3
Уч.-изд.л. 21,3. Тираж 1400 экз. Тип. зак. 693
Цена 3 р. 50 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90;
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

Зр. 50к.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ